

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2018. Том 52. Выпуск 2

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2018. Том 52. Выпуск 2

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2018. Volume 52. Issue 2

Association "Rus" (Chisinau, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Заместитель главного редактора

Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Михаил Губогло

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук (Россия)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Александр Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Волгоградский государственный университет (Россия)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Mikhail Guboglo

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Alexander Maiorov

St. Petersburg State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

Volgograd State University (Russia)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Editor's Address: Association "Rus". P.O. box 1041, Kishinev, MD 2028, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Association "Rus", 2005-2018

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	9
От редактора выпуска	13
IV ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ»	
<i>Суляк С.Г.</i>	
Вклад А.А. Кочубинского в изучение Карпатской и Карпато-Днестровской Руси	20
<i>Малинов А.В.</i>	
В.И. Ламанский vs Н.Г. Чернышевский: из истории забытой полемики	41
<i>Старикова Г.Н., Соколова Т.С.</i>	
«Ходил по рыбу обыденкой» (об одной группе наречий в славянских языках) ..	60
<i>Оглезнева Е.А.</i>	
Славянские анклавы в Китае: этническое и языковое сохранение	77
<i>Гороф'янюк І.В.</i>	
Народні назви рослин як фрагмент мовної картини світу русинів	89
<i>Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А.</i>	
Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур»	107
<i>Дронова Л.П.</i>	
Понятие «тоска / печаль» в русинском языке: историко-ареальные связи	118
<i>Садыкова И.В.</i>	
Дериваты праславянского корня *slu- (к вопросу о семантической эволюции)	126
<i>Тубалова И.В., Ван Х.</i>	
Соматический код в восточнославянских пословицах и частушках	141
<i>Толстик С.А.</i>	
Понятие «скромный» в истории русинского языка	161
<i>Вепрева И.Т., Пазио-Влазловская Д.</i>	
Что могут сообщить брачные объявления о современной женщине (на материале польского и русского языков)	177
<i>Филь Ю.В., Резанова З.И.</i>	
Dáme si pivko nebo čajíček? Жанровые и контекстуальные условия использования диминутивов в русском и чешском языках	193
<i>Саболова Д.</i>	
Новообразования на базе лексической единицы <i>майдан</i> в интернет-пространстве	207

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭТНОКОНТАКТНОЙ ЗОНЕ
(ШЕСТЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ И.А. АНЦУПОВА)»**

<i>Палиенко М.Г., Срибняк И.В.</i> Дмитрий Бантыш-Каменский (1788–1850): портрет историка в контексте эпохи	221
<i>Кокайсл П.</i> Трансформация этнической идентичности русинского меньшинства в Словакии	238
<i>Содоль В.А.</i> Взаимоотношения Московского и Бухарестского патриархатов во второй половине 1940-х гг. и возобновление деятельности подворья РПЦ в Бухаресте	258
<i>Малютина О.К.</i> Преемственность харьковских кадетских периодических изданий во время Первой буржуазно-демократической революции	273
<i>Shaيدurov V.N.</i> The German catholic community of Marienburg from the end of the 19th till the beginning of the 20th century: some aspects of the local history	288
<i>Трофимович В.В., Трофимович Л.В.</i> Питання Підкарпатської Русі у зовнішньополітичних розрахунках Польщі (жовтень 1938 – березень 1939 р.)	309
<i>Плішкова А.</i> Імплементація Європейської хартії регіональних або мінорітних мов у шкільській системі Русинів на Словаччині (2003–2014)	329
<i>Булгар С.С.</i> Участие гагаузов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и проблема их этнической идентификации	357

CONTENTS

Editor's page	9
Editorial	13
THE 4ND INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE "SLAVIC LANGUAGES: RESPONDING TO NEW CHALLENGES"	
<i>Sulyak S.G.</i>	
A.A. Kochubinskii's contribution to Carpathian and Carpathian-Dniestr Rus' studies	20
<i>Malinov A.V.</i>	
V.I. Lamansky vs N.G. Chernyshevsky: from the history of forgotten polemics ..	41
<i>Starikova G.N., Sokolova T.S.</i>	
"I Went fishing obydenkoy (within one day)" (on one group of adverbs in Slavic languages)	60
<i>Oglezneva E.A.</i>	
The Slavic enclaves in China: ethnic and language preservation	77
<i>Gorofyanyuk Inna</i>	
Folk names of plants as a fragment of the Rusin language picture of the world	89
<i>Rezanova Z.I., Nekrasova E.D., Miklashevsky A.A.</i>	
Investigation of psycho-linguistic and cognitive aspects of language contacting in the project "Linguistic and ethnocultural diversity of Southern Siberia in synchrony and diachrony: interaction of languages and cultures"	107
<i>Dronova L.P.</i>	
The concept " <i>melancholy / sadness</i> " in the Rusin language: historical and areal links	118
<i>Sadykova I.V.</i>	
Derivatives of the proto-slavic root *slu- (on semantic evolution)	126
<i>Tubalova I.V., Wang H.</i>	
Somatic code in east slavic proverbs and ditties	141
<i>Tolstik S.A.</i>	
The concept " <i>modest</i> " in the history of the Rusin language	161
<i>Vepeva I.T., Pazio-Wlazłowska D.</i>	
What dating site adverts can tell about a modern woman (on material of Polish and Russian languages)	177
<i>Fil Y.V., Rezanova Z.I.</i>	
Dáme si pivko nebo čajiček? Genre and contextual conditions of diminutives use in Russian and Czech languages	193
<i>Sabolova D.</i>	
Neologisms on the base of the lexical unit <i>maidan</i> in the Internet	207

**THE INTERNATIONAL RESEARCH CONFERENCE
«INTER-ETHNIC COOPERATION IN ETHNO-CONTACT ZONES
(THE SIXTH ANTSTUPOV READINGS)»**

<i>Paliienko M.G., Sribnyak I.V.</i>	
Dmitri Bantysh-Kamensky (1788–1850): a portrait of the historian within his era	221
<i>Kokaisl P.</i>	
Transformation of the ethnic identity of the Rusin minority in Slovakia	238
<i>Sodol' V.A.</i>	
The relationships of the Moscow and Bucharestian Patriarchates in the second half of the 1940s and the Resumption of the Russian Orthodox Church metochion activities in Bucharest	258
<i>Maliutina O.K.</i>	
The succession of Kharkiv cadet periodicals during the First Bourgeois Democratic Revolution	273
<i>Shaidurov V.N.</i>	
The German Catholic community of Marienburg from the end of the 19th till the beginning of the 20th century: some aspects of the local history	288
<i>Trofymovych V.V., Trofymovych L.V.</i>	
Questions about Subcarpathian Rus' in foreign policy calculations of Poland (October 1938 – March 1939)	309
<i>Plishkova A.</i>	
The implementation of the European Charter for Regional or Minority Languages in the educational system of Rusins in Slovakia (2003–2014)	329
<i>Bulgar S.S.</i>	
The Gagauzes in the Great Patriotic War of 1941–1945 and their ethnic identity	357

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

В № 2 журнала «Русин» за 2018 г. публикуются статьи, выполненные на материалах докладов, прозвучавших на IV Всероссийской научной конференции с международным участием «Славянские языки в условиях современных вызовов» (Томск, 11–12 мая 2018 г.) и прошедших процедуру рецензирования. Также в журнале размещены материалы Международной научно-практической конференции «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Шестые чтения памяти И.А. Анцупова)» (26–27 октября 2017 г., Тараклия, Республика Молдова), которые не вошли в предыдущий номер.

Недавно стало известно, что по итогам 2017 г. журнал «Русин» занял 11-е место среди исторических журналов Восточной Европы, индексируемых в БД «Scopus» и вернулся в Q1 (<https://www.scimagojr.com/journalrank.php?category=1202&area=1200&country=Eastern%20Europe&year=2017>).

Также «Русин» был включен еще в пять тематических категорий (научных областей). Теперь их шесть (<https://www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=21100199115&tip=sid&clean=0>):

Arts and Humanities (Искусство и гуманитарные науки)

History Q1 (*История Q1*)

Language and Linguistics Q2 (*Язык и лингвистика Q2*)

Literature and Literary Theory Q1 (*Литература и литературоведение Q1*)

Social Sciences (Социальные науки)

Anthropology Q3 (*Антропология Q3*)

Linguistics and Language Q2 (*Лингвистика и язык Q2*)

Sociology and Political Science Q3 (*Социология и политология Q3*)

Таким образом, по итогам 2017 г. журнал по двум категориям попал в Q1 (История, Литература и литературоведение), двум – в Q2 (Язык и лингвистика, Лингвистика и язык), двум – Q3 (Антропология, Социология и политология).

Неплохие результаты у журнала и в новом библиометрическом показателе в базе данных «Scopus» – CiteScore. CiteScore – это соотношение числа ссылок, полученных журналом в определенном году, к количеству статей данного журнала, опубликованных в предыдущие три года.

Категория	Рейтинг	Процентиль
ARTS AND HUMANITIES		
Literature and Literary Theory	65/658	90-й
History	320/983	66-й
Language and Linguistics	255/618	58-й
SOCIAL SCIENCES		
Linguistics and Language	288/671	57-й
Anthropology	184/313	40-й
Social Sciences	693/1028	32-й
Sociology and Political Science		

С.Г. Суляк,
главный редактор журнала

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL!

The second issue of *Rusin* in 2018 contains the articles that were peer-reviewed and selected among the presentations delivered at the Fourth All-Russian Conference with International Participation “Slavic Languages: Responding to New Challenges” (Tomsk, May 11–12, 2018) as well as materials presented at the International Conference “Inter-Ethnic Cooperation in Ethno-Contact Zones (The Sixth Antsupov Readings)” held on October 26–27, 2017, in G. Tsamblak Taraclia State University (Taraclia, Republic of Moldova), which were not included in the previous issue of *Rusin*.

It has become known recently that according to the 2017 results, *Rusin* has returned to Q1 and holds the eleventh position among the Eastern European historical journals indexed in Scopus ([https://www.scimagojr.com/journalrank.php?category=1202 & area=1200 & country=Eastern% 20Europe & year=2017](https://www.scimagojr.com/journalrank.php?category=1202&area=1200&country=Eastern%20Europe&year=2017)).

Rusin has also been included in five other thematic categories (research areas) to make six in total (<https://www.scimagojr.com/journalsearch.php?q=21100199115&tip=sid&clean=0>):

Arts and Humanities

History Q1

Language and Linguistics Q2

Literature and Literary Theory Q1

Social Sciences

Anthropology Q3

Linguistics and Language Q2

Sociology and Political Science Q3

Thus, according to the results of 2017, the journal has entered Q1 in two categories (History, Literature and Literary Studies), Q2 in two categories (Language and Linguistics, Linguistics and Language), Q3 in two categories (Anthropology, Sociology and Political Science).

Rusin has demonstrated quite good results in the new bibliometric indicator in *Scopus* – *CiteScore*, which shows the ratio of the number of links received by the journal in a certain year to the number of articles in this journal published in the previous three years.

Category	Rating	Percent
ARTS AND HUMANITIES		
Literature and Literary Theory	65/658	90th
History	320/983	66th
Language and Linguistics	255/618	58th
SOCIAL SCIENCES		
Linguistics and Language	288/671	57th
Anthropology	184/313	40th
Social Sciences	693/1028	32nd
Sociology and Political Science		

*S.G. Sulyak,
Editor-in-Chief*

ОТ РЕДАКТОРА ВЫПУСКА

В данном выпуске журнала «Русин» представлены статьи участников IV Международной научной конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов», учредителями которой являются Национальный исследовательский Томский государственный университет и редколлегия международного исторического журнала «Русин».

При формировании программы мероприятия организаторы стремились упрочить ее своеобразие в ряду проводимых в мире конференций с обозначением славянской тематики, созданное на предыдущих этапах. К чертам своеобразия мы относим: 1) фокусировку исследований на материале славянских языков с приоритетным положением проблем русинского языка; 2) междисциплинарность, мотивированную и общими тенденциями развития гуманитарных наук на современном этапе, и сотрудничеством с редколлекцией исторического журнала, ориентирующей лингвистов на поиск и описание исторических, социальных, культурных детерминаций анализируемых языковых процессов; 3) ориентированность исследований на методологическую интеграцию – рассмотрение материалов славянских языков сквозь призму разных лингвистических парадигм на основе применения как традиционных лингвистических описательных, полевых, компаративных методов, так и новых когнитивных, дискурсивных, корпусных, экспериментальных методов и приемов междисциплинарных исследований.

По сложившейся традиции, в журнале публикуются статьи участников всех секций прошедшей конференции. Открылась она работой секции «Русинская лингвокультура: компаративные исследования», приравненной к пленарному заседанию и посвященной проблемам русинского языка и разным аспектам его изучения. Статьи А.В. Малинова и С.Г. Суляка повествуют о восстановлении забытых страниц в исследованиях русинского языка и культуры, связанных с работой выдающихся славянских филологов В.И. Ламанского и А.А. Кочубинского. Характеризуя частные вопросы научной полемики В.И. Ламанского и Н.Г. Чернышевского, А.В. Малинов показывает, как Ламанский не только обосновывает историческую и культурную правомерность использования русинами русского литературного языка вместо украинского, но и приходит к формированию общетеоретической цивилизационной концепции «трех миров», в которой язык выступал

главной геополитической силой. С.Г. Суляк охарактеризовал вклад известного русского филолога и историка А.А. Кочубинского в изучение русинского населения Карпатской и Карпато-Днестровской Руси посредством восстановления этнографических границ бытования русинов и особенностей их говора.

К характеристике значимых культурных концептов русинской лингвокультуры обращаются в своих публикациях Л.П. Дронова и С.А. Толстик. На основе восстановления истории лексем, репрезентирующих в языке соответствующие концепты, С.А. Толстик приходит к выводу о времени становления концепта «скромный» в славянских языках, о влиянии западно-славянской культуры на формирование данного концепта в русинском языке. Л.П. Дронова на основе историко-ареального и этимологического анализа выявляет исконно славянские и заимствованные лексические репрезентанты концепта «тоска / печаль», что позволяет ей, с одной стороны, установить наиболее ранний этап формирования представлений об этой эмоции в сознании славян, с другой – сделать предположение о сохранении в русинском и украинском особенностей языка некой племенной группировки (праславянского диалектизма). В статье Н.В. Горофянюк восстанавливается система народных номинаций, через которую в русинском языке репрезентируется окружающий природный мир и моделируется фрагмент наивной картины мира русинов, передающийся из поколения в поколение.

Если в названных статьях славянские языковые и культурные связи предстают сквозь призму формирования концептов русинского языка, то в работах следующих авторов в фокусе исследовательского внимания находятся проблемы языков славянского ареала, в т. ч. и русинского. В статье Г.Н. Стариковой и Т.С. Соколовой рассматриваются общие и специфические характеристики морфологической и семантической деривации наречий, производных от наименований частей суток. В работе И.В. Садыковой характеризуются тенденции семантического развития лексем ЛСГ глаголов восприятия, дериваты праславянского корня *slu-, выявляются общие черты семантической деривации и направления этноязыковой специализации в славянском лингвокультурном ареале. Обращение к двум жанрам восточно-славянского фольклора – пословицам и частушкам – позволило И.В. Тубаловой и Ван Хуа выявить также аспекты сходства и различия в реализации соматического кода лингвокультур, обусловленные национально-культурными и дискурсивно-жанровыми условиями.

В конференции 2018 г. в спектр рассматриваемых проблем была включена проблематика языкового контактирования, обсуждались лингвистические, социокультурные, когнитивные, психолингвисти-

ческие аспекты контактов славянских языков и этносов. Данное направление исследований в журнале представлено двумя статьями, позволившими актуализировать существенное разнообразие проблем данной предметной области и подходов к их разрешению. В работе Е.А. Оглезневой анализируются политические, социокультурные, языковые аспекты «островного» существования славянских этнических групп в Китае в XX – начале XXI в., в среде генетически и типологически неродственного языка и в отрыве от основного славянского этноса. В статье коллектива авторов З.И. Резановой, Е.Д. Некрасовой и А.А. Миклашевского охарактеризована программа исследований языкового контактирования на основе фиксации языковых, психолингвистических и когнитивных рефлексов контакта языков в речевых практиках и языковом сознании билингва (проблема рассматривается на материале русско-тюркского контактирования).

Значительное число докладов на конференции было посвящено обсуждению результатов исследований, выполненных на методологической основе разных направлений современного дискурс-анализа, позволяющих соотнести взаимные детерминации активных политических, социальных процессов и языковой динамики, отраженной в речевых практиках. В данном выпуске журнала представлен ряд статей этого направления. Влияние культурных традиций, отразившееся в своеобразии функционально-семантической реализации общеславянских диминутивных словообразовательных моделей на примере спектра контекстов использования лексем *пивко*, *чаек*, *pivko*, *čajíček* в русском и чешском языках, проанализировано в статье Ю.В. Филь и З.И. Резановой. Яркий пример влияния общественно-политических процессов на языковые изменения охарактеризован в статье Д.Я. Саболовой, которая проанализировала, как события 2014 г. на Украине привели к актуализации лексики *майдан* в словацком языке, что отразилось в формировании деривационного гнезда слов, развитии полисемии у основного слова и его дериватов.

И, напротив, обращение к текстам отдельных жанров и дискурсов в ряде материалов позволило на основании языковых, дискурсивных данных выявить активные тенденции в культуре, политической жизни славянских этносов. Так, в статье, посвященной ответу на вопрос: «Что могут сообщить брачные объявления о современной женщине?» – И.Т. Вепрева и Д. Пазио-Влазловская делают обоснованный вывод, с одной стороны, об укорененности патриархальных основ славянской культуры и о закреплении в славянских культурах гендерной идентичности андрогинного типа, с другой – о различиях в направлениях модернизации гендерных установок польских и русских женщин.

Таким образом, материалы журнала могут быть интересны широкому кругу славистов, интересующихся как собственно лингвистической проблематикой, так и спектром проблем взаимообусловленности языковых и социальных, культурных процессов в обществе. Конференция объединила историков языка и исследователей, занимающихся выявлением синхронной динамики языковых и социо-культурных взаимодействий. Материалы, представленные в журнале, показывают, как анализ исторической динамики и ареальных языковых связей, базирующейся на привлечении широкого круга авторитетных лексикографических источников, может стать основой выявления значимых концептов культуры этноса, а дополнение эмпирической основы исследований корпусными данными позволяет выявить спектр модификаций концептов в актуальных социокультурных ситуациях. Большое значение имеет и введение в научный оборот новых эмпирических данных, полученных в полевых и экспериментальных исследованиях. Статьи, представленные в журнале, могут быть интересны и историкам науки, т.к. позволяют установить преемственность идей, высказанных выдающимися филологами XIX–XX вв., в новом контексте славянских культур и этносов.

*З.И. Резанова,
профессор, доктор филологических наук,
заведующая кафедрой славяно-русского языкознания
и классической филологии
Томского государственного университета*

EDITORIAL

This issue of *Rusin* contains the articles of the participants of the Fourth International Conference “Slavic Languages: Responding to New Challenges” held by the National Research Tomsk State University and the the Editorial Board of the International Historical Journal *Rusin*.

The Organizing Committee sought to strengthen the Conference identity in the series of world events with a Slavic theme by 1) concentrating on Slavic languages with the focus on the Rusin language; 2) interdisciplinarity, motivated by general tendencies in the development of the Humanities at the present stage, and cooperation with the editorial board of the historical journal, which guides linguists in the search for and description of historical, social, cultural determinations of the linguistic processes analyzed; 3) focusing on methodological integration, i.e. considering Slavic languages through the prism of different linguistic paradigms based on the use of both traditional linguistic descriptive, field, comparative methods as well as new cognitive, discursive, corpuscular, experimental methods and methods of interdisciplinary research.

According to the established tradition, the journal publishes the articles presented in all sections of the conference. The conference opened with the plenary session “Rusin Linguoculture: Comparative Studies” and was devoted to the problems of the Rusin language and various aspects of its study. The articles by A.B. Malinov and S.G. Sulyak discuss the forgotten studies of the Rusin language and culture by the outstanding Slavic philologists V.I. Lamansky and A.A. Kochubinskii. Dwelling on the specific issues of polemics between V.I. Lamansky and N.G. Chernyshevsky, A.V. Malinov shows how Lamansky not only substantiates the historical and cultural legitimacy of using the Russian literary language instead of the Ukrainian language by Rusins, but also comes to the formation of a general theoretical civilizational concept of the “three worlds”, with language as the main geopolitical force. S.G. Sulyak characterizes the contribution of the famous Russian philologist and historian A.A. Kochubinskii to the study of the Rusin population of the Carpathian and Carpathian-Dniester Rus through the restoration of the ethnographic boundaries of Rusins and the peculiarities of their dialect.

L.P. Dronova and S.A. Tolstik describe significant cultural concepts of Rusin linguoculture. Based on the restoration of the history of lexemes, representing the corresponding concepts in the language, S.A. Tolstik comes to the conclusion about the time when the concept “modest”

was formed in the Slavic languages and how the West Slavic culture influenced the formation of this concept in the Rusin language. On the basis of historical-areal and etymological analysis, L.P. Dronova reveals the primordially Slavic and borrowed lexical representatives of the “melancholy / sadness” concept, which allows, on the one hand, to establish the earliest stage in the formation of ideas about this emotion among the Slavs, and, on the other hand, to assume that the Rusin and Ukrainian languages preserved language features of a certain tribal grouping (Proto-Slavic dialectism). N.V. Gorofyanyuk reconstructs the system of people’s nominations used in the Rusin language to represent the surrounding natural world and model a fragment of the Rusins’ naive picture of the world transmitted from generation to generation.

While the above-described articles dwell on Slavic linguistic and cultural ties through the prism of the formation of the Rusin language concepts, the following authors focus on the problems of the Slavic language area, including Rusin. G.N. Starikova and T.S. Sokolova consider the general and specific characteristics of the morphological and semantic derivation of adverbs, derived from the names of parts of the day. I.V. Sadykova characterizes the trends of the semantic development of the lexemes of the lexico-semantic group of the verbs of perception, derivatives of the Proto-Slavic root *slu-, the common features of semantic derivation and direction of the ethno-linguistic specialization in the Slavic linguocultural area. I.V. Tubalova and Wang Hua use two genres of East Slavic folklore – proverbs and chastushkas – to reveal aspects of similarity and differences in the implementation of the somatic code of linguocultures, conditioned by national cultural and discursive-genre conditions.

The range of problems discussed at the conference in 2018 included the linguistic, sociocultural, cognitive, psycholinguistic aspects of contacts among Slavic languages and ethnoses. This line of research is represented by two articles, discussing a significant variety of problems and approaches to their solution. E.A. Oglezneva analyzes the political, socio-cultural, linguistic aspects of the “island” existence of Slavic ethnic groups in China in the twentieth and early twenty-first centuries, in a genetically and typologically unrelated language area and in isolation from the main Slavic ethnoses. Z.I. Rezanova, E.D. Nekrasova and A.A. Miklashevsky dwell on the program of research of language contacts based on fixation of linguistic, psycholinguistic and cognitive reflexes of the language contact in speech practices and linguistic consciousness of bilingualism (a case study of Russian-Turk contacts).

A significant number of reports at the conference were devoted to the discussion of studies carried out within various approaches to modern discourse analysis, which make it possible to correlate mutual determinations of active political, social processes and linguistic

dynamics reflected in speech practices. This issue of the journal contains a number of articles in this line. Yu.V. Fil and Z.I. Rezanova analyze the influence of cultural traditions, reflected in the functional-semantic implementation of the Slavonic diminutive word-building models in a range of contexts for the lexemes *pivko*, *chaek*, *pivko*, *čajiček* in the Russian and Czech languages. A vivid example of the influence of socio-political processes on language changes is described in the article by D.Ya. Sabolova, who analyzes how the events of 2014 in Ukraine led to the actualisation of the lexeme *maidan* in the Slovak language, which reflected in the formation of the derivational nest of words and the development of polysemy in the main word and its derivatives.

On the contrary, the appeal to the texts of certain genres and discourses in a number of articles identifies active trends in the culture and political life of the Slavic ethnos on the basis of linguistic and discursive data. So, in the article on what can marriage announcements tell about a modern woman, I.T. Vepreva and D. Pazio-Włazłowska make a justified conclusion about the rooted patriarchal foundations and consolidated gender identity of the androgynous type in Slavic culture on the one hand, while on the other, about different directions for the modernisation of the gender attitudes among Polish and Russian women.

Thus, this issue of the journal can be of interest to a wide circle of Slavists who are interested in linguistic issues as well as in the range of problems related to interdependence of linguistic, social and cultural processes in society. The conference brought together historians of language and researchers engaged in the identification of synchronous dynamics of linguistic and socio-cultural interactions. Their articles show how the analysis of historical dynamics and areal language links based on a wide range of lexicographic sources can become the basis for the identification of significant concepts of the ethnos culture, and the empirical basis of studies complemented with corpus data allows to identify a range of concept modifications in topical sociocultural situations. Of great importance is the introduction of new empirical data obtained in field and experimental studies into scientific circulation. This issues can be of interest to historians of philology, since it demonstrates the continuity of the ideas expressed by outstanding philologists of the 19th–20th centuries in the new context of Slavic cultures and ethnos.

*Head of the Organizing Committee,
Professor, Head of the General Slavonic-Russian Linguistics
and Classical Philology Department of Tomsk State University,
Member of the Rusin Editorial Board
Z.I. Rezanova*

УДК 94(436+47)“19”+811.16
UDC
DOI: 10.17223/18572685/52/3

ВКЛАД А.А. КОЧУБИНСКОГО В ИЗУЧЕНИЕ КАРПАТСКОЙ И КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОЙ РУСИ*

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

Известный русский славист, профессор Новороссийского университета, уроженец Бессарабии А.А. Кочубинский внес большой вклад в изучение Карпатской и Карпато-Днестровской Руси. Он описал этнографические границы русского (русинского) населения Австро-Венгрии и особенности его говора. Одним из первых в исторической науке он поднял вопрос о проживании в Трансильвании автохтонного русинского населения, которое было впоследствии ассимилировано венграми и валахами. Кочубинский сравнил историческую судьбу Дунайского Залесья с Залесьем Волжско-Окским, поставив перед русской наукой вопрос о необходимости изучения истории коренного русского (русинского) населения Трансильвании. Также в своих работах ученый поднял вопросы о русинском языке официальных документов Молдавского средневекового княжества, о постепенной ассимиляции молдавским населением Бессарабии русинов, указал ареал проживания последних. К сожалению, в настоящее время труды А. Кочубинского, посвященные истории Карпатской Руси и Карпато-Днестровских земель, русинскому населению этих территорий, до сих пор недостаточно изучены и большей частью забыты. Поэтому целью данной статьи является введение их в научный оборот.

Ключевые слова: Александр Кочубинский, русины, русские, малороссы, молдаване, волохи, топонимы, Карпатская Русь, Карпато-Днестровские земли, Трансильвания, Залесье, Молдавия, Молдова, Австрия, Венгрия, Румыния, Буковина, Бессарабия, Подкарпатье, Прикарпатье.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 17-01-00089-ОГН «Русины Карпато-Днестровских земель с XIV в. до 1918 г.».

A.A. KOCHUBINSKII'S CONTRIBUTION TO CARPATHIAN AND CARPATHIAN-DNIESTR RUS' STUDIES*

S.G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

The famous Russian Slavist, Professor of Novorossiysk University, a native of Bessarabia A.A. Kochubinskii made a great contribution to the study of the Carpathian and Carpathian-Dniester Rus'. He described the ethnographic boundaries of the Russian (Rusin) population of Austria-Hungary and the peculiarities of their dialect. He was among the first historians who raised the issue of autochthonous Rusin population in Transylvania, which was subsequently assimilated by the Hungarians and the Wallachians. Kochubinskii compared the historical destiny of the Danube Zalesye with the Volga-Oka Zalesye, posing the question on the need to study the history of the indigenous Russian (Rusin) population of Transylvania. He also raised questions about the Rusin language of the official documents of the Moldavian medieval principality, the gradual assimilation of the Rusins by the Moldovan population of Bessarabia and indicated the area of residence of the latter. Unfortunately, nowadays, the works by A. Kochubinskii dedicated to the history of the Carpathian Rus', Carpathian-Dniester lands and the Rusin population of these territories have not been sufficiently studied and mostly forgotten. Therefore, the purpose of this article is to introduce them into scientific circulation.

Keywords: Alexander Kochubinskii, Rusins, Russians, Little Russians, Moldavians, Wallachians, toponyms, Carpathian Rus', Carpathian-Dniester lands, Transylvania, Zalesye, Moldavia, Moldova, Austria, Hungary, Romania, Bukovina, Bessarabia, Podkarpatye, Subcarpathia.

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Grant Nr. 17-01-00089-ОГН "Rusins of the Carpatho-Dniestrian Lands (from the 14th century to 1918)".

Известный русский филолог и историк Александр Александрович Кочубинский (1845–1907), бессарабец, малоросс по происхождению, профессор Новороссийского университета, внес большой вклад в изучение Карпатской и Карпато-Днестровской Руси.

В автобиографии А. Кочубинский писал: «...родился в Кишиневе (Бессарабия) 22 октября 1845 года. Отец из местной семинарии, священник собора и законоучитель Александр Михайлович (†7 января 1866 г.) ребенком был выписан из Уманского уезда Киевской губернии в Кишинев

своим дядей, тогда основателем и первым ректором семинарии, архимандритом Иринеем Нестеровичем (позже злополучный епископ Иркутский)». Его мать Елена Лукинишна Пламенко (†23 января 1888 г.) из Николаева, дочь военного, была сиротой и воспитывалась в семье Козловых-Сухомлиновых. В 1847 г. отец получил назначение в Аккерман. В 1854 г. Александр поступил в уездное училище, уже умея читать и писать, где проучился три года. В 1857 г. поступил во второй класс гимназии при Ришельевском лицее в Одессе (в чисто дворянскую гимназию он, попович, был принят в виде исключения), закончив курс в 1863 г. с золотой медалью. С 1863 по 1867 г. учился на историко-филологическом факультете Императорского Московского университета (Маркевич 1890: 252–261). За сочинение «Сношение румын и южных славян с Россией при Петре Великом» получил степень кандидата. Его работу высоко оценил О.М. Бодянский (Лаптева 2005: 758).

Поскольку А. Кочубинский был казенным стипендиатом (после смерти отца его материальное положение резко ухудшилось), то был обязан отработать два года учителем. Сначала он был определен учителем русской словесности во Владимирскую губернскую классическую гимназию. В 1868 г. перевелся в Одесскую вторую гимназию, а также начал преподавать и в Ришельевской гимназии. Будучи членом Славянского благотворительного комитета в Москве, он стал одним из организаторов его в Одессе в 1869 г. (Лаптева 2005: 759).

В 1869 г. с помощью попечителя Одесского учебного округа С.П. Голубцова А. Кочубинский был командирован в Австрию и Пруссию, где смог познакомиться с преподаванием немецкого языка и словесности, а также собрать славянские книги и материалы в славянских землях этих стран. В 1871 г. сдал магистерский экзамен и по представлению В.И. Григоровича был избран исполняющим должность доцента по кафедре славянской филологии в Новороссийском университете. В 1872 г. он снова был командирован за границу для подготовки диссертации. В 1873 г. защитил диссертацию на степень магистра «Братья-подобой и чешские католики XVII в.» и был утвержден штатным доцентом кафедры славянской филологии (Маркевич 1890: 261; Лаптева 2005: 759).

В 1874–1876 гг. А. Кочубинский снова путешествовал по славянским землям Австро-Венгрии. Из-за границы он высылал содержательные отчеты, которые печатались в «Записках Императорского Новороссийского университета». Особый интерес ученого вызвал «край Прикарпатский, или Трансильвания, Залесье Дунайское» – «престарое гнездо славян» (Кочубинский 1895: 95). По возвращении из-за границы он защитил в 1877 г. докторскую диссертацию «К вопросу о взаимных отношениях славян, наречий» в Императорском университете святого Владимира (Киев), после чего был избран экстраординарным, а затем ординарным профессором кафедры славянской филологии Новороссийского университета (Маркевич 1890: 262). Он занимал кафедру 30 лет, затем был заслуженным ординарным профессором и воспитал немало студентов, ставших со временем известными учеными. В их числе В.Н. Мочульский, М.Г. Попруженко, С.М. Кульбакин, Е.Ф. Будде и др. (Лаптева 2005: 786). А. Кочубинский скончался 13 (26) мая 1907 г. и был похоронен в Одессе. На надгробном памятнике вырезана составленная им эпитафия: «Бедный аккерманский мальчик, действительный статский советник Александр Александрович Кочубинский» (Калякина 2011: 240).

Во время командировки за границу в 1874–1876 гг. перед А. Кочубинским стояла задача познакомиться с польским языком Галиции, а также с чешским, хорутанским, хорватско-сербским и болгарским, «с наречиями, мало обращавшими доселе внимание науки»: со словацким и его отношением «к русским говорам в Северной Венгрии и Восточной Галиции, с наречием македонских болгар». Интерес вызывало и «историческое изучение славянских языков в связи с историей их литератур». Уделялось внимание изучению румынского языка «как могущего объяснить во многом историю славянских языков, и, в частности, русского, в связи со славянскими памятниками в Молдавии и Валахии» (РГИА: 1)

В своей «Записке о путешествии по славянским землям» А. Кочубинский, излагая план путешествия и его программу, писал, что считал бы удобным начать его с Галиции. Причем особый интерес для исследователя представляли Восточная Галиция и Львов – «сосредоточие ученой и литературной деятельности русских и польских галичан». Исследователя интересовали «положение русского наречия в старину и наше время», то, «как далеко шла малороссийская речь на западе в старое время», этнографическая граница малороссов и поляков в старину и ее изменение. Такие же вопросы он собирался изучить и на юго-восточной границе русинов – Буковине (А. Кочубинский называл русинов малороссами. Официально русинов причисляли к малороссам, хотя это и признавалось неправильным¹), где они соседствовали с румынами (молдаванами). Среди поставленных вопросов был и следующий: жил ли здесь русский элемент до прихода румынского? (Кочубинский 1874: 27).

Он подчеркнул в «Записке», что «русские по сю и по ту сторону Горбов (Карпат) суть автохтоны страны: история не знает о их приходе сюда, но знает, что уже очень рано отсюда выходили народы – сербы, хорваты в VII веке, ранние предания чешские выводят также свой народ из-за Горбов; здесь искони имя «русский» было словом домашним; здесь уже первая славянская церковь содействовала просвещению русского народа» (подробнее о начале христианизации русинов см.: Суляк 2015). По мнению ученого, «язык карпатских русских, этой старейшей исторической ветви русского народа, столь же древний, как и русский человек в Карпатах, его история и современное состояние могут объяснить немало как в жизни западных славянских языков, так в судьбе русских наречий на востоке» (Кочубинский 1874: 27–29).

Говоря о румынском языке, исследователь отметил его значение «в области славистики в отношениях лингвистическом и историко-литературном: своей славянской частью румынский язык предлагает интересный материал как для общеславянского, так и для русского лингвиста; много любопытных, но пока неразрешенных вопросов ставит история самого народа – начало славянской церкви среди румын и ее продолжительное существование, распространение славянской грамоты, языка, письменности» (Кочубинский 1874: 30). Ученый считал, что молдаване «вышли из Юго-Восточных Карпат, из Мармароша, где они и поныне живут смешанно с русскими», и «естественно искать источник славянского элемента языка молдавских румын в русском наречии Буковины и Северной Венгрии, чем выводить его из-за Дуная» (Кочубинский 1874: 31). Он подчеркивал, что «Южная Буковина и Верхняя Молдавия – зерно, из которого выросло молдавское господарство», и «выходцы из русской Венгрии,

молдавские румыны, естественно, по старой памяти употребляли церковнославянский язык в церкви, русский в деловых бумагах». В свою очередь, «священники, монахи из Галиции, Малороссии усиливали и поддерживали долго русско-славянский элемент среди молдаван – до конца прошлого столетия» (Кочубинский 1874: 37–38). Обратил он также внимание, что в старопечатных богослужебных книгах XVII–XVIII вв. на молдавском или при переводе на молдавский язык, «в которых чин служб на славянском языке, указания же священнослужителям, отдельные замечания, употребительнейшие молитвы на молдавском или с переводом на молдавский, мы легко заметим, что в основу славянского текста положена старая русская редакция» (Кочубинский 1874: 38–39).

Планировал ученый и посещение Северной Венгрии, где жили словаки и русские. Русские (русины, руснаки, orosz), как указывал А. Кочубинский в «Записках», «непосредственно продолжая поселения словаков по южному склону Карпат, и занимают комитаты: Szepes, Sáros, Zemplén, Ungvár, Bereg, Ugocsa, Mármáros. В первых трех русские живут смешано со словаками, в Мармароше с валахами. Численность русинов колеблется между 15 % на западе и 60 % на востоке» (Кочубинский 1874: 34).

Исследователь обратил внимание на то, что, хотя словаки принадлежат к западной части славянства, а русины – к восточной, «в комитатах Сепешском, Шарошском, Земпленском и Унгварском речь одних неуволимо переливается в речь других, система звуковая, формальные особенности поразительно сближают это западное наречие с русским языком» (Кочубинский 1874: 35).

В четырех отчетах о командировке 1874–1876 гг. А. Кочубинский описал свое изучение славянских рукописей и книг, дал характеристику ряда славянских языков Австро-Венгрии и этнографических областей расселения славянских этносов (Кочубинский 1876а; Кочубинский 1876b; Кочубинский 1876с; Кочубинский 1877). В первом отчете он рассказывает об изучении рукописей из личной библиотеки А.С. Петрушевича², найденных в разное время и в разных местах русской Галиции (Кочубинский 1876b: 193), «отчасти из капитульной митрополичьей библиотеки» (Кочубинский 1876а: 211), «кирилловского архива ратуши», городского архива, собрания в монастыре Св. Онуфрия и Ставропигиального института (Кочубинский 1876а: 212), немногочисленных написанных на кириллице рукописей Национального института им. Оссолинских³ (Кочубинский 1876а: 214). «Просмотрев, таким образом, все, что можно просмотреть из рукописного наследия старой Галичины, отметив из этого небогатого наследия более или менее все, что представляло интерес для исторического

языка», ученый совершил поездку к бойкам, проживавшим в центре Галиции. Затем отправился в Прагу, где продолжил начатое – изучал «карпаторусскую речь в старину», польский язык в Карпатах, взаимоотношения двух языков в Галиции, а затем приступил к ознакомлению со старочешским языком (Кочубинский 1876а: 219).

Изучая литературные памятники XIV – первой половины XV в., А. Кочубинский проанализировал изменения в русинском языке (автор пишет: малорусском) (Кочубинский 1876а: 221) и пришел к выводу, что «малорусское (т. е. русинское. – С.С.) наречие к XV веку формируется в том виде, в каком его знает наше время, т. е. образуется строго определенная лингвистическая особь русского языка на юге» (Кочубинский 1876а: 226). Ученый также узнал о современном состоянии «прикарпатской ветви малорусского языка, заметно отличающейся от остальных членов своей семьи». Исследователь пишет, что «у русинов прикарпатских как жителей гористой местности особенно много наречий, говоров: каждая околица имеет свой говор». Карпаторусская речь, по его мнению, распадается, главным образом, на три наречия. Первое – лемков (на крайнем западе), получивших название от часто произносимого ими в разговорной речи слова *лем* (по-русски *только, лишь*). Так их называют соседи, сами же себя они называют руснаками. Лемки находятся под сильным влиянием поляков с севера и словаков с юго-запада. Второе прикарпатское наречие – бойков, жителей Самборского и Стрыйского округов. Имя *бойки* тоже дано соседями, а среди самих бойков оно имеет оскорбительное значение. Далее на востоке, в округах Коломыйском и Черновицком, живут «гуцулы, русские горцы, характером своим резко отличавшиеся от бойков, но не языком». По словам А. Кочубинского, бойк робок, неразвязан, в своей длинной рубаше и коротких «холошнях», трудолюбив. Гуцул же смел, отважен, как сербский юнак, любит песни и ленив (Кочубинский 1876а: 227–228).

Эта разница ярко выражена в народной песни:

Гуцуле, гуцуленко,
Де вы бойка діли?
Чи сварыли, чи спеклы,
Чи сырого сылы?
Не сварылы, не спеклы;
Не сырого сылы:
Пійшов бойко в полоныну,
Да го вовки сылы.

В языке же бойков и гуцулов много общих черт. Поэтому А. Кочубинский эти два наречия объединяет в одно (Кочубинский 1876а: 228–229).

Третье галицкое наречие – поднестровское (низовое), которое сходно более или менее с волынско-подольским наречием и является его продолжением (Кочубинский 1876а: 229).

Для Кочубинского интерес представляло изучение бойковско-гуцульского наречия как более чистого из всех (учитывая ограниченные возможности его как иностранца). Познакомившись со священником с. Завадки Калушского повета Михаилом Ничаем, он из Львова поехал в это село, которое находилось почти на этнографической бойковско-гуцульской границе. А. Кочубинскому удалось посетить и окрестные населенные пункты (Чертеж, Мостище, Калуш, Малые Дедушичи). Живая речь, по признанию ученого, расширила его книжные сведения (Кочубинский 1876а: 229–230).

Говоря о лемках, А. Кочубинский называл их «туземными обитателями Бескид». Он полагал, что они, скорее всего, – «этнографический остаток от прадавних русских обитателей этой равнины» (Кочубинский 1876а: 247). Исследователь предположил, что до XVIII в. «масса русского народа, входившего в состав Перемышльской епархии, жила далеко на западе от своей нынешней границы» (Кочубинский 1876а: 249). Говоря о языке краковских мазуров, ученый находит в нем русское влияние – свидетельство того, что «в жилах значительной части мазуров Западной Галиции течет русская кровь» (Кочубинский 1876а: 254).

В третьем отчете ученый рассказывает об изучении им словацкого и русинского языков Северной Венгрии. Он отметил, что «малоросс Северной Венгрии называет себя “русняком”», во множественном числе – «русские люди». Страну свою они называют, как и лемки в Галиции, русской («мы из русской земли»), веру, хотя официально и униатскую, – «русского набоженства». Он полагал, что в сохранении русинской идентичности большую роль сыграла униатская церковь. Обратил внимание и на то, что, хотя русины официально считаются униатами, они таковыми себя не признают и такого слова не знают. Себя и других православных они отделяют от «папиштаков». В их церкви весь чин службы – строго православный, и крестятся русины по-старому (Кочубинский 1876с: 122).

После Венского конгресса правительство стало сближать униатство с католицизмом, заставило священнослужителей – от епископов до священников – сбривать бороды. Бороды не сбрили только монахи ордена св. Василия. Язык церкви до недавнего времени оставался русским (Кочубинский 1876с: 123).

Речь русинов, живущих на востоке русинского ареала Венгрии, территории, примыкающей к Галичине, не отличается от языка их соседей из Галиции – бойков и гуцулов, а живущих западнее (Спиш, Шариш,

отчасти Земплин) имеет свои особенности. Главная – произношение *ы*. В этом *ы* ясно слышатся обе составные части доегласного: краткое *и+і*, вследствие чего выговор получает резкий гортанный характер с ударением на *і* (сын – сѣин, быть – бѣити и т. д.) (Кочубинский 1876с: 125).

Работая в 1875 г. в Национальном музее Будапешта, А. Кочубинский обнаружил рукопись, названную «*Cantilenae sive specimina linguae Ruthenicae et Valachicae in Transylvania*» (Saec. XIX. 25 p. in 4, № 1). При ее беглом осмотре исследователю показалось, что в ней нет ничего русского, кроме названия одного из сел. Язык ее был тем же, что и в памятниках, изданных в 1856 г. Ф. Миклошичем по рукописи 1830 г. в исследовании «Язык болгар в Семиградии» («*Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen*» // DAWW 8. 1856. S. 105–146), т. е. языком трансильванских славян, ассимилированных румынами, как пишет автор, «почти на наших глазах». Рукопись была написана в 1803 г. на немецком языке по поручению австрийского историка Иосифа-Карла Эдера⁴ (Кочубинский 1876с: 126–127). Эдер, изучая этнографию и желая получить образцы речи славян, живших в четырех селах Трансильвании (Reuszdörf, Bongard, Kiss Csergöd, Nady Csergöd), поручил записать евангелическому пастору в Малом Чепреде Н. Матиашу несколько церковных молитв, что он и сделал в 1803 г. Из 11 статей рукописи 7 известны по трудам Ф. Миклошича, 4 – новые. Они древнее текстов, приводимых Ф. Миклошичем, либо поправляют и дополняют его тексты, либо предлагают новые варианты текста и языка, что заслуживает внимания (Кочубинский 1876с: 128). Впоследствии Ф. Миклошич, изучив язык жителей этих сел, отказался от своего мнения и посчитал его остатком языка дакийских славян (Кочубинский 1876с: 130).

Позже А. Кочубинский пришел к выводу, что язык песнопений славянских жителей – «рутенгов» лютеранского исповедания «четырех загадочных сел Южной Трансильвании», обнаруженных им в Будапештском музее, – русский. Это единственный оригинальный и первый по времени более значительный памятник языка (Кочубинский 1881: 180).

«Теперь “русских людѣй” в Венгрии немного – несколько более полумиллиона: в Пряшевской епархии, по Схематизму 1837 г., – 169 991, 1870 г. – 154 626; в Мукачевской, по Схематизму 1839 г., – 452 788, 1847 г. – почти столько же; но из последней епархии надо исключить тысяч сто валахов, которые отошли во вновь образованную Сатмарскую униатскую епископию, да прибавить тысяч десять русских из валашской униатской епархии Велико-Варадинской... Едва ли можно полагать, что если теперь около полмиллиона, то в старину русских

было много меньше в Венгрии, что прирост был механический – шел из Галиции» (Кочубинский 1881: 188–189).

Ученый обратил внимание на резкое уменьшение количества униатов (т. е. русинов) в Пряшевской епархии: в течение 30 лет (с 1841 по 1870 г.) – на 12,2 %. Причем большее сокращение произошло на равнинной местности (в Землинском комитате – на 20,9 %) (Кочубинский 1881: 189).

Касаясь проблемы венгров-униатов, ученый указал, что это «омадьярившиеся русские, мадьярившиеся незаметно веками» (Кочубинский 1881: 192). Говоря о «дерусизации бассейна Средней Тисы и Шайо», А. Кочубинский писал, что «денационализационное движение шло с юга, движение русских было отступательное, а не наступательное». Если на юге и юго-западе шла мадьяризация русинов, то на юго-востоке – румынизация (Кочубинский 1881: 192–193).

Исследователь перечислил села и города, входившие в состав Велико-Варадинской валашской униатской епархии, где сохранилось русское (русинское) население: город Varad-Olaszi (514 русских, по В. Варадинскому схематизму 1854 г.), в 12 его филиях – 97 (одна из них – Beregh-Böszörmény, где всего пять русских, но форма *Берег* явно русского языка), Bihar – 5 русских (о русском приходе здесь упоминает епископ de Camelis⁵); села Kakad (приход с 1730 г.), Nagy-léta (приход с 1752 г.), Atsád (приход с 1740 г.) – во всех трех селах есть церкви во имя Благовещения; город Nagy-Karoly – «pro parte Ruthenorum» (приход с 1746 г.). Немало сел уже чисто румынских имеют названия *orosz* (русский): Kis-Oroszi, Orosz-háza, Orosz-lános, Orosz-falu, а также Cserepes, Cseres-Temes, Zsidovin (Жидовин), Csernegy-háza (Чернедь-Хаза), Cserno-háza и др. (Кочубинский 1881: 193). К сожалению, политизированная венгерская наука, вопреки очевидным фактам, считает русское население Венгрии (русинов) «пришельцами» (Кочубинский 1881: 194).

В статье «О русском племени в Дунайском Залесье» (доклад на VII Археологическом съезде в Ярославле) А. Кочубинский проводит параллели между финно-славянским Залесьем Верхней Волги, где русские славяне ассимилировали финно-угорские племена, и Дунайским Залесьем (Средний Дунай, Трансильвания, Семиградия), где русский элемент выступил «в пассивной роли поглощенных нами финнов Волжского Залесья». Название *Трансильвания* произошло от канцелярского латинского языка средневековой Венгрии, его перевод на венгерский – Erdély (*Эрдели* – по ту сторону леса, залесье), под влиянием венгров румыны называли Трансильванию Ардял, русское же название *Семиградия* – «рабский перевод немецкого Siebenbürgen», которое местные немцы образовали от названия

главного города Трансильвании – Германштадта (Hermannstadt) – Сибина (по-румынски – Sibiu): Siebenbürgen. Валахи (румыны), а скорее всего, романизированные славяне, как считал А. Кочубинский, составляют большую часть населения Дунайского Залесья (Кочубинский 1891: 10).

Валах доминирует в жизни страны, славянин – в ее топонимике, указал ученый, приведя примеры.

Орографы: Бык – вершина на северо-востоке; Быстричора – откуда вытекает река Быстрица; Волкан (на юге), Вуран – Верх (или, как обыкновенно произносят валахи, – Верф); Дед – у мадьяр *Det-hegy*, где *hegy* значит *хребет, гора*; Дел (у валахов *dealu*, *e = ea*); Обрина (ср. в старослав. яз. *обр* – *gigas*, в чешском – *ob, obrovský* – *чудовище, чудовищных размеров*); Прислоп (Priszlop); Русска, т. е. гора (Ruszka у мадьяр, Russberg у немцев) на юго-западе, откуда начинается Черна, приток Мароша; Стол (у мадьяр *Astalko*, от *astal* из слав. *стол*) (Кочубинский 1891: 11).

Гидронимы: Быстрица, главный приток Самоша; Думбрава, приток Дуная; Злата, небольшой горный поток слева в Мароше; Красна, приток Самоша наверху; Лопушник, приток Мароша; Поток; Топлица в различных местах страны; Чорна, горный приток Мароша и приток Дуная (Кочубинский 1891: 12).

Такая же ситуация и с названиями **населенных пунктов**. Эти топонимы либо звучат чисто по-славянски, либо под венгерской и румынской формой легко узнается славянская, либо дается просто перевод со славянского. Например: Domb (рум. Dimba), Dombro (рум. Dumbrava), Golumba, Galumbfalva, Gombacz, Glimboka, Glimboka, Gerend, Lunka, Deva, Pestere, Strazsa, Ternavizca, Cserna и т. д.; города Fejérvár Dobra – перевод славянского Белград, у немцев – Karlsburg; Vaszarhely (у валахов Гредиште и Градиште); Карникбана; Kolosvár, Krasna и т. д. Гредиште (Vaszarhely) старше залесского Белграда, находится в глубине страны, на Мароше. Немецкие города Трансильвании: Bistritz на севере и Reussmarkt на юге между Германштадтом и Белградом. Reussmarkt иногда пишется как Reissmarkt, Russmarkt, а в старину – Forum Ruthenorum, т. е. Русский торг, Торжок (Кочубинский 1891: 13–14).

Названия двух комитатов – один на границе с Трансильванией, другой в ней – происходят от заимствованного у славян слова *сольник* (место добычи соли, соляная россыпь), по-венгерски *szolnok*: Szolnok, Belső-Szolnok. Славянское происхождение имеют и многочисленные названия *Акна* (у венгров), *Окна* (у румын). Эти названия носят два города и шесть поселений и упоминаются в грамотах с XII–XIII вв. (Кочубинский 1891: 15).

Akna – мина, подкоп, яма в земле, отсюда *aknász* – сапер, *só-akna* – соляная копь. *Okna* (Оспнѣ) у румын означает соляная копь, россыпь. Эти слова имеют один источник – славянское *окно*, производная, по мнению А. Кочубинского, форма от *око* с суффиксом *-н*, с общим значением *дыры, отверстия, ямы* в чем-либо, потом со значением более узким – *дыры в земле, где разрабатывается соль, соляные копи* (Кочубинский 1891: 16).

Чаще, чем *Окна*, в Трансильвании встречаются названия рудокопных населенных пунктов: у венгров – *Banya*, у румын – *Baja*. Заимствованное слово, по убеждению А. Кочубинского, славянского происхождения, пришедшее к славянам из кельтского языка. Связано с русским словом *баня* – место для мытья. У словаков, чехов и русских в Карпатах в данном значении – место для промывки нечистой руды, снабженное каким-то нехитрым деревянным приспособлением (Кочубинский 1891: 19). Исследователь отметил большое количество слов славянского происхождения в венгерском языке, относящихся к обработке металла: *kaloda* (клада), *kelepelő* (клепач), *kopál* (копать), *lapát* (лопата) и т. д.; к названиям орудий труда в домашнем обиходе: *kulcs* (ключ), *patko* (подкова), *kasza* (коса), *katlan* (котел), *korsó* (кружка); к вооружению и т. д. (Кочубинский 1891: 20).

В средневековых регистрах и грамотах Трансильвании встречается много слов славянского происхождения: топонимов, антропонимов, названий должностей (например, *князь, воевода*) и др. (Кочубинский 1891: 25–42).

Чешский историк Й. Пич в своей статье «Die dacischen Slaven und Csergreder Bulgaren» (1888), на которую ссылался Кочубинский, писал, что Трансильвания во время болгарского периода, если не раньше, была населена главным образом племенем русским. В ней он приводит карту топонимов (см. с. 32) с корнем *рус-* в Трансильвании (Pič, Amlacher 1888: 253). А. Кочубинский перечисляет 25 названий населенных пунктов с корнем *рус-*, 27 – названий гор и 2 – рек (Кочубинский 1891: 64–65).

Населенные пункты со словом *русский*:

Ruszka, Reusmarkt, Reussdörfel, Rusz, Oroszfalu, Rustilor, Rossia, Rusesti (2 паза), Ruszesti, Rosieri, Oroszi, Reussdorf, Oroszhegy, Also-Oroszi, Rossia, Ros-tosi, Rustioru, Orosz-Idecs, Rusu-munti, Russ-flore, Rusu, Ruszkeg, Borgo-Rusz, Ros.

Горы, возвышенности со словом *русский*:

Ruszkica, Stina Rosca, Rossiile, la Rusieli, Rusului, Rosz-eszlana, Rusei, Rustilor, Ruscui, Ruscuiului, Mora Rusesti, Rusu, Orosz-hegy, Rosiani (2 паза), Rusinosa (2 паза), Rusino, Ros-tele, Rusiloru, Orosz-bükk, Ruziloru, Rusci, la Ruseni, Rusilor, piatra Rossi, plaiu Russului.

Речки со словом русский:

Russbach, fontina Roschi.

«Крошечное славянское население Трансильвании, в начале XIX века почти расплывавшееся уже в валашской стихии, всего до 200 душ, еле говорившее по-славянски, но в языке которого повторялся язык топонимии страны, еще в половине XVI столетия составляло из себя целое православное племя, отдельную этнографическую особь, близкую внешними особенностями своего быта к валахам, но в то же время заметно отличную от них», – констатирует ученый. А. Кочубинский поставил вопрос о дальнейшем изучении истории русского населения Трансильвании: «Но нам скажут: при чем же здесь интерес науки *русской* истории, интерес *русской* культуры? Придунайское Залесье – старая земля погасших славян, но не земля же русского народа... В том-то и высший интерес для людей русской истории, что земля та была именно *русскою* землею, что ее славянские обитатели были именно *русские*. И, сходя с лица земли, те последние двести славянских душ, которыми так глубоко был заинтересован Эдер, что заказал записать у них несколько церковных песен (церковных потому, что в домашнем обиходе утверждался уже румынский) – да останется хотя в науке след их земного существования, называли себя не иначе, как *русскими*, не иначе называли их и соседи: мадьяре – *Orosz*, валахи – *Rusu*, немцы – *Reussen*» (Кочубинский 1891: 57–58).

Своим докладом, как писал А. Кочубинский в заключении, он хотел «обратить внимание русских историков на забытую русскою наукою русскую стихию – в далеком Придунайском Залесье, в надежде, что совокупными трудами историков и филологов вопрос об имени “русский”, о начальном происхождении имени Русской земли и самого народа получит более естественное разрешение, чем какое дается этому вопросу обыкновенно» (Кочубинский 1891: 66).

В ряде статей А. Кочубинский поднимает тему Молдавской Руси⁶. Говоря об официальном языке Молдавского княжества, он писал, что в Бессарабии сохранилось немало молдавских грамот XV–XVII вв. о пожалованиях вотчин, «их так называемый славянский язык насквозь пронизан малорусскими элементами; может быть, даже иногда указан элемент гуцульский, т. е. восточногалицкий» (Кочубинский 1903: 396). Исследуя лапидарные надписи XV в. в Белгородской крепости, он пришел к выводу, что славянская надпись 1438 г. имеет «правописание болгаро-русско-румынское (волошское. – С.С.)», «язык славянский, русского характера, но с окраской кое-где местной, румынской (волошской. – С.С.)». В греческой 1440 г. – в имени строителя Белгородской крепостной стены Федорка, увенчавшего через два года постройку «великих врат», видел выходца из Галичины, в славян-

ской 1482 г. – «язык того же характера, что и в славянских грамотах XV–XVI в. – славяно-русский» (Кочубинский 1889: 520, 531–532, 540).

А. Кочубинский считал, что политическое и духовное рождение молдаван «свершилось при воздействии гения русского народа» (Кочубинский 1889: 508). Ученый отмечал, что нынешний «литературный румынский язык, т. е. употребляющийся по ту сторону Прута, в королевстве, это порождение национального шовинизма и политического фанатизма, дело последнего полувека, местных политиков после Парижского трактата 1856 года, положившего начало объединению господарств Молдавии и Валахии». Была объявлена «чистка народного языка от всего славянского, т. е. от его векового культурного элемента, с которым он так сжился, так сросся плотью». Но, несмотря на это, в румынском языке, по подсчетам румынского лексикографа Чихака, в его «*Dictionnaire d'etymologie daco-roman...*» (Francfurt s. M. 1879) латинский элемент румынского языка представляет всего лишь 1/5 часть его словарного запаса, тогда как славянский – больше 2/5 (Кочубинский 1903: 401–402; Кочубинский 2009: 171–172).

А. Кочубинский отмечал, что молдаване населяют центральную часть Бессарабии, частично – северную. Регион их проживания охватывает все побережье Прута вплоть до Новоселиц или австрийской границы в Буковине, куда он, в свою очередь, и переходит. В то же время северная часть бассейна Днестра – от австрийской границы или от с. Баламутовки у впадения пограничного Черного потока в Днестр и почти до города Сорок – «задержалась во владении старейшего этнографического элемента Бессарабии – русского (“русины”, “руснаки”), того же, который заселяет в непосредственном соседстве северную половину австрийской Буковины» (Кочубинский 1903: 394–395; Кочубинский 2009: 166).

Ученый указывал на ассимиляцию русинов молдаванами, на «поступательное колонизационное движение молдаван, именно – от Прута к Днестру, а не наоборот. Активный элемент – молдавский, пассивный, уступающий – русский (мало-). То же этнографическое явление давно отмечено в соседней Буковине». «Второй, или русский этнографический пояс сбит или скомкан в настоящую минуту на небольшом пространстве севера Бессарабии, у правого берега Днестра», – констатировал исследователь. Он также отметил, что до самовольного захвата Австрией части Молдавского княжества – Буковины в 1775 г. она и Хотинский уезд Бессарабии представляли собой единое целое – «русский край господарства Молдавии» (Кочубинский 1903: 395; Кочубинский 2009: 166–167).

В сохранившихся господарских грамотах XV–XVII вв. на села у Среднего Днестра в пределах нынешней молдавской этнографиче-

ской территории названия этих сел или урочищ около них – русинские (подробнее о русинских топонимах средневековой Молдавии см.: Суляк 2018). Малорусские (русинские) названия говорят о этническом составе самих обитателей этих мест, считал ученый. Постепенно это население было румынизировано. «Иными словами, – заключает А. Кочубинский, – известная часть нынешних молдаван Средней Бессарабии – это романизированные малороссы». Причем «это явление в исторических судьбах Бессарабии не стоит изолированным в общей истории формации румын в крупную, на глазах людских образовавшуюся этнографическую особь». «То же явление – развитие, усиление на счет иных народов, прежде всего, на счет славян, имело место, но в разные времена, на всем громадном пространстве, которое в настоящую минуту образует этнографическую территорию румын: и на Среднем Дунае, и на Нижнем, на Тисе, Бодроге, в Трансильвании и Буковине. Можно сказать более – не только имело место, но имеет и сейчас. Трансильвания теперь, за исключением немецких с XIII века колонистов и секлеров, сплошь румынская; но еще в начале XIX века ее этнографическая картина была несколько иная: внутри страны еще только вымирали, но не умерли последние представители ее былого автохтонного населения – славяне, и именно русские, но с особенным, отличным от нашего языком, а за три с половиной века перед тем, в первой половине XVI столетия, эти вымиравшие славяне представляли из себя еще заметную этнографическую особь – племя, народ» (Кочубинский 1903: 396–397; Кочубинский 2009: 167–168).

Причем А. Кочубинский не мог объяснить причины подобного явления: «...менее всего, конечно, можно здесь думать о превосходстве культуры. Ссылаются обыкновенно на тугость, неспособность молдавана к усвоению чужого языка. Но едва ли эта ссылка основательна» (Кочубинский 1903: 398; Кочубинский 2009: 168–169).

В настоящее время население Бессарабии более чем на половину молдавское. «Русский элемент представлен в ее двух концах: на севере – автохтонным, русинским, на юге, в Буджаке – пришлым, велико- и малорусским, от недавнего времени», – констатирует исследователь (Кочубинский 1903: 399; Кочубинский 2009: 169).

А. Кочубинский был одним из первых русских славистов, поднявших вопрос об автохтонном проживании русского (русинского) населения в Карпатском регионе (в том числе и в Трансильвании), определив ареал его расселения и показав русское (русинское) влияние на язык и культуру Молдавского княжества.

И.П. Филевич, первым в России защитивший диссертацию по истории Карпатской Руси, писал о значении работ А. Кочубинского для изучения истории славян Трансильвании: «В 80-х же годах (имеется

в виду XIX в. – С.С.) вопрос этот дополняется новыми данными, отчасти благодаря новым открытиям, отчасти благодаря естественному развитию научной мысли. Особенная заслуга в разработке вопроса принадлежит, бесспорно, А.А. Кочубинскому. Он много путешествовал по славянским землям и уже в своих отчетах ярко выдвинул вопросы, связанные с русским племенем на Карпатах – по преимуществу в нынешней Угорской Руси: определил с возможной точностью ее территорию, дал несколько важных намеков на отношения русских к полякам и словакам. Открытая Кочубинским рукопись Пештского музея с песнопениями трансильванских славян побудила Миклошича заняться вновь пересмотром вопроса. Миклошич издал рукопись и вместе с тем отказался от прежнего мнения о болгаризме трансильванских славян, признав язык их остатком языка славян дакийских. В неоконченной, к сожалению, статье “Славянская рукопись Пештского музея” Кочубинский дал несколько интересных указаний на возможность более широкого распространения нынешнего русского элемента в древнейшее время в сторону мадьярского юга» (Филевич 1896: 17–18).

Также И. Филевич отметил, что в речи 6 апреля 1885 г. «Добрый пастырь и добрая нива», произнесенной по случаю юбилея св. Мефодия в торжественном собрании Императорского Новороссийского университета, А. Кочубинский «сгруппировал ряд вопросов, связанных с русско-словацким и русско-румынским рубежом». Он «объединяет мефодиеву Нитру, нынешний румынский юг и Русь Днепровскую в одно органическое целое» (Филевич 1896: 18).

А. Кочубинский поднял вопрос о более раннем крещении русского населения Семиградии (Дунайского Залесья) и Карпатской Руси: «Славянская православная церковь среди славяно-румын Трансильвании и Венгрии, среди русских Северной Венгрии и Галичины от самой глубокой и незапамятной старины: но кем и когда насаждались здесь, в этих обширных девственных краях, семена Мефодиевской церкви?». Он напомнил, что часть территории, на которой проживало русское население Трансильвании и Карпатской Руси, входила в состав епархии епископа Нитрянского викария Мефодия (Кочубинский 1885: 9, 12). Этим, по мнению ученого, и можно объяснить факт столь продолжительного сохранения восточного христианства в Карпатском регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В изданном Статистическим комитетом «Списке населенных мест Бессарабской области» среди этносов, населявших Бессарабию, указывались «галицияне» (галичане), «или собственно руснаки, иначе русины, нередко называемые, хотя и неправильно, малороссиянами и еще райлянами или,

точнее, райянами» (Бессарабская область. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1861. С. XIX–XX).

2. Антоний Степанович Петрушевич (1821–1913) – деятель галицко-русского движения, греко-католический священник. Автор многочисленных трудов по истории, филологии, словесности, этнографии, за которые был удостоен членства Русского археологического общества в Москве, Славянского общества в Киеве, Общества истории и древностей в Одессе, Академии наук в Бухаресте и всех галицко-русских просветительных учреждений, доктор Киевского университета. Он собрал большую коллекцию рукописей и книг для митрополичьей библиотеки и Русского народного дома во Львове. Много материалов пожертвовал Российской академии наук в Санкт-Петербурге (Ваврик В.Р. Краткий очерк галицко-русской письменности. Луен, 1973. С. 39–40).

3. В 1817 г. граф Иосиф Оссолинский создал во Львове фонд, названный им Национальный институт им. Оссолинских. Институт стал центром исследований польских истории, культуры, языка и литературы. После Второй мировой войны «украинская» часть коллекции осталась во Львове, остальную часть Правительство СССР в 1947 г. передало во Вроцлав.

4. Иосиф-Карл Эдер (Eder) – австрийский историк (1760–1810). Известен своими трудами по истории Трансильвании. Главные из них: «Supplex libellus Valachorum Transs. jura tribus receptis nationibus communia postliminia» (Клаузенбург, 1791), «De initiis juribusque primaevae Saxonum Transs. Commentatio» (Вена, 1792), «Erdély ország'ismértetésének' zengéje» (Клаузенбург, 1796), «Scriptores rerum Transilvanarum» (Германнштадт, 1797–1800) (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XL (79): Шуйское – Электровозбудимость. СПб., 1904. С. 165).

5. Иоанн Иосиф де Камелис (1641–1706) – греко-католический епископ (апостольский викарий) Мукачевской епархии (1690–1706), происхождением грек с острова Хиос (Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: ПП «Повч Р.М.», 2006. С. 168–169).

6. В свое время Г.В. Вернадский обоснованно назвал средневековую Молдавию «Молдавской Русью» (Вернадский Г.В. Начертание русской истории. СПб.: Лань, 2000. С. 146).

ЛИТЕРАТУРА

Калякина 2011 - *Калякина К.А.* Аккерман в творческой судьбе профессора Новороссийского университета А.А. Кочубинского // Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею. 2011. № 10. С. 240.

Кочубинский 1874 - *Кочубинский А.А.* Записка о путешествиях по славянским землям. Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1874. 48 с.

Кочубинский 1876а - *Кочубинский А.А.* Отчет о занятиях славянскими наречиями командированного за границу доцента Императорского Новороссийского университета А. Кочубинского за время от 1-го августа 1874 г. по 1-е февраля 1875 г. // Записки Императорского Новороссийского университета. 1876. Т. 18. С. 191–266.

Кочубинский 1876b - *Кочубинский А.А.* Отчет (второй) о занятиях славянскими наречиями с 1-го февраля по 1-е августа 1875 г. доцента Императорского Новороссийского университета А. Кочубинского // Записки Императорского Новороссийского университета. 1876. Т. 20. С. 79–105.

Кочубинский 1876c - *Кочубинский А.А.* Отчет (третий) о путешествиях по славянским землям с 1-го августа 1875 г. по 1-е февраля 1876 г. // Записки Императорского Новороссийского университета. 1876. Т. 20. С. 107–171.

Кочубинский 1877 - *Кочубинский А.А.* Отчет (четвертый) о занятиях славянскими наречиями командированного за границу доцента А. Кочубинского с 1-го февраля по 1-е июня 1876 г. // Записки Императорского Новороссийского университета. 1877. Т. 22. С. 143–148.

Кочубинский 1881 - *Кочубинский А.А.* Славянские рукописи Пештского музея и, в частности, «русская» рукопись 1803 года (Посвящается моему товарищу Ф.И. Успенскому) // Русский филологический вестник. 1881. Т. V. С. 180–207.

Кочубинский 1885 - *Кочубинский А.А.* 6-го апреля 885–1885. Добрый пастырь и добрая нива. Речь, произнесенная в юбилей св. Мефодия в торжественном собрании Императорского Новороссийского университета. Одесса: Типография «Одесского вестника», 1885. 45 с.

Кочубинский 1889 - *Кочубинский А.А.* Лапидарные надписи XV ст. из Белгорода, что ныне Аккерман // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. 1889. Т. 15. С. 506–547.

Кочубинский 1891 - *Кочубинский А.А.* О русском племени в Дунайском Залесье // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. 1887 / Под ред. графини Уваровой. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1891. Т. II. С. 9–66.

Кочубинский 1895 - *Кочубинский А.А.* Литовский язык и наша старина // Труды Девятого археологического съезда в Вильне. 1893 / Под ред. графини Уваровой и С.С. Слуцкого. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1895. Т. I. С. 92–108.

Кочубинский 1903 - *Кочубинский А.А.* Частные молдавские издания для русской школы (Библиографические заметки) // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Июнь. Ч. CCCXXXVII. С. 389–418.

Кочубинский 2009 - *Кочубинский А.А.* Частные молдавские издания для русской школы (Библиографические заметки) // Русин. 2009. № 1 (15). С. 163–189.

Лаптева 2005 - *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005. 848 с.

Маркевич 1890 - *Маркевич А.И.* Двадцатипятилетие Новороссийского университета. Историческая записка. Одесса: Экономическая типография, 1890. XV, [1], 734, [2], XC с.

РГИА - РГИА. Ф. 733. Департамент народного просвещения. Оп. 148. 1851–1874 гг. Д. 54.

Суляк 2015 - *Суляк С.Г.* Начало христианизации Карпато-Днестровской Руси // Русин. 2015. № 4 (42). С. 267–307. DOI: 10.17223/18572685/42/19

Суляк 2018 - *Суляк С.Г.* Русинская топонимика Карпато-Днестровских земель как источник сведений об этническом составе населения Молдавского княжества // Русин. 2018. № 1 (51). С. 134–161. DOI: 10.17223/18572685/51/10

Филевич 1896 - *Филевич И.П.* История Древней Руси. Т. 1: Территория и население. Варшава: тип. Ф. Чернака, 1896. X, 383, [1] с.

Pič, Amlacher 1888 - *Pič J.L., Amlacher A.* Die Dacischen Slaven und Csergeder Bulgaren (Nr. 8) // Sitzungsberichte der Königlich Böhmisches Gesellschaft der Wissenschaften. Philosophisch-historisch-philologische Classe / Vestník Královská česká společnost nauk. Trida filosoficko-historicko-filologická. Praha, 1888. S. 227–280.

REFERENCES

Kalyakina, K.A. (2011) Akkerman v tvorcheskoy sud'be professora Novorossiyskogo universiteta A.A. Kochubinskogo [Akkerman in the creative destiny of Professor of Novorossiysk University A.A. Kochubinskii]. *Vísnik Odes'kogo istoriko-kraëznnavchogo muzeyu*. 10. pp. 240.

Kochubinskii, A.A. (1874) *Zapiska o puteshestviyakh po slavyanskim zemlyam* [A note on travels through Slavic lands]. Odessa: Ul'rikh i Shul'tse.

Kochubinskii, A.A. (1876a) Otchet o zanyatiyakh slavyanskimi narechiyami komandirovannogo za granitsu dotsenta Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta A. Kochubinskogo za vremya ot 1-go avgusta 1874 g. po 1-ye fevralya 1875 g. [Report by Associate Professor of the Imperial Novorossiysk University A. Kochubinskii on research of Slavonic dialects for the period from August 1, 1874 to February 1, 1875]. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta*. 18. pp. 191–266.

Kochubinskii, A.A. (1876b) Otchet (vtoroy) o zanyatiyakh slavyanskimi narechiyami s 1-go fevralya po 1-ye avgusta 1875 g. dotsenta Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta A. Kochubinskogo [The second report by Associate Professor of the Imperial Novorossiysk University A. Kochubinskii on research of Slavonic dialects for the period from February 1 to August 1, 1875]. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta*. 20. pp. 79–105.

Kochubinskii, A.A. (1876c) Otchet (tretiy) o puteshestviyakh po slavyanskim zemlyam s 1-go avgusta 1875 g. po 1-ye fevralya 1876 g. [The third report by Associate Professor of the Imperial Novorossiysk University A. Kochubinskii on research of Slavonic dialects for the period from August 1, 1875 to February 1, 1876]. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta*. 1876. 20. pp. 107–171.

Kochubinskii, A.A. (1877) Otchet (chetverty) o zanyatiyakh slavyanskimi narechiyami komandirovannogo za granitsu dotsenta A. Kochubinskogo s 1-go fevralya po 1-ye iyunya 1876 g. [The fourth report by Senior Lecturer of the Imperial Novorossiysk University A. Kochubinskii on research of Slavonic dialects for the period from February 1 to June 1, 1876]. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta*. 22. pp. 143–148.

Kochubinskii, A.A. (1881) Slavyanskiye rukopisi Peshtskogo muzeya i, v chastnosti, "russkaya" rukopis' 1803 goda (Posvyashchayetsya moyemu tovarishchu F.I. Uspenskomu) [Slavonic manuscripts of the Pest Museum and, in particular, the "Russian" manuscript of 1803 (Dedicated to my comrade F.I. Uspensky)]. *Russkiy filologicheskii vestnik*. 5. pp. 180–207.

Kochubinskii, A.A. (1885) *6-go aprelya 885–1885. Dobryy pastyr' i dobraya niva*.

Rech'; proiznesennaya v yubiley sv. Mefodiya v torzhestvennom sobranii Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta [6th April 885–1885. Good shepherd and good field. The speech delivered at the jubilee of St. Methodius in the solemn meeting of the Imperial Novorossiysk University]. Odessa: Odessky vestnik.

Kochubinskii, A.A. (1889) Lapidarnyye nadpisi XV st. iz Belgoroda, chto nyne Akkerman [Lapidary inscriptions of the 15th century from Belgorod, now Akkerman]. *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey*. 15. pp. 506–547.

Kochubinskii, A.A. (1891) O russkom plemeni v Dunayskom Zales'ye [About the Russian tribe in the Danube Zalesye]. *Trudy Sed'mogo arkheologicheskogo s'yezda v Yaroslavle*. 2. pp. 9–66.

Kochubinskii, A.A. (1895) Litovskiy yazyk i nasha starina [The Lithuanian language and our antiquity]. *Trudy Devyatogo arkheologicheskogo s'yezda v Vil'ne*. 1. pp. 92–108.

Kochubinskii, A.A. (1903) Chastnyye moldavskiye izdaniya dlya russkoy shkoly (Bibliograficheskiye zametki) [Unofficial Moldavian publications for the Russian School (Bibliographical notes)]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. June. CCCXXXVII. pp. 389–418.

Kochubinskii, A.A. (2009) Unofficial Moldavian Publications for the Russian School (Bibliographical notes). *Rusin*. 1(15). pp. 163–189 (In Russian).

Lapteva, L.P. (2005) *Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke* [History of Slavic studies in Russia in the 19th century]. Moscow: Indrik.

Markevich, A.I. (1890) *Dvadsatipyatiletie Novorossiyskogo universiteta. Istoricheskaya zapiska* [The twenty-fifth anniversary of Novorossiysk University. A historical note]. Odessa: Ekonomicheskaya tipografiya.

The Russian State Historical Archive. Fund 733. List 148. File 54.

Sulyak, S.G. (2015) The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil War). *Rusin*. 4(42). pp. 267–307 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/19

Sulyak, S.G. (2018) Rusin toponymy of Carpatho-Dniestrian land as a source of information on the ethnic composition of the Moldavian Principality. *Rusin*. 1(51). pp. 134–161 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/51/10

Filevich, I.P. (1896) *Istoriya drevney Rusi* [History of Ancient Rus]. Vol. 1. Warsaw: F. Chernak.

Pič, J.L. & Amlacher, A. (1888) Die Dacischen Slaven und Csergeder Bulgaren (Nr. 8) [The Dacian Slavs and Csergeder Bulgarians (No. 8)]. *Sitzungsberichte der Königlich Böhmisches Gesellschaft der Wissenschaften. Philosophisch-historisch-philologische Classe / Vestnik Královská česká společnost nauk. Trida filosoficko-historicko-filologicka*. pp. 227–280.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 1(091)(47)“17”:378

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/4

В.И. ЛАМАНСКИЙ VS Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ: ИЗ ИСТОРИИ ЗАБЫТОЙ ПОЛЕМИКИ*

А.В. Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Авторское резюме

В статье рассматриваются взаимоотношения двух учеников профессора Санкт-Петербургского университета И.И. Срезневского (1812–1880) – Н.Г. Чернышевского (1818–1889) и В.И. Ламанского (1833–1914). Отмечается, что их взаимное неприятие опиралось на разные мировоззренческие и философские установки: радикально-западническую у Чернышевского и славянофильскую у Ламанского. Основное внимание уделяется полемике между ними, вызванной публикацией в 1861 г. в журнале «Современник» статьи Чернышевского «Национальная бестактность», посвященной первым номерам львовской газеты «Слово», критический отзыв на которую Ламанский опубликовал в славянофильской газете «День». Отмечается, что частный вопрос о литературном языке галицких русинов, затронутый Чернышевским, дал повод Ламанскому предложить свою версию формирования русского литературного языка и обосновать историческую и культурную правомерность использования русинами русского литературного языка вместо украинского. Славянофилы (И.С. Аксаков, В.И. Ламанский, П.А. Лавровский) обвинили Чернышевского в том, что, отказывая русинам в пользовании русским литературным языком, он не только провоцирует раскол в русском этносе, но и выражает польскую точку зрения. Отвечая славянофилам, Чернышевский указывал на наличие в Австро-Венгрии не национальных, а сословных (классовых) противоречий, обвинял галицких русинов в политической незрелости и отказывался признавать их западной ветвью русского народа, равно как и не усматривал за ними национальной самобытности. В статье делается вывод, что дальнейшая разработка вопроса о языке, затронутая в полемике, привела Ламанского к формулированию цивилизационной концепции «трех миров», в которой язык выступал главной геополитической силой.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 16-03-00450).

Ключевые слова: Чернышевский, Ламанский, славянофильство, русины, литературный язык, национальная самобытность, культура, ассимиляция, народность, историософия.

V.I. LAMANSKY VS N.G. CHERNYSHEVSKY: FROM THE HISTORY OF FORGOTTEN POLEMICS*

A.V. Malinov

St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Abstract

The article analyses the relations between Nikolay Chernyshevsky (1818–1889) and Vladimir Lamansky (1833–1914), who were students of professor N.N. Sreznevsky (1812–1880) of St. Petersburg University. The author observes that their mutual aversion was not only determined by their personal antipathy, but was also based on different worldviews and philosophical values (Westernism of Chernyshevsky and Slavophilism of Lamansky). The essential attention is paid to their polemics provoked by the publication of Chernyshevsky's article "National tactlessness" in *Sovremennik* in 1861. The article was an overview of the early issues of *Slovo* – a newspaper published in Lvov – which evoked Lamansky's reaction in a Slavophile newspaper *Den*. The author notes that a special question about the language of the Galician Rusins put by Chernyshevsky gave Lamansky grounds for proposing his version of the origins of Russian literary language and for upholding Rusins' historical and cultural right to use Russian literary language instead of Ukrainian. The Slavophiles (I.S. Aksakov, V.I. Lamansky and P.A. Lavrovsky) accused Chernyshevsky of denying Rusins the right to use the Russian literary language, thus provoking the split in Russian ethnos and expressing the Polish viewpoint. In respond, Chernyshevsky pointed out that there were rather class then ethnic contradictions in Austria-Hungary. He also blamed Galician Rusins for political immaturity and refused to refer them to the Western line of the Russian nation, denying them of any national identity. The author concludes that

*The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (Nr. 16-03-00450).

the further polemics of the language led Lamansky to the civilization conception of “three worlds” with language as a main geopolitical force.

Keywords: Chernyshevsky, Lamansky, Slavophiles, Rusins, literary language, ethnic independence, culture, assimilation, nation, historiosophy.

Взаимные отношения Н.Г. Чернышевского и В.И. Ламанского еще не становились предметом отдельного изучения. Скудость документальных свидетельств и редкость исследовательской литературы о Ламанском вполне объясняют, хотя и не оправдывают этот печальный факт. В качестве частного сюжета он вписывается в более широкую тему – Чернышевский и славянофилы, отчасти уже рассматривавшуюся в исследовательской литературе (Сладкевич 1948; Демченко 2014). Чернышевский и Ламанский были, пожалуй, самыми известными учениками этнографа, слависта, профессора Петербургского университета И.И. Срезневского (1812–1880). Чернышевский и Ламанский писали выпускные сочинения по близкой тематике, заданной их преподавателем: «Опыт словаря к Ипатьевской летописи» (Чернышевский) и «О языке Русской правды» (Ламанский). Ламанский стал преемником Срезневского на университетской кафедре. Чернышевский окончил Петербургский университет в тот год, когда Ламанский был только принят на первый курс. В университете Ламанский тесно сошелся с А.Н. Пыпиным, дружеские отношения с которым, несмотря на идейные разногласия, сохранял до конца жизни (Троицкий 2009; Малинов 2017). Примечательно, что рецензия Пыпина на издание магистерской диссертации Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» была опубликована в том же номере журнала «Современник» (1860. Т. LXXX), что и статья Чернышевского «Антропологический принцип в философии», причем перед статьей последнего.

У Пыпина, вероятно, и состоялась встреча Ламанского с Чернышевским. Первые упоминания о Чернышевском в дневнике молодого слависта датированы 2 мая 1853 г. Ламанский отмечал «разлад между поступками и мыслями» (СПбФ АРАНа: 6) у Чернышевского. Примечательно это критическое наблюдение, фиксирующее умаление аскесиса у своего нового знакомого. Последующее общение только укрепило это критическое впечатление, возможно, со временем усилившееся до чувства взаимной неприязни. По крайней мере, уже вскоре Ламанский рефлексировал в своем дневнике: «Что за барин этот Черныш<евский>? Со мною говорить он не зачинает, боится ли унизиться, или просто в нерасположении, или принадлежит он к роду людей, которые с первого разу не нравятся, а потом к ним привязываешься все больше и больше. Или во мне есть кое-что, пришедшее ему не по нутру? Это вероятнее, потому что сегодня,

как только я подсел к нему, он тотчас же удрал в другую горницу, как бы намеренно избегая» (СПбФ АРАНа: 34 об.).

Еще в студенческие годы Ламанский увлекся изучением славянства, став с годами одним из крупнейших отечественных славистов и основателем «научной школы» (Лаптева 2014). В то же время он был убежденным славянофилом, последовательно проводил славянофильскую точку зрения в своих научных трудах. Философско-историческое учение Ламанского начало складываться в первой половине 1860-х гг. и нашло наиболее законченное выражение в докторской диссертации «Об изучении греко-славянского мира в Европе» (1871) и трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) (Куприянов 2016). Цивилизационная концепция Ламанского оказалась близка теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского и до сих пор, можно сказать, остается в тени его учения. Среди петербургских славистов – учеников Ламанского существовало убеждение в первородстве идей своего профессора. Так, например, Ф.Ф. Зигель в рецензии на книгу К.Я. Грота «Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и русских исторических изучениях» отмечал, что «автор кладет в основание своего труда положение знаменитого нашего слависта В.И. Ламанского о противоположности и борьбе западногерманского и греко-славянского миров. Это блестящее обобщение было затем воспринято в выдающемся сочинении Данилевского “Россия и Европа”» (Зигель 1915: 360). Действительно, многие принципиальные положения своей цивилизационной концепции Ламанский сформулировал раньше Данилевского. На период формирования научных и философских взглядов Ламанского пришлась его полемика с Чернышевским.

В 1861 г. в журнале «Современник» была опубликована статья «Национальная бестактность», в которой Чернышевский выступил против первых номеров львовской газеты «Слово», стремившейся печатать статьи на русинском языке, приближенном к русскому литературному языку. Еще в 1820-е гг. среди галицкой интеллигенции появились сторонники использования русского литературного языка, поскольку он был близок как церковнославянскому, так и старому литературному языку (язычию) (Михутина 2003: 33). В 1866 г. газета «Слово» прямо «выступила с москвофильских позиций, заявив, что есть единый великий русский народ от Карпат до Камчатки и единый русский язык» (Михутина 2003: 36). Чернышевский обратился к галицким русинам с призывом использовать в качестве литературного языка малорусский, а не русский язык: «Наши малороссы уже выработали себе литературный язык несравненно лучший, зачем отделяться от них?» (Чернышевский 1950b: 776). «Зачем вы придумываете себе

особенное ломаное наречие, отделяясь от общей малорусской литературы?» – вопрошал Чернышевский (Чернышевский 1950b: 786). Чернышевский оставлял галицким русинам возможность быть только частью малороссов, а не считать себя частью русского народа в целом. Эта позиция рецензента «Современника» и вызвала основные возражения со стороны славянофилов.

Чернышевский также обрушился с критикой на редакцию «Слова» за негативное отношение к ассимиляции русинов поляками. Национальная неприязнь, считал он, играет на руку австрийскому правительству, специально «раздувающему вражду», чтобы держать в повиновении народы. Он не признавал фактов насильственной колонизации населения Галиции или не видел в этих фактах ничего плохого, а значит, и не понимал стремления русинов сохранить свою национальность. Собственно, и национальность эту Чернышевский не признал, воспринимая русинов лишь как западных малороссов. Существовавшие противоречия он оценивал как сословные, а не как национальные (Чернышевский 1950b: 780). В противостоянии галицких русинов полякам он усматривал «натянутость сословных отношений между поселянами и помещиками. <...> Тут дело в деньгах, в сословных противоречиях, а нисколько в национальностях и вероисповедании» (Чернышевский 1950b: 792).

Первоначально выход галицко-русской газеты материально поддержал митрополит Григорий (Яхимович), поэтому в «Слове» появились комплиментарные по отношению к греко-католическому иерарху публикации, которые дали Чернышевскому повод обвинить галицких русинов в политической незрелости. Отсутствие светских лидеров, полагал он, свидетельствует о неспособности русинов к политической борьбе. На страницах журнального обзора Чернышевский неоднократно заверял в своем желании русинам всяческих благ, которые, по его мнению, их ожидают при условии отказа от русскости и сопротивления ополячиванию.

Ламанский, к тому времени уже сотрудничавший в славянофильских изданиях, откликнулся на статью Чернышевского в аксаковской газете «День». Имя Чернышевского в статье Ламанского не упоминалось, поскольку в «Современнике» статья была опубликована без указания автора. Умалчивал о нем и И.С. Аксаков, предваривший публикацию Ламанского редакторским примечанием. Статья «Современника», осуждавшая стремление галичан писать русским литературным языком, была перепечатана в Австрии на немецком и польском языках. Этот факт не меньше, чем ее содержание, побудил Аксакова опубликовать ответ. Аксаков хотел продемонстрировать иную оценку происходивших в русских землях Австро-Венгрии процессов и поддержать

ориентированных на Россию русинов. «Письма, полученные нами из Вены, живо изображают душевную скорбь галичан, обруганных и осмеянных в России и за сочувствие к России!» – признавался он (Ламанский 1861: 15. Прим.). «У галицийских русов, – писал редактор, – только одно стремление – примкнуть к общей русской семье, слиться с нею в одно целое, если не политически, так духовно: поэтому они всячески стараются усвоить себе наш русский литературный язык, считают нашу литературу своею, изучают ее, гордятся Пушкиным, как своим собственным поэтом и проч.» (Ламанский 1861: 14. Прим.). Статья Чернышевского, напротив, оправдывала национальную политику австрийских властей, старавшихся противостоять ополячиванию русинов в Галиции тем, чтобы «в галицийских русских возбуждать чувство племенной малороссийской особности и враждебности к великорусской стихии» (Ламанский 1861: 14. Прим.). «По его мнению, – пишет о позиции Аксакова Е.П. Емельянов, – статья Чернышевского представляла собой польский голос на страницах русского журнала и соответствовала польским национальным интересам, заключавшимся в ликвидации русского влияния в Галиции» (Емельянов 2013: 23). Ненависть к русской народности и славянофильству, был убежден И.С. Аксаков, сближает революционеров (Чернышевского), либералов-западников и правительственную верхушку (Бадалян 2016: 202). Заданная в редакторском примечании экспозиция была содержательно развернута в тексте Ламанского.

Прежде всего, Ламанский увидел в критикуемой статье незнание того материала, которому она была посвящена. Он объявляет статью мистификацией, поскольку уверен, что ее автор не жил среди малороссиян, не знает языка, обычаев и т.п. «Но как же можно, не зная народа и его языка, толковать так смело и резко об его характере, обычаях, нравах? <...> Ложь и обман тут очевидны», – заключал Ламанский (Ламанский 1861: 15). По мнению критика, автор статьи или прикидывается плохим знатоком Малороссии, или же притворяется ее страстным любителем. Более того, Ламанский не верит в искренность восхищения другим народом без утраты собственной народности. Ассимиляционные процессы, происходящие в многонациональных государствах, не могут «служить свидетельством симпатичности или очаровательности того или другого племени» (Ламанский 1861: 15). Так, обрусению инородцев в России, онемечиванию поляков в Пруссии, ополячиванию малорусов в Польше и на Украине не стоит приписывать абсолютное значение и из них выводить характеристики народов. Современность дает немало примеров и противоположных фактов, например, сохранения своей народности поляками и раскольниками в Малороссии. Ламанский отмечает недобросовестность

автора статьи, его «резкие и оскорбительные выходки» и «полное презрение к народу». Статья служит примером «сочетания слабости мышления с крайним самодовольством и самомнением» (Ламанский 1861: 15–16).

На территории австрийской Галиции идет интенсивное ополячивание русского населения, приводящее к утрате народности. Историко-софская оптика, сквозь которую Ламанский воспринимает происходящие на западе Русского мира процессы, задает конфронтационный взгляд на прошлое и настоящее. В истории он видит этнологическую борьбу, прежде всего, германцев и славян. Этот историко-софский конфликт определяет историческую и культурную судьбу Среднего мира. Отголоском ее является ассимиляция русинов в Австро-Венгрии. Католицизм исторически служил средством подавления народного начала у славян, поскольку отказывал им в возможности проводить богослужение на родном языке.

Для Ламанского главной исторической, культуросозидающей и даже геополитической силой выступает язык. В его философско-исторической концепции конфликт цивилизаций проявляется, прежде всего, в соперничестве языков за распространение и влияние в мире, поэтому-то так болезненно он реагировал на призыв Чернышевского отказаться от распространения русского литературного языка среди русинов. «При всей своей тяжести борьба малороссиян с поляками, – замечал он, – все-таки гораздо легче борьбы поляков с немцами. Хотя и прежде просветительное начало Малороссии всегда было выше просветительного начала Польши, но в былое время она стояла гораздо ниже Польши относительно внешней образованности. В настоящее время, когда для Малой и Великой Руси обоюдными их усилиями уже выработан один общий литературный язык, русская литература и образованность, при всей своей недостаточности, все-таки и богаче, и серьезнее польской» (Ламанский 1861: 15). Историческая задача славянства, по мнению Ламанского, состоит в единении народов для выработки самобытной культуры и противостоянии (в первую очередь, литературном, культурном) миру германо-романскому.

Впрочем, он не видит перспектив у ассимиляционной политики австрийского правительства. Численное преобладание славян в Австро-Венгрии, по мнению Ламанского, должно привести к переорождению самого государства и его постепенному ослаблению. «Скажем откровенно, – признавался он, – мы даже вовсе не верим в будущее немецкой народности в Австрии, уверены, что славяне с нею справятся и под конец подчинят ее своей образованности, конечно, если только забудут свои домашние распри и утвердят единодушием, общеславянской образованностью» (Ламанский 1861: 17). Под обще-

славянской образованностью он разумел принятие русского языка в качестве литературного, дипломатического и научного языка всеми славянскими народами.

Через год Ламанский получил возможность посетить славянские земли. Его командировка с научными целями продлилась два с половиной года. Она не поколебала его убеждения в необходимости распространять русский литературный язык среди славян, но показала, что процесс онемечивания среди австрийских славян зашел далеко, и культурное (языковое) объединение славян казалось ему уже не столь очевидным.

В статье «Национальная бестактность» Ламанский сочувственно отзывался об издававшемся в Санкт-Петербурге журнале «Основа» (Ламанский 1861: 17), хотя и не был готов согласиться с редакционной политикой по всем вопросам. Признание Ламанского показывает, что современники воспринимали украинофильство в качестве разновидности славянофильского направления. Ламанский не видел в нем принципиальных расхождений со славянофильством. Так же точно и украинофилы соглашались с позицией Ламанского о единстве литературного языка для Великороссии и Малороссии. Например, М.П. Драгоманов считал мнение Ламанского о возможности самостоятельной «малорусской словесности» при сохранении и развитии русского литературного языка «самой верной и практичной точкой зрения» (Драгоманов 1908: 118–119). В то же время еще при жизни Ламанского пути малороссийского движения и славянофильства существенно разошлись. Если в начале 1860-х гг., т. е. на исходе «раннего славянофильства», он еще мог усмотреть их идейное родство, то позднее высказывался значительно более критично и даже полемизировал с Драгомановым на страницах «Известий Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества». Идеологию украинофильства более точно можно охарактеризовать как вариант областнической программы, вписывая его в ряд таких общественных движений и учений, как сибирское областничество, российское областничество (федералистские концепции русской истории, «Камско-Волжская газета», казачий автономизм), западнорусизм.

Принципиальным для Ламанского оставалось единство трех ветвей русского народа. «Малорусы и великорусы с белорусами, – писал он, – при всех своих частных разногласиях, обоюдных несходствах и насмешках друг над другом образуют один русский народ, *единую* Русскую землю, плотно, неразрывно связанную одним знаменем веры и гражданских убеждений. <...> Славный Киев живет глубоко в сознании нашего народа, в его поэтических преданиях, на всем великорусском просторе» (Ламанский 1861: 17). Единство народа

проявляется прежде всего в общности литературного языка. В быту, у себя дома славяне могут говорить на своих местных наречиях, а вот писать, читать, обучаться в учебных заведениях должны на одном языке. Успешным примером подобной языковой политики для Ламанского служило образование итальянского и немецкого литературных языков, когда в качестве литературного языка было выбрано одно из провинциальных наречий. Главный критерий при таком выборе должен состоять в литературном развитии этого наречия, в богатстве и мировом значении созданной на этом языке литературы. Среди современных ему славянских языков на эту роль мог претендовать только русский язык. Это, полагал Ламанский, верно для всех славян, тем более верно оно для ответвлений русского племени.

Без языкового единства ставится под сомнение и политическая целостность государства. Верно и обратное: принятие западными и южными славянами русского языка в качестве литературного, научного и дипломатического со временем поставит вопрос и о форме политического единства славян. В обособлении малорусского наречия, к которому призывал Чернышевский, Ламанский видел угрозу как политическому, так и народному единству русского племени. «Отнятие от России Киева с его областью повело бы к разложению русской народности, к распаденю и *разделу* Русской земли», – предупреждал он (Ламанский 1861: 17). Более того, «всякие попытки отторгнуть напр. Киев от России вызовут такие бедствия и несчастья, последствия которых нельзя предвидеть» (Ламанский 1861: 17). Пророчества Ламанского опирались на философско-исторический анализ славянской истории и культуры. Его историософия футурологична. Самым известным его предвидением, пожалуй, является описание хода будущей мировой войны, сделанное за четверть века до самого события. Наиболее полно оно выражено в трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). Однако сохранение российской государственности нужно не одному русскому народу. Русское государство, по мысли Ламанского, является подмогой для борьбы славянской стихии с германством (чехов в Австрии и поляков в Пруссии). «Не в одних русских видах, но для блага *всего* славянства обязаны мы соблюдать целостность и единство *Русской земли!*» – отмечал он (Ламанский 1861: 17).

В.И. Ламанский не предпринял детального критического разбора публикации Чернышевского. Статья стала для него поводом высказать ряд собственных суждений не только по русинскому вопросу. В своем критическом отзыве он поместил очерк формирования русского литературного языка, чтобы показать, что современный русский литературный язык во многом создавался в течение XVII–XVIII вв.

выходцами из южнорусских и западнорусских земель в качестве общего письменного языка для восточных славян. Отречение от него нанесет вред прежде всего самим малорусам тем, что значительно понизит культурный уровень населения и отвернет его от его собственной истории. «Русский литературный язык, – писал Ламанский, – образован не со вчерашнего дня и не Ломоносовым, который его только точнее определил и усовершенствовал. В основе своей великорусский язык наш принадлежит одинаково в значительной мере и малороссиянам. Отказавшись от него, они бы отказались от значительной части своего прошедшего, своей истории и все-таки не успели образовать на своем наречии такой литературы, которая бы им сделала излишней литературу русскую. Отказавшись от русской образованности, они принуждены были бы примкнуть к польской, с которою тоже словесность малорусская не сравняется. Пока же малорусы не создадут своей образованности на своем наречии, до тех пор должны они учиться и писать или на русском, или на польском языке. Но выбор последнего возможен для Малороссии только с принятием католицизма, возобновлением унии...» (Ламанский 1861: 18).

В основе письменного языка великорусов и малорусов лежит общий элемент – язык церковнославянский. До конца XIV в. различия в живом народном языке Южной и Северной Руси были ничтожны, а единство письменного языка сохранялось. Более того, если воспользоваться современной терминологией, то русский язык подвергся сильной украинизации. «Огромное, непосредственное влияние имели на язык наш южнорусские ученые и писатели с конца XVII в. почти до самого Ломоносова. Малорусы господствовали тогда у нас в иерархии, в школе и образованности. Они, по-видимому, имели все средства образовать русский литературный язык на малороссийской основе. История решила иначе. Уроженец Двинской земли, коренной новгородец Ломоносов принял наречие московское, но в то же время признал всю законность и необходимость общего элемента, ц. славянского. Для дальнейшего развития нашего языка имели огромное значение многие даровитые писатели из малороссов, и один гениальный – Гоголь. Итак, наш литературный язык нынешним своим видом обязан общим, совокупным усилиям велико-малорусов. Он есть плод исторической жизни *всего* русского народа. Признаемся, мысль о возможности особой малорусской литературы (а не местной словесности) представляется нам величайшею нелепостью» (Ламанский 1861: 18). На русском языке, замечал Ламанский, писали Капнист, Островьяненко, Балугьянский, Лодий, Венелин, Гребенка, Гоголь, Кулиш, Костомаров. Шевченко вел на русском языке свой дневник. Ламанский допускает «малорусскую словесность» лишь в быту, в ка-

честве языка домашнего общения. Литературным же языком, языком образования и науки должен быть русский язык. «В противном же случае русскому народу в Галиции и Венгрии придется вовсе остаться без науки и образованности или принять органом языки немецкий, польский и мадьярский. Тот и другой выбор повлечет за собою утрату народности», – заключал он (Ламанский 1861: 19).

Общий вывод В.И. Ламанского о статье Чернышевского сводится к тому, что рецензент «Современника» «незнаком ни с историею, ни с современным положением русинов» и, очевидно, «не понимал всей важности русинского вопроса» (Ламанский 1861: 17). Впрочем, он видел и положительную силу такой публикации, т. к. в ней в полной мере была высказана определенная точка зрения, которую можно критиковать. «Ложь не долговечна. Формулируясь и определяясь, она обличает себя», – выносил он свой приговор (Ламанский 1861: 19). Ламанский сходил с Чернышевским, пожалуй, лишь в одном: он не признавал национальную самобытность галицких русинов, считая их отторгнутой от основной массы частью русского народа, в то время как Чернышевский относил их к «малорусскому племени».

В следующих двух номерах газеты «День» была напечатана статья П.А. Лавровского «О русских в Галиции» (Лавровский 1861), которая также была откликом на статью Чернышевского. Очерк П.А. Лавровского знакомил читателей с историей русского населения Галиции, которую столь превратно истолковал автор «Современника». Он отмечал, что автор статьи не обладает ни достаточными знаниями, ни пониманием вопроса и обратился к газете «Слово» случайным образом, поскольку пишет лишь о двух первых номерах, в то время как уже вышло пятьдесят номеров газеты. В первой статье П.А. Лавровский рассматривал положение русинов под властью поляков, во второй – австрийцев. Он указывал на факты покровительства австрийских властей русскому языку и униатской церкви. В пятом номере газеты «День» была опубликована корреспонденция «Голос из Угорской Руси о русском языке» униатского священника И.И. Раковского, бывшего редактора «Церковной газеты» в Будине. И.И. Раковский призывал «принять великороссийский язык для распространения народного просвещения. <...> Мы не понимаем тех, – писал он, – которые вступают за отдельное какое-либо русское наречие или поднаречие. <...> Теперь, по-видимому, все стремится к единству, а не к разъединению. Можно сказать, что в нынешнее время только три языка пользуются мировым значением, именно немецкий, французский и английский. После сих великорусский язык имеет полное право на название мирового языка» (Голос 1861: 10). Мысли И.И. Раковского были близки Ламанскому, в частности, развиваемому им впоследствии учению о

языке как геополитической силе. Статьи Ламанского и Лавровского были призваны показать историческое родство галицких русинов с русским народом и обосновать культурно-историческое право языка русинов ориентироваться на русский литературный язык.

Статья Ламанского, вероятно, возымела тот эффект, на который рассчитывал издатель. Ее заметили, более того, она вызвала смятение в рядах оппонентов. В письме графине А. Д. Блудовой 27 октября 1861 г. Аксаков признавался: «Ну уж если бы вы знали, как разозлились на меня и на Ламанского хохлы и поляки. У них в этих случаях всегда одна уловка – прикидываться лежачими, беззащитными, говорить, что им отвечать нельзя, опасно, что мы угрожаем силе, и что статья Ламанского – *донос*, а я хочу распалить вражду и т. п. Как бы не вздумали, в самом деле, как-нибудь их преследовать» (цит. по: Барсуков 1904: 136). В «доносе», о котором упоминает И. С. Аксаков, Ламанского обвинил Н. И. Костомаров (Переписка 1916: 109). Ламанский едва ли, работая над статьей, помышлял об извете. Он старался не столько описывать и опровергать мнение автора «Современника» и его украинофильствующих адептов, сколько обозначить свою позицию и, опираясь на фактическую сторону дела, дать обобщенную картину формирования русского языка, его прошлого и чаемого им будущего.

Уже в скором времени Чернышевский отплатил долг своим критикам, напечатав в «Современнике» статью «Народная бестолковость». В новой статье он предпринял критический обзор первых номеров аксаковской газеты «День». Предложенное Чернышевским определение славянофильства было далеко от реального содержания славянофильской программы. Разбирая редакторские статьи Аксакова и выступление Ламанского в защиту львовского «Слова», он выводил славянофильство «от неразумного увлечения мыслью, будто наша русская народность единственный чистый тип славянской народности, что они, наши славянофилы, представители образцового славянского народа» (Чернышевский 1950а: 828). Чернышевский упрекал славянофилов в том, что они «сбились с толку в своих понятиях о русской народности и о согласии своих теорий с этой народностью» (Чернышевский 1950а: 848). Подобную интерпретацию славянофильства было мудрено вывести из статей Аксакова и Ламанского. Она в большей мере отражала предвзятую позицию самого Чернышевского, чем соответствовала взглядам славянофилов. Досталось Аксакову и за свидетельство о постепенном нарастании сочувствия в русском обществе к идеям славянофилов, в том числе К. С. Аксакова. Критик «Современника» упрекнул Ивана Сергеевича в «самохвальстве», а редакцию «Дня» – в «совершенном забвении расчетов приличия и уместности» (Чернышевский 1950а: 832).

Значительная часть статьи Чернышевского направлена против панславизма, пропаганду которого он усмотрел в газете «День». Необходимо заметить, что Ламанский отстаивал не имперский панславизм, а идею «постепенного распространения “нравственного” влияния России» (Саприкина 2004: 21), прежде всего посредством популяризации русского языка и культуры в славянских землях. Чернышевский же считал такой культурный панславизм бесполезным, как тщетны любые «увещания, не поддерживаемые штыками» (Чернышевский 1950а: 837). По его мнению, европейские государства только приветствуют прогрессивные начинания в России и желают всяческого добра славянам, а сопротивляются их освобождению из-под власти турок и немцев лишь из опасений усиления влияния России, «поглощения» ею Дунайских княжеств и «обращения Константинополя в русский губернский город» (Чернышевский 1950а: 838). Война за освобождение славян настроит против России все западные державы и вынудит их поддержать Турцию. Чернышевский высказывал убеждение, что, как только Россия перестанет участвовать в делах турецких и австрийских славян, они легко добьются освобождения, поскольку численно преобладают. Более того, заверение в помощи «поддерживает в самих славянах Австрийской империи гибельную для них беззаботность» (Чернышевский 1950а: 838), а «расслабляющая перспектива чужой помощи» (Чернышевский 1950а: 839) провоцирует славян к бездействию. Славяне, уверял Чернышевский, должны освободить сами себя; они будут «оскорблены» подмогой со стороны России. Ее вмешательство неизбежно приведет к войне, а «война слишком обременительна для нас при нынешних обстоятельствах» (Чернышевский 1950а: 837). Предлагаемый Чернышевским в статье итоговый рецепт освобождения славян выглядел следующим образом: «Любовь к славянским племенам состоит в том, чтобы желать им добра. Наше содействие не может быть им полезно, напротив, оно повредило бы им, возбуждая в Англии, Франции, Германии опасение, которое не допускало бы их освобождения. Любовь к ним требует от нас, чтобы мы откровенно говорили им: вы составляете несколько десятков миллионов человек; такому многочисленному населению не нужна никакая посторонняя помощь. <...> Наша помощь не нужна вам, была бы вредна вам. Да и нам самим было бы слишком тяжело воевать для вашего освобождения» (Чернышевский 1950а: 841).

Со своей стороны, славянофилы не видели доброй воли западных государств в деле освобождения славян. Чернышевский же считал призывы славянофилов к борьбе с Западом бессмысленными и упрекал своих оппонентов в «эгоистическом расчете подчинить

их (славян. – А.М.), – тут не желание добра им, а желание увеличить собственное могущество» (Чернышевский 1950а: 842).

Критик отмечал, что славянофилы «никак не могут рассуждать сообразно фактам и здравому смыслу» (Чернышевский 1950а: 841). Однако статьи Ламанского и Лавровского, опубликованные в газете «День», приводили многочисленные факты, как раз опровергавшие утверждения Чернышевского. Они состояли из фактов, по преимуществу были, скорее, статьями историческими, чем политическими. В ответной статье у Чернышевского была возможность показать, какие факты, обнародованные авторами «Дня», противоречат истории и действительности, однако он этого не сделал. Он приводил обширные цитаты из публикации Ламанского, но не предложил их содержательной критики, а лишь приписал автору желание обязать всех славян перейти на русский язык и перекрестить их в русскую веру. Без каких-либо дополнительных аргументов Чернышевский воспроизвел свой тезис об отдельности малорусской народности, к которой принадлежат и русины, а их мнение о своем русском происхождении вывел из «вредных сентиментальных внушений» славянофилов, стремившихся на самом деле их подчинить.

Впоследствии Ламанский упоминал о Чернышевском лишь в письмах к родным из Вены в 1863 г., критически отзываясь о романе «Что делать?» (СПбФ АРАНб: 57–57 об.). Больше они, вероятно, не встречались в жизни и не пересекались на публицистическом поприще. О судьбе писателя Ламанский получал сведения уже только от Пыпина. К русинскому же вопросу ему еще не раз приходилось обращаться, хотя Ламанский и не оставил крупных исследований об этом. Знакомство со славянскими землями подтвердило опасения Ламанского о пагубности украинофильской пропаганды среди галицких русинов. По результатам своей первой поездки (1862–1864) он опубликовал несколько работ. В одной из них Ламанский отмечал: «Опасаясь утраты Галиции, Австрия всячески старается возбудить в Галицийской Руси искусственное нерасположение к России. Она не щадит никаких усилий и пожертвований, чтобы распространять в Галицкой Руси учение, подобное тому, что малорусское племя своим природным характером и историею отличается от великорусского гораздо более, чем, например, поляки и чехи и т. п.» (Ламанский 1865: 14). Два десятилетия спустя он с горечью свидетельствовал, что ассимиляционные процессы в Галиции дали свои отрицательные плоды. Галицкая интеллигенция не только сменила русскую идентичность на польскую, но и заразилась агрессивной русофобией: «Известная часть галицийско-русской интеллигенции глядит на нас, русских, на *москалей*, глазами чисто польскими. На наш взгляд, она

не может и не должна быть нами отделяема от поляков. Для нас это действительно gente Rutheni, natione Poloni. Это поляки же, только русского происхождения и восточного обряда. Есть же у нас поляки, сами себя называющие поляками православного исповедания. <...> Вражда известной галицийско-русской партии к России, от полного ее непонимания, объясняется пятисотлетним почти господством поляков в этой захудалой, оторванной еще в XIV в. от народного ядра русской земле, продолжительным в ней хозяйничаньем евреев, иезуитов, австрийцев. Эта жалкая и приносящая вред только самой же захудалой, ополяченной русской интеллигенции вражда вызывает в нас не столько негодование, сколько требует снисхождения и извинения. Надо еще удивляться, и остается только радоваться и благодарить Бога, что в русской Галичине далеко не такова вся русская интеллигенция» (Ламанский 1886: 559).

Ламанский видел пагубность ассимиляции галицких русинов и навязывания им антирусского мировоззрения для самих поляков, поскольку человеконенавистническая идеология разрушительна для народа и его культуры. «Но мы энергически протестуем против той системы действия, какую практикуют нынче поляки в Восточной Галиции, и скорбим об этом, видя в этом доказательство, что, к несчастью, они остались прежние, ничего не забыли и ничему не научились. От этого поведения поляков по отношению к русской народности в Галиции можно ожидать только вреда и печальных последствий для самих поляков», – писал он в 1883 г. (Ламанский 1883: 33). Полное представление о взглядах Ламанского на судьбу Галиции можно получить только в рамках его цивилизационной концепции и интерпретации «восточного вопроса» (Шульга 2016).

Полемика между журналом «Современник» и газетой «День» показала, насколько плохо русская образованная публика была знакома с русинским вопросом и готова на слово верить призывам радикального публициста. Статьи Ламанского и Лавровского знакомили с прошлым русинского народа и его современным положением, а также с историей русского языка как общего литературного языка для Велико- и Малороссии. Имела ли критика Ламанским Чернышевского какой-то результат или влияние? Скорее, нет. Статья Ламанского послужила славянофилам самоутрачением в своей исторической и научной правоте. Сбылись лишь худшее опасения Ламанского, во многом подтверждавшие верность его анализа и оценок. Имя самого Ламанского ныне ведомо узкому кругу специалистов, прежде всего славистов. В последнее время стала привлекать внимание его цивилизационная или геополитическая концепция, оставляющая надежду на большую востребованность наследия ученого. Можно

сказать, что интерес к научному и публицистическому творчеству русского слависта только начинает возрастать, чего не скажешь о Чернышевском. Его влияние на современников несопоставимо с известностью скромного университетского профессора. Чернышевский стал духовным лидером целого поколения. Интерес к его творчеству не смогли поколебать даже социально-политические трансформации последней четверти века.

ЛИТЕРАТУРА

Бадалян 2016 - *Бадалян Д.А.* «Колокол призывный»: Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х – первой половины 1880-х годов. СПб.: Росток, 2016. 360 с.

Барсуков 1904 - *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. Кн. XVIII. 555 с.

Голос - Голос из Угорской Руси о русском языке // День. 1861. № 5. (11 ноября). С. 9–10.

Демченко 2014 - *Демченко А.А.* Н.Г. Чернышевский и славянофилы: риски сближения // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2014. № 2. С. 26–37.

Драгоманов 1908 - *Драгоманов М.П.* Восточная политика Германии и обрусение // Политические сочинения. Т. I: Центр и окраины. М.: Типография Т-ва П.Д. Сытина, 1908. С. 1–216.

Емельянов 2013 - *Емельянов Е.П.* Национальный вопрос в переписке И.С. Аксакова и Н.И. Костомарова // Научный диалог. 2013. № 6 (18). История. Социология. Этнография. С. 21–29.

Зигель 1915 - *Зигель Ф.Ф.* [Рец. на книгу:] Грот К.Я. Австро-Венгрия или Карпато-Дунайские земли в судьбах славянства и русских исторических изучениях. Пг., 1914 // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 4. С. 355–368.

Лавровский 1861 - *Лавровский П.* О русских в Галиции (по поводу статьи «Национальная бестактность» в июльской книге «Современника» за 1861 г. отд. «Русская литература». С. 1–18.) // День. 1861. № 3. 28 октября. С. 11–13; № 4. 4 ноября. С. 17–20.

Ламанский 1861 - *Ламанский В.И.* Национальная бестактность // День. 1861. № 2. 21 октября. С. 14–19.

Ламанский 1865 - *Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. СПб.: В типографии А.А. Краевского, 1865. 92 с.

Ламанский 1883 - *Ламанский В.И.* «Государственные тайны Венеции» (*Secretes d'Etat de Venise et rapports de la République avec les Grecs, les Slaves et les Turcs au XVI siècle. Documents, extraits, notices et etudes.* St.-Petersbourg. 1884. (том в 65 листов убоистой печати) // Русь. 1883. № 22. 15 ноября. С. 23–41.

Ламанский 1886 - *Ламанский В.И.* О положении болгарских славянских дел с точки зрения историка и слависта // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. 1886. № 12. С. 556–564.

Лаптева 2014 - *Лаптева Л.П.* Владимир Иванович Ламанский (1833–1914) и его ученики (к 100-летию со дня смерти учителя) // Славяноведение. 2014. № 6. С. 82–96.

Куприянов 2016 - *Куприянов В.А.* Структура Европы в философско-историческом учении В.И. Ламанского // Вече. 2016. Вып. 28. С. 215–222.

Малинов 2017 - *Малинов А.В.* Студенческие годы В.И. Ламанского // Клио. 2017. № 10. С. 156–166.

Михутина 2003 - *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М.: Институт славяноведения РАН, 2003. 289 с.

Переписка 1916 - Переписка двух славянофилов // Русская мысль. 1916. Кн. XII. С. 83–114.

СПбФ АРАНа - Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 2.

СПбФ АРАН - СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44.

Саприкина 2004 - *Саприкина О.В.* Академик В.И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 27 с.

Сладкевич 1948 - *Сладкевич Н.Г.* К вопросу о полемике Н.Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 71–79.

Троицкий 2009 - *Троицкий С.А.* Письмо А.Н. Пыпина В.И. Ламанскому. Предисловие к публикации // Вече. 2009. Вып. 19. С. 210–212.

Чернышевский 1950а - *Чернышевский Н.Г.* Народная бестолковость // Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 7: Статьи 1860–1861 годов. С. 828–848.

Чернышевский 1950б - *Чернышевский Н.Г.* Национальная бестактность // Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 7: Статьи 1860–1861 годов. С. 775–793.

Шульга 2016 - *Шульга М.А.* «Русинский вопрос» и геополитические миры Владимира Ламанского // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 2. С. 15–26.

REFERENCES

Badalyan, D.A. (2016) “*Kolokol prizyvnyy*”: *Ivan Aksakov v russkoy zhurnalistike kontsa 1870-kh – pervoy poloviny 1880-kh godov* [“The bell of conscription”: Ivan Aksakov in Russian journalism of the late 1870s – the first half of the 1880s]. St. Petersburg: Rostok.

Barsukov, N. (1904) *Zhizn' i trudy M.P. Pogodina* [Life and works of M.P. Pogodin]. Book 18. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.

Den'. (1861) *Golos iz Ugorskoj Rusi o russkom yazyke* [A Voice from Ugric Russia on Russian language]. 11th November. pp. 9–10.

Demchenko, A.A. (2014) N.G. Chernyshevskiy i slavyanofily: riski sblizheniya [Chernyshevsky and Slavophiles: the risks of rapprochement]. *Nauchnoye obozreniye: gumanitarnyye issledovaniya*. 2. pp. 26–37.

Dragomanov, M.P. (1908) *Politicheskiye sochineniya* [Political works]. Vol. I. Moscow: T-vo P.D. Sytina. pp. 1–216.

Emelyanov, E.P. (2013) National Question in Correspondence between Ivan Sergeyevich Aksakov and Nikolay Ivanovich Kostomarov. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 6(18). pp. 21–29 (In Russian).

Zigel, F.F. (1915) Retsenziya: Grot K.YA. Avstro-Vengriya ili Karpato-Dunay-skiye zemli v sud'bakh slavyanstva i russkikh istoricheskikh izucheniyyakh. Pg., 1914 [Grot K.Ya. Austria-Hungary or Carpathian-Danube lands in the fate of Slavs and Russian historical studies. Petrograd, 1914]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 4. pp. 355–368.

Lavrovsky, P. (1861) O russkikh v Galitsii (po povodu stat'i "Natsional'naya bestaktnost'" v iyul'skoy knige Sovremennika za 1861 g. otd. "Russkaya literatura". S. 1–18.) [On the Russians in Galicia (on the article "National tactlessness" in the July book of *Sovremennik* for 1861 from the department "Russian literature" pp. 1–18]. *Den'*. 28th October. pp. 11–13.

Lamansky, V.I. (1861) Natsional'naya bestaktnost' [National tactlessness]. *Den'*. 21st October. pp. 14–19.

Lamansky, V.I. (1865) *Natsional'nosti ital'yanskaya i slavyanskaya v politicheskoy i literaturnom otnosheniyyakh* [Italian and Slav nationalities in political and literary relations]. St. Petersburg: A.A. Krayevsky.

Lamansky, V.I. (1886) O polozhenii bolgarskikh slavyanskikh del s tochki zreniya istorika i slavista [On the situation of Bulgarian Slavonic affairs from the point of view of a historian and Slavist]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva*. 12. pp. 556–564.

Lamansky, V.I. (1883) "Gosudarstvennyye tayny Venetsii" (Secretes d'Etat de Venise et rapports de la République avec les Grecs, les Slaves et les Turcs au XVI siècle. Documents, extraits, notices et études. St.-Petersbourg. 1884. (tom v 65 listov uboristoy pechati) [State secrets of Venice. State secrets of Venice and republican relations with Greeks, Slavs and Turks in XVI century. Documents, excerpts, notices and studies. St. Petersburg. 1884]. *Rus'*. 15th November. pp. 23–41.

Lapteva, L.P. (2014) Vladimir Ivanovich Lamanskiy (1833–1914) i yego ucheniki (k 100-letiyu so dnya smerti uchitelya) [Vladimir Ivanovich Lamansky (1833–1914) and his disciples (on the occasion of the 100th anniversary of the teacher's death)]. *Slavyanovedeniye*. 6. pp. 82–96.

Kupriyanov, V.A. (2016) The structure of Europe in the philosophical and historical doctrine of V.I. Lamansky. *Veche*. 28. pp. 215–222 (In Russian).

Malinov, A.V. (2017) Student years of V.I. Lamansky. *Klio – Klio*. 10. pp. 156–166 (In Russian).

Mikhutina, I.V. (2003) *Ukrainskiy vopros v Rossii (konets XIX – nachalo XX veka)* [The Ukrainian question in Russia (the late 19th – early 20th centuries)]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS.

Aksakov, I.S. & Lamansky, V.I. (1916) *Perepiska dvukh slavyanofilov* [Correspondence between two Slavophiles]. *Russkaya mysl'*. 12. pp. 83–114.

St. Petersburg Branch of the RAS Archive (SPbF ARAN). Fund 35. List 3. File 2.

St. Petersburg Branch of the RAS Archive (SPbF ARAN). Fund 35. List 3. File 44.

Saprikina, O.V. (2004) *Akademik V.I. Lamanskiy (1833–1914): nauchnoye nasledie i obshchestvennaya deyatel'nost'* [Academician V.I. Lamansky (1833–1914): a scientific heritage and social activities]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

Sladkevich, N.G. (1948) *K voprosu o polemike N.G. Chernyshevskogo so slavyanofil'skoy publitsistikoy* [On the polemics of N.G. Chernyshevsky with Slavophile journalism]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 71–79.

Troitsky, S.A. (2009) *Pis'mo A.N. Pypina V.I. Lamanskomu. Predisloviye k publikatsii* [Letter of A.N. Pypin to V.I. Lamansky. Preface to publication]. *Veche*. 19. pp. 210–212.

Chernyshevsky, N.G. (1950a) *Polnoye sobraniye sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: In 15 vols]. Vol. 7. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 828–848.

Chernyshevsky, N.G. (1950b) *Polnoye sobraniye sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: In 15 vols]. Vol. 7. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 775–793.

Shulga, M.A. (2016) Rusyn “issue” and geopolitical dimensions of Vladimir Lamanskiy. *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 2. pp. 15–26 (In Russian).

Малинов Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Alexey V. Malinov – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.v.malinov@gmail.com

УДК 811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/5

«ХОДИЛ ПО РЫБУ ОБЫДЕНКОЙ» (об одной группе наречий в славянских языках)*

Г.Н. Старикова¹, Т.С. Соколова²

Томский государственный университет
Россия, 634055, Томск, проспект Ленина, 36

¹ E-mail: gstarikova@yandex.ru

² E-mail: tatyana_sokol-88@mail.ru

Авторское резюме

Предметом рассмотрения статьи стали наречия славянских языков, производные от наименований частей суток: **dъnъ*, **noktъ*, **večerъ*, **jutro*. Всего к анализу привлечено около 150 лексических единиц, извлеченных из различных этимологических и толковых словарей русского и некоторых других славянских языков. Проведенный анализ показал один из фрагментов адвербиальной подсистемы общеславянского лексического фонда, продемонстрировав типологическое сходство данных наречий в славянских языках. Оно выразилось в общности словообразовательных моделей (адвербиализация субстантивных падежных форм и сочетаний предлогов с именами, суффиксация на базе прилагательных), сходстве иерархии характеристик действий в аспекте времени. Разветвленная семантическая система этих наречий включает в славянских языках слова с общим значением 'в период, обозначенный мотивирующим словом' (*утром* – *днем* – *вечером* – *ночью*), которое конкретизируется указанием на сутки периода (*вечор* – 'вчера вечером', *ночьсь* – 'сегодня ночью'), его фазу (*привечер* – 'перед вечером', *ночком* – 'в поздние сумерки'), его повторение, многократность – 'в каждый из таких периодов' (*ежедень*, *ночми*), охват действием всего периода (*обыдень* – 'в течение дня, за один день', *обыночно* – 'в течение ночи, за одну ночь') и др. Наше исследование обнаружило в материале также единичные дериваты с качественной семантикой:

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043: «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

польск. *obdzień* – ‘срочно’, рус. *ночь-ночью* ‘очень темно’, что требует дополнительных разысканий с привлечением диалектных материалов славянских языков.

Ключевые слова: наречия, адвербиализация, народная культура, славянские языки, лексикология.

“I WENT FISHING OBYDENKOY (WITHIN ONE DAY)” (on one group of adverbs in Slavic languages)*

G.N. Starikova¹, T.S. Sokolova²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: gstarikova@yandex.ru

² E-mail: tatyana_sokol-88@mail.ru

Abstract

The article dwells on the adverbs derived from the names of the parts of the day in Slavic languages: *днь, *ноктъ, *вечерь, *jutro. The analysis involves about 150 lexical units from various etymological and explanatory dictionaries of Russian and some other Slavic languages. It shows a fragment of the adverbial subsystem of the Common Slavic lexical fund and demonstrates the typological similarity of these dialects in the Slavic languages, which is expressed in the generality of word-formation models (adverbialisation of substantive declensional forms and combinations of prepositions with names, suffixation on the basis of adjectives) as well as similar hierarchies of action characteristics in the aspect of time. The ramified semantic system of these adverbs includes words in the Slavic languages with a general meaning ‘in a period indicated by the motivated word’ (*utrom* – *dnem* – *vecherom* – *noch'yu*), specified by the period of the day indication (*vechor* – ‘yesterday in the evening’, *noches* – ‘tonight’), its phase (*privecher* – ‘before evening’, *noch-kóm* – ‘in the late twilight’), its repetition, multiplicity – ‘in each of such periods’ (*ezheden*, *nochmi*), the action covered by the entire period (*obyden* – ‘during the day, for one day’, *obynóchno* – ‘during the night, for one night’), etc. The research has revealed single qualitative adverbs: Polish. *obdzień* – ‘immediately’,

* The research is supported by Grant of Russian Science Foundation (RSF) Nr. 16-18-02043: “Culture of the Russian people in the dialectal language and text: constants and transformation”.

Russian *noch'* – *noch'yu* – ‘very dark’, which requires additional research with the use of Slavic dialect dictionaries.

Keywords: adverbs, adverbialisation, folk culture, Slavic languages, lexicology.

Постановка проблемы. К числу востребованных современной славистикой исследований относится разработка проблем лексикологии и словообразования в сравнительном аспекте, успехи которых связывают в т. ч. числе с изучением совокупности производных того или иного слова или группы слов, принадлежащих к одному тематическому объединению. В.В. Виноградов призывал сосредоточить исследовательские усилия на общеславянском лексическом фонде как наиболее стабильной части словарного состава: «Основной словарный фонд, давая языку базу для образования слов, вместе с тем определяет в значительной степени исторические пути словотворчества, направляет и упорядочивает общественную практику образования новых слов соответственно закономерно развивающимся и исторически меняющимся типам и категориям словопроизводства» (Виноградов 1977: 57). В свою очередь, А. Вежбицкая неоднократно указывала на необходимость изучения прежде всего *ключевых слов культуры* – частотных, многократно востребованных в паремийном фонде нации (Вежбицкая 2001: 36). В частности, эти требования учитываются при обращении лингвистов к новому для большинства исследователей материалу русинского языка (Садыкова 2016; Дронова 2017; Старикова 2017). Им также соответствует лексика, ставшая объектом нашего рассмотрения в данной статье: наречия, образованные от названий частей суток (*утро – день – вечер – ночь*), которые вместе с такими словами, как *время, год, весна – лето – осень – зима* и прочие, входят в число ведущих временных концептов славянских культур: рус. *день да ночь – сутки прочь; кто с вечера плачет, поутру засмеется; хвали утро днем, а день – вечером*; русин. *день до вечура, а нуч – до рана; нүч духам належить, а день – людям, нүч має уха, а день – очи* (Чори 2015: 593), *не хваль день перед вечором* (русинский Словакии). В семантическом плане это достаточно однородная группа, включающая преимущественно лексемы со значением времени действия.

Как особый лексико-грамматический класс наречия сформировались в праславянскую эпоху, активно пополнялись новыми единицами на базе других частей речи на протяжении всего письменного периода, остаются наиболее динамичным разрядом слов и в настоящее время. Вторичность происхождения последних породила в русистике разные взгляды на статус данной лексико-грамматической группы (Копосов 2008), а также обусловила интерес к ней, прежде всего со

стороны деривации (Коневецкий 1982; Калякина 2007). Особую значимость подобным исследованиям придает тот факт, что этот аспект восстанавливает историю формирования наречий, поскольку разным периодам развития русского языка свойственны различные модели их образования (Янович 1978; Чурмаева 1989).

Во многом сказанное относится и к славянским наречиям в целом, что обеспечивает их отдельным разрядам устойчивый интерес со стороны исследователей (Терзич 1985; Норман 2003; Попова 2003; Хмелевский 2003; Ивашина 2008; Мареева 2016 и др.). Сопоставительный материал этих работ показал общие способы формирования данного лексико-грамматического класса в славянских языках, различающиеся их реализацией в том или ином конкретном случае. Сравним, например, структурные типы одно- и разнокоренных наречий в русинском и русском языках: *задарь*, *(за)дармо* – *даром*; *наяри*, *наярь*, *у яри*, *(и)зъяри*, *навесні* – *весной*; *сїялом* – *врассыпную*; *нюпком*, *потихы* – *втихую*; *ручно* – *вручную* и т. д.

Общая характеристика материала. Исходной базой для анализа послужили праславянские:

**ďьнь* (блр. *дзень*, укр. *день*, русин. *день*, *ден* (лемк.), болг., макед. *ден*, с.-хорв. *đân*, словен. *đân*, *dên*, чеш. *den*, слвц. *deň*, польск. *dzień*, в.-луж. *dźeń*, н.-луж. *žeń*) (ЭССЯ 5: 213);

**nokъ* (блр. *ноч*, укр. *ніч*, русин. *нуч*, болг. *нощ*, макед. *ноќ*, с.-хорв. *nôhъ*, словен. *poč*, чеш., слвц., польск., н.-луж. *нос*, в.-луж. *пос*) (ЭССЯ 25: 175–176);

**večerъ* (блр. *вечар*, укр. *вечір*, русин. *вечур*, болг., макед. *вечер*, с.-хорв. *věčēr*, словен., чеш., слвц. *večer*, польск. *wieczór*, в.-луж. *wječor*, н.-луж. *wjasor*) (Черных 1999а: 148);

**jutro* (блр. *раніца*, укр. *ранок*, русин. *рано*, болг. *утро*, диал. *йутру*, макед. *утро*, с.-хорв. *jŭтро*, словен. *jutro*, чеш. *jitro* и *рано*, слвц. *rano* (*jutre* – завтра, диал.), польск. *rano* (*jutro* – ‘завтрашний день; завтра’), в.-луж. *jutro*, н.-луж. *jutšo*) (ЭССЯ 8: 200).

В перечне лексических соответствий обращает на себя внимание обозначение первых часов после восхода солнца, представленное в славянских языках словами, восходящими не только к **jutr-*, но и **ran-*, старшим значением которого указывают ‘утро как начало деятельности, движения’ (Черных 1999b: 99). При этом всем языкам известны дериваты с обоими корнями, в которых переплетены оба значения – ‘утренний’ и ‘ранний’. Напр., польск. *rano* – ‘утро’, ‘утром’ и диал. ‘рано’, др.-рус. *утро* – ‘утро, утреннее время’ и ‘рассвет, заря’.

Эта группа обнаруживает глубокие межъязыковые связи, которые выражаются в общности развития семантики и деривационного потенциала лексем. Так, данные номинативные единицы одинаковым

способом маркируют связь пространства и времени: *ночь, полночь* – ‘север’, *день, полдень* – ‘юг’, *утро* – ‘восток’, *вечер* – ‘запад’. Слова *день* и *ночь* развивают значения ‘единица измерения чего-л.’: с.-хорв. *dân* – ‘мера площади, пахоты’; др.-рус. *ночь* – ‘производственно-промышленный цикл (в солеварении, при ловле рыбы)’, ‘право на ловлю в течение одной ночи’, ‘улов одной ночи’ (Сл.РЯ XI–XVII 11: 433); рус. *день* – ‘расстояние, проходимое оленями между кормежками’, ‘единица расчета с пастухами – в зависимости от голов скота’ (Даль 1: 1059). Этой же способностью обладают производные от них: образования типа рус. *днище, ночлег* – ‘расстояние, которое преодолевают за день – дневной переход’, словен. *dnína* – ‘день работы’, ‘дневной заработок’, с.-хорв. *dnìna* – ‘один день пахоты’, ‘мера земли, площадь, которую можно вспахать за один день’, словен. *obdân* – ‘поденная плата’ (ЭССЯ 5: 212–213), а также некоторые историзмы – названия разного рода повинностей (ст.-чеш. *Nocleh* – ‘предоставление крова и угощения членам королевского двора, дворянам’) и пошлин (рус. *ночьльгъ* – ‘единица обложения за предоставление ночлега и пищи проезжающим’) (ЭССЯ 25: 178). Во всех языках значения ‘в текущие сутки’, ‘в предшествующие, накануне текущих’ и ‘в предстоящие, следующие за текущими’ передаются производными с корнями **dъn-*, **večer-* и **jutr-* соответственно, что отражает табл. 1, источниками для которой послужили современные переводные толковые словари сайта <https://translate.google.ru/>, а также материалы русско-русинского словаря (Керча 2012a; Керча 2012b).

Т а б л и ц а 1

Язык	‘сегодня’	‘вчера’	‘завтра’
укр.	сьогодні	вчора, учора	завтра
блр.	сёння	учо́ра	заўтра
русин.	(и)днесь, ныні, (и)днеська(й)	вчера, учера, вчора, учора	завтра, зарань
болг.	днес	вчера	утре, йутрь
макед.	денес(ка)	вчера	утре
с.-хорв.	данас, danàska	јучѣр(а)	сѹтра
словен.	dánes, denès	včeraј	zajutra
слвц.	dnes, teraz	včera	zajtra
чеш.	dnes	včera	zitra, zejtra, диал. jutro
польск.	dziś, dzisiaj	wczoraj	jutro, диал. witro
в.-луж.	džensa, džens	wczera, wczora	jutře, zajutřišim – ‘послезавтра’
н.-луж.	žins	cora	witse

В то же время при всей общности данная лексическая группа обнаруживает и многие черты национального своеобразия. Например, исследователями отмечалось, что в современных славянских языках представлены три варианта обозначения периода в 24 часа. Один из способов отражает конкретику мышления древних людей: русин. *день-нуч*, болг. *денонощие*, макед. *деноно́кие*, ср.: др.-рус. *нощѣдень*, *нощѣдение*, *нощѣденница*, *нощѣдница*, *нощѣдѣньство*, **дненощие* (<*дне-нощно*). Во втором варианте эта идея получила логическое завершение образованием новых слов: рус. *сутки*, блр. *суткі*, укр., русин. *доба*, польск. *doba*. В большинстве же случаев наблюдается развитие метонимического значения у слова *день* (серб., хорв., словен., чеш., словц., в.-луж., н.-луж., полаб.), причем даже в тех языках, где имеются особые лексемы для обозначения суток (Ивашина 2008: 62–63). К числу уникальных дериватов от указанных корней относятся лексемы разных грамматических разрядов: существительные (рус. *ночемержа* – ‘лед, образующийся во время ночных заморозков’, укр. *ночівля* – ‘ночной отдых’, польск. *nocwid* – ‘ночной призрак, привидение’), прилагательные (с.-хорв. *nočvidan* – ‘видящий ночью’) (ЭССЯ 25: 179, 184), глаголы (с.-хорв. *dániti* – ‘пробыть, провести день’, словен. *danitise* – ‘светать’) (ЭССЯ 5: 213) и др. Не приходится сомневаться, что имеются различия и в образовании наречий от названий частей суток, что показывает даже беглое обращение к материалам (см. табл. 1).

Характеристика славянских наречий лексических гнезд **днь*, **ноктъ*, **večerъ*, **jutro*. Данные наречия, принадлежащие к классу обстоятельственных с общим значением ‘в течение определенного времени суток <совершаемый, происходящий>’, образуют несколько семантических групп. Первая из них представлена словами с самым общим значением, вынесенным в названия граф табл. 2.

При отмеченном выше наличии разных исходных корней в обозначении утра материал в целом демонстрирует общие способы образования слов – адвербиализацию падежных форм существительных и предложно-именных сочетаний, что соответствует наиболее древним способам происхождения наречий. В первом случае это свойственно существительным в форме вин., мест. или твор. падежей, причем для древнерусского языка формы с вин. п. (*ночь*, *вечеръ*, *утро*) и мест. п. (*ночи*, *утрѣ*, *вечерѣ*, *вечеру*) предшествуют формам с твор. п. (*днью*, *днемъ*, *ночью*, *вечеромъ*). В сочетаниях наблюдаем конструкции с предлогами: **въ* + мест. п., **на* + вин. п., **съ* + род. п., **ро* + дат. п. / мест. п., вин. п., с существенным преобладанием первой. Сравните: др.-рус: *въ вечерѣ*, *въ вечеру*, *на вечерѣ*, *повечер*, *по вечеру*; *наутрѣхъ*, *поутру*, *изутра* и *изутро*. Это подтверждает мнение Н.В. Чурмаевой о том, что первоначально любая падежная форма имени могла выступать

как наречие (Чурмаева 1989: 18). Эта же мысль звучит и в работах других исследователей, напр.: «Четкой границы между наречием и падежной формой нет» (Комышкова 2010: 61).

Т а б л и ц а 2

Язык	‘днем’	‘ночью’	‘вечером’	‘утром’
укр.	вдень, денно	вночі	ввечері	ранком, уранці, рано
блр.	удзень, днём	ноччу (чаще уначы)	вечарам ўвечары	раніцай ранкам уранку раніцой
макед.	ден, во текот на денот	ноќ, во текот на ноќта	вечер, во вечерните часови	утро, во утринските часови
русин.	(по)завидка; удень; во дне завидна, за дня, гводне (лемк.)	вночи; поночи, поночіх/ поночах/ ночами/	вечур, навечур, звечора	рано, додня, (на)рано, (и)ззарань, зрана, ізрана
болг.	денем	нощем, ноще, ноща	вечер	рано, сутрин утро, утрин, у йутру
с.-хорв.	дањѡм, дању, danju	nõђy	вѣчером	yјутру, uјutro
словен.	podnevi	ponoči, pocoj	zvečer, v večerni hurah	zjutraj
чеш.	vedne	vnoci, noci	zvečera	rano, zrana
слвц.	vodne	na nos	večer	rano, dopoludnia
польск.	w dzień, we dne	nocą	wieczor, wieczorem	rano, z rana
в.-луж.	wob dzeń	(w) nosy		rano
н.-луж.	wodnjo	(w) nosy		zajtša

В народном типе русского языка этот список намного шире литературного, что, надо полагать, характеризует и другие славянские языки: *вечер, вечера, вечере, вечери, вечеру, вечерах* (‘вечером, по вечерам’), *в вечерах, в вечерих, о вечерах* (Даль 1: 462), *навечер, на вечерах* (Даль 2: 1005), *обвечер, овечер* (‘вечером, по вечеру’) (Даль 2: 1474); *ноче, ночей, ночёй, ночестъ, ночесь* (и ‘ночь’), *ночесья, ночи, ночми* (‘по ночам, ночами’); *ночно* (‘ночью, в течение всей ночи’), *нощно* (Даль 2: 1445),

обночи, обночью, поночи (Даль 2: 1558); *деньком* ('днем, ранней порой'), *по день* ('в течение дня'), *обыденком* (Даль 2: 1635), *дённо* (Даль 1: 1060); *заутре, заутро, заутрю* (Даль 1: 1638), *поутру* (Даль 3: 591), *в утрях, утреньком* (Даль 4: 1101).

Отдельные подгруппы образуют наречия с подобными указанным выше, но более узкими значениями. Первый случай конкретизации общевременного значения связан с уточнением суток периода: 'вчера / сегодня / завтра – вечером / утром / ночью'. Так, в русском диалектном языке семантика 'сегодня вечером' передается лексемой *вечере*, 'вчера вечером' – *вечор, вечорсь, вечерясь, вечорь, вечора, вечорась, вечоресь, вечороса, вечорча* (Даль 1: 462), 'завтра вечером' – *навечер* (Даль 2: 1005). Соответственно, 'сегодня утром' – *сеутра* (Даль 4: 141); 'завтра утром' – *заутра, утре, заутре, заутрия, заутро* (Даль 1: 1638), *утрие* (церк.) (Даль 4: 1100), *воутрие, воутро* (Даль 1: 1619), *наутрие, наутро* (Даль 2: 1273), *позаутру* (Даль 3: 591); 'прошлым утром' – *утресь* (Даль 4: 1100). При этом дополнительные по отношению к значению слов *утром, вечером, ночью, днем* семы выражаются преимущественно элементом *-сь / -ся / се-*, восходящим к местоимению **сь*, указывающему на нечто ближайшее: *сеутра* – 'сегодня утром' (Даль 4: 141). Поскольку ближайшим может быть время как в прошлом, так и в будущем, это порождает полисемию дериватов с таким компонентом: *севечор* – 'вчера', 'вчера вечером', 'ныне вечером' (Даль 4: 115). Аналогично: *утресь, утрось, утросы* – 'прошлого утра', 'ныне', 'сегодня поутру' (Даль 4: 1100), а также *ночесь, ночеса, ночесе, начесь, ночешно* – 'прошедшей ночью', *ночесть, ночесь* – 'в эту ночь, ночью, нынче ночью' – *ночесь, ночесть, 'сегодня ночью' – ночешь* (Даль 2: 1445).

Близкую к отмеченной картине являют материалы других славянских языков: болг. *нощесь, нощес, ношчес, нуштес, ноштос* ('минувшей ночью, прошлой ночью, сегодня ночью, этой ночью'), макед. *ноќеска* ('сегодня ночью'), с.-хорв. *ноћас* ('этой ночью'), *ноћас* ('этой: минувшей, сегодняшней, будущей ночью'), словен. *počes* ('сегодняшней ночью'), ст.-польск. *poesia* ('текущей, этой ночью'), др.-рус. *ночесь (ночьсь, начесь)* – 'сегодня ночью, будущей или прошлой' (ЭССЯ 25: 183 – 184). Неоднозначность демонстрируют производные и с другим корнем: болг. *утръсь* – 'утром'; с.-хорв. *jŭtrŏs*, словен. *jútros*, чеш. *jítros* – 'сегодня утром' (ЭССЯ 8: 202).

Особым образом в связи с последней семантикой ведет себя гнездо **днь*, вернее сказать, его отсутствие в этой группе, что связано, вероятно, с развитием у него значения 'сутки': формы, восходящие к **дньсь / *segodyne* (болг. *днес, денес, дьнес, дьнес, денѣс*, словен. *dnês, dones, dansi*, укр. *днесь* и др. – см. табл. 1), обозначают не 'днем',

а 'сегодня, ныне, сейчас'. Соответственно, 'ранее / позднее сутками' – это *вчера* и *завтра*, значений 'вчера / завтра днем' не выявлено. С семантикой 'сутки' этого слова связаны и наречия со значением 'на днях' ('недавно' / 'вскоре'): болг. *денесе*, рус. *ободнясь*, *оводнясь*. При этом единицы со значением 'сегодня' активно участвуют в деривации наречий, служа своеобразной точкой отсчета в выражении временных отрезков: рус. *доднесь*, *додню*, *додне* – 'до сегодняшнего дня, доныне' (Даль 1: 1121); *поднесь* – 'по сегодняшний день, поныне' (Даль 3: 482); *отднесь*, *отсёдни* – 'с этого дня, отныне' (Даль 2: 1873); *посядни* – 'недавно, несколько дней назад' (Даль 3: 1913).

Наличие глаголов вида *вечереть* (Даль 1: 463), *завечереть* (Даль 1: 1396), *повечереть* (Даль 3: 361), *привечереть* (Даль 3: 1050), *отвечереть* (Даль 2: 1853), *днеть*, *заднеть* (Даль 1: 1432), *наднеть* (Даль 2: 1053), *ободнеть*, *ободнять*, *ободневать* (Даль 2: 1562), *заутре(не)ть* (Даль 1: 1638), *обутре(не)ть*, *обутриться* (Даль 2: 1615), *поутреть* (Даль 3: 951) свидетельствует о возможности выделения временных фаз в частях суток. Поэтому семантика слов типа *утром*, *вечером* может конкретизироваться указанием на фазу периода. И хотя В.И. Далем выделяется *полувечер* (Даль 3: 677), наречиями маркируется только середина дня (*ополдни*, *ополудни* (Даль 2: 1764), *полудне* (Даль 3: 679)) и ночи (*ополночь*, *ополуночи* (Даль 2: 1766)). Одновременно, как в случае с *сегодня*, эти временные показатели могут служить точкой отсчета на хронологической оси: *пополудни*, *пополуночи* (Даль 3: 786), *за полдень*, *с полдня*, *на полдень*, *на полднях* (Даль 3: 646), *за полночь* (Даль 3: 661). Другие фазы частей суток обозначаются нечасто: *вечерее* – 'позднее вечером' (Даль 1: 462), *навечер* (Даль 2: 1005), *подвечер*, *надвечер*, *надвечерью*, *надвечёрком*, *навечеру* (Даль 2: 1039), *привечер* – 'перед вечером, под вечер, почти вечером' (Даль 3: 1050); *ночком* – 'в поздние сумерки, перед самой ночью' (Даль 2: 1445), *оночь* – 'ближе к ночи', *обночи* – 'ближе к полуночи' (Даль 2: 1558), *ободнясь*, *додни*, *додня* – 'рано утром' (Даль 1: 1121), *уночью* – 'в темные сумерки' (рус.) (Даль 4: 1032); *дідня* (руси́н., лемк.), а также с другими корнями: *на світанку* (укр.), *zoro* – хорв. 'рано утром'. Интерес также представляет наречие *позаутру* (Даль 3: 591), в котором сочетаются оба отмеченные способы уточнения значения времени – 'завтра рано утром'.

Третий вид конкретизации общего значения 'днем', 'ночью' и подобных связан с указанием на многократность, повторяемость каждого периода, что отражает циклическую модель времени. В древнерусском эта семантика последовательно передается производными двух моделей: *ежевечерь*, *ежевечеровъ*, *ежедень* (*еждень*) и *ежедень* (*еждень*), *ежедней*, *еженочей*, *ежеутрь* и *ежеутра*, где существительные

стоят в форме род. п. (мн. или ед. ч.), а также *ежедневно* и *ежеденно*, производных от соответствующих сложных прилагательных (Сл. РЯ XI–XVII 5: 36 – 37). Первым элементом в этих словах выступает местоимение *jъ, je, ja, осложненное частицей *ъе. Некоторые из названных наречий представлены в современных русских говорах, где обращают на себя внимание полная утрата образований от *вечер* и рост дериватов от *день* и *ночь*: *ежедён*, *ежедёнком*, *ежеденно*, *ежедень*, *ежедней*, *кажедён*, *ожидён*, *чтодённо*, *еженочей*, *еженочно*, *еженочь*, *еженочно*, *ежеутренне*, *ежеутр*. В основном композитами выражается значение ‘ежедневно’ и в других славянских языках: блр. *штодня*, *штодзень*, *штодзённа*; укр. *щодня*, *щоденно*, *щодень*; русин. *каждоденно*, *каждоднёво*; *день-у-день* (разг.), *што день*, *денно*, *штоденно* (обл.); болг. *ежедневно*, *всекидневно*; макед. *дневно*; с.-хорв. *свакодневно* / *svakodnevno*; словен. *dnevno*; словц. *denný*, *každodenne*; польск. *codziennie*, *codzienny*, *codziennie*, *dziennie*; чеш. *každodenně* (<https://translate.google.ru>). В ряде образований семантика повторяемости уточняется постоянством (‘всегда’) и охватом всего периода (‘в течение всего времени, целиком’), что подтверждает русский материал: *вовсядни*, *вседенно*, *вседневно*, *повседённо*, *повсюдённо*, *повсядни*, *повсякдень* (Даль 3: 375), *девньесь* (Даль 1: 1051), *денноночно*, *дненочно* (Даль 1: 1094), *ночеденно* (Даль 2: 1444) и др. В целом же выделенное значение и его оттенки, помимо сложных слов, выражаются падежными и предложно-именными формами мн. ч. существительных (*днями*, *ночами*, *ночами*, *вечерях*, *в вечерях*, *утрами*, *в утрях*), а также сочетанием однокоренных образований (*ночь-ноченски*, *ночь-ночно* (Даль 2: 1447), *день-денски*, *день-деньской*, *дни-днящи*, *день при дни* (Даль 1: 1059)).

С последней подгруппой семантически связана следующая – наречия с общим значением ‘в одну / за одну единицу времени, в течение всего периода, обозначенного мотивирующим словом’. В славянских языках они представлены производными, восходящими к предлогу *ob(i), и существительным *dънь и *nokтъ, т. е. выделяются еще и по формальному признаку. Так, семантику ‘в течение ночи, всю ночь’ имеют блр. *абноч*, *абынач*, *абноч*, *абыноч*, *абыныч*, в.-луж. *wobnos*, полаб. *vě nūs*, польск. (диал.) *obnos*, *obnos*, *wobnos*, словин. *uóbnos*, *wæbnos*, *uótnos*, др.-рус. *обношь*, рус. (диал.) *обночь*, *обночи*, *обыночь*, а также *обыночно* и *обиночно*, с другой приставкой – *заночь* (ЭССЯ 26: 80). Наибольшее же количество лексических единиц представлено с первым корнем, что объясняется наличием у него значения ‘сутки’ в родственных языках. В частности, указанную семантику имеют блр. *абыдзень*, *абдзень*, укр. *обидень*, *в обидень*, с.-хорв. *obdan*, *òbdân*, в.-луж. *wobdzeń*, н.-луж. *hob źeń*, словин. *uozеń*, *uóbzeń*, *wæbzeń*, польск. (диал.) *obdzień*, а также словен. *obdân* – ‘поденная плата’, т. е. ‘зара-

ботанное за день' (ЭССЯ 26: 75–76). Максимально полно подобные наречия представлены в русских говорах, где они соотносятся со значительным числом существительных: *в ободень, обыден, обыдён* (Даль 1: 533), *обыдень, в обыдень, на обыдень, обыденье, обыденьем, в ободёнку, обыдёнку, в обыдёнку, на обыдёнку, обыдёнки, на обыдёнках, на обыдёнки, обыдёнками, обыдёнок, в обыдёнок, на обыдёнок, обыдёнком, обыденком, в обыдёнщину, овидень* (Даль 2: 1634–1635), *в овидень, на овидень, на овидёнку, подёнком* (Даль 3: 439), а также некоторых прилагательных: *овидённо, овиденно, в овидень день* (так!) (Даль 1: 1059). Некоторые из названных наречий получили также значение 'через ночь' (рус. *обыно́чно, обино́чно, обночь, обношь, за́ночь*) и 'через день' (рус. *обыдён*, укр. *в обидень*, блр. *абыдзень*) (ЭССЯ 26: 76).

Наречие в форме *обыденкой* отсутствует в «Словаре русских народных говоров», хотя у В.И. Даля оно зафиксировано, правда, в иллюстративной части при существительном *обыденко*: «что сдѣлано въ одинъ день, однимъ днемъ, длилось не долѣе дня или сутокъ, что-либо обыденное» (Даль 3: 1634). Оба приведенных в статье контекста на самом деле иллюстрируют наречия, причем в разных формах: «Туда дойдешь **обыденкой**, на двухъ кормахъ, а не то, пожалуй, на одномъ. **Обыденкомъ** дѣлать, обыденно и простоить, плохо будетъ» (Даль 3: 1634). Возможно, данные разночтения определили решение лексикографов отказаться от включения лексемы *обыденкой* в свой словарь. В нашем материале – сибирском старообрядческом летописце, запись из которого вынесена в название статьи, наречие встретилось в двух формах: 9. *Морочок не толстой и витерок, на железе таело. Ходил по рыбу **обыденкой*** (л. 5 об.); 10. *Ходил на рыбалку **на обыденку**. Рыбы добыл 80 да язя и 2 подъяска. К ночи выеснило и мороз* (л. 23) (Приль 1995). Таким образом, данный памятник, созданный в первой четверти XX в. на севере Томской области, подтвердил существование еще одного номинативного варианта в этой подгруппе наречий.

Выводы. Проведенный анализ показал один из фрагментов адвербиальной подсистемы общеславянского лексического фонда, производной от наименований частей суток – о.-с. **dънь, *nokъť, *večerъ, *jutro*. Он продемонстрировал типологическое сходство данных наречий в славянских языках: общие словообразовательные модели (адвербиализация субстантивных падежных форм и сочетаний предлогов с именами, суффиксация на базе прилагательных), сходную иерархию характеристик действий в аспекте времени. Так, разветвленная семантическая система этих наречий включает слова с общим значением 'в период, обозначенный мотивирующим словом' (*утром – днем – вечером – ночью*), которое конкретизируется указанием на сутки периода (*вечор – вчера вечером*), *ночь* – 'сегодня ночью'), его фазу (*приве-*

чер – ‘перед вечером’; *ночком* – ‘в поздние сумерки’), его повторение, многократность – ‘в каждый из таких периодов’ (*ежедень, ночи*), охват действием всего периода (*обыдень, обычно*) и др. Наше исследование обнаружило в материале также единичные образования с качественной семантикой: наречие в польском *obdziej* – ‘срочно’, категорию состояния *ночь-ночью* ‘очень темно’ – в русском. Более же полная картина лексических соответствий может быть получена по завершении описания праславянского фонда в «Этимологическом словаре славянских языков», содержащем богатый диалектный материал, актуальный для данного лексико-грамматического класса.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

блр. – белорусский язык; болг. – болгарский язык; в.-луж. – верхнелужицкий язык; диал. – диалектное; др.-рус. – древнерусский язык; лемк. – лемковский говор; макед. – македонский язык; н.-луж. – нижнелужицкий язык; обл. – областное; о.-с. – общеславянский язык; полаб. – полабский язык; польск. – польский язык; разг. – разговорное; рус. – русский язык; русин. – русинский язык; словц. – словацкий язык; словен. – словенский язык; словин. – словинский язык; с.-хорв. – сербохорватский язык; ст.-чеш. – старочешский язык; укр. – украинский язык; церк. – церковное; чеш. – чешский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Вежбицкая 2001 - Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

Виноградов 1977 - Виноградов В.В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 47–68.

Даль 1 - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. 3-е изд., испр. и значительно доп. СПб.; М.: Издание Т-ва М.О. Вольф, 1903. Т. 3. 1702 с.

Даль 2 - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. 3-е изд., испр. и значительно доп. СПб.; М.: Издание Т-ва М.О. Вольф, 1905. Т. 3. 2030 с.

Даль 3 - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. 3-е изд., испр. и значительно доп. СПб.; М.: Издание Т-ва М.О. Вольф, 1907. Т. 3. 1782 с.

Даль 4 - Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. 3-е изд., испр. и значительно доп. СПб.; М.: Издание Т-ва М.О. Вольф, 1909. Т. 3. 1702 с.

Дронова 2017 - *Дронова Л.П.* Утилитарная оценка в русинском языке (сопоставительный аспект) // Русин. 2017. № 2 (48). С. 31–40. DOI: 10.17223/18572685/48/3

Ивашина 2008 - *Ивашина Н.* Некоторые аспекты категоризации временных понятий в славянских языках // Sborník prací filozofické fakulty Brněnské University studia minorae facultatis philosophicae universitatis Brunensis A 56, 2008. LINGUISTICA BRUNENSIA. С. 59–75.

Калякина 2007 - *Калякина О.Н.* Процесс адвербиализации в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 20 с.

Керча 2012 а - *Керча І.* Російсько-русинський словник – 65 000 слів = Русско-русинский словарь – 65 000 слов: в 2 т. Т. 1: А–М. Ужгород: ПоліПрінт, 2012а. 580 с.

Керча 2012 б - *Керча І.* Російсько-русинський словник – 65 000 слів = Русско-русинский словарь – 65 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2012б. 596 с.

Комышкова 2010 - *Комышкова А.Д.* Проблема становления грамматической категории наречия на материале древнерусских текстов XII–XVI вв. // Вестник Вятского государственного университета. 2010. Языкознание. С. 59–62.

Коневецкий 1982 - *Коневецкий А.К.* Словообразование наречий в истории русского языка. Вильнюс, 1982.

Копосов 2008 - *Копосов Д.Р.* Наречие. Динамика классификации феномена // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 150, кн. 6: Гуманитарные науки. 2008. С. 208–216.

Мареева 2016 - *Мареева Ю.А.* Специфика процессов адвербиализации в славянских языках (на материале русского и македонского) // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 369–373.

Норман 2003 - *Норман Б.Ю.* Наречие в современных славянских языках: словообразовательные, семантические и синтаксические аспекты развития // Мовознаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка. XII Міжнародны з'езд славістаў (Любляна, 2003). Доклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2003. С. 159–174.

Попова 2003 - *Попова В.Г.* Функционально-семантический подход при изучении наречий времени в чешском и русском языках // Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: Достижения и перспективы: информ. материалы и тез. докл. междунар. науч. конф., 21–22 окт. 2003 г. М., 2003. С. 168–170.

Приль 1995 - *Приль Л.Н.* Островной летописец // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. Т. VIII. С. 183–222.

Садыкова 2016 - *Садыкова И.В.* Лексика тактильной перцепции в восточнославянских языках // Русин. 2016. № 3 (45). С. 49–67. DOI: 10.17223/18572685/45/5

Сл.РЯ XI–XVII 5 – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1978. 392 с.

Сл.РЯ XI–XVII 11 – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ред. Г.А. Богатова. М.: Наука, 1986. 433 с.

Старикова 2017 - *Старикова Г.Н.* Номо loquens в зеркале имен народной культуры (на материале русского и русинского языков) // Русин. 2017. № 2 (48). С. 140–157. DOI: 10.17223/18572685/48/9

Терзич 1985 - *Терзич А.* Наречия, образованные от отглагольных существительных на -ка в русском и их эквиваленты в сербохорватском языке // *Studia philologica*. № 12/1982. Приштина, 1985. С. 27–44.

Хмелевский 2003 - *Хмелевский М.С.* Формирование разряда наречий-интенсификаторов в славянских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 18 с.

Черных 1999а - *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1999а. Т. 2. 624 с.

Черных 1999b - *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1999b. Т. 2. 560 с.

Чори 2015 - *Чори Ю.С.* Фразеологизмы русинського языка: в 2 т. Ужгород, 2015. Т. 1. 593 с.

Чурмаева 1989 - *Чурмаева Н.В.* История наречий в русском языке / Отв. ред. В.В. Иванов. М.: Наука, 1989. 174 с.

ЭССЯ 5 - *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева: в 40 вып. М.: Наука, 1978. Вып. 5. 232 с.

ЭССЯ 8 - *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева: в 40 вып. М.: Наука, 1981. Вып. 8. 252 с.

ЭССЯ 25 - *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева: в 40 вып. М.: Наука, 1995. Вып. 25. 239 с.

ЭССЯ 26 - *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд* / Под ред. О.Н. Трубачева: в 40 вып. М.: Наука, 1999. Вып. 26. 235 с.

Янович 1978 - *Янович Е.И.* Наречие в истории русского языка. Генезис и функционирование основных морфологических типов производных наречий. Минск: Изд-во БГУ, 1978. 143 с.

REFERENCES

Wierzbicka, A. (2001) *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through the use of keywords]. Translated from English by A.D. Shmelev. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Vinogradov, V.V. (1977) *Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka. pp. 47–68.

Dal', V.I. (1903) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 3rd ed. Vol. 3. St. Petersburg; Moscow: M.O. Wolf.

Dal', V.I. (1905) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 3rd ed. Vol. 3. St. Petersburg; Moscow: M.O. Wolf.

Dal', V.I. (1907) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 3rd ed. Vol. 3. St. Petersburg; Moscow: M.O. Wolf.

Dal', V.I. (1909) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. 3rd ed. Vol. 3. St. Petersburg; Moscow: M.O. Wolf.

Dronova, L.P. (2017) Utilitarian Evaluation in the Rusin Language: a Comparative Perspective. *Rusin*. 2(48). pp. 31–40 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/3

Ivashina, N. (2008) Nekotoryye aspekty kategorizatsii vremennykh ponyatiy v slavyanskikh yazykakh [Some aspects of the categorization of temporal concepts in Slavic languages]. *Sbornik prací filozofické fakulty Brněnské University studia minora facultatis philosophicae universitatis Brunensis A 56 – LINGUISTICA BRUNENSIA*. pp. 59–75.

Kalyakina, O.N. (2007) *Protsess adverbializatsii v sovremennom russkom yazyke* [The process of adverbialization in modern Russian]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

Kercha, I. (2012a) *Rosíys'ko-rusins'kiy slovník* [The Rusin-Russian Dictionary]. In 2 vols. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2012b) *Rosíys'ko-rusins'kiy slovník* [The Rusin-Russian Dictionary]. In 2 vols. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.

Komyshkova, A.D. (2010) The problem of formation of adverb as a grammatical category (on the material of Old Russian texts of the 12th – 16th centuries). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2 (In Russian).

Konevetskiy, A.K. (1982) *Slovoobrazovaniye narechiy v istorii russkogo yazyka* [Word-formation of adverbs in the history of the Russian language]. Vilnius: [s.n.].

Koposov, D.R. (2008) Adverb. Phenomenon Classification Dynamics. *Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*. 150(6). pp. 208–216 (In Russian).

Mareeva, Yu.A. (2016) [Specificity of the processes of adverbialization in the Slavic languages (on the material of Russian and Macedonian)]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v so-vremennoy Rossii* [Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia]. Proc. of the Fifth Congress of the Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature. Kazan. October 4–8, 2016. Kazan. pp. 369–373 (In Russian).

Norman, B.Yu. (2003) [Adverb in modern Slavic languages: word-forming, semantic and syntactic aspects of development]. *Movaznaŭstva. Litaratura. Kul'turalogiya. Fal'klarystyka* [Linguistics. Literature. Culture and Folklore Studies]. Proc. of the Twelfth International Congress of Slavists. Lyubliana, 2003. Minsk. pp. 159–174 (In Russian).

Popova, V.G. (2003) [Functional-semantic approach to studying adverbs of time in the Czech and Russian languages]. *Issledovaniye slavyanskikh yazykov i literatur v vysshey shkole: Dostizheniya i perspektivy* [Research of Slavic Languages and Literatures in Higher Education: Achievements and Prospects]. Proc. of the International Conference. October 21–22, 2003. Moscow. pp. 168–170.

Pril', L.N. (1995) *Ostrovnoy letopisets* [Island chronicler]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob"yedi-nennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk State Unified Historical and Architectural Museum]. Vol. VIII. Tomsk: Tomsk State University. pp. 183–222.

Sadykova, I.V. (2016) Vocabulary of tactile perception in east Slavic languages. *Rusin*. 3(45). pp. 49–67 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/5

Barkhudarov, S.G. (ed.) (1978) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Vol. 5. Moscow: Nauka.

Bogatova, G.A. (ed.) (1986) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Vol. 11. Moscow: Nauka.

Starikova, G.N. (2017) Homo Loguens image in dialectal culture in the Russian and Rusin Languages. *Rusin*. 2(48). pp. 140–157 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/9

Terzich, A. (1985) Narechiya, obrazovannyye ot otglagol'nykh sushchestvitel'nykh na -ka v russkom i ikh ekvivalenty v serbokhorvatskom yazyke [Adverbs formed from verbal nouns with -ka in adverbs and their equivalents in Serbo-Croatian language]. *Studia philologica*. 12/1982. pp. 27–44.

Khmelevskiy, M.S. (2003) *Formirovaniye razryada narechiy-intensifikatorov v slavyanskikh yazykakh* [Formation of the category of adverbs-intensifiers in the Slavic languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

Chernykh, P.Ya. (1999a) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.

Chernykh, P.Ya. (1999b) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. 3rd ed. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.

Chori, Yu.S. (2015) *Frazeologizmy rusins'kogo yazyka: v 2 t.* [Phraseology of the Rusin language. In 2 vols]. Vol. 1. Uzhhorod: [s.n.].

Churmaeva, N.V. (1989) *Istoriya narechiy v russkom yazyke* [History of Adverbs in Russian]. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1978) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 5. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1981) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 8. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1995) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 25. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1999) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 26. Moscow: Nauka.

Yanovich, E.I. (1978) Narechie v istorii russkogo yazyka. Genezis i funktsionirovaniye osnovnykh morfologicheskikh tipov proizvodnykh narechiy [The adverb in the history of the Russian language. Genesis and functioning of the basic morphological types of derived adverbs]. Minsk: Belarusian State University.

Старикова Галина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

Galina N. Starikova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: gstarikova@yandex.ru

Соколова Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета (Россия).

Tatyana S. Sokolova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tatyana_sokol-88@mail.ru

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/6

СЛАВЯНСКИЕ АНКЛАВЫ В КИТАЕ: ЭТНИЧЕСКОЕ И ЯЗЫКОВОЕ СОХРАНЕНИЕ

Е.А. Оглезнева^{1,2}

¹Томский политехнический университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30

²Томский государственный архитектурно-строительный
университет, Россия, г. Томск, Соляная площадь, 2
E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена изучению славянских этнических групп, которые компактно проживали в разных провинциях Китая, где в настоящее время живут их потомки. Целью исследования является анализ языкового существования и этнического самосознания славянских групп на территории Китая в XX – начале XXI в. Материал был собран во время научных экспедиций в провинции Хэйлунцзян, Нэй Мэнгу (Внутренняя Монголия), Синьцзян-Уйгурский автономный округ в период с 2000 по 2017 г., а также по данным научных источников и изучался с помощью различных лингвистических и исторических методов: социолингвистического, лингвоперсоналогического, метода моделирования языковых ситуаций и языковых компетенций языковых личностей, статистического, описательно-повествовательного. Совокупность примененных методов и опыт эмпирического наблюдения позволили выявить следующие славянские анклавы в Китае в XX – начале XXI в.: харбинский, приамурский, трехреченский и синьцзянский, которые характеризуют «островное» существование внутри другого, неславянского государства, в среде генетически и типологически неродственного языка и в отрыве от основного славянского этноса.

Ключевые слова: славянские этнические группы, славянские языки, Китай, этническое самосознание, социолингвистика, сферы использования языка.

THE SLAVIC ENCLAVES IN CHINA: ETHNIC AND LANGUAGE PRESERVATION

E.A. Oglezneva^{1, 2}

¹Tomsk Polytechnic University

30 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

²Tomsk State University of Architecture and Building

2 Solyanaya Square, Tomsk, 634003, Russia

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Abstract

The article discusses Slavic ethnic groups that lived compactly in different provinces of China, where their descendants live at present. The research aims at analyzing the language and ethnic self-consciousness of Slavic groups in China in the 20th and early 21st centuries, with the material collected during expeditions to Heilongjiang Province, Nei Mongol (Inner Mongolia), Xinjiang Uyghur Autonomous Region in 2000–2017 as well as taken from other scientific databases. The author employs various linguistic and historical research methods: sociolinguistic, linguopersonological, statistical, descriptive and narrative methods, methods of modeling language situation and language competences of a linguistic personality. The set of methods applied and the experience of empirical observation allowed identifying the following Slavic enclaves in China in the 20th – early 21st centuries: Harbinian, Priamur, Three River Region and Xinjiang, characterized by “island” existence inside another non-Slavic state, in genetic and topological unrelated language environment, separately from the main Slavic ethnos.

Keywords: Slavic ethnic groups, Slavic languages, China, ethnic self-consciousness, sociolinguistics, language using spheres.

Вопросы территориального размещения славян как на исторических славянских территориях, так и за их пределами, проблемы их этнического самосознания и языкового существования не перестают волновать историков, этнографов, лингвистов. В современных работах по славянской проблематике исследуются идеи славянской идентичности (Дубнинский, Меркулов 2017: 61–72), особенности формирования славянских диаспор (Акимов, Минкова 2016: 128–144), положение славян в неславянском окружении по данным дипломатических документов различных исторических периодов (Суляк 2016: 95–119), вопросы школьного образования славян в неславянских государствах

(Фоминых, Степанов 2016: 159–176), языковые права славянских меньшинств (Катунин 2015: 55–66), многонациональное население стран, включая славян, в сложных геополитических условиях (Грек, Руссев 2018: 15–16) и т. д.

Межэтническое взаимодействие славян в этноконтактных зонах выступает темой научных форумов. Так, в 2017 г. в городе Тараклия (Республика Молдова) на Международной научно-практической конференции, посвященной названной проблематике, были рассмотрены проблемы межэтнических отношений, этнического самосознания, демографических процессов на полиэтнических Карпато-Днестровских землях, а также проблемы диалога культур, межэтнического взаимодействия в зонах контактов и этническая идентичность (Суляк 2018: 10). Традиционными стали конференции по славянской проблематике в Национальном исследовательском Томском государственном университете «Славянский мир в условиях современных вызовов» и «Славянские языки в условиях современных вызовов» (Томск 2015, 2016, 2017, 2018), на которых, среди прочих, поднимаются вопросы истории и языка славян в неславянском окружении.

Славянское присутствие в Китае в XX в. также выступало объектом изучения в ряде исторических и лингвистических работ: исследованы состав славянских этнических групп, особенности их языкового бытия в Харбине – центре русской восточной эмиграции, многообразные сферы использования и формы бытования русского языка – наиболее распространенного среди славянских языков в Китае, обнаружена высокая степень его сохранности, установлен факт функционирования там других славянских языков – украинского, польского, белорусского, чешского, болгарского, выявлены сферы их использования (Диао Шаохуа 2001: 208–209; Оглезнева 2009: 37–43; Оглезнева 2016a: 90–106; Оглезнева 2016b; Оглезнева 2017: 300–318 и др.).

В данной статье в поле исследовательского внимания оказались славянские этнические группы, компактно проживавшие в разных провинциях Китая в XX в. Цель работы – проанализировать языковое существование и этническое самосознание представителей славянских групп, живших на территории Китая в XX – начале XXI в. колониями или анклавами, возникновение которых обусловлено историческими обстоятельствами.

Материал для исследования был собран во время научных экспедиций в период с 2000 по 2017 г. в различные провинции Китая – Хэйлуцзян, Нэй Мэнгу (Внутренняя Монголия), Синьцзян-Уйгурский автономный округ, а также по научным историческим источникам. При сборе и анализе материала использовались различные методы научного исследования: полевой, при котором осуществлялись

запись речи носителей славянских языков и изучение языковых ситуаций с участием этих языков в Китае; социолингвистический – для выявления взаимообусловленности языковых фактов и социальных факторов; лингвоперсонологический – для анализа языковых особенностей носителей славянских языков в Китае и их языковой компетенции, а также ее динамики; метод моделирования языковых ситуаций и языковых компетенций языковых личностей; элементы статистического метода, а также один из ключевых методов исторической науки – описательно-повествовательный, показывающий своеобразие явлений, их динамику и связь с другими. Совокупность примененных методов и опыт эмпирического наблюдения позволили выявить несколько компактно существующих славянских сообществ, или анклавов, на территории Китая в XX – начале XXI в., которые условно можно обозначить по их географическому расположению: харбинский, приамурский, трехреченский и синьцзянский. Определять эти сообщества как анклавов целесообразно по причине их «островного» существования внутри государства, не являющегося для них исторической родиной, – неславянского, инокультурного и чужеземного, в среде генетически и типологически неродственного языка, в отрыве от материнских этнических корней и славянской культуры.

Кратко охарактеризуем славянские анклавов в Китае по следующим дифференциальным признакам: территория (ареал) распространения; время существования; история возникновения; состав славянских этнических групп.

Харбинский анклав. Территория распространения – Северо-Восточный Китай с центром в городе Харбине и по линии Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Существовал с конца XIX до начала XXI в., массовое славянское присутствие там пришлось на начало и середину XX в.

История возникновения связана со строительством КВЖД – совместного российско-китайского проекта 1898 г., имевшего целью транспортное и индустриальное развитие региона. Проект предполагал активное участие российских граждан в строительстве железной дороги и создании сопутствующей строительству экономической и социальной инфраструктуры по линии КВЖД. Возведение железной дороги делало северо-восток Китая желанным ресурсом и рынком для более развитых западных стран, а потому привлекло в регион иностранный капитал и, соответственно, представителей разных стран и национальностей, включая славянские. Все это обусловило полиэтничность Северо-Восточного Китая, формируемую в значительной степени пришлым иностранным населением. Славянскую составляющую в полиэтничности региона усилила Октябрьская

революция в России, следствием которой стала эмиграция части российского населения, несогласного с новой властью или гонимого ею на восток, в Китай.

Славянские этнические группы харбинского анклава – русские, поляки, украинцы, белорусы, чехи, болгары. В настоящее время остались потомки от смешанных браков, которые проживают, в частности, в Харбине.

Приамурский анклав. Существовал с начала XX в. и продолжился в потомках в начале XXI в. на территории китайского Приамурья – на приграничных с Россией землях на правом берегу Амура, в провинции Хэйлунцзян. Как отмечают исследователи, «с конца 20-х – начала 1930-х и в 1940-е гг. на правом берегу Амура, в приграничных селах провинции Хэйлунцзян, появились вынужденные переселенцы из России. Причины их бегства: тяжелые условия жизни на родине, голод, потеря кормильца (гибель русского мужа в Великую Отечественную войну)» (Гордеева 2015: 14).

Славянская этническая группа представлена русскими и украинцами, в настоящее время – их потомками от смешанных браков с китайцами, всего – 2 521 чел., которые компактно проживают в провинции Хэйлунцзян в так называемых русских селах и относятся к одному из национальных меньшинств Китая (Гордеева 2015: 3, 14).

Трехреченский анклав. Территория распространения – район Нэй Мэнгу – Внутренняя Монголия, расположенный в долине рек Ган, Дербул и Хаул, напротив российского Забайкалья (Сундурева 2015: 85).

Время возникновения – начало XX в.: после Октябрьской революции в России в соседний Китай из российского Забайкалья бежали зажиточные крестьяне и казаки в собственные заимки, которыми они владели на китайской территории при отсутствии закрытой границы с Китаем до 30-х гг. XX в., и на месте этих заимок впоследствии образовались русские села (Шахматов 2014: 43–44). Эти села отличались крепким укладом и представляли собой «живой осколок кондовой казачьей Руси» (Рубеж 1941). Всего было более 20 русских поселений в Трехречье (Аблова 2004: 224), общее население которых в 1945 г. составляло 20–25 тыс. чел. (Соломеина 2013: 224). Русские села Трехречья существуют до сих пор и входят в состав административной единицы – Русской национальной волости. В настоящее время в волости проживают, наряду с китайцами, потомки, рожденные в смешанных браках с коренным населением: всего 2 486 чел. (Соломеина 2013: 226; Абросимова 2014: 33).

Синьцзянский анклав. Расположен на территории Синьцзян-Уйгурского автономного округа, напротив Алтая и Казахстана – это территория т. н. мусульманского Китая.

Славянское население, представленное русскими, появилось впервые в середине XIX в.: это было связано с установлением в 1851 г. дипломатических отношений и открытием торгового представительства, что сопровождалось образованием русской колонии в городе Кульдже: это было «население, живущее за пределами родины в силу служебных, торговых и других причин». Следующая волна, поддерживавшая русскую колонию в Синьцзяне, пришлась на послереволюционное время и годы коллективизации в России – 30-е гг. XX в. (Лашутина 2014: 66–67), когда в Северо-Западный Китай уходили несогласные с новой властью и новой политикой граждане России, тем самым вплетая славянскую нить в этническое многообразие региона. В настоящее время славянское население Синьцзян-Уйгурского автономного округа составляет 9 337 чел. (Лашутина 2014: 66), и представлено оно главным образом потомками от смешанных браков с представителями других национальностей, проживающими в Китае.

Продemonстрируем положение одной из славянских этнических групп, а также качественные и количественные признаки языковой ситуации с участием славянского языка в одном из регионов Китая, исторические судьбы которого оказались переплетены с историческими судьбами славян, внесшими свой вклад в его становление и развитие, дополнив его элементами славянской культуры и оказав влияние на его этнический облик.

Харбинский славянский анклав был самым крупным среди других славянских сообществ Китая в начале XX в.: так, численный состав русской колонии в Харбине в разные периоды своего существования колебался от 40 тыс. чел. в 1917 г. до 165 тыс. чел. в 1921 г. (Оглезнева 2009: 23). По своему составу он был «многославянским» – гетерогенным, неоднородным: в нем проживали представители разных славянских народов: русские, украинцы, поляки, белорусы, чехи, болгары.

Охарактеризуем кратко лишь один славянский сегмент харбинского славянского анклава – польский – в проекции на язык польской колонии в Харбине, по сферам использования которого можно составить представление об особенностях жизнедеятельности поляков в Китае в начале и середине XX в.

Поляки появились в Харбине в связи со строительством КВЖД в основном это были железнодорожники и члены их семей. Прибыли они из Королевства Польского в поисках лучших, чем на родине, условий жизни. К 1903 г. число поляков доходило до 7 тыс. чел. (Петрасяк 2014: 104). Среди поляков были те, кто занимал важные административные должности в управлении КВЖД, банках, судах, крупные предприниматели и владельцы лесных и горнодобывающих концессий.

Центром культурной польской жизни было общество «Господа Польска», которое существовало с 1907 г.: оно занималось издательской деятельностью – выпускало журналы, организовывало спектакли на польском языке, проводило курсы польского (Хисамутдинов 2002: 192–193; Петрасяк 2014: 105). Действовали польские молодежные и детские организации – Кружок польской молодежи, Польская дружина скаутов. Их задачей были «сохранение национальной самобытности, самообразование и взаимопомощь» (Петрасяк 2014: 106). Польская колония имела свои школы. Это гимназия им. Генрика Сенкевича, начальная школа при обществе «Господа Польска» и всеобщая школа при приходе Св. Станислава (Аблова 2004: 129; Петрасяк 2014: 106). Во время существования польской колонии в Харбине выходило более 20 (!) периодических изданий на польском языке: «Тыгодник польски», «Далеки Восток», «Листы Харбинске», «Листы Полске с Далекого Восток», «Неподлегłość», «Ojczyzna» (Хисамутдинов 2002: 193; Аблова 2004: 129; Петрасяк 2014: 107).

Известно, что в Харбине существовало и польское консульство.

Поляки в большинстве своем покинули Харбин после создания в 30-е гг. XX в. марионеточного государства Маньчжоу-го, а окончательный исход их из Харбина состоялся после провозглашения Китайской Народной Республики (Петрасяк 2014: 108).

Факт активного функционирования польского языка в Харбине был подтвержден нами в 2002 г. в беседе с бывшей харбинкой Викторией Стаценко, проживающей в настоящее время в Сиднее (Австралия). Виктория родилась в 1943 г. в Харбине и представляет третье поколение первой переселенческой волны в Китай: ее деды прибыли туда на строительство Китайско-Восточной железной дороги, а родители так же, как и Виктория, родились в Харбине. Виктория знает три языка: русский, английский и польский. В последние годы активно пользуется английским в Австралии, куда в 60-е гг. эмигрировала из Китая, но своим основным языком считает русский: для нее это язык семейной коммуникации по сей день, на русском она общается в семье и с бывшими русскими харбинцами, проживающими в Австралии. Помнит и польский язык, который выучила в семье: ее дед по отцу – поляк, выходец из Литвы, до 1939 г. относившейся к Польше. До пяти лет могла свободно изъясняться по-польски, в настоящее время хорошо понимает польский язык, но активно не использует его (Оглезнева 2009: 277–278).

Представленная информация о польской колонии в Харбине свидетельствует о значительном месте этой славянской группы в многонациональном харбинском конгломерате, а многочисленные сферы использования польского языка – дипломатия, журналистика, образо-

вание, быт и некоторые другие – демонстрируют многообразный объем его функций, поддерживающих национальную самоидентификацию.

Форма существования польского языка в Харбине – литературная в обработанной и разговорной своих разновидностях. Коммуникативная мощность польского языка составляет 0,45 при максимальном показателе 1 (Оглезнева 2009: 55), что является довольно высоким показателем, если учитывать, что он функционировал в отрыве от метрополии и не являлся языком непосредственно взаимодействующих государств (России и Китая). Его использование не поддерживалось в государственных целях, но и не запрещалось. Следовательно, сохранение и поддержание языка осуществлялись главным образом за счет субъективных факторов, а именно желания сохранить свою национальную идентичность, понимания ее самоценности.

Славянские анклавы в Китае имеют разную историю и разную судьбу. Наблюдения показывают, что их представителям удастся полностью сохранить свою славянскую идентичность лишь в случае возвращения на исконные славянские территории – на родину, как это произошло, например, с представителями польской этнической группы. Нахождение же внутри чужого этноса ведет к неизбежному объективному растворению в нем, как этническому, так и языковому, несмотря на такой весьма сильный фактор субъективного характера, как внутреннее сопротивление представителей этноса. Признаки национальной идентичности в таких условиях постепенно становятся все более призрачными.

ЛИТЕРАТУРА

Аблова 2004 - *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Русская панорама, 2004. 432 с.

Абросимова 2014 - *Абросимова О.Л.* К вопросу о существовании русско-го языка и русских культурных традиций в китайском Трехречье // Язык в различных сферах коммуникации: материалы международной научной конференции / Под ред. Т.Ю. Игнатович. Чита: ЗабГУ, 2014. С. 132–134.

Акимов, Минкова 2016 - *Акимов Ю.Г., Минкова К.В.* Особенности формирования русинской диаспоры в США в конце XIX в. // Русин. 2016. № 1 (43). С. 128–144.

Гордеева 2015 - *Гордеева С.В.* Русский язык в приграничном Китае (на материале речи переселенцев в Китай 20–40-х гг. XX в. и их потомков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2015. 26 с.

Грек, Руссев 2018 - *Грек И.Ф., Руссев Н.Д.* Многонациональное население Бессарабии в исследованиях И.А. Анцупова и актуальные задачи изучения этнокультурных общностей Молдовы // Русин. 2018. № 1 (51). С. 15–29.

Диао Шаохуа 2001 - *Диао Шаохуа.* Краткий обзор истории русской печати

в Харбине // Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография (Список книг и публикаций в периодических изданиях) / сост. Дiao Шаохуа. Харбин: Изд-во Бейфан Вен-и, 2001. С. 175–214.

Дубнинский, Меркулов 2017 - *Дубнинский И.А., Меркулов С.А.* Анализ идеи славянской идентичности в работе В.М. Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни» // Русин. 2017. № 4 (50). С. 61–72.

Катунин 2015 - *Катунин Д.А.* Языковые права русинов, украинцев и других национальных меньшинств в законодательстве Боснии и Герцеговины // Русин. 2015. № 3 (41). С. 55–66.

Лашутина 2014 - *Лашутина Е.Н.* История появления русского населения в Синьцзяне и попытки сохранения русской идентичности на современном этапе // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы III международной научно-практической конференции / Отв. ред. Д.В. Буяров. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. С. 66–68.

Оглезнева 2009 - *Оглезнева Е.А.* Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2009. 352 с.

Оглезнева 2016a - *Оглезнева Е.А.* Славянское языковое присутствие в Китае первой половины XX в. (на материале Харбина – центра русского восточного зарубежья) // Русин. 2016. № 3 (45). С. 90–106.

Оглезнева 2016b - *Оглезнева Е.А.* Языковая история семьи: Забайкалье – Трехречье – Харбин (на материале записей речи потомков забайкальских переселенцев в Китай) // Регион в приграничном пространстве: материалы международной научной конференции. Чита: ЗабГУ, 2016b. Ч. 2. С. 122–125.

Оглезнева 2017 - *Оглезнева Е.А.* Русские говоры в Китае в XX в. // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 12: Диалектология. М., 2017. С. 300–318.

Петрасяк 2014 - *Петрасяк М.* Польская колония в Харбине // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV международной научно-практической конференции / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. Вып. 4. С. 104–109.

Рубеж 1941 - *Рубеж.* Харбин, 1941. № 4.

Соломеина 2013 - *Соломеина Ю.Н.* Трехречье – русская национальная волость в приграничном Китае // Общество и государство в Китае. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2013. Т. XLIII, ч. 2. С. 223–227.

Суляк 2016 - *Суляк С.Г.* Русины Карпато-Днестровских земель в молдавской средневековой дипломатике (общий обзор) // Русин. 2016. № 1 (43). С. 95–119.

Суляк 2018 - *Суляк С.Г.* Страница редактора // Русин. 2018. № 1(51). С. 9–14.

Сундуева 2015 - *Сундуева Д.Б.* Забайкальское трансграничье как социолингвистический феномен // Языковая культура Восточного Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 85–139.

Фоминых, Степанов 2016 - *Фоминых С.Ф., Степанов А.О.* Народное школьное образование у славян в неславянских государствах в конце XIX – начале XX в. (на материале журнала «Славянский век») // Русин. 2016. № 1 (43). С. 159–176.

Хисамутдинов 2002 - Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 360 с.

Шахматов 2014 - Шахматов П. Трехречье. Воспоминания. Томск: Красное знамя, 2014. 344 с.

REFERENCES

Ablova, N.E. (2004) *KVZhD i rossiyskaya emigratsiya v Kitae: Mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.)* [CER and the Russian emigration in China: international and political aspects of the history (the first half of the 20th century)]. Moscow: Russkaya panorama.

Abrosimova, O.L. (2014) [On the Russian language and Russian cultural traditions in the Three River Region in China]. *Yazyk v razlichnykh sferakh kommunikatsii* [Language in different Spheres of Communication]. Proc. of the International Conference. Chita: Transbaikal State University. pp. 132–134 (In Russian).

Akimov, Yu.G. & Minkova, K.V. (2016) Specificity of formation of Rusin diaspora in the United States in the late XIX-th century. *Rusin*. 1(43). pp. 128–144 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/9

Gordeeva, S.V. (2015) *Russkiy yazyk v prigranichnom Kitaye (na materiale rechi pereselentsev v Kitay 20–40-kh gg. XX v. i ikh potomkov)* [The Russian language in the near-border China (in the speech of Russian emigrants and their descendants in China in the 1920s–1940s)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

Grek, I.F. & Russev, N.D. (2018) Multinational population of Bessarabia in the research by I.A. Antsupov and topical problems of studying ethno-cultural communities in Moldova. *Rusin*. 1(51). pp. 15–29 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/51/2

Diao Shaokhua (2001) *Literatura russkogo zarubezhya v Kitae (v g. Kharbine i Shankhae): Bibliografiya (spisok knig i publikatsiy v periodicheskikh izdaniyakh)* [Literature of the Russian Diaspora in China (in Harbin and Shanghai): Bibliography (List of books and publications in periodicals)]. Harbin: Beyfan Ven-i. pp. 175–214.

Dubninskiy, I.A. & Merkulov, S.A. (2017) The idea of Slavic identity in “Early Slavs in the Monuments of Their Prehistoric Life” by V.M. Florinsky. *Rusin*. 4(50). pp. 61–72 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/50/4

Katunin, D.A. (2015) Language rights of Rusins, Ukrainians and other national minorities in the current laws of Bosnia and Herzegovina. *Rusin*. 3(41). pp. 55–66 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/4

Lashutina, E.N. (2014) Istoriya poyavleniya russkogo naseleniya v Sin'tszyane i popytki sokhraneniya russkoy identichnosti na sovremennom etape [History of Russian population in Xinjiang and attempts to preserve Russian identity at present]. In: Buyarov, D.V. (ed.) *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: History and Prospects for Cooperation]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical

University. pp. 66–68.

Oglezneva, E.A. (2009) *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'ye (na materiale russkoy rechi v Kharbine)* [The Russian language in the Russian East émigré community (a case study of the Russian speech in Harbin)]. Blagoveshchensk: Amur State University.

Oglezneva, E.A. (2016a) Slavic languages in China in the early 20th century (a case study of Harbin – the center of the Russian east émigré community). *Rusin*. 3(45). pp. 90–106 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/7

Oglezneva, E.A. (2016b) *Yazykovaya istoriya sem'i: Zabaykal'ye – Trekhrech'ye – Kharbin (na materiale zapisey rechi potomkov zabaykal'skikh pereselentsev v Kitay)* [Language history of a family: Transbaikaliya – Three River Region – Harbin (a case study of speech records of Transbaikalian immigrants' descendants in China)]. In: Drobotushenko, E.V. (ed.) *Region v prigranichnom prostranstve* [The Region in the Near-Border Area]. Chita: Transbaikalian State University. pp. 122–125.

Oglezneva, E.A. (2017) *Russkie govory v Kitae v XX v.* [Russian dialects in China in the 20th century]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 12. pp. 300–318.

Petrasyak, M. (2014) *Pol'skaya koloniya v Kharbine* [Polish colony in Harbin]. In: Buyarov, D.V. (ed.) *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: History and Prospects for Cooperation]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 104–109.

Pilipenko, G.P. & Yasinskaya, M.V. (2018) *Ekspeditsiya k sloventsam v Italii* [Expedition to Slovenes in Italy]. *Slavyanovedenie*. 1. pp. 106–111.

Rubezh (Harbin). (1941) 4.

Solomeina, Yu.N. (2013) *Trekhrech'ye – russkaya natsional'naya volost' v prigranichnom Kitaye* [Three River Region – Russian national district in near-border China]. In: Kobzev, A.I. (ed.) *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye* [Society and State in China]. Vol. 43(2). Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. pp. 223–227.

Sulyak, S.G. (2016) *Rusins of the Carpatho-Dniestrovian lands in medieval Moldavian diplomacy (a general review)*. *Rusin*. 1(43). pp. 95–119 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/43/7

Sulyak, S.G. (2018) Editorial. *Rusin*. 1(51). pp. 9–14. DOI: 10.17223/18572685/51/1

Sundueva, D.B. (2015) *Zabaykal'skoye transgranich'ye kak sotsiolingvisticheskiy fenomen* [Transbaikalian transboundary as a sociolinguistic phenomenon]. In: Lyubimova, L.M., Likhanova, N.A. & Sundueva, D.B. *Yazykovaya kul'tura Vostochnogo Zabaykal'ya* [Language Culture of the Eastern Transbaikalia]. Chita: Transbaikalian State University. pp. 85–139.

Fominykh, S.F. & Stepanov, A.O. (2016) *Narodnoye shkol'noye obrazovaniye u slavyan v neslavyanskikh gosudarstvakh v kontse XIX – nachale XX v.* [National school education of the Slavs in non-Slavic states in the late 19th and early 20th centuries (on materials of *Slavyanskiy vek* magazine)]. *Rusin*. 1(43). pp. 159–176. DOI: 10.17223/18572685/43/11

Khisamutdinov, A.A. (2002) *Rossiyskaya emigratsiya v Kitaye: opyt entsiklopedii* [Russian emigration in China: Encyclopaedia experience]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.

Shakhmatov, P. (2014) *Trekhrech'ye. Vospominaniya* [Three River Region. Recollections]. Tomsk: Krasnoe Znamya.

Оглезнева Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор Отделения русского языка Национального исследовательского Томского политехнического университета, директор Института международных связей и интернационализации образования Томского государственного архитектурно-строительного университета (Россия).

Elena A. Oglezneva – Tomsk Polytechnic University; Tomsk State University of Architecture and Building (Russia).

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

УДК [811.161.25'373.22:58]:39

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/7

НАРОДНІ НАЗВИ РОСЛИН ЯК ФРАГМЕНТ МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ РУСИНІВ

І.В. Гороф'янюк

Вінницький державний педагогічний університет
ім. М. Коцюбинського
Україна, 21001, м. Вінниця, вул. Острозького, 32
E-mail: gorofyanyuk@gmail.com

Авторское резюме

Стаття присвячена аналізу семантичної мотивації ботанічної лексики русинів Пряшівщини як фрагмента мовної картини світу русинів. Мотивовані флороназви становлять 29 % (405 одиниць). З метою виявлення зв'язку народної ботаніки з іншими фрагментами картини світу русинів виділено 13 мотиваційних ознак, актуальних у флоронімації русинів. Виконане ранжування мотиваційних ознак засвідчило, що найбільшу кількість становлять флороназви, мотивовані зовнішніми характеристиками рослини (45 %). Зокрема, проаналізований матеріал засвідчує широкі асоціативні зв'язки рослин з реаліями живої природи, предметами побуту, що демонструє спільність або суміжність різних сегментів лексичної системи у свідомості носіїв мови. Велика кількість русинських назв рослин мотивована їхніми лікувальними властивостями (12,8 %), фактами їх використання з магічною метою (10,9 %). Простежується пряма кореляція між обрядодією і флороназвою. Народна ботаніка русинів – багатовимірна, тобто на позначення однієї рослини функціонують кілька назв, які характеризують її з різних боків (зовнішні ознаки, внутрішні властивості чи застосування в побуті), що сприяє збереженню етнокультурної інформації, яка передається русинами від покоління до покоління.

Ключові слова: номінація, семантична мотивація, мотиваційна ознака, народна ботаніка, назви рослин, русини, мовна картина світу.

НАРОДНЫЕ НАЗВАНИЯ РАСТЕНИЙ КАК ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА РУСИНОВ

И.В. Горофянюк

Винницкий государственный педагогический университет
им. М. Коцюбинского

Украина, 21001, г. Винница, ул. Острожского, 32

E-mail: gorofyanyuk@gmail.com

Авторское резюме

Статья посвящена анализу семантической мотивации ботанической лексики русинов Пряшевщины как фрагмента языковой картины мира русинов. Мотивированные названия растений составляют 29 % (405 единиц). С целью выявления связи народной ботаники с другими фрагментами картины мира русинов выделено 13 мотивационных признаков, актуальных в флорономинации русинов. Выполненное ранжирование мотивационных признаков показало, что наибольшее количество составляют названия, мотивированные внешними характеристиками растения (45 %). В частности, материал свидетельствует о широких ассоциативных связях растений с реалиями живой природы, предметами быта, демонстрирует общность или смежность различных сегментов лексической системы в сознании носителей языка. Большое количество русинских названий растений мотивировано их лечебными свойствами (12,8 %), фактами их использования с магической целью (10,9 %). Прослеживается прямая корреляция между обрядами и флороназваниями. Народная ботаника русинов многомерна, т.е. для обозначения одного растения существует несколько названий, которые характеризуют его с разных сторон (внешние признаки, внутренние свойства, применение в быту), что способствует сохранению этнокультурной информации, которая передается русинами от поколения к поколению.

Ключевые слова: номинация, семантическая мотивация, мотивационная признак, народная ботаника, названия растений, русины, языковая картина мира.

FOLK NAMES OF PLANTS AS A FRAGMENT OF THE RUSIN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

I.V. Gorofyanyuk

M. Kotsiubinsky Vinnytsia State Pedagogical University
32 Ostrozhsky St., Vinnytsia, 21001, Ukraine
E-mail: gorofyanyuk@gmail.com

Abstract

The article analyses semantic motivation of the botanical lexis of Prešov Rusins as a fragment of nationally conditioned language picture of the world. Motivated flora names make up 29 % (405 nomens). 13 motivational features have been defined in the Rusin plant nomination to identify the connection of folk botany with other fragments of the Rusin world picture. The ranking of the motivational features shows that the greatest number of names is motivated by the external characteristics of the plant (45%). In particular, wide associative links between plants and realities of living nature and objects of everyday life demonstrate the generality or contiguity of different segments of the lexical system in the minds of native speakers. A large number of Rusin plant names are motivated by their therapeutic properties (12.8%), their being used with a magical purpose (10.9%), which indicates pagan philosophical idea of Rusins, preserving the remains syncretic beliefs, magical practices and valuable empirical information about the spiritual culture of the ethnic group. There is a direct correlation between ceremonies and plant names. The folk botany of Rusins is multi-valued, that is, it uses several names of one plant to describe its different features (external signs, internal properties, its use in everyday life), which promotes preservation of ethno-cultural information transmitted by Rusins from generation to generation.

Keywords: nomination, semantic motivation, motivational feature, folk botany, plant names, Rusins, language picture of the world.

Якщо не знаєш назв, то втрачається і пізнання речей.
Карл Лінней

Сучасна лінгвістика відзначається увагою до мови як засобу презентації етносвідомості. Колоритним фрагментом національно-мовної картини світу, багатим і цінним для когнітивно-ономасіологічних досліджень, є народні назви рослин, адже, по-перше, цей номінативний

масив формувався впродовж усього історичного розвитку мови та еволюції етносу; по-друге, у назвах рослин відображено аксіологію народу; по-третє, з'ясування особливостей добору мотиваційних ознак при творенні флороназв дозволяє глибше пізнати як номінативні механізми мови в цілому, так і їхнє підґрунтя в етносвідомості.

Одним із шляхів вивчення мовної картини світу є когнітивно-оно-масіологічний підхід, орієнтований на дослідження мотиваційних моделей, які втілюють у внутрішній формі назв інформацію про денотати. О.Й. Блінова доводить, що дослідження мотиваційних особливостей дозволяє виявити культурно-історичну специфіку мови з урахуванням системних зв'язків між одиницями мови і культурними концептами, а мотивованість мовної одиниці може бути визначена тільки крізь призму мовної свідомості (Блінова 1987: 123). Саме тому предметом дослідження є назви рослин русинів Пряшівщини із прозорою мотивацією – назви, що відтворюють народні уявлення людини про рослинний світ. Зауважимо, що ботанічні назви русинів Словаччини вже були предметом вивчення М. Чижмар у площині мотивації, словотвору (Чижмар 1993; Čižmarová 2007; Čižmarová 2017).

Емпіричну базу дослідження формують 1 395 назв рослин, записаних наприкінці ХХ ст. у різних місцевостях Східної Словаччини (Пряшівщини), компактно заселених русинами, і представлені в етнографічній праці Н. Вархол «Рослини в народних повір'ях русинів-українців Пряшівщини» (Вархол 2002).

Оскільки важливим етапом реконструкції мовної картини світу є деталізований опис мотиваційних моделей та номінативних процесів у сфері флорономіації, розглянемо назви рослин, уживаних русинами, відповідно до мотиваційних ознак, покладених в основу номінації рослин.

Встановлено, що мотиваційні зв'язки проступають у 29 % від усіх зафіксованих назв рослин. Мотивовані назви засвідчують функціонування ієрархії мотивів флорономіації і в такий спосіб маркують найбільш цінні явища, ознаки, характеристики для мовця, відображають динаміку його мовної свідомості.

Домінуючою мотиваційною ознакою русинських флороназв є морфологічні властивості рослини (181 назва, 45 %). Серед них активними виявилися такі характеристики рослини:

1) колір рослини чи її частини:

– син-: *синец* 'Anchusa officinalis' (Вархол 2002: 115); *си(і)нец*, *сінець*, *сінявка* 'Centaurea cyanus' (Вархол 2002: 116); *синец*, *синяк* 'Echium vulgare' (Вархол 2002: 138); *сінец*, *синя биль*, *сіні чачка* 'Cichorium intybus' (Вархол 2002: 142);

– *чорн-*: *чорна биль(я)*, *чорнобыль* ‘*Artemisia vulgaris*’ (Вархол 2002: 136); *чорна главка*, *чорноглавок* ‘*Prunella grandiflora*’ (Вархол 2002: 139), *чорны корінки* ‘*Helleborus purpurascens*’ (Вархол 2002: 142);

– *червін-*: *червінкове зіля* ‘*Geranium sanguineum*’, ‘*Geranium phaeum*’ (Вархол 2002: 116), ‘*Chelidonium majus*’ (Вархол 2002: 143); *червінково-ве жіля* ‘*Sanguisobra officinalis*’ (Вархол 2002: 137); *червены яфыры* ‘*Vaccinium vitis-idaea*’ (Вархол 2002: 113);

– *жовт-*: *жолтач* ‘*Ranunculus acris*’ (Вархол 2002: 120), *жовтило*, *жовтячково-ве жіля* ‘*Senecio jacobaea*’ (Вархол 2002: 120), *жовты квіткы* ‘*Calendula olficialis*’ (Вархол 2002: 130);

– *біл-*: *білі квітчата* ‘*Bellis perennis*’ (Вархол 2002: 139); *біле жіля* ‘*Allium sativum*’ (Вархол 2002: 142);

– *злат-*: *златоглавник* ‘*Lilium martagon*’ (Вархол 2002: 126), *злат-ник* ‘*Potentilla anserina*’ (Вархол 2002: 133).

2) асоціативні зв'язки з предметами побуту:

– господарчі предмети: *лопаткы* ‘*Capsella bursa-pastoris*’ (Вархол 2002: 118); *свішьник* ‘*Oenothera biennis*’ (Вархол 2002: 119); *шпи(і)льки* ‘*Arctium lappa*’ (Вархол 2002: 127); *напарсток* ‘*Digitalis grandiflora*’ (Вархол 2002: 130); *кључі* ‘*Primula veris*’ (Вархол 2002: 132); *дра-бінка*, *драбинкы* ‘*Potentilla anserina*’ (Вархол 2002: 133); *метличка* ‘*Sarothamnus scorarius*’ (Вархол 2002: 138); *стрілка* ‘*Sisymbrium officinale*’ (Вархол 2002: 139); *батожина* ‘*Humulus lupulus*’ (Вархол 2002: 141); *бати(і)жник*, *бато(у)жні(ц)к* ‘*Cichorium intybus*’ (Вархол 2002: 141);

– музчні інструменти, їх деталі: *дзвоночок*, *дзво(у)нчок*, *дзвинчкы*, *дзвы(о)нка*, *дзвоночкы*, *дзвончыкы*, *дзвунки*, *звончечкы* ‘*Campanula*’ (Вархол 2002: 118); *смычкы* ‘*Carex*’ (Вархол 2002: 131);

– одяг: *ряса* ‘березові сережки’ (Вархол 2002: 112), *кабатикы* ‘*Alchemilla vulgaris*’ (у рослини складчасті по краю зазублені листки, які своєю формою нагадують рясні жіночі спідниці – «кабатикы») (Вархол 2002: 50); *попові гачі* ‘*Euonymus europaeus*’ (Вархол 2002: 113) < *гачі* ‘спідні’ (Керча 1: 191);

– їжа: *колачыкы*, *колачык* ‘*Malva pussilla*’ (Вархол 2002: 122); *кашка* ‘*Rumex acetosa*’, ‘~ confertus’, ‘~ crispus’ (Вархол 2002: 144).

– посуд: *дзбанкы*, *дзбаночкы* ‘*Campanula*’ (Вархол 2002: 118) < *збанок* ‘гличик’ (Керча 1: 339).

3) асоціативні зв'язки з людиною, частиною її тіла: *коси* ‘*Veronica agrestis*’ (Вархол 2002: 114); *волосник* (Вархол 2002К) ‘*Hieracium pilosella*’ (Вархол 2002: 131); *дівоцке волошы* (Вархол 2002М) ‘*Stipa capillata*’ (Вархол 2002: 123), *чубрик* ‘*Medicago falcata*’, ‘*Lotus corniculatus*’ (Вархол 2002: 127); *головач* ‘*Centaurea scabiosa*’ (Вархол 2002: 116); *колінка* ‘*Taraxacum officinale*’ (Вархол 2002: 126); *король-*

ка, *кралька* 'Leucanthemum vulgare' (Вархол 2002: 124); *сестрички* 'Melampyrum nemorosum' (Вархол 2002П: 133). Флороназва *хлопське / хлопске серце* 'Cirsium vulgare' мотивована тим, що за колючістю бур'ян порівнюють із чоловічим серцем. Протилежного погляду дотримуються чоловіки: осот звичайний вони називають *бабське серце*, бо, на їхню думку, колюче серце має якраз жіноча стать (Вархол 2002: 88–89).

4) асоціативні зв'язки з тваринним світом:

– асоціації з твариною чи частиною її тіла: *пса(я)нка, пшар(ь)ка, пщанка* 'Alopecurus' (Вархол 2002: 123) (густа циліндрична колосо-подібна волоть рослини викликає асоціації із хвостом собаки – *пса*, що відображено й в номенклатурній назві *лисохвіст*); *вовк, вовчинец* 'Ononis spinosa' (Вархол 2002: 115) (пагони рослини містять парні колючки, які в народній уяві асоціюються із зубами вовка); *вовча жила* 'Comarum palustre' (Вархол 2002: 115); *мышачый хвостик / хвуст, мышый хвіст* 'Achillea millefolium' (Вархол 2002: 118); *вольський хвіст* 'Verbascum thapsiforme' (Вархол 2002: 119); *жабка* 'Linaria vulgaris' (Вархол 2002: 127); *жабивник* 'Filago arvensis' (Вархол 2002: 120) (рослина з товстим шерстисто-повстистими листям ланцетної або лопатчастої форми асоціюється з жабою); *гадовник* 'Persicaria bistorta' (Вархол 2002: 117) (з *гадом* асоціюється довге звивисте кореневище рослини); *оліні рошки, гуся лапка, вовчі пазури* 'Lycopersicon clavatum' (Вархол 2002: 135); *коцурі / коцури / коцуровы / коцурячі яйця* 'Glechoma hederacea' (Вархол 2002: 137) < *коцур* 'кіт' (Керча 1: 441); *копитни(й)к, копытник* 'Asarum europaeum' (Вархол 2002: 124); *ріжець* 'Geum urbanum' (Вархол 2002: 74);

– асоціації з птахом чи частиною його тіла: *когутики* 'Dianthus superbus' (Вархол 2002: 116), 'Lychnis flos-cuculi' (Вархол 2002: 124), 'Pulmonaria officinalis' (Вархол 2002: 128), 'Saponaria officinalis' (Вархол 2002: 129) < *когут* 'півень' (Керча 1: 418); *зозулі зозуля, зозулька(ы)* 'Orchis militaris' (Вархол 2002: 121); *курочка(ы), куры лапки* 'Primula veris' (Вархол 2002: 132); *гусинець, гуся трава, гушенирко, гуші хвіст, гуся лабка, гуся трава, гусячий квіток* 'Potentilla anserina' (Вархол 2002: 133); *гуся лаба / лапка* 'Alchemilla vulgaris' (Вархол 2002: 136); *птачий пищик* 'Linaria vulgaris' (Вархол 2002: 127) < *пысок* 'морда' (Керча 2: 250); *лебедикы* 'Glechoma hederacea' (Вархол 2002: 137); *гадово пір'я* 'Dryopteris filix-mas' (Вархол 2002: 143); *пір'я* 'Taraxacum officinale' (Вархол 2002: 126);

5) асоціативні зв'язки з іншою рослиною чи її частиною:

– сільськогосподарські рослини: *конопелка* 'Anemone sylvestris' (Вархол 2002: 111), 'Pulmonaria officinalis' (Вархол 2002: 128); *дика морковиця, морковка* 'Achillea millefolium' (Вархол 2002: 118); *кукурудзики* 'Polygonum bistorta' (Вархол 2002: 117) (прикметно, що русини

не вживають лексеми *кукурудза*, послуговуючись назвами *тенґерія*, *кендерія* (Ябур, Плішкова, Копорова 2007: 312)); *огурчина* 'Petasites albus' (Вархол 2002: 125); *свинські огурки* 'Veronica agrestis' (Вархол 2002: 114); *дикий чеснок* 'Allium ursinum' (Вархол 2002: 141); *капусниця* 'Rumex acetosa' (Вархол 2002: 144); *наше грозно, руснацької грозно* 'Prunus spinosa' (Вархол 2002: 140) < *грозно* 'виноград' (Керча 1: 181);

– дикорослі трав'янисті рослини: *малі лопушки* 'Asarum europaeum' (Вархол 2002: 124); *капустинка, дика капуста, зачя капуста, заяча капуста* / *капуста* 'Oxalis acetosella' (Вархол 2002: 123) – відзоонімічний прикметник у цих та інших народних назвах рослин є виразником узагальненої семантики *дикий, несправжній, непридатний для людини* у слов'ян (див.: Меркулова 1967: 84; Шамота 1985: 45);

– дерева: назви *дерев'яник, древник, дровник* 'Hypericum perforatum' мотивовані дерев'янистістю стебла звіробою звичайного; *циганські черешні* 'Daphne mezereum' (Вархол 2002: 115) – відетнонімічний прикметник є носієм семантики *чужий, несправжній, небезпечний для людини*, про свідчить і синонімічна флороназва *чортові черешні* (Вархол 2002: 115); *вовчі черешні* 'Sorbus aucuparia' (Вархол 2002: 117); *жабіна черешня* 'крушина ламка' 'Rhamnus frangula' (Вархол 2002: 125); *заячі грушечки* 'Cornus mas' (Вархол 2002: 118); *вербинка* 'Epilobium angustifolium' (Вархол 2002: 140); *смеречки* < *смерека* 'ялина' (Керча 2: 350), *ївка, їлка* 'Equisetum arvense' (Вархол 2002: 141).

б) особливості будови рослини чи її частин: *велике зілля, високе жілля, тичне зілля* 'Inula helenium' (Вархол 2002: 131); *масні листок* 'Sedum maximum' (Вархол 2002: 132); *широка трава* 'Galinsoga parviflora' (Вархол 2002: 116); *трясилупка* 'Capsella bursa-pastoris' (Вархол 2002: 118); *міцник, моцарь* 'Centaurea jacea' (Вархол 2002: 115), 'Hedera helix' (Вархол 2002: 135), *грубе зілля* 'Verbascum thapsiforme' (Вархол 2002: 119), *тлусте зілля / жілля, тучне / тучної зілля, тучник* 'Verbascum thapsiforme' (Вархол 2002: 119) < *тучний* 'товстий, грубий' (Керча 2: 439). Номен *міцне зілля / жілля* в русинів Пряшівщини вживаний для позначення низки рослин з міцним стеблом – *Ononis arvensis* (Вархол 2002: 115), *Centaurea jacea* (Вархол 2002: 115), *Cichorium intybus* (Вархол 2002: 141). За законами контактної магії міць рослини мала перейти на людину, тому в деяких місцевостях жінки на Івана Купала спершу рвали *міцне жілля* 'Centaurea jacea', яке запихали за пояс або ним просто підперізувалися, щоб бути міцними. У відварі *міцного жілля* 'Centaurea jacea' купали слабеньких немовлят, щоб так само набирали належної сили (Вархол 2002: 63). Із такою ж метою русини використовували *моцар, моцарь* 'Hedera helix' (Вархол 2002: 64), розрізняючи *хлопський моцар* – вживали для купелі слабких хлопчиків – та *бабський моцар* – для дівчаток. Отож, внутрішня форма

флороназв, похідних від *міць*-, є водночас вказівкою на використання рослин із лікувальною метою.

Лікувальні властивості рослин представлені в 52 назвах (12,8 %) зафіксованих флороназв. Ці назви групуємо за такими характеристиками:

1) безпосередньо вказують на лікувальну чи отруйну дію: *жалудкове зілля* 'Valeriana officinalis'; *очник* 'Euphrasia rostkoviana' (Вархол 2002: 132); *кровник* 'Plantago lanceolata' (Вархол 2002: 135); *слабеняк* 'Impatiens noli-tangere' (Вархол 2002: 137); *сердечне / серцове зілля*, *сердечник* 'Leonurus cardiaca' (Вархол 2002: 138); *костивал*, *костигой* 'Symphytum officinalis' (Вархол 2002: 120). Флороназви *кривавник*, *кровник* 'Achillea millefolium' (Вархол 2002: 118) мотивовані ним, що рослина має кровоспинні властивості (Комендар 2007: 108); *болиголов* 'Succisa pratensis' (Вархол 2002: 124) – водний відвар всієї рослини п'ють при головних болях (Комендар 2007: 354); *гадовник* 'Polygonum bistorta' вживали на підкурювання від укусу гадюки (Вархол 2002: 41).

2) безпосередньо вказують на хворобу: *сухотник* 'Linaria vulgaris' (Вархол 2002: 127), 'Scrophularia nodosa' (Вархол 2002: 136); *стрільчина* 'Dipsacus fullonum': у листках цієї рослини зосереджується дощова вода, яку посвячену використовували для лікування вушного болю – «*кідь уху стрікало*» (Вархол 2002: 82).

3) опосередковано вказують на вплив рослини на організм людини чи тварини: *блекет* 'Conium maculatum' (Вархол 2002: 113) – пов'язано з дієсл. *блендіти* 'базікати' (Керча 1: 84), також функціонує у фразеологізмі *блекоту ся наїв* (Керча 1: 84) 'говорити нісенітниці'. Назви 'Plantago major' *бабка*, *бабник*, *бабчак* (Вархол 2002: 135) постали внаслідок семантичної деривації від *бабка* 'знахарка', враховуючи широке використання рослини в народній медицині (Machek 1954: 218). Рослині Pulsatilla pratensis приписували снотворну дію, що закарбувалося в народних назвах *дримак*, *дримко*, *дримок*, *сп'юх* (Вархол 2002: 139), а згодом і відповідних обрядодіях: *дримка* не радили давати у зілля, щоб під час прядіння, здебільшого на вечорницях, не дрімати; *сп'юхом* підкурювали переляканих дітей, позбавлених сну (Вархол 2002: 46). Флороназви *твердоснай*, *сп'янчик*, *спйошки* 'Eriophorum latifolium' також закарбували снодійні властивості рослини: відомо, що квіточку цієї рослини клали безсонній рослині під голівку (Вархол 2002: 82). Levisticum officinale, який русини називають *любка*, *любчик*, *любчык*, на Староліубовнянщині чоловіки, виснажені працею, вживали у вигляді стимулюючого горілчаного настою для оновлення сили, потенції (Вархол 2002: 58). Флороназви *терпи біда / зілля* 'Ranunculus acris' відображають використання рослини як засобу

від зубного болю: ним натирали зуби, щоб біль перейшов із хворого на зілля (Вархол 2002: 83).

Про широке використання рослин в лікувальних цілях сигналізують і флороназви з узагальненою семантикою, як-от: *болячкове зілля / жілля* 'Valeriana officinalis' (Вархол 2002: 113), 'Veronica officinalis' (Вархол 2002: 114), 'Physalis alkekengi' (Вархол 2002: 128), 'Potentilla erecta' (Вархол 2002: 133), 'Tanacetum vulgare' (Вархол 2002: 133); *болячковий корінь, болячкової корінь* 'Potentilla erecta' (Вархол 2002: 133).

Та чи не найактивнішим у цьому ряді назв є флороназви-композиції з елементом *дев'ять*. Цей числівник опосередковано реалізує модель мотивації флороназв за лікарськими властивостями рослин, адже саме число 9 часто фігурує в магічних лікувальних ритуалах. Т.Б. Лукінова, досліджуючи тексти замовлянь східних слов'ян, називає «унікальним за кількістю повторень числової назви є замовляння саме з числівником «дев'ять»» і пояснює це тим, що число «дев'ять» – потроєна, отже й посилена у своїй магічній дії трійка (Лукінова 1997: 314). Отож віра русинів у те, що рослина допомагає від дев'яти недуг закарбувалася в назвах *дев'ясил, дев'ясел, дев'ятник, дев'ятосильник, дев'ятсил, дев'яшюр* уживається на позначення 'Carlina acaulis' (Вархол 2002: 115), *дев'ят верхів жілля* – 'Carlina vulgaris' (Вархол 2002: 115), *дев'ятосиль, дев'ятосильник* – 'Ononis spinosa' (Вархол 2002: 115), 'Verbascum thapsiforme', *дев'ясинь* – 'Galega officinalis' (Вархол 2002: 124), *дев'ятьсил* – 'Petasites hybridus' (Вархол 2002: 125).

Вище виділені мотиваційні ознаки народних назв рослин значною мірою пов'язані з об'єктивними чинниками номінації: зумовлені реальними властивостями денотата, конкретними знаннями людини про рослину. Проте народна ботаніка русинів відображає й ірраціональні вірування, що втілюється в емоційно-оцінних, міфологічних мотивах номінації рослин. У русинів Пряшівщини й досі зберігаються антропоморфічні світоглядні уявлення: рослини наділяються властивостями живих істот, і для того, щоб мирно співіснувати з ними, людина повинна дотримуватися визначених правил. Так, народне повір'я в те, що в чебрець перетворилася раніше померла мати (Чижмар 1993: 132), лягло в основу флороназв *Божої матері / матеріна / матери душка* 'Thymus serpyllum' (Вархол 2002: 36). Народна уява наділила рослину Bryonia alba здатністю зникати з попереднього місця й переходити рости на інше місце за умови, якщо рослину хто-небудь вкрав, не просячи дозволу господаря його зірвати. Ображена *переступниця* зезала, знаходячи собі іншого місця (Вархол 2002: 73).

Виразною особливістю флоронімації в русинів є закарбування магічних властивостей рослин у їхніх назвах. Це є яскравим свідченням

того, що русини активно використовували рослини в любовній, господарській та лікувальній магії.

Засвідчено такі способи використання рослин у любовній магії, віддзеркалені в самих назвах рослин. Так, дівчата «*жебы їх парібці брали до танцю*», рвали траву *порви / перви танец* ‘*Stellatia holostea*’ (Вархол 2002: 34). ‘*Galium aparine*’, який номінують *липача трава, ли(і) пкач, липик*, через чіпкість широко використовувалася в любовній магії: щоб причарувати юнаків, дівчата ще вдосвіта на Івана Купала рвали цю рослину, якою обвивали голі пояси «*жебы ся їх хлопці хапали, як тот липник*» (Вархол 2002: 55).

Про хазяйновитість русинів, їхню працелюбність свідчить той факт, що відомо багато випадків застосування рослин для лікування худоби. Мотивом номінації рослин стають досить часто назви хвороб або дії, які рослини мають забезпечити. Так, висушеним *вальником, вальовником* ‘*Verbascum thapsiforme*’ підкурювали хворе вим’я корови: «*кед корова мала вал – вим’я спухло*» (Вархол 2002: 36). Тій корові, яка «*са не бігала*», давали спожити *біганець, бігунник* ‘*Anagallis arvensis*’ (Вархол 2002: 93). *Alchemilla vulgaris* називають *навратник, навратыш*, що пов’язано *навертати*: рослина, яку давали корові, мала повернути в неї молоко (Вархол 2002: 64–65). В Якуб’янах *навратником* називають *Tanacetum vulgare* і за твердженням Я. Олейника, у святвечір кладуть його в *підпалок* – у тісто, яке вишкрябують з коритця. Спечений «*підпалок*» із сіллю дають спожити коровам, щоб їх захистити від нечистої сили (Olejnik 1973: 93). Димом *навратника* ‘*Lysimachia nummularia*’ намагалися повернути безсонній дитині сон: «*курили, як дітина спати не могла, жебы ся му спаня вернуло*» (Вархол 2002: 65). *Пристрітником* ‘*Geum urbanum*’ підкурювали наврочену людину або тварину: «*Окурювали тим пристрітником, кедь з’очей дахто мав. Зато, жебы пристрітити хворобу, жебы са вецей не ширила*». Синонімом до *пристріт* у русинів є іменник *з’оч*. Саме він став похідним для назв низки рослин, які використовували з магічною метою: травники вживали *з’очник* ‘*Euphrasia rostkoviana*’ як підкурювальний засіб проти зурочення. В Ольці *з’очником* найменували будь-яку квіточку, яку першу на весні побачили, оберігаючись таким чином від можливого наврочення (Вархол 2002: 48–49). *Врочник* ‘*Anthyllis vulneraria*’ вважався добрим засобом від зурочення (Вархол 2002: 41). *Хлопським пристрітником* ‘*Agrimonia eupatoria*’ підкурювали жінку або дитину, яких зурочив чоловік – *хлоп* (Вархол 2002: 89). Русини розрізняють також *з’очник бабський* ‘*Melilotus albus*’ та *з’очник хлопський* ‘*Melilotus officinalis*’ (Вархол 2002: 113).

Назви рослин закарбували вірування русинів у нечисту силу і відображають факти боротьби з нею. Так, висушеною рослиною

Opopordum acanthium – *чотрив ополох, чортів опелех, чортополох* – підкурювали переляканих осіб, найчастіше дітей, та у випадку ревенанства («як мертвий трапид, шя сніє або ходит на дакого») (Вархол 2002: 96). Назви рослини мотивовані віруванням у те, що рослина має властивість відворотного зілля: «полохає», відлякує нечисті сили, здебільшого чортів; такою ж силою наділяють *Datura stramonium* (Вархол 2002: 119), *Carlina acaulis* (Вархол 2002: 115), які номінують *чортополох*. При появі ознак ревенанства – «як мертвий трапид» підкурювали ослию та домашніх зіллям *мертвиці* '*Inula salicina*' (Вархол 2002: 63).

Відоме русинам *вітрове жіля* '*Lathyrus sylvestris*': зіллям підкурювали того, кого обдув поганий вітер, тобто раптовий порив вітру; уособлення вітру в народі побутує під назвою *вітерниця*. За загальнопоширеною народною уявою у всіх слов'ян такий вітер спричинювала нечиста сила (Плотникова 1995: 359).

На позначення *Thymus vulgaris* вживають назву *лукавець*, похідну від *лукавий*. Димом цієї рослини обкурювали людину, пригнічену психічною депресією. Такий хворобливий стан у народі пояснювали так, що злий дух прибукався до людини, і позбавивши людину спокою та сну, навів на неї страх – «курили, кед лукаве обійде, нечиста сила» (Вархол 2002: 58).

Перелесник, за народною уявою, є спокусником дівчат або молодих жінок, який нібито літає в повітрі, а вночі проявляється у виді коханого. *Перелесник* найбільш завдавав болю нещасно закоханим істотам. У такому випадку на Свидниччині таку дівчину підкурювали димом магічної рослини з тотожною назвою *перелесник* '*Chamrion angustifolium*' (Вархол 2002: 69–70).

Язичницькі уявлення про стріляючих демонів – духів-хвороб закарбували в собі флороназви, похідні від «*постріл*»: *пострілове жіля* '*Senecio erucifolius*': з його квіток виготовляли мазь для натирання запаленої кістки; *пострілчина, пострілове зіля* '*Geum urbanum*' – рослина з колючим стеблом, якою лікували худобу, «кед *постріл достала*» – тріпалася в корчах. Найменування недуги *постріл* уживають на Пряшівщині на позначення гострого, різкого болю (Вархол 2002: 73). Відоме русинам і *перунове жіля* '*Sisymbrium officinale*', флороназва мотивована назвою язичницького бога дощу, блискавки і грому Перуна. У часи бурі, «кед *перуны бият*», ця рослина оберігала житло, її палили в печі як жертва богу (Вархол 2002: 70–71).

У традиційній культурі народним словотвором та народною етимологією нерідко обумовлюються певні традиції, заборони тощо. Зазначені мовні явища виконують і генеруючу роль, породжуючи обрядову дію. Так, рослину *вовчинець* '*Ononis spinosa*' не рекомендували

приносити в оселю, щоб домашні не поводили себе по-вовчому – не гризлися як вовки та не дивилися на себе вовком (Вархол 2002: 40). При першому ритуальному купанні новонародженої дівчинки у воду додавали *волосник* ‘*Hieracium pilosella*’, який мав забезпечити дівчинці довгий ріст волосся (Вархол 2002: 41). За повір’ям, людина мала б завжди носити при собі запашну квіточку *доброї мысли* ‘*Origanum vulgare*’ задля доброї *мысли* (Вархол 2002: 46). І навпаки, присутність в обійсті *Genista tinctoria*, який називають *згада, згадливе жіля, згадливе зіля, згадливець*, ніби спричинювала сварки, негаразди між домашніми, тому при збиранні зілля жінки пильнували, аби його не зірвати (Вархол 2002: 48).

Отож магічні властивості рослин лягли в основу 44 народних флороназв (10,9 %).

Менш частотними виявилися назви рослин, мотивовані іншими характеристиками рослин.

Смакові властивості рослин зафіксовано в 20 назвах (4,9 %): *солодюшка, солодышка, папоротина солодка* ‘*Polypodium vulgare*’ (Вархол 2002: 112), *циганське масло* ‘*Berberis vulgaris*’ (Вархол 2002: 112), *медовіца, солодош* ‘*Pulmonaria officinalis*’ (Вархол 2002: 128), *медувиця* ‘*Symphytum officinalis*’ (Вархол 2002: 120), *медовчина, медоница, медувиця, солодівник* ‘*Melittis melissophyllum*’ (Вархол 2002: 122), *медовник* ‘*Melissa officinalis*’ (Вархол 2002: 128); *кваснина, квасниця* ‘*Oxalis acetosella*’ (Вархол 2002: 123); *гірький / гурький вопух / лопух* ‘*Arctium lappa*’ (Вархол 2002: 127); *гірький корінь* ‘*Peucedanum oreoselinum*’ (Вархол 2002: 138); *гурький корінь* ‘*Gentiana lutea*’ (Вархол 2002: 140).

Здатністю рослини виявляти свої фізичні властивості мотивовано 18 (4,3 %) флороназв. Багато назв цієї групи мотивовані словом *молоко*, семантично пов’язаним з кольором, і утворені за мотиваційною ознакою «білий колір соку», але мотиваційне значення їх зумовлене фізичною властивістю рослин – наявністю соку. Наприклад, *молочій, молочник, дике молоко* ‘*Euphorbia peplus*’ (Вархол 2002: 129); *вовче / дике / кіче / пшьє / сиче молоко, канє мовоко, суче молочко* ‘*Euphorbia cyparissias*’ (Вархол 2002: 129); *молочник жовтий, молюшник* ‘*Tragopogon pratensis*’ (Вархол 2002: 123). Рослиною *Tragopogon pratensis* з гірким молочним соком підкармлювали корів, що мало забезпечити більшу молочність (Вархол 2002: 63). Ця семантична модель мотивації (з різним суфіксальним оформленням) є сталою в слов’янських мовах (Меркулова 1967: 100–101; Закревська 1976: 113–115; Шамота 1985: 76). Назви *мыдло, мыдловой, мыдлайки, качаче мыдло, качачой мило, циганске мыдло* ‘*Saponaria officinalis*’ (Вархол 2002: 129) мотивовані наявністю в рослині мильних речовин (Комендар 2007: 338), атрибутивний компонент описових назв є виразником семантики «несправжній».

Темпоральними характеристиками (переважно час цвітіння рослини) мотивовано 18 (4,3 %) флороназв: *май, майка, майник, майовий квіток, майовка, майовник, маївки* 'Taraxacum officinale'; *перші ошіни квіткы* 'Euphrasia rostkoviana' (Вархол 2002: 132); *йоровник, юровник* 'Petasites hybridus' (Вархол 2002: 125); *юрівник* 'Lathraea squamaria' (Вархол 2002: 133); *марцівкы, ярны перші квіткы* 'Tussilago farfara' (Вархол 2002: 134); *ярник, ярчушка* 'Galanthus nivalis' (Вархол 2002: 134); *зимничка, зимной серце* (Вархол 2002: 121) мотивовані зимостійкістю рослини *Chimaphila umbellata*; *стара дівка* 'Hydrangea': рослину, яка цвіте до пізньої осені, порівнюють із старою дівкою (Вархол 2002: 82).

Локалізаційні характеристики рослин представлено в 11 (2,7 %) флороназвах: *річне зіля* 'Verbena officinalis' (Вархол 2002: 114), *житніца* 'Centaurea cyanus' (Вархол 2002: 116), *поріжец* 'Polygonum aviculare' (Вархол 2002: 116), *водяна мадрянка* 'Nuphar lutea' (Вархол 2002: 117); *мличак, млічник* 'Tragopogon pratensis' (Вархол 2002: 123) < *млака* 'болотисте місце' (Керча 1: 515); *снігуркы* 'Galanthus nivalis' (Вархол 2002: 134); *путснішкы* 'Scilla bifolia' (Вархол 2002: 136); *боровічкы, боровкы, боровниці* 'Vaccinium myrtillus' (Вархол 2002: 143) < *боровиця* 'ялівець' (Керча 1: 92).

Особливості росту рослини є мотиваційною ознакою 9 (2,2 %) флороназв: *павитиця, павутиця, повитиця, повитниця, повітиця* 'Convolvulus arvensis' (Вархол 2002: 112); *павутиця, пові(е)тиця, повій* 'Calystegia sepium' (Вархол 2002: 135). Відомо, що на Лабірщині коноплі сіяли тільки старші за віком люди, обґрунтовуючи це тим, що молоді залюбки обнімаються, внаслідок чого виросте витка *повитиця* 'Convolvulus arvensis' (Вархол 2002: 35).

Кормові властивості рослини лягли в основу 9 (2,2 %) флороназв: *качо зіля, свинська трава* 'Polygonum aviculare' (Вархол 2002: 116), *свинак, свинача, свинська трава* 'Sonchus oleraceus' (Вархол 2002: 120); *кониц, кони(і)чына*, 'Trifolium pratense' (Вархол 2002: 124); *молочник* 'Lathraea squamaria': рослиною кормили після отелення корів «*жебы шя добрі доїла*» (Вархол 2002: 99).

Тактильні характеристики лягли в основу номінації 8 (2 %) назв рослин: *коляк* 'Arctium lappa' (Вархол 2002: 127); *жигалка* 'Urtica urens' (Вархол 2002: 125); *липкач, ли(і)пник, ліпкач, прилипник* 'Galium aparine' (Вархол 2002: 134); *мохнальник* 'Hieracium pilosella' (Вархол 2002: 63).

Одоративними властивостями рослини мотивовано 4 (1 %) флороназви: *пахнячка* 'Nepeta cataria' (Вархол 2002: 125), *пахняча м'ята, пахнячка* 'Mentha piperita' (Вархол 2002: 130); *кадило* 'Melittis melissophyllum' (Вархол 2002: 122): усі частини цієї рослини мають тонкий приємний запах (Комендар 2007: 283).

Шлях проникнення рослини відображено в 3 (0,7 %) флороназвах: *татарске жіля, татарський корінь* 'Acorus calamus' (Вархол 2002: 83), *татарка* 'Fagopyrum esculentum' (Вархол 2002: 118).

Засвідчено випадок, коли назва рослини мотивована назвою дитячої гри, у якій вона використовується. Дитяча назва *Poligonum bistorta вояк, вояци* зумовлена грою дітей *на вояків*, при якій діти билися цією рослиною: шмагаючи нею один одного, стежили, кому насамперед відлетить *голова* – колосовидне суцвіття рослини (Вархол 2002: 41).

Характерно, що деякі русинські назви рослин виявляють подвійну семантичну мотивацію, що актуалізує різні особливості тієї самої рослини. Так, наприклад, назва *отравне яблуко* 'Hyoscyamus niger' (Вархол 2002: 113) зумовлена, з одного боку, тим, що частини рослини подібні до плодів іншої рослини, а з другого боку – отруйністю рослини. Уживана русинами назва *Cuscuta europaea злата нитка* (Вархол 2002: 135) мотивована, по-перше, цінними лікарськими властивостями, по-друге, – способом росту рослини. Полімотивованими є більшість русинських назв *Hypericum perforatum* (Вархол 2002: 121), побудованих за моделлю словосполучення. Передовсім це назви з компонентом *кров* або його варіантами: *божа кров / кровка / кровця, Ісусова кров, Паней / Паной / Пани / Паны Марії кров, святой Марії кровиця, Христова кров, стокровця*. Існують пояснення походження таких назв через здатність рослини виділяти червоний сік зі зламаного стебла (Шамота 1985: 65). Дослідники також припускають, що народні назви рослин, утворених за біблійними мотивами, є свідченням давніх вірувань людей, що окремі цілющі рослини були принесені паломниками зі Святої Землі (Даль 1978: 105; Родионова 2002: 39). Відповідно другий компонент наведених флороназв опосередковано вказує на цінність рослини для людини. На користь викладеної гіпотези свідчить також велика кількість русинських назв *Hypericum perforatum*, в основі яких простежуються біблійні мотиви: *Божої Матері квіток, жіля Діви Марії, Пани Марії быть, Пани Марії квітка, Паны Марії зіля, Паной Марії серце, Пречистой Діви квіток*. Назва *златник* 'Hypericum perforatum' (Вархол 2002: 121) також є полімотивованою: з одного боку, назва мотивована золотаво-жовтим забарвленням цвіту, з другого боку – цінними лікарськими властивостями рослини. Аналогічну подвійну мотивацію можна вбачати і в назві *Solidago virgaurea – злата быть* (Вархол 2002: 122). Подвійну мотивацію має назва *петрові ключі* 'Primula veris': у чехів та словаків поширена легенда про ключ святого Петра, яким він відкриває шлях до скарбу – *Petrklíč, Petrov kl'úč* (Чижмар 1993: 182). Також суцвіття цієї рослини справді нагадують за формою зв'язку ключів (Вархол 2002: 72). Назви *Петрів батіг, Петровы батогы* 'Cichorium intybus'

(Вархол 2002: 141-142) мотивуються як подібністю стебла рослини до батого, так і часом початку цвітіння рослини в липні – на Петра (Сабадош 1990: 145).

Натомість назви рослин, до складу яких входять антропоніми чи їхні похідні, найчастіше на сьогодні вже втратили внутрішню форму. Спорадично мотивацію флороназв у цих випадках можуть пояснити народноетимологічні коментарі самих мовців. Так, назва *Юдовий стром* 'Rhamnus frangula' (Вархол 2002: 98) пов'язана з віруванням про те, що на цьому деревці повісився Іуда (Чижмар 1993: 132). Біблійні сюжети також стають у пригоді при інтерпретації флороназв *Йосифові лелії*, *лелія Йозефова* 'Lilium' (Вархол 2002: 126), *Осифова палиця* 'Lilium candidum' (Вархол 2002: 126): на іконах св. Йосифа завжди зображають із лілією в руках.

Виконане дослідження народних назв рослин русинів Пряшівщини дозволяє зробити такі висновки. Ботанічна лексика русинів становить велику за обсягом, давню щодо походження та цінну для лінгвістів, етнографів та істориків категорію слів у складі лексичного фонду мови русинів. З погляду прозорості внутрішньої форми, флороназви класифіковано на немотивовані та мотивовані. Останні становлять 29 % (405 одиниць). Виявлено 13 мотиваційних ознак, актуальних у флорономіації русинів, з метою виявлення зв'язку народної ботаніки з іншими фрагментами картини світу русинів. Виконане ранжування мотиваційних ознак засвідчило, що найбільшу кількість становлять флороназви, мотивовані зовнішніми характеристиками рослини (45 %). Зокрема, проаналізований матеріал засвідчує широкі асоціативні зв'язки рослин з реаліями живої природи – людьми, тваринами, органами, частинами тіла живих організмів. Значна кількість назв рослин, співвідносних з назвами живої природи, пояснюється ще й тим, що русини здавна приписували рослинам властивості живих істот, персоніфікували природу. У флорономіації русинів задіяними виявилися і предмети побуту – господарчі предмети, музичні інструменти, одяг, їжа, посуд, що демонструє спільність або суміжність різних сегментів лексичної системи у свідомості носіїв мови. Названі лексико-семантичні спільності ботанічної та інших груп лексики не вичерпують усього арсеналу міжтематичних сходжень, проте засвідчують регулярність моделі вторинної номінації рослин. Велика кількість русинських назв рослин мотивована їхніми лікувальними властивостями (12,8 %), фактами їх використання з магічною метою (10,9 %), що засвідчує язичницькі світоглядні уявлення русинів, консервує залишки синкретичних вірувань, магічні практики й цінні емпіричні відомості про духовну культуру етносу. Простежується пряма кореляція між обрядодією і флороназвою. Спостережено, що

різні мотиви номінації можуть функціонувати не лише в межах номінативного поля однієї рослини, але й поєднуватися в одній назві актуалізуючи різні ознаки об'єкта – 5,9 % русинських флороназв мають подвійну семантичну мотивацію. Бачення русинами об'єкта з різних сторін створює номінативну варіативність. Так, номінативний ряд *Petasites hybridus* репрезентує 7 назв, утворених на базі 4 мотиваційних ознак: *білий лопух* (забарвлення + подібність до іншої рослини), *огурчина* (подібність до іншої рослини), *йоровник*, *юровник*, *дзуровник* (темпоральні характеристики), *дев'ятьсил* (лікарські властивості). Одна назва – *форгов* – має мертву внутрішню форму. Таким чином, багатство народних назв рослин русинів Пряшівщини, добре збереження їх до сьогодні виказують евристичну цінність цієї лексики, необхідність продовження її досліджень на всіх теренах, де сьогодні проживають русини.

ЛІТЕРАТУРА

Блинова 1987 - *Блинова О.И.* Языковое сознание и вопросы теории мотивации // *Язык и личность*. М.: Наука, 1989. С. 122–126.

Вархол 2002 - *Вархол Н.* Рослини в народних повір'ях русинів-українців Пряшівщини. Пряшів; Едмонтон: EXCO s.r.o., 2002. 150 с.

Даль 1978 - *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Рус. яз., 1978. Т. 1: А–З. 1978. 699 с.

Закревська 1976 - *Закревська Я.В.* Нариси з діалектного словотвору в реальному аспекті. Київ: Наукова думка, 1976. 162 с.

Керча 1 - *Керча И.* Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 1: А–Н. 608 с.

Керча 2 - *Керча И.* Русинско-русский словарь. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. Т. 2: О–Я. 608 с.

Комендар 2007 - *Комендар В.І.* Лікарські рослини Карпат. Дикорослі та культурні. Ужгород: Мистецька Лінія, 2007. 499 с.

Лукінова 1997 - *Лукінова Т.* Із спостережень над вживанням чисел у замовляннях // *Гриценко П.Ю.* (ред.) Український діалектологічний збірник. Київ: Довіра, 1997. Кн. 3. С. 310–321.

Меркулова 1967 - *Меркулова В.А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. 258 с.

Плотникова 1995 - *Плотникова А.А.* Ветер // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь* / Под ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения. 1995. Т. 1. С. 357–361.

Родионова 2002 - *Родионова И.В.* Библейские мотивы в народных названиях растений // *Живая старина*. 2002. № 2. С. 38–39.

Сабадош 1990 - *Сабадош І.В.* Зв'язки української народної лексики флори з антропонімами і топонімами // XVI Республіканська діалектологічна нарада. Київ, 1990. С. 145–146.

Чижмар 1993 - Чижмар М. Мотиви номінації ботанічної лексики українських говорів Східної Словащини // Науковий збірник Союзу русинів-українців Словацької Республіки. Пряшів, 1993. № 18. С. 129–136.

Шамота 1985 - Шамота А.М. Назви рослин в українській мові. К.: Наукова думка, 1985. 163 с.

Ябур, Плішкова, Копорова 2007 - Ябур В., Плішкова А., Копорова К. Русинська лексика на основі змін у правилах русинського языка. Пряшів, 2007. 348 с.

Čižmárová 2007 - Čižmárová M. Botanické názvy v ukrajinských nárečiach východného Slovenska [elektronický zdroj]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2007. 168 s.

Čižmárová 2017 - Čižmárová M. Nominačné modely v botanickom názvosloví. 2. dopl. vyd. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, Filozofická fakulta, 2017. 290 s.

Machek 1954 - Machek V. Česká a slovenská jmena rostlin. Praha: Nakladatelství československé akademie ved, 1954. 366 s.

Olejník 1973 - Olejník J. Magické byliny v oblasti Vysokých Tatier // Spiš 3–4. Vlastivedný zborník, 1973. S. 85–94.

REFERENCES

Blinova, O.I. (1987) Yazykovoe soznanie i voprosy teorii motivatsii [Language consciousness and Problems of the Theory of Motivation]. In: Shmelev, D.N. (ed.) *Yazyk i lichnost'* [Language and Personality]. Moscow: Nauka. pp. 122–126.

Varhol, N. (2012) *Roslyny v narodnyh povir'yah rusyniv-ukrai'ntsyv Pryashivshhyny* [Plants in the folk beliefs of the Rusin-Ukrainians of the Prešov region]. Prešov; Edmonton: EHSO s.r.o.

Dal, V.I. (1978) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.

Zakrevska, Ya.V. (1976) *Narysy z dialektного slovtvoru v areal'nomu aspekti* [Essays on the dialectal word-formation in the areal aspect]. Kyiv: Naukova dumka.

Kercha, I. (2007a) *Rusinsko-russkiy slovar': V 2 t.* [The Rusin-Russian Dictionary: In 2 vols]. Vol. 1. Uzhhorod: PolyPrint.

Kercha, I. (2007b) *Rusinsko-russkiy slovar': V 2 t.* [The Rusin-Russian Dictionary: In 2 vols]. Vol. 2. Uzhhorod: PolyPrint.

Komendar, V.I. (2007) *Likars'ki roslyny Karpat. Dykorusli ta kul'turni* [Medicinal herbs of the Carpathians. Wild and Cultural Plants]. Uzhhorod: Mistetska Liniya.

Lukina, T. (1997) Iz sposterezhen' nad vzhivannyam chysel u zamovlyannyah [From observations on the use of numbers in orders] In: Grytsenko, P.Yu. (ed.) *Ukrai'ns'kiy dialektologichniy zbirnyk* [The Ukrainian Dialectological Digest]. Vol. 3. Kyiv: Dovira. pp. 310–321.

Merkulova, V.A. (1967) *Ocherki po russkoy narodnoy nomenklature rasteniy* [Essays on the Russian folk nomenclature of plants]. Moscow: Nauka.

Plotnikova, A.A. (1995) Veter [Wind]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar'* [Slavic Antiquities. The Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 357–361.

Rodionova, I.V. (2002) Bibleyskiye motivy v narodnikh nazvaniakh rasteniy [Biblical motifs in folk plant names]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 38–39.

Sabadosh, I.V. (1990) Zv'yazky ukayins'koyi narodnoyi leksyky flory z antroponimamy i toponimamy [Links of Ukrainian folk vocabulary of flora with anthroponyms and toponyms]. *XVI Respublikans'ka dialektologichna narada* [The 16th Republican Dialectological Meeting]. Kyiv. pp. 145–146.

Čižmár, M. (1993) Motyvy nominatsiyi botanichnoyi leksiky ukayins'kikh govoriv Shidnoyi Slovachchyny [Motives of the nomination of the botanical vocabulary in the Ukrainian dialects of Eastern Slovakia]. *Naukoviy zbirnik Soyuzu rusiniv-ukayintsiv Slovats'koji Respubliki*. 18. pp. 129–136.

Shamota, A.M. (1985) *Nazvi roslin v ukayins'kij movi* [The names of plants in the Ukrainian language]. Kyiv: Naukova dumka.

Yabur, V., Plyishkova, A. & Koporova, K. (2007) *Rusin'ska leksika na osnovi zmin u pravylakh rusin'skogo yazyka*. Prešov: [s.n.].

Čižmárová, M. (2007) *Botanické názvy v ukrajinských nárečiach východného Slovenska* [Botanical names in Ukrainian dialects of Slovakia]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove.

Čižmárová, M. (2017) *Nominačné modely v botanickom názvosloví* [Nominative models in botanical names]. 2nd ed. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove.

Machek, V. (1954) *Česká a slovenská jmena rostlin* [Czech and Slovak plant names]. Prague: Nakladatelství československé akademie věd.

Olejník, J. (1973) *Magické byliny v oblasti Vysokých Tatier* [Magical herbs in the High Tatras]. *Vlastivedný zborník*. 3-4. pp. 85–94.

Горофянюк Інна Валентинівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри української мови Вінницького державного педагогічного університету ім. М. Коцюбинського (Україна).

Горофянюк Инна Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка Винницкого государственного педагогического университета им. М. Коцюбинского (Украина).

Inna V. Gorofyanyuk – Vinnytsia Mykhailo Kotsiubynskyi State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: gorofyanyuk@gmail.com

УДК 81-139

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/8

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И КОГНИТИВНЫХ АСПЕКТОВ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ В ПРОЕКТЕ «ЯЗЫКОВОЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЮЖНОЙ СИБИРИ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР»*

З.И. Резанова¹, Е.Д. Некрасова², А.А. Миклашевский³

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: rezanovazi@mail.ru

² E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

³ E-mail: armanster31@gmail.com

Авторское резюме

Представлено обоснование программы исследований психолингвистических аспектов русско-тюркского языкового взаимодействия, реализуемой в настоящее время в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур». Проект основывается на принципах взаимной дополнительности методов исследования. Используются полевые, собственно лингвистические описательные методы исследования взаимовлияния языков и культур и психолингвистические экспериментальные методы изучения когнитивных основ взаимовлияния языков в сознании билингва, проводимые с применением нового технологического оборудования и программного обеспечения в

* Исследование поддержано Министерством образования и науки Российской Федерации (Правительственный грант № 14.Y26.31.0014).

лабораторных условиях. Введение этого нового направления в изучение сосуществования языков юга Сибири создает новый уровень междисциплинарности проекта и составляет его принципиальную новизну в контексте ведущихся исследований контактов малых и титульных языков государственных образований не только в России, но и за рубежом. В статье характеризуются проекты лингвистически размеченного корпуса билингвальной речи и психолингвистической базы данных. Представлены способы социолингвистического и психолингвистического опроса информантов, теоретические положения, легшие в основу построения лингвистического корпуса и психолингвистической базы данных, прототипические модели, на которые ориентировались авторы проекта, краткое описание структур создаваемых ресурсов.

Ключевые слова: языковое контактирование, билингвизм, языки Южной Сибири, интерференция, корпус билингвальной речи, психолингвистическая база данных.

INVESTIGATION OF PSYCHO-LINGUISTIC AND COGNITIVE ASPECTS OF LANGUAGE CONTACTING IN THE PROJECT “LINGUISTIC AND ETHNOCULTURAL DIVERSITY OF SOUTHERN SIBERIA IN SYNCHRONY AND DIAHRONY: INTERACTION OF LANGUAGES AND CULTURES”*

Z.I. Rezanova¹, E.D. Nekrasova², A.A. Miklashevsky³

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: rezanovazi@mail.ru

²E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

³E-mail: armanster31@gmail.com

Abstract

The paper describes the program of psycholinguistic aspects of Russian-Turkic language interaction researches. The program is currently being implemented in the project “Linguistic and Ethno-Cultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and

* The work was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (the RF Government Grant Nr. 14.Y26.31.0014).

Diachrony: Interaction of Languages and Cultures". The project is based on the principles of mutual complementarity of research methods. Field, linguistic descriptive methods for studying the mutual influence of languages and cultures and psycholinguistic experimental methods for studying the cognitive bases of the interference of languages in the mind of bilingual using new technological equipment and software in the laboratory are used. The introduction of this new direction in the study of the coexistence of the languages of the South of Siberia creates a new level of interdisciplinarity of the project and constitutes its fundamental novelty in the context of ongoing studies of contacts between small and titular languages of state entities, not only in Russia, but also abroad. The article describes the projects of a linguistically marked corpus of bilingual speech and a psycholinguistic database. The methods of sociolinguistic and psycholinguistic interrogation of informants are presented, the theoretical positions that formed the basis of the construction of the linguistic corpus and the psycholinguistic database are revealed, the prototypical models to which the authors of the project were oriented, a brief description of the structures of the resources being created are characterized.

Keywords: linguistic contacting, bilingualism, languages of South Siberia, interference, corpus of bilingual speech, psycholinguistic database.

Исследование психолингвистических аспектов русско-тюркского языкового взаимодействия, реализуемое в настоящее время в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», направлено на выявление общих закономерностей и специфических особенностей контактирования языков, обусловленных типологическими особенностями русского и тюркских языков, социокультурными условиями овладения ими и их использования. В проекте целевым языком является русский язык, т. е. исследуются варианты влияния тюркских языков на речевую практику и когнитивные процессы порождения и восприятия речи русскоязычными билингвами.

Междисциплинарный проект основывается на синтезе методологии лингвистики (полевые, компаративные, корпусные методы), когнитивистики и психолингвистики (методология психолингвистических баз данных, экспериментальные исследования). В результате выполнения проекта будут получены данные о тенденциях языковой динамики языков Южной Сибири, об интерференции языковых и речевых структур, о когнитивных и психолингвистических рефlekсах языкового взаимодействия, о факторах (языковых, когнитивных, социальных), определяющих своеобразие форм, способов и результатов языкового взаимодействия языков юга Сибири с русским языком – языком-макропосредником взаимодействия. Результатом выполнения проекта станет также обогащение методологии изучения

аборигенных языков РФ, в практику их исследований будут вовлечены когнитивные и психолингвистические методы.

Проект развивается как последовательное решение трех частных задач: 1) выявление языковой интерференции, проявляющейся в речевых практиках билингва; 2) исследование влияния тюркских языков на становление психолингвистических основ формирования языковой семантики русскоязычного билингва; 3) изучение влияния свойств тюркских языков на когнитивную обработку единиц русского языка при решении разного рода лингвистических и нелингвистических задач билингом. Три решаемые проблемы связаны с обнаружением разных сторон единого процесса взаимодействия языков в языковом сознании билингва.

Первая задача решается с использованием корпусной методологии: в проекте создается лингвистически размеченный корпус русско-тюркской билингвальной речи. Вторая задача решается на основе применения методологии баз данных: в проекте создается психолингвистическая база данных единиц трех частей речи: имен существительных, имен прилагательных и глаголов. Третья задача решается на основе использования психолингвистической экспериментальной методологии, ядро которой составляют поведенческие эксперименты.

Решение каждой из последовательно и отчасти одновременно решаемых задач имеет самостоятельное научное значение и в то же время выступает в качестве основания для решения следующей задачи, обеспечивая фиксацией обширного эмпирического материала, его многосторонней паспортизацией и статистической обработкой.

При этом, работая над созданием трех баз данных (БД) – корпуса текстов, психолингвистической БД, БД результатов экспериментальных исследований, авторы проекта стремятся к тому, чтобы как можно большее количество информантов приняли участие в формировании всех трех БД.

В проекте предполагается выявление корреляции психолингвистических, когнитивных и социальных факторов, влияющих на речевые практики билингов, на процессы когнитивной обработки языковых единиц. Возможность установления такой корреляции обеспечивается тем, что работа с каждым информантом, направленная на формирование БД, предваряется проведением интервью по двум взаимосвязанным и частично пересекающимся анкетам. В проекте используется «Социолингвистическая анкета», разработанная О.А. Казакевич и размещенная на сайте Института языкознания РАН (<http://iling-ran.ru/main/departments/ural-altaic>), которая включает вопросы, направленные на получение информации о социальных аспектах личности билингва: о времени и месте его рождения, проживания,

об уровне и направленности образования, о характере профессиональной деятельности, об особенностях приобретения и использования языков. Анкета включает также вопросы, направленные на формирование социального и языкового портрета родственников (три уровня родства).

Также в проекте используется адаптированная анкета языкового опыта и уровня владения языком (Marian, Blumenfeld, Kaushanskaya 2007), направленная на получение информации о характере и типе владения билингом языками. При проведении анкетирования используется прием субъективной самооценки билингом активности использования, порядка усвоения языков, соотношения времени использования языков в тот период жизни билинга, когда происходит интервьюирование, предпочтения выбора языков в разных видах коммуникации; определяется история пользования языками – время вхождения в каждый из языков или их изучения, время пребывания в среде языков, оценка информантом уровня владения языками и факторов, стимулирующих изучение каждого из языков, и т. д.

Тексты лингвистически размеченного корпуса формируются в практике интервьюирования информантов по широкому кругу тем, зависимых от интересов информантов. Способ собирания материала корпуса определяет то, что доминирующими по представленности являются комплексные жанры разговора, беседы, в структуре которых чаще всего выделяются жанры воспоминаний. В настоящее время собрано и транскрибировано около 200 ч звучащей речи русско-шорских, русско-хакасских, русско-татарских билингов, при этом представленность подкорпусов конкретных типов билингвизма асимметрична: соотношение записанного времени звучания русско-шорского, русско-хакаского, русско-татарского билингвизма – 6:3:1.

При создании лингвистического размеченного корпуса текстов русскоязычных билингов мы опирались на международный (Sinclair 1996) и ориентированный на него национальный стандарт, воплощенный в практике создания Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>), а также на практику создания учебных корпусов, корпусов херитажной и билингвальной речи, например RussianLearnerCorpus (<http://web-corpora.net/RussianLearnerCorpus/search>).

Назовем типологически важные признаки создаваемого корпуса¹. Он объединяет тексты не носителей языка, основную часть составляют записи речи информантов, чьим материнским языком является один из названных ранее тюркских языков, осваиваемым – русский язык с варьирующимися способами и временем вхождения в русский язык и типом его усвоения, меньшую часть составляют записи билингов, у которых русский язык является материнским, один из тюркских –

осваиваемым, в том числе изучаемым в школах. Основной тип сбора материала – записи устной речи – определяет другие типологически важные параметры: корпус является мультимодальным, в его структуре соотнесены записи устной речи и их транскрибированные записи, морфологически размеченные тексты, представляющие региональный вариант национального языка.

При решении комплекса задач проекта формирование корпуса русскоязычной билингвальной речи, во-первых, имеет самостоятельную научную ценность, так как его результатом является фиксация типов речевых отклонений на всех уровнях языковой системы в соотнесении с типами языкового контактирования. Во-вторых, мы рассматриваем сбор билингвальных текстов и их лингвистическую разметку в качестве основного источника при формировании материалов психолингвистических экспериментальных исследований механизмов контактирования языков в когнитивных структурах билингвов.

Данные корпуса билингвальной речи будут соотнесены с данными психолингвистической базы данных (ПБД).

В основе создаваемой ПБД для исследований психолингвистических аспектов этноязыковой специфики идиомов Южной Сибири лежит гипотеза о том, что языковая семантика включает перцептивные компоненты, вес и значимость которых в семантике варьируются в зависимости от принадлежности единицы к определенной семантической категории, а также находятся в зависимости от способов языковой формализации (морфологическое, лексико-морфологическое, деривационное маркирование). При этом влияние данных факторов проявляется как в пределах языкового единства, так и – в большей степени – в ситуации межъязыкового перехода.

При формулировании данной гипотезы и методов ее проверки авторы проекта опирались на теории, имеющиеся в мировой когнитивной, психо- и нейролингвистике. В качестве базовых используются, с одной стороны, теории, формулирующие идеи о влиянии на языковое мышление опыта телесной жизни человека, с другой – теории, выстраивающие модели участия языковых структур в процессах когнитивной обработки информации, в том числе и неязыковой. К первым отнесем следующие: теорию двойного кодирования А. Паивию, согласно которой в сознании человека существуют две относительно независимые системы кодирования информации – вербальная и невербальная (образная) (Paivio, Yuille, Madigan 1968); теорию воплощенного познания, объединяющую широкий круг частных направлений, связующей идеей которых являются идея укорененности сознания в среде и его основанность на телесных механизмах (Wilson 2002); теорию перцептивных символьных систем Л. Барсалу, согласно

которой знание имеет модально специфическую природу и хранится в виде мультимодальных перцептивных символов, схематических компонентов перцептивного опыта. Процесс понимания языка сводится в данном случае к активации соответствующих перцептивных символов и формированию симуляций (Barsalou 1999).

В определенном смысле связующей концепцией является теория двух типов сознания А. Домасио, выделяющего ядерное и расширенное сознание. Ядерное, являясь фундаментальным видом сознания, тесно связанным с эмоциями, влияет на другие формы расширенного сознания, в том числе и языковое. Язык рассматривается как символьная система, в основе формирования которой находятся низшие уровни когнитии, но, сформировавшись, эта символьная система опосредствует контакты человека с физическим миром. Такой подход определяет необходимость анализа языка как среды существования человека, определяющей его когницию и поведение, выявления того, каков характер конвенций, заложенных в языковых единицах, на которые ориентируется человек в своей жизни (Damasio 2003). Данная теория соотносится с теорией лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа (Уорф 1960; Сепир 1993). Эта теория интерпретируется в современных когнитивных и психолингвистических исследованиях, основывающихся на значительных объемах эмпирических данных, которые являются результатом применения опросных методик с использованием метода шкалирования.

Создаваемая в проекте ПБД соотносится с психолингвистической базой данных, включающей информацию о перцептивном компоненте семантики носителей русского языка (Резанова, Миклашевский 2016; Miklashevsky 2017) для существительных (Колбенева, Александров 2010) и для прилагательных, что позволит в дальнейшем оценить сдвиги в билингвальном восприятии единиц в соотношении с усредненной нормой носителя русского языка.

В создаваемой ПБД представлены лексемы трех основных частей речи – существительных, прилагательных и глаголов. В настоящее время база данных включает по 200 лексем каждой части речи. Каждой единице приписаны три типа признаков, два из которых характеризуют непосредственно единицы, признаки третьего типа – это характеристики носителя языка, билингва, метаязыковое сознание которого актуализируется. В состав психолингвистических характеристик включаются усредненные оценки респондентами силы связи между словом и каналами восприятия: визуальным, аудиальным, тактильным, обонятельным и вкусовым, в совокупности представляющие особую конфигурацию перцептивного компонента семантики. Для объективации информации о связи лексических

единиц с перцептивными модальностями были созданы опросники, построенные на использовании приема субъективного шкалирования силы проявления признака (шкала Лайкерта). Был использован опыт создания аналогичных баз данных (Колбенева, Александров 2010; Lynott Connel 2013).

Лингвистический пул признаков включает грамматические, лексико-грамматические, лексико-семантические характеристики единиц. При лексико-грамматической и деривационной параметризации авторы в качестве основы использовали стандарт «Русской грамматики» (Русская грамматика 1980), при лексико-семантической параметризации – систему, представленную в Национальном корпусе русского языка. Фиксируются также формальные признаки слова: объективная частотность слова, определяемая по словарю (Ляшевская, Шаров, 2009), а также длина (буквенная и слоговая).

Общая база данных включает данные о билингвах, оценки которых внесены в ПБД. Данная информация извлекается из охарактеризованных ранее социолингвистической анкеты и анкеты билингва. В качестве информантов при создании психолингвистической базы данных, как и при создании лингвистически размеченного корпуса текстов, выступили носители русско-татарского, русско-шорского и русско-хакасского билингвизма.

В создаваемой ПБД избрана реляционная модель представления данных: лексические единицы представлены в виде объектов (строк), а каждый лингвистический и психолингвистический показатель – в виде характеристики (столбца).

База данных в проекте используется для проверки гипотезы о возможности смещающего влияния вариантов билингвизма на статус и структуру перцептивного компонента единиц разных семантических категорий трех частей речи по отношению к усредненной норме носителей русского языка.

Лингвистически размеченный корпус русско-шорской, русско-татарской, русско-хакасской речи в соотнесении с данными психолингвистической базы данных позволит соотнести психолингвистические, когнитивные и поверхностно лингвистические рефлексy разных вариантов русско-тюркского билингвизма.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Подробное описание принципов построения корпуса и принципов метаразметки представлено в: Резанова, Веснина 2016; Резанова 2017.

ЛИТЕРАТУРА

- Barsalou 1999 - *Barsalou L.W.* Perceptual symbol systems // Behavioral and brain sciences. 1999. Vol. 22, № 4. P. 577–660.
- Damasio 2003 - *Damasio A.R.* Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and the Feeling Brain. 2003. 355 p.
- Lynott, Connel 2013 - *Lynott D., Connel L.* Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form // Behavior Research Methods. 2013. № 45 (2). P. 516–526.
- Marian, Blumenfeld, Kaushanskaya 2007 - *Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M.* The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing Language Profiles in Bilinguals and Multilinguals // Journal of Speech Language and Hearing Research. 2007. № 50 (4). P. 940–967. DOI: 10.1044/1092-4388(2007/067)
- Miklashevsky 2017 - *Miklashevsky A.* Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables // Journal of Psycholinguistic Research. 2017. P. 1–21.
- Paivio, Yuille, Madigan 1968 - *Paivio A., Yuille J.C., Madigan S.A.* Concreteness, imagery, and meaningfulness values for 925 nouns // Journal of Experimental Psychology, 1968, Monograph Supplement. Vol. 76 (1, Pt. 2). P. 1–25.
- Sinclair 1996 - *Sinclair J.* EAGLES. Preliminary recommendations on Corpus Typology. EAG--TCWG--CTYP/P. Version of May, 1996. URL: <http://www.ilc.cnr.it/EAGLES/corpusyp/corpusyp.html> (дата обращения: 05.05.2018).
- Wilson 2002 - *Wilson M.* Six views of embodied cognition // Psychonomic bulletin & review. 2002. Т. 9, № 4. P. 625–636.
- Колбенева, Александров 2010 - *Колбенева М.Г., Александров Ю.И.* Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: Лингво-психологический словарь. М.: Языки славянских культур, 2010. 368 с.
- Ляшевская, Шаров 2009 - *Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.
- Резанова 2016 - *Резанова З.И., Веснина Г.Ю.* Подкорпус русской речи билингов лингвистического корпуса «Томский региональный текст»: принципы разметки и метаразметки // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 29–39. DOI: 10.17223/22274200/9/3
- Резанова, Миклашевский 2016 - *Резанова З.И., Миклашевский А.А.* Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 71–92. DOI: 10.17223/19986645/43/6
- Резанова 2017 - *Резанова З.И.* Подкорпус устной речи русско-тюркских билингов Южной Сибири: типологически релевантные признаки // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 105–118. DOI: 10.17223/22274200/11/7
- Русская грамматика 1980 - *Русская грамматика.* М.: Наука, 1980. Т. 1. 789 с.
- Сепир 1993 - *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс: Универс, 1993. 656 с.

Уорф 1960 - Уорф Б. Отношение норм поведения к мышлению и языку // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 255-285.

REFERENCES

Barsalou, L.W. (1999) Perceptual symbol systems. *Behavioral and Brain Sciences*. 22(4). pp. 577–660.

Damasio, A.R. (2003) *Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and the Feeling Brain*. Harvest Books

Lynott, D. & Connel, L. (2013) Modality exclusivity norms for 400 nouns: The relationship between perceptual experience and surface word form. *Behavior Research Methods*. 45(2). pp. 516–526. DOI: 10.3758/s13428-012-0267-0

Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing Language Profiles in Bilinguals and Multilinguals. *Journal of Speech Language and Hearing Research*. 50(4). pp. 940–967. DOI: 10.1044/1092-4388(2007/067)

Miklashevsky, A. (2017) Perceptual Experience Norms for 506 Russian Nouns: Modality Rating, Spatial Localization, Manipulability, Imageability and Other Variables. *Journal of Psycholinguistic Research*. pp. 1-21. DOI: 10.1007/s10936-017-9548

Paivio, A., Yuille, J.C. & Madigan, S.A. (1968) Concreteness, imagery, and meaningfulness values for 925 nouns. *Journal of Experimental Psychology*. Monograph Supplement. Vol. 76 (1, Pt. 2). pp. 1–25.

Sinclair, J. (1996) *EAGLES. Preliminary recommendations on Corpus Typology. EAG--TCWG--CTYP/P. Version of May, 1996*. [Online] Available from: <http://www.ilc.cnr.it/EAGLES/corpus/corpus.html> (Accessed: 5th May 2018).

Wilson, M. (2002) Six views of embodied cognition. *Psychonomic Bulletin & Review*. 9(4). pp. 625–636. DOI: 10.3758/BF03196322

Kolbeneva, M.G. & Aleksandrov, Yu.I. (2010) *Organy chuvstv, emotsii i prilagatel'nyye russkogo yazyka: Lingvo-psikhologicheskii slovar'* [Sense organs, emotions and adjectives of the Russian language: Linguistic-psychological dictionary] Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [The Frequency Dictionary of Modern Russian language (based on the Russian National Corpus)]. Moscow: Azbukovnik.

Rezanova, Z.I. (2017) Subcorpus of oral speech of Russian-Turkic bilinguals of Southern Siberia: typologically relevant signs. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 11. pp. 105–118 (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/11/7

Rezanova, Z.I. & Vesnina, G.Yu. (2016). Meta-data and annotation design of the Russian-speaking bilinguals speech subcorpus in the structure of the Tomsk Regional Corpus. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1(9). pp. 29–39 (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/9/3

Rezanova, Z.I. & Miklashevskiy, A.A. (2016). Modeling of the perceptual-based component of language semantics using a psycholinguistic database. *Vestnik*

Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 5(43). pp. 71–92 (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/43/6
Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Sepir, Ed. (1993) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Translated from English. Moscow: Progress: Unvers,

Warf, B. (1960) Otnoshenie norm povedeniya k myshleniyu i yazyku [The relation of behavioural norms to thinking and language]. In: Zvegintsev, V.A. (ed.) *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury. pp. 255–285.

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета, зам. зав. Лабораторией лингвистической антропологии (Россия).

Zoya I. Rezanova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Некрасова Елена Дмитриевна – старший научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Elena D. Nekrasova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

Миклашевский Алексей Алексеевич – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета, научный сотрудник Лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета (Россия).

Alex A. Miklashevsky – Tomsk State University (Russia).

E-mail: armanster31@gmail.com

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/9

ПОНЯТИЕ «ТОСКА / ПЕЧАЛЬ» В РУСИНСКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИКО-АРЕАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Л.П. Дронова

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: lpdronova@mail.ru

Авторское резюме

Историко-ареальный и этимологический анализ наименований базовой эмоции *тоска* (тоска / печаль) позволил выяснить, что лексика, представляющая понятие *тоска*, исконно славянская (за исключением *банá*, заимствования из венгерского), что в русинском языке наибольшую историческую глубину имеют лексемы *жаль* и *туга́*, которые восходят к общеславянскому (праславянскому) фонду, отражают наиболее ранний этап представления об этой эмоции в сознании славян. Только славянские генетические связи обнаруживаются у *жу́ра*, являющейся частью русинско-украинско-белорусской семантической изоглоссы (восточнославянский регионализм). Своеобразие словообразовательной структуры русин. *туск*, укр. *туск*, *туска* позволяет предположить сохранение в русинском и украинском особенности языка некой племенной группировки (праславянский диалектизм).

Ключевые слова: лексика эмоций, русинский язык, славянские языки, история.

THE CONCEPT “*MELANCHOLY / SADNESS*” IN THE RUSIN LANGUAGE: HISTORICAL AND AREAL LINKS

L.P. Dronova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: lpdronova@mail.ru

Abstract

Diachronic areal and etymological analysis of the names of basic emotion 'toska' (melancholy/sadness/boredom) has shown that the lexical units representing the concept 'toska' belong to the native Slavic fund, except *baná*, borrowed from Hungarian. The author has discovered that the lexemes with the greatest historical depth in the Rusin language are *zhal'* and *tugá*, which go back to the common Slavic (Proto-Slavic) fund and reflect the earliest stage of formation of the concept of 'toska' in the Slavs' cognition. *Zhúra*, which is a part of the Rusin-Ukrainian-Belarusian isogloss (an Eastern Slavic regionalism), has only Slavic genetic links. The derivative features of the Rusin *tusk*, Ukrainian *tusk*, *tuska* allow supposing that the Rusin and Ukrainian languages have preserved the peculiarities of a certain tribal group (Proto-Slavic dialectism).

Keywords: emotion vocabulary, Rusin language, Slavic languages, history.

Постановка проблемы, аспекты исследования. Эмоции являются мотивационной системой человеческого сознания и всего вербально-го и авербального общения человека. Элементарные поведенческие эмоциональные реакции, происходящие на основе простейших психических процессов, принято называть базовыми, универсальными. К их числу относят прежде всего страх, гнев, а также печаль, радость-удовольствие. Это эмоции от природы, культурно необусловленные, генетически заложенные на основе эмоционального опыта, общего для всех людей, в отличие от второй группы эмоций, социализированных, таких как жалость, любовь, счастье и др. Разделение эмоций на базовые / небазовые далеко не бесспорно (ср.: Вежбицкая 2001: 15–19; Красавский 2008: 31, 101–03; Шаховский 2010: 57 и др.). Исследователи, предпринимавшие попытки описания концептов эмоций (Вежбицкая 2001: 21–117; Димитрова 2001 и др.), указывают на их диффузный характер. А. Вежбицкая, ссылаясь на У. Джеймса (1890), писала: «...на этот в значительной степени туманный мир чувств каждый язык накладывает свою собственную интерпретирующую сетку координат... каждый народ нашел имена для оттенков чувств, которые не выделяются другими народами (Вежбицкая 2001: 17). То есть ни за каким именем эмоций не стоит универсальный когнитивный сценарий, поскольку эмоция – это недискретная сущность, а языковой эмотив дискретен. Более того, толкование имен эмоций (в том числе и эмоционально-оценочное) отдельными индивидуумами далеко не всегда совпадает в рамках одного и того же этнического сообщества. Можно полагать, что составители лексикографических толкований именовании эмоций опираются на стереотипные, наиболее распространенные представления языкового сообщества об описываемом явлении (Красавский 2008: 83). Так, например, семантика русских

слов *печаль, грусть, тоска* передается одним англ. *sadness* (Вежбицкая 2001: 21–29). Диффузность семантики может подпитываться и синкретичностью исходных номинаций (об этом см.: Колесов 1991: 40–49; Пименова 2000: 3–15).

Учитывая диффузность эмоции как психофизической реакции и сложность семантической структуры их имен (кроме ядерной части включается широкая периферия, формируемая многочисленными образно-оценочными коннотациями), берем для анализа как недискретное понятие «тоска / печаль» (как два аспекта понятия), выделенное на основании трудности разграничения их в реальном употреблении, близости ядра семантики этих лексем – ‘переживаемые глубокие отрицательные эмоции, имеющие свою причину’ (*печаль* ‘чувство грусти и скорби, душевной горечи’ и ‘то, что печалит’, *тоска* ‘тяжелое, гнетущее чувство, душевная тревога’ и ‘то, что вызывает это чувство’ (МАС 1983: 117; МАС 1984: 389). Не включаем сюда близкое в употреблении *грусть*, обозначающее чувство печали, легкого уныния, как именование не столь глубокой и продолжительной эмоции (о грусти можно сказать: *легкая, мимолетная, тайная грусть*, но не о печали, тоске). Историко-ареальный аспект анализа позволяет выявить глубину формирования значимого для этноса понятия «тоска / печаль», этапы усложнения (дискретности) понятия, отражающиеся в образовании синонимических средств выражения этого понятия, увидеть ареальные связи русинского в зеркале истории формирования понятия об одной из базовых эмоций.

Методика анализа. Поскольку эмоция базовая, то и исторические корни ее формирования и отражения в языке глубокие, поэтому для анализа материала привлекается лингвистическая реконструкция (приемы сравнительно-исторического метода). В частности, важен учет словообразовательных моделей, засвидетельствованных для выражения базовых понятий, что позволяет в большинстве случаев уточнить историческую глубину слова (по активности, распространенности словообразовательной модели), а ареальные связи дают возможность выявить раннеславянские диалектные отношения, затемненные последующей перегруппировкой славян при расселении на Балканах, в Восточной Европе (Иванов, Топоров 2000: 414). Полагаем, что такой подход позволяет поставить определенные исторические вехи в судьбе русинского языка.

По лексикографическим источникам мы выделили пять лексем, представляющих в русинском языке понятие «тоска»: *банá, туск, туѓá, жаль, жу́ра*.

Как обозначение культурно значимого понятия эти лексемы большей частью имеют исконно славянские корни. Исключение в названном ряду именовании тоски представляет слово *бана* (*бановань, ба-*

нованя) 'тоска, грусть, печаль; сожаление, переживание' (Керча 2007а: 63), известное украинскому (*бана* 'туга', *банувати* 'тужити, нидіти'), западнославянским (чеш. *banovati*, слов. *banovat*, польск. *banować*), болгарскому (*банувам*) языкам. Считается, что по происхождению это заимствование из венгерского языка (ЕСУМ 1982: 135), т. е. это относительно позднее включение в выражение понятия «тоска» в русинском языке. Но в силу значимости и авторитета венгерского языка в регионе (особенно в рамках Австро-Венгерской империи) это заимствование получило широкое распространение и активное употребление.

Остальные лексемы, выражающие понятие «тоска», исконно славянские, имеют соответствия в других славянских языках. Русин. *туга́* 'мечта, томление, сильное желание; печаль, тоска, грусть'; *тужити* 'печалиться, тосковать' (Керча 2007б: 436) имеет формально-семантические соответствия во всех ареалах славянских языков, ср.: укр. *ту́га* 'душевная тревога с грустью'; рус. диал. *туга* 'печаль, тоска'; др.-рус. *туга* 'горе, печаль, скорбь; страдание; невзгоды'; с.-хорв. *туга* 'печаль, грусть, тоска'; *туговати* 'горевать, грустить, тосковать' (*пресвиснути од туге* 'умереть с тоски'), *туголив* 'щекотливый; тяжелый, печальный, грустный'; *тужити* 1 'подавать жалобу', *тужити* 2 'оплакивать кого-л.' *тужба* 'жалоба, иск'; чеш. *touha* 'тоска', *tužba* 'сильное, страстное желание', *toužiti* 'жаждать (чего), стремиться', *toužený* 'желанный'; в.-луж. *tuha* 'духота, зной; подавленность, упадок духа' (Толстой 1957: 959–960; ЕСУМ 2006: 667).

Русинские лексемы *жаль* 'сожаление, жалость; огорчение; грусть, печаль, тоска' (*носити жаль (жалобу)* 'носить траур', *глубокий жаль* 'скорбь, горечь'), *жальный* 'печальный, грустный, жалобный', *жаловати* 'жалеть' (Керча 2007а: 272) соотносятся с широким кругом однокорневых образований во всех славянских языках с семантикой 'жалеть' и 'сострадать, сочувствовать кому-л.', 'сокрушаться, скорбеть', 'беречь, щадить', 'жалеть, скупиться' (в русских диалектах и 'любить'), напр., укр. *жаль*, *жалість* 'жалость', *жаліти*, *жалувати* 'сочувствовать кому-л.'; блр. *жаль* 'жалость'; рус. *жалеть*, *жалость* 'чувство соболезнования, сострадания'; болг. *жал* 'жалъ', *жалост*; с.-хорв. *жалити* 'жалеть, оплакивать кого-л.', *жалост* 'горе, печаль; траур'; чеш. *želeť*; польск. *żałować* 'жалеть' и др. (ЕСУМ 1985: 186; Черных 1994: 291).

Таким образом, русин. *туга* и *жаль* при всей метафоричности номинации ('*то, что тяготит душу', '*то, жалит душу'), судя по словообразовательно-генетическим и ареальным связям, восходят к общеславянскому (праславянскому) фонду, относятся к наиболее раннему этапу представления об этой эмоции в сознании славян.

Рассмотрим русин. *жу́ра* 'забота, горе; грусть, печаль, тоска', *жу́рити* 'печалить, горевать, беспокоить' (Керча 2007а: 279–280), укр. *жу́ри́ти*

‘печалить’, *журѣти(ся)* ‘печалиться, горевать, сокрушаться’, *журба* ‘печаль, кручина’, *журливый* ‘печальный’; блр. *журыцца* ‘кручиниться’, *журба* ‘кручина’. В русском языке *журить* известно из текстов XVII в. («Житие» Аввакума: «*журят мне, что патриарху не покорился*») (Черных 1994: 309); современное русское *журить* ‘слегка бранить кого-л., выговаривать кому-л., ворча на него’. То есть русское *журить* семантически достаточно далеко отстоит от других восточнославянских соответствий. Еще дальше по семантике южнославянские образования: с.-хорв. *жу́рити(се)* ‘торопить(ся), спешить’, *журба* ‘спешка, поспешность, торопливость’, *журан* ‘спешный, неотложный; торопливый’; словен. *žuriti(se)* ‘торопить(ся)’ (Толстой 1957: 180; Черных 1994: 309). В этимологическом отношении не вполне ясное слово. «Может быть, старшее значение было ‘причинять кому-л. горе, печаль, расстраивать кого-л.’, отсюда ‘торопить, вызывать потребность в чем-л., беспокоить’» (ЕСУМ 1985: 210; Черных 1994: 309). Следовательно, русинское, украинское и белорусское *журить* (-и) – это некий регионализм на уровне восточнославянских языков.

Русинское *туск* ‘тоска, хандра’, *тускный* ‘тоскливый’, *тусковати* ‘тосковать’ (*Тобі чо́гось тускно стало*) (Керча 2007 б: 439) соотносится с укр. *туск*, *ту́ска́*, *ту́сок* ‘беспокойство, страх, подавленность’, *тускува́ти* ‘тужить’, связей же с другими славянскими языками не обнаруживает (ЕСУМ 2006: 685). Сближаясь семантически с однокорневыми образованиями в восточно- и западнославянских языках (рус. *тоска*, укр. *тоскна* ‘тоска, печаль’, чеш. *stesk* ‘тоска’, *teskný* ‘тоскливый, заунывный’, ст.-польск. *teskny* ‘тж’ (< слав. *тъsk-<*tǔsk-)), русин. *туск* соотносится по форме только с укр. *туск* (*ту́ска́*, *тусок*) ‘жаль, туга, жура, смутка’, и обе эти лексемы образованы от корня в другой ступени огласовки (<*tousk-) (ЕСУМ 2006: 685). Вероятно, ареал распространения этого славянского диалектизма (регионализма) был когда-то шире, но этот след ведет скорее на исходную праславянскую территорию (ср. фамилию польского политика Дональда Туска, который родом из Кашубии, Поморье). С другой стороны, иную, чем в других славянских языках, модель образования (от корня в другой ступени огласовки) можно рассматривать как след диалектной дифференциации праславянского, сохранение в русинском и украинском особенности языка некой племенной группировки.

Таким образом, особенности функционирования и историко-ареальные связи лексики, выражающей понятие «тоска» в русинском языке, позволяют сделать следующие выводы.

1. Обозначение эмоции печали / тоски как элементарной поведенческой эмоции, генетически заложенной в человеке и значимой в культуре, в русинском языке закономерно имеет глубокие исторические корни. Наибольшую глубину (генетические связи праславянского

и индоевропейского уровня) имеют лексемы *жаль* и *туга́*, которые восходят к общеславянскому (праславянскому) фонду, относятся к наиболее раннему этапу представления об этой эмоции в сознании славян. Только славянские генетические связи обнаруживаются у *жу́ра*, но при этом семантически это восточнославянский регионализм.

2. Семантика исконных лексем *жаль*, *туга́*, *жу́ра* неоднородна, диффузна, что характерно для именовании эмоций: обозначение тоски-печали-грусти взаимодействует с обозначением жалости-сожаления, заботы-беды-(со)страдания, мечты, сильного желания (того, с чем связана тоска) и скуки-хандры. Эта диффузность семантики лексем, соотносящихся с понятием «тоска / печаль», объясняется не только размытостью формирующих эмоцию сегментов (в природе не бывает «чистых» эмоций: в действительности они тесно сплетены, всякая эмоция комплексна), но и синкретизмом исходных номинаций. Наличие диффузной семантики у заимствованного *банá* 'тоска, грусть, печаль, сожаление' и производных от него лексем свидетельствует о полной словообразовательно-семантической адаптации этой лексемы в русинском языке.

3. Семантика лексемы *туск* 'тоска, хандра' не столь диффузна, более «сфокусирована», однородна. Вероятно, это можно объяснить следствием ее древности и региональности одновременно.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Англ. – английский; блр. – белорусский; болг. – болгарский; в.луж. – верхнелужицкий; диал. – диалектный; др.-рус. – древнерусский; рус. – русский; русин. – русинский; слав. – славянский; слвц. – словацкий; словен. – словенский; ст.-польск. – старопольский; с.-хорв. – сербохорватский; укр. – украинский; чеш. – чешский.

ЛИТЕРАТУРА

Вежбицкая 2001 - Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.

Димитрова 2001 - Димитрова Е.В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 20 с.

ЕСУМ 1982 - Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка / Акад. наук Украинской ССР, Ин-т языковедения им. А.А. Потебни. Голов. ред. О.С. Мельничук. Укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Колімець, Т.Б. Лукінова и др.: в 7 т. Т. 1: А–Г. Киев: Наукова думка, 1982. 632 с.

ЕСУМ 1985 - Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка / Акад. наук Украинской ССР, Ин-т языковедения

им. А.А. Потебни. Голов. ред. О.С. Мельничук. Укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова и др.: в 7 т. Т. 1: А–Г. Киев: Наукова думка, 1985. 570 с.

ЕСУМ 2006 - Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка / Акад. наук Украинской ССР, Ин-т языковедения им. А.А. Потебни. Голов. ред. О.С. Мельничук. Укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова: в 7 т. Т. 6: Р–Т. Киев: Наукова думка, 2006. 704 с.

Иванов, Топоров 2000 - *Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* О древних славянских этнонимах (основные проблемы и перспективы) // Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 413–440.

Керча 2007а - *Керча И.* Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 1: А–Н. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. 608 с.

Керча 2007б - *Керча И.* Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2007. 608 с.

Колесов 1991 - *Колесов В.В.* Семантический синкретизм как категория языка // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. 1991. Вып. 2, № 9. С. 40–49.

Красавский 2008 - *Красавский Н.А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 374 с.

МАС 1983 - Словарь русского языка: в 4 т. / Ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд. М., 1983. Т. 3.

МАС 1984 - Словарь русского языка: в 4 т. / Ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд. М., 1984. Т. 4.

Пименова М.В. Семантический синкретизм и синкретсемиа в древнерусском языке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 15 с.

Толстой 1957 - *Толстой И.И.* Сербско-хорватско-русский словарь: Около 50 000 слов. М.: ГИС, 1957. 1168 с.

Черных 1994 - *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1994. Т. 1.

Шаховский 2010 - *Шаховский В.И.* Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 128 с.

REFERENCES

Wierzbicka, A. (2001) *Sopostavleniye kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparing cultures using lexis and pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Dimitrova, Ye.V. (2001) *Translyatsiya emotivnykh smyslov russkogo kontsepta "toska" vo frantsuzskuyu lingvokul'turu* [Communicating the emotive senses of the Russian concept "toska" to the French linguistic culture]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1982) *Yetimologichnyi slovník ukraїn'skoi movi* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1985) *Yetimologichnyi slovník ukraїn'skoi movi* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

- Melnichuk, O.S. (ed.) (2006) *Yetimologichniiy slovník ukraïn'skoï movi* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 6. Kyiv: Naukova dumka.
- Ivanov, V.Vs. & Toporov, V.N. (2000) O drevnikh slavyanskikh etnonimakh (osnovnyye problemy i perspektivy) [On the Old Slavic ethnonyms (principal problems and future trends)]. In: Petrukhin, V.Ya. et al. *Iz istorii russkoy kul'tury* [From the History of Russian Culture]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 413–440.
- Kercha, I. (2007a) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.
- Kercha, I. (2007a) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.
- Kolesov, V.V. (1991) Semanticheskiiy sinkretizm kak kategoriya yazyka [Semantic syncretism as a linguistic category]. *Vestnik Leningradskogo universiteta*. Ser. 2. 2(9). pp. 40–49.
- Krasavskiy, N.A. (2008) *Emotsional'nyye kontsepty v nemetskoï i russkoy lingvokul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures]. Moscow: Gnozis.
- Yevgenyev, A.P. (ed.) (1983) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Dictionary of the Russian Language: in 4 vols]. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Russian Academy of Sciences.
- Yevgenyev, A.P. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Dictionary of the Russian Language: in 4 vols]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Russian Academy of Sciences.
- Pimenova, M.V. (2000) *Semanticheskiiy sinkretizm i sinkretsemya v drevnerusskom yazyke* [Semantic syncretism and syncretisms in the Old Russian language]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- Tolstoy, I.I. (1957) *Serbsko-khorvatsko-russkiy slovar'* [The Serbian-Croatian-Russian Dictionary]. Moscow: GIS.
- Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskiiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian Language: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
- Shakhovskiy, V.I. (2010) *Emotsii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya* [Emotions: pre-linguistics, linguistics, linguistic cultural studies]. Moscow: LIBROKOM.

Дронова Любовь Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Liubov P. Dronova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: lpdronova@mail.ru

УДК 811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/10

ДЕРИВАТЫ ПРАСЛАВЯНСКОГО КОРНЯ *SLU- (К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ)

И.В. Садыкова

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: pansadyk@rambler.ru

Авторское резюме

Рассматриваются особенности развития семантики славянских дериватов праславянского корня *slu-/ *slou-. Анализ проводится на материале современных славянских языков, представленном в лексикографических источниках, с использованием сравнительно-исторического метода. В ходе исследования было выявлено, что производные указанного корня представлены в славянских языках в разных фонетических и словообразовательных вариантах. В семантическом отношении проанализированные лексемы (преимущественно глаголы) реализуют перцептивную семантику, а именно семантику слухового восприятия, при этом по-разному функционируют в современных славянских языках. На основе перцептивной семантики во всех славянских языках формируются переносные значения. Так, в восточно- и южнославянских языках появляются значения, связанные с послушанием, подчинением. В восточнославянских языках складывается семантика, отражающая, с одной стороны, процесс обучения, образования, основанный на слуховой перцепции, а с другой стороны, рациональную обработку полученной через слуховой канал информации. В западнославянских дериватах праслав. *slu-/ *slou- формируется оценочное значение, отражающее положение субъекта в обществе или соответствие вкусовым предпочтениям. В целом следует отметить, что наиболее сложную семантическую структуру имеют производные праслав. *slu-/ *slou- в русском языке, именно в нем появляется большее количество переносных значений. Таким образом, рассмотренные дериваты семантически связаны с разными сферами: перцептивной, рациональной, поведенческой, образовательной, оценочной. Однако базовым значением для них все-таки является перцептивное (аудальное).

Ключевые слова: славянские языки, перцептивная семантика, семантическая деривация, история слова.

DERIVATIVES OF THE PROTO-SLAVIC ROOT *SLU- (ON SEMANTIC EVOLUTION)

I.V. Sadykova

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: pansadyk@rambler.ru

Abstract

The article deals with the development of the semantics of the Slavic derivatives of the Proto-Slavic roots *slu-/ *slou-. The analysis is based on the material of modern Slavic languages presented in lexicographical sources, using a comparative-historical method. The research reveals that the derivatives of this root are represented in Slavic languages in different phonetic and derivational variants. Semantically, the lexemes under discussion (mostly verbs) realize perceptual semantics, namely, the semantics of auditory perception, though functioning differently in modern Slavic languages. Perceptive semantics generates figurative meanings in all Slavic languages. Thus, in the East and South Slavic languages, there appear meanings associated with obedience and submission. In the East Slavic languages, the semantics of such lexemes reflects, on the one hand, the process of learning and education based on auditory perception, and on the other hand, the rational processing of information received through the auditory channel. In the West Slavic derivatives, the Proto-Slavic *slu-/ *slou- form the attitudinal meaning, reflecting the position of the subject in the society or their taste preferences. In general, it should be noted that the most complex semantic structure of the Proto-Slavic derivatives *slu-/ *slou- is found in the Russian language, where they generate a greater number of figurative meanings. Thus, the derivatives under analysis are semantically related to different fields: perceptual, rational, behavioural, educational, and attitudinal. However, the basic meaning for them is still perceptual (auditory).

Keywords: Slavic languages, perceptual semantics, semantic derivation, history of the word.

Лексика – один из наиболее динамичных, постоянно меняющихся уровней языка. В лингвистике последних двух-трех десятилетий принято изучать системно организованные лексические единицы

(синонимические ряды, тематические поля, словообразовательные гнезда и т. д.), при этом исследуются единицы данного языкового уровня в разных аспектах, с разных точек зрения, что позволяет получить, во-первых, более системные и достоверные, а во-вторых, более разносторонние, комплексные результаты.

Объектом анализа в настоящем исследовании являются дериваты праславянского корня **slu-/*slou-* (< и-е-**k'leu-/*k'lou-*) в современных славянских языках. К этому корню восходят, например, русские глаголы перцепции *слушать/слышать*. Перцептивная лексика в целом и слуховая в частности – один из любимых объектов исследования лингвистов. С неизменным интересом ученые обращаются к этой группе слов. Объясняется это тем, что восприятие является одним из основных видов деятельности человека: получая информацию через разные перцептивные каналы (визуальный, слуховой, тактильный, вкусовой, обонятельный), мы затем обрабатываем ее и организуем нашу дальнейшую жизнедеятельность.

Ю.Д. Апресян рассматривает русскую лексику восприятия (в том числе и слухового) как основную, достаточно простую, хорошо организованную и независимую систему, однако эта система иерархически выстроена (Апресян 1995). Е.В. Урысон в рамках когнитивного подхода выстраивает модель восприятия мира в русском языке, выделяя субъект, объект и инструмент восприятия, при этом автор считает, что в данной модели отражаются как национально-специфические, так и универсальные черты (Урысон 1995, 1998). Е.А. Слободян рассматривает лексику слухового восприятия в системном, функциональном и историческом аспектах, при этом исследователь выстраивает семантическое поле восприятия не как иерархию, а как своеобразный «веер», где каждое микрополе имеет равную силу и значимость и строится на оппозициях (Слободян 2007). Для анализа привлекается материал двух славянских языков (русского и польского) и одного германского (английского), причем история лексики слухового восприятия прослеживается до начала XIX в.

Аудиальная перцепция – это один из главных, наряду с визуальным, способов восприятия действительности. В своих работах мы уже обращались к лексике слухового восприятия, например, нами были проанализированы генетические и ареальные связи латинского глагола *audire*, основного обозначения слуховой перцепции в латинском языке (Садыкова 2011). Было обнаружено, что на основе слуховой семантики формируются переносные значения, связанные с другими семантическими сферами, например рациональной (осмысление, познание, знание). Представляется интересным рассмотреть, как развивается семантика слов, именующих слуховое восприятие,

в других языках, с какими семантическими областями пересекается перцептивная семантика.

Новизна настоящего исследования определяется тем, что в центре внимания находятся особенности семантического развития производных праславянского корня *slu- во всех подгруппах славянских языков (при этом преимущественно рассматриваются глагольные дериваты данного корня), определяются траектории семантической деривации этих лексем в современных славянских языках, а также устанавливаются общее и различное в семантической эволюции между восточно-, западно- и южнославянскими языками. Кроме того, выявляются семантические поля, с которыми тесно взаимосвязана и взаимодействует слуховая перцепция.

Анализ основывается на лексикографических данных словарей разного типа (толковых, двуязычных, исторических, этимологических). Целью исследования является выявление путей семантического развития производных праслав. *slu- в современных славянских языках, связей между возникшими в рамках одного слова лексико-семантическими вариантами, а также между семантическими полями, в которые входят эти лексико-семантические варианты.

Прежде чем начать семантический анализ дериватов, необходимо сделать несколько замечаний о некоторых формальных (фонетических и словообразовательных) особенностях бытования производных этого корня в языках-потомках праславянского языка. Рассматриваемый праславянский корень имеет несколько вариантов: *slū- (с долгим гласным), *slŭ- (с кратким гласным), *slou- (с дифтонгом), которые соответствующим образом отражены в современных славянских языках. Так, вариант *slū- в восточнославянских языках отражен как *слы-*, в западнославянских – как *slŷ-*, в южнославянских – как *сли-* или *сли-* (в зависимости от используемого алфавита); вариант *slŭ- в восточно- и южнославянских развивается в *сло-*, в западнославянских – в *slo-*; вариант *slou- в восточно- и южнославянских языках реализуется как *слу-*, в западнославянских – как *slu-*.

Кроме того, глагольные дериваты этого корня могут употребляться как без дополнительных словообразовательных аффиксов (только с соответствующим суффиксом инфинитива *ti), так и с расширителем / суффиксом *-s-, который также различно представлен в языках-потомках (в буквенном отношении это выглядит как х/ш – в восточных и южных славянских языках, ch/š – в западных, что является результатом изменений, произошедших с *s в данных условиях).

Начать рассмотрение семантического развития производных указанного корня хотелось бы с дериватов, имеющих расширитель корня *-s-. В семантическом плане в современных славянских языках – это

в первую очередь обозначения слуховой перцепции: рус. *слушать*, *слышать*, *слыхать*, блр. *слухаць*, устар. *слыхаць*, укр. *слихати*, устар. *слишати*, *слухати*, русин. *слухати*, *слыхати*, болг. *слухтя*, *слушам*, серб., хорв. *слукнути* = *слухнути*, *слушати*, словен. *slīšati*, *slūžati*; польск. *śluchać*, *śłyszeć*, чеш. устар. *slýchati*, *slyšeti*, слвц. *slýchat'*, устар. *slyšat'*, в.-луж. *sluchać*, *slyšeć*, н.-луж. *slyšaś* (Толстой 1957: 885; Белорусско-русский словарь 1962: 868; Котник 1967: 538, 539; Украинско-русский словарь 1971: 871; Копецкий 1973: 336–337; Трофимович 1974: 305; Коллар 1976: 472; Стыпула, Ковалева 1980: 575; Бернштейн 1986: 720; Кузнецов 2000: 1214; Бошковић 2007: 1335; Русинско-русский словарь 2: 349; Фасмер 3: 679–680). Все названные лексемы в качестве основного значения имеют наименование аудиального восприятия действительности, причем как целенаправленного, намеренного «слушать», так и нецеленаправленного, произвольного «слышать».

Однако следует отметить, что степень употребления, распространения в качестве обозначений слуховой перцепции каждой из указанных лексем в славянских языках различная. Так, в современном русском языке отмеченные лексемы являются основными, а в других восточнославянских языках и в некоторых западнославянских они используются наряду с глаголами, родственными рус. *чуять* < праслав. **čuti* (ср. укр. *чуми* «1) слышать; 2) (воспринимать другими органами чувств или интуицией) чувствовать, разг. чуять; слышать; книжн. обонять» (Украинско-русский словарь 1971: 1031); блр. *чуць* «1) в разн. знач. слышать; 2) (ощущать) слышать, чуять (в том числе запах); 3) (сознавать) чуять, чувствовать (*бяду*); 4) слышать, замечать» (Белорусско-русский словарь 1962: 1016), русин. *чуми* «слышать; чувствовать», *чувати* «слыхивать; быть на чеку, бодрствовать» (Русинско-русский словарь 2: 577, 579); чеш. *čiti* «чувствовать (запах), ощущать, слышать, чуять (о животных); предчувствовать» (Копецкий 1973: 101), чеш. диал. *čouti*, *čut* «слышать» (ЭССЯ 4: 135); слвц. *čuť* «слышать; (чувствовать)» (Коллар 1976: 53). В то же время в южнославянских языках рефлекс праслав. **čuti* функционируют в качестве основных обозначений слухового восприятия (болг. *чуя* «1) услышать; 2) услышать, узнать по слухам; 3) послушаться» (Бернштейн 1986: 718); макед. *чue* «услышать, слышать» (Македонско-русский словарь онлайн); серб.-хорв. *чуми*, *чумати* «1) слышать, услышать; 2) стать известным» (Толстой 2001: 669; Бошковић 2007: 1460–1461); словен. *čúti* «слышать; бодрствовать, бдеть, не спать» (Котник 1967: 35), тогда как производные **slou-*/**slū-* находятся на периферии: об этом можно судить, например, по словообразовательной активности рассматриваемых глаголов (она невысокая), или, основываясь на том факте, что варианты с корнем, восходящим в праслав. **slū-*, редки в

южнославянских языках: только глагол *slīšati* «слышать, услышать; слышать; узнать» (Котник 1967: 538) отмечается в словенском языке как прямое обозначение слухового восприятия, в болгарском языке рефлексy ступени *slū- не фиксируются, а словари сербскохорватского языка дают лексемы *slīshati* (несов. вид *slīšávati*) «выслушать, спросить заданное (урок); перен. обдирать, обирать» (Толстой 2001: 552; Бошковић 2007: 1333), которые имеют уже переносное значение, связанное со слуховой перцепцией.

Хотелось бы отметить интересный факт семантического развития. В именных дериватах указанных выше глаголов, образованных суффиксальным способом, в западнославянских языках, а также в русинском языке (видимо, под влиянием западнославянских языков) формируется значение «телефонная трубка; наушники» (польск. *sluchawka*, чеш. *sluchátka*, словц. *slúchadlo*, в.-луж. *sluchadlo*, русин. *слухавка*). В словенском же языке фиксируются существительные *slušálka*, *slušálo* «телефонная трубка, слуховая трубка», занимающие промежуточное положение между названными выше лексемами и болгарским *слушалка* «трубка», которое только в сочетании с прилагательными *телефонна* и *лекарска* называет «телефонную трубку» и «стетоскоп» соответственно (ср. рус. разг. *слушалка* «стетоскоп»). В других родственных славянских языках подобные лексемы с таким семантическим наполнением не образовались. В верхнелужицкой лексеме сочетаются все три значения: телефонная трубка, наушники и фонендоскоп / стетоскоп. Данные лексемы демонстрируют принцип номинации предмета по его функции, которую выполняют называемые ими приспособления: это инструменты для слушания. В других славянских языках, например в русском, используются иные принципы наименования указанных предметов (рус. *наушники* < *уши*, по месту размещения приспособления и т. п.).

Перцептивная (слуховая) семантика является основной, базовой у производных праслав. *slu- с расширителем *-s-, но не единственной. Так, во всех восточнославянских и южнославянских языках, а также в польском языке на основе слуховой семантики формируется значение, связанное с послушанием, повиновением, подчинением: рус. *слушать(ся)* «подчиняться чьим-либо распоряжениям, следовать чьим-либо советам; повиноваться кому-, чему-либо» и его соответствия в восточно- и южнославянских языках, в польском языке (Белорусско-русский словарь 1962: 868; Украинско-русский словарь 1971: 871; Бернштейн 1986: 720; Кузнецов 2000: 1214; Толстой 2001: 553; Бошковић 2007: 1335; Русинско-русский словарь 2: 384). В большинстве случаев глагол с подобным значением употребляется в отношении человека, но в русском языке «слушаться или не

2000: 1214). В словарях же белорусского и украинского языков данная семантика не фиксируется.

Западно- и южнославянским языкам семантическое развитие, связанное с процессом обучения, познания, исследования, в целом глагольным дериватам праслав. *slū-/ *slo- с расширителем *-s- не свойственно. Можно отметить лишь некоторые именные лексемы и сербскохорватские глаголы, в семантической структуре которых можно вычленить образовательную, познавательную семантику, при этом существительные, судя по всему, образованы от соответствующих глаголов. Это в.-луж. *slucharnja* «аудитория», серб., хорв. *слишати* (несов. вид *слишавати*), *прёслишати* (несов. вид *преслишавати*) «выслушать, спросить заданное (урок)», *слушанье* «слушание, выслушивание, прослушивание; посещение лекций; послушание, повиновение», *слушаоница* «аудитория», словен. *slušálnica* «аудитория», *slušatelj* «слушатель, студент», *slušateljica* «слушательница, студентка» (Котник 1967: 539; Трофимович 1974: 305; Толстой 2001: 552, 553; Бошковић 2007: 1335).

Возникновение в восточнославянских языках семантики, связанной с процессами обучения, получения знаний, исследования, изучения, также базируется на аудиальной перцепции: после восприятия информации через орган слуха начинаются ее рациональная обработка, анализ. Представить развитие подобных лексических значений можно следующим образом: 1) слушать > получать информацию в процессе слушания > анализировать эту информацию > получать знания, обучаться; 2) слушать > получать информацию в процессе слушания > анализировать ее, исследовать, расследовать.

Следствием процессов слушания, затем познания, исследования и анализа, их завершением является результат, а именно получение информации и ее анализ, приобретение какого-то знания. В соответствии с этим у русского глагола *слышать* фиксируется значение «иметь сведения, знать по разговорам, слухам» (в других восточнославянских языках подобная семантика в словарях не отмечается), а у словенского глагола *slīšati* наряду со значением «слышать, услышать» отмечается и «слыхать, узнать».

Следует обратить внимание на то, что у русского глагола *слышать* в разговорном варианте русского литературного языка фиксируется также значение, называющее общую перцепцию «распознавать путем ощущения; ощущать, чувствовать, замечать», «распознавать чутьем; чують (о животных)» (Кузнецов 2000: 1214). Контексты употребления и сочетаемость (*слышать запах, аромат; слышать сердцем, душой*) позволяют говорить о том, что глагол *слышать* может использоваться не только для наименования слуховой перцепции, но и вкусового восприятия, а также о том, что инструментом восприятия может быть

не только конкретный орган (уши, нос), но и более отвлеченный, абстрактный. Впервые такую семантику («чувствовать, ощущать // чувствовать какой-либо запах, обонять») и первые контексты употребления глагола *слышать* с подобной семантикой словари фиксируют в период среднерусского языка, около XV–XVI вв.: Мужи храбри зѣло и велици богатыри, яко лвы и яко медвѣди, не слышать бо на себѣрань. Ник. лет. X, 71. XVI в.; Изъ горы идетъ пара... и издалека духъ вони слышать отъ той пары нефтяной. ДАИ X, 327. 1698 г. (СРЯ 11–17: 148). Возможно, данная семантика возникает у глагола *слышать* под влиянием глагола *чуть* (< *чутѣ*), для которого обозначение общей перцепции было основным, хотя он мог обозначать и конкретные виды чувственного восприятия (в основном слуховое и обонятельное, реже – вкусовое)¹.

Некоторые формы глаголов, типа рус. *слушай(те)*, *слышу / слышал*, *слушаю(сь)* используются в процессе коммуникации с различными целями: 1) для привлечения внимания при обращении к кому-либо (рус. *слушай(те)*; укр. *слухай*, усилит. *слухай-бо*, *слухай-но* *слушай*, *послушай*, *послушай-ка*); 2) для подчеркивания сказанного или настоятельного указания на что-либо (рус. *слышу / слышал*); 3) в качестве ответа подчиненного, чаще военного (рус. *слушаю(сь)*, блр. *слухаю*, укр. *слухаю(сь)*). Возможность подобного употребления глагольных форм обусловлена перцептивной аудиальной семантикой рассматриваемых глаголов, в коммуникативном акте использование подобных форм является реакцией на услышанное.

В западнославянских языках (чешский, словацкий) и в русинском языке у глагольных производных праслав. **slou-* формируется оценочное значение, отражающее достойное положение субъекта в обществе, его достойное поведение или соответствие вкусовым предпочтениям, принятым в обществе: чеш. *služeti* 1 «быть к лицу, идти», *služeti* 2 «приличествовать, подовать, полагаться, годиться» (Копецкий 1973: 336–337); словц. *slušať* «идти, быть к лицу», *slušať sa* «подовать, полагаться» (Коллар 1976: 472), русин. *слушити* «приличествовать, подовать, полагаться» (Русинско-русский словарь 2: 349). От указанных глаголов образуются производные части речи: имена существительные, прилагательные, наречия, которые продолжают указанную оценочную семантику: чеш. *slušný* «приличный, порядочный», *slušnost* «приличность, пристойность», *slušně* «прилично, пристойно», *slušivý* «идущий к лицу», *slušivně* «к лицу»; словц. *slušny* «приличный, пристойный, порядочный», *slušnost'* «приличие, порядочность», *slušivý* «(идущий) к лицу»; русин. *слушный* «благополучный; правильный; справедливый», *слушность* «правильность, справедливость». При этом для названных слов современные словари западнославянских языков не фиксируют семантику, связанную с перцепцией. Однако

можно предположить, что и в этом случае слуховое восприятие явилось основой формирования переносного значения. Формирование его можно представить следующим образом: слушать > слушать и принимать к сведению мнения, советы людей (общества) о том, что подобает, приличествует делать > соответствовать услышанному > пододать, приличествовать, быть к лицу. Существует мнение, что рассмотренное оценочное значение в западнославянских языках сформировалось под влиянием немецкого языка, ср. нем. *hören* 'слышать, слушать', 'слушаться (кого-л.)', 'прислушиваться', *gehören* 'принадлежать (кому-л.)'; 'входить в состав (чего-л.)'; 'требоваться, быть нужным' (Machek 1957: 457; Brückner 1985: 501–502), а в русинском языке – благодаря влиянию западных славянских языков.

Подобная семантика не отмечается у глаголов в других восточнославянских и южнославянских языках, хотя в украинском и белорусском языках имеются именные лексемы и наречия с близкими значениями. Ср. укр. *слушний* «1) удобный, подходящий (соответствующий чему-н.); благоприятный (способствующий чему-н.); 2) (о доводах, замечаниях и т. п.) правильный, справедливый; (веский) основательный; (существенный) дельный; (убедительный) состоятельный, резонный (разг.), доказательный», *слушність* «правильность, справедливость; основательность; дельность; состоятельность; резонность; доказательность», *слушно* «правильно, справедливо; основательно; дельно; состоятельно; резонно; доказательно» (Украинско-русский словарь 1971: 871); блр. *слушны* «дельный; резонный, основательный, состоятельный (требования, мысль и др.)», *слушна* «дельно; резонно, основательно», *слушнасьць* ж. «дельность; резонность, основательность» (Белорусско-русский словарь 1962: 868). Приведенные слова имеют явно отглагольный характер, но для соответствующих украинского и белорусского глаголов такая семантика не свойственна.

Имеются и другие производные праслав. **slu-*, которые образованы другим суффиксом и развивают другие значения. Например, в сербском языке употребляются глаголы *slúktiti* «слушать, прислушиваться; подслушивать» и *slútiti* «предчувствовать, предвидеть; чувствовать, догадываться», в словенском языке фиксируется *slutiti* «предчувствовать, догадываться о чем-то, подозревать» (Котник 1967: 539; Толстой 2001: 553; Бошковић 2007: 1335). Все слова, как можно заметить, имеют формант -ти-, помимо инфинитивного суффикса. Лексема *slúktiti* в сербском языке именует преднамеренное, целенаправленное слуховое восприятие, а у глаголов *slútiti* и *slutiti* развивается семантика, определяющая шестое чувство – интуицию (подобное значение на основе перцептивной семантики формируется и у глагола *чуять* в русском языке).

От праслав.*slou-/ *slū- образованы производные лексемы, не имеющие суффикса-расширителя: рус. *слыть* «быть известным в качестве кого-, чего-либо; считаться кем-, чем-либо» (более ранняя форма, до XVI в. – *слуту*, *слову*) (Кузнецов 2000: 1214), чеш. *slouti*, *sluji* «слыть, называться», *slynouti* «слыть, быть известным», др.-чеш. *slūti*, *slovu* (Копецкий 1973: 336–337; Фасмер 3: 680), польск. *ślęgnąć* «слыть, славиться» (Стыпула 1980: 575), словен. *sluti* «славиться, слыть, быть славным (известным)» (Котник 1967: 539). По материалам словаря П.Я. Черных, укр. *слити*, блр. *слыць*, по всей видимости, являются устаревшими лексемами, которые на современном этапе заменены совр. укр. *вваж́атися*, совр. блр. *славі́цца* (Черных 2: 177). Семантическое наполнение названных лексем также связано со слуховой перцепцией, ведь для того чтобы стать известным, иметь славу хорошего или плохого субъекта / объекта, необходимо, чтобы о субъекте / объекте кто-то сказал и чтобы это было услышано многими². И здесь, при характеристике семантики глаголов, родственных рус. *слыть*, мы сталкиваемся с еще одним рядом производных анализируемого праславянского корня – *слава*, *славный*, *славиться*. Однако как и лексеме *слово* и ее производные в славянских языках мы не рассматриваем в рамках настоящей работы.

Подведем итоги. Следует отметить, что дериваты праславянского корня *slū-/ *slou- зафиксированы во всех современных славянских языках. По большей части семантика рассмотренных лексем связана с наименованием конкретной перцепции – слуховой, однако только в современном русском литературном языке лексемы *слушать* / *слышать* являются основными обозначениями аудиального восприятия. В южных славянских языках производные рассмотренного корня были вытеснены образованиями от другого корня – о-слав. *čuti. В западных и восточных (кроме русского) славянских языках эти слова употребляются параллельно.

Во всех славянских языках производные корня *slū-/ *slou- развивают переносные значения, которые можно отнести к разным семантическим сферам: рациональной, поведенческой, познавательной, образовательной, оценочной. Однако база, на которой они формируются, – это все-таки перцептивное (аудиальное) восприятие. При этом каждая из языковых групп ведет себя по-разному при формировании переносной семантики. Так, только у русского, сербского и словенского глаголов фиксируются особые значения, не встречающиеся в других славянских языках: у рус. *слышать* – это обозначение общей перцепции, которая может конкретизироваться в обонятельную, а у серб. *слутити* и словен. *slutiti* – это наименование шестого чувства – интуиции. У восточнославянских производных формируется семантика, относящаяся к образовательной, познавательной, исследовательской

деятельности и к коммуникативному поведению. В западнославянских языках под воздействием немецкого языка развивается оценочная семантика, отражающая подобающее положение, поведение субъекта / объекта в обществе или наличие приличествующего вкуса. Восточно- и западнославянские языки объединяет сформировавшееся переносное значение «повиноваться, подчиняться». А дериваты восточных, западных славянских языков и словенского языка сближаются в переносном значении «слыть, быть известным».

В целом можно сказать, что семантика рассмотренных производных праслав. *slŭ-/ *slou- в восточнославянских языках представлена более разнообразно, чем в западно- и южнославянских, причем все возникшие переносные значения непосредственно и очень тесно связаны друг с другом и основаны на перцептивной (аудиальной) семантике. Наиболее сложная семантическая структура производных праслав. *slŭ-/ *slou- представлена в русском языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. подробнее об этом: Садыкова И.В. Славянские соответствия русскому *чують*: к вопросу семантической эволюции // Библиотека журнала «Русин». 2015. № 3. С. 121–132.

2. См. подробнее об этом: Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. С. 246–265.

СОКРАЩЕНИЯ

блр. – белорусский язык, болг. – болгарский язык, в.-луж. – верхнелужицкий язык, др.-чеш. – древнечешский язык, и.-е. – индоевропейский, макед. – македонский язык, нем. – немецкий язык, н.-луж. – нижнелужицкий язык, о.-слав. – общеславянский, польск. – польский язык, праслав. – праславянский язык, рус. – русский язык, русин. – русинский язык, серб. – сербский язык, словц. – словацкий язык, словен. – словенский язык, с.-хорв. – сербо-хорватский язык, укр. – украинский язык, хорв. – хорватский язык, чеш. – чешский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян 1995 - *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

- Белорусско-русский словарь 1962 - Беларуско-русский словарь / Под ред. К.К. Крапивы. М.: Изд-во иностранных и национальных словарей, 1962.
- Бернштейн 1986 - *Бернштейн С.Б.* Болгарско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1986.
- Бошковић 2007 - *Бошковић Р.* Руско-српски, српско-руски речник. Београд: Јасен, 2007.
- Дворецкий 2000 - *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 2000.
- Коллар 1976 - *Коллар Д., Доротьякова В. и др.* Словацко-русский словарь. Москва; Братислава: Рус. яз. – Словац. пед. изд-во, 1976.
- Копецкий 1973 - Чешско-русский словарь: в 2 т. / Под ред. Л.В. Копецкого, Й. Филиппа, О. Лешки. Москва; Прага: Рус. яз. – Гос. пед. изд-во, 1973.
- Котник 1967 - *Котник Д. Янко.* Словенско-русский словарь. Любляна: Гос. изд-во Словении, 1967.
- Кузнецов 2000 - Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
- Македонско-русский словарь онлайн - Македонско-русский словарь онлайн. URL: <http://www.etranslator.ro/ru/makedonskii-russkii-online-slovar.php> (дата обращения: 25.06.2015).
- Русинско-русский словарь 2 - *Керча И.* Русинско-русский словарь: в 2 т. Ужгород: ПолиПринт, 2007. Т. 2 (О–Я).
- Садыкова 2011 - *Садыкова И.В.* Генетические и ареальные связи латинского глагола *audire* // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 353. С. 38–41.
- Слободян 2007 - *Слободян Е.А.* Системный, функциональный и исторический аспекты семантического поля слухового восприятия (на материале русского, польского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 242 с.
- СРЯ 11–17 - Словарь русского языка XI–XVII веков / Гл. ред. Г.А. Богатова. М.: Наука, 2000. Вып. 25.
- Стыпула, Ковалева 1980 - *Стыпула Р., Ковалева Г.В.* Польско-русский словарь. Москва; Варшава: Рус. яз.; Ведза Повшехна, 1980.
- Толстой 1957 - *Толстой И.И.* Сербо-хорватско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957.
- Толстой 2001 - *Толстой И.И.* Сербо-хорватско-русский словарь. М.: Рус. яз., 2001.
- Трофимович 1974 - *Трофимович К.К.* Верхнелужицко-русский словарь. Москва; Бауцен: Рус. яз.; Домовина, 1974.
- Украинско-русский словарь 1971 - Украинско-русский словарь / Под ред. В.С. Ильина. Киев: Наукова думка, 1971.
- Урысон 1995 - *Урысон Е.В.* Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 3–16.
- Урысон 1998 - *Урысон Е.В.* Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.
- Фасмер 3 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. 3.

Черных 2 - Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2.

ЭССЯ 4 - Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1977. Вып. 4.

Brückner 1985 - Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.

Machek 1957 - Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1957.

REFERENCES

Apresyan, Yu.D. (1995) *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The image of a person according to the language data: an attempt of a systematic description]. *Voprosy yazykoznanii*. 1. pp. 37–67.

Krapiva, K.K. (ed.) (1962) *Belorussko-russkiy slovar'* [Belarusian-Russian dictionary]. Moscow: Izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarey.

Bernstein, S.B. (ed.) (1986) *Bolgarsko-russkiy slovar'* [Bulgarian-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

Boshkovič, R. (ed.) (2007) *Rusko-srpski, srpsko-ruski rechnik* [Russian-Serbian, Serbian-Russian Dictionary]. Belgrade: Jasen.

Dvoretzkiy, I.Kh. (2000) *Latinsko-russkiy slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

Kollar, D., Dorot'yakova, V. et al. (1976) *Slovatsko-russkiy slovar'* [Slovak-Russian Dictionary]. Moscow, Bratislava: Russkiy yazyk.

Kopecky, L.V., Filiptsov, J. & Lyoshka, O. (eds) (1976) *Cheshsko-russkiy slovar': v 2 t.* [Czech-Russian Dictionary: In 2 vols]. Vol. 2. Moscow; Prague: Russkiy yazyk.

Kotnik, Ja.D. (1967) *Slovensko-russkiy slovar'* [Slovenian-Russian dictionary]. Ljubljana: Gos. izd-vo Slovenii.

Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.

Etranslator.ro. (n.d.) *Makedonsko-russkiy slovar'* [Macedonian-Russian Dictionary]. [Online] Available from: <http://www.etranslator.ro/ru/makedonskii-russkii-online-slovar.php> (Accessed: 25th June 2015).

Kercha, I. (ed.) (2007) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: Poliprint.

Sadykova, I.V. (2011) Genetic and area affinity of the Latin verb *audire*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 353. pp. 38–41 (In Russian).

Slobodyan, E.A. (2007) *Sistemnyy, funktsional'nyy i istoricheskiy aspekty semanticheskogo polya slukhovogo vospriyatiya (na materiale russkogo, pol'skogo i angliyskogo yazykov)* [System, functional and historical aspects of the semantic field of auditory perception (on the material of Russian, Polish and English languages)]. Philology Cand. Diss. Ufa.

Bogatova, G.A. (ed.) (2000) *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vekov* [Dictionary of the Russian language of the 11th-17th centuries]. Moscow: Nauka.

- Stypula, R. & Kovaleva, G.V. (1980) *Pol'sko-russkiy slovar'* [Polish-Russian Dictionary]. Moscow; Warsaw: Russkiy yazyk –Vedza Povshekhna.
- Tolstoy, I.I. (1957) *Serbo-khorvatsko-russkiy slovar'* [Serbian-Croatian-Russian Dictionary]. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarye.
- Tolstoy, I.I. (2001) *Serbo-khorvatsko-russkiy slovar'* [Serbian-Croatian-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
- Trofimovich, K.K. (1974) *Verkhneluzhitsko-russkiy slovar'* [Upper-Sorbian-Russian Dictionary]. Moscow; Bautzen: Russkiy yazyk – Domovina.
- Ilyin, V.S. (ed.) (1971) *Ukrainsko-russkiy slovar'* [Ukrainian-Russian Dictionary]. Kiev: Naukova Dumka.
- Uryson, E.V. (1995) Fundamental'nye sposobnosti cheloveka i naivnaya "anatomya" [Fundamental human abilities and naive "anatomy"]. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 3–16.
- Uryson, E.V. (1998) Yazykovaya kartina mira vs. obikhodnyye predstavleniya (model' vospriyatiya v russkom yazyke) [Language picture of the world vs. everyday representations (perception model in Russian)]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 3–21.
- Fasmer, M. (ed.) (1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [The Etymological Dictionary of the Russian language]. Vol. 3. Moscow: Progress.
- Chernykh, P.Ya. (ed.) (1999) *Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk.
- Trubachev, O.N. (ed.) (1977) *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* [Etymological Dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
- Brückner, A. (1985) *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Warsaw: Wiedza Powszechna.
- Machek, V. (1957) *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského* [Etymological Dictionary of the Czech and Slovenian Languages]. Prague: Nakladatelství Československé akademie věd.

Садыкова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета.

Irina V. Sadykova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: pansadyk@rambler.ru

УДК 81'42; 81'37

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/11

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ЧАСТУШКАХ*

И.В. Тубалова¹, Х. Ван²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: wanghuakzxy@yandex.ru

Авторское резюме

В сопоставительном аспекте проанализированы содержание и принципы организации соматического кода разных восточнославянских культур, реализованного в русской, украинской и белорусской пословице и частушке. Результаты анализа восточнославянских пословиц сопоставлены с результатами анализа неславянских паремий, полученными другими исследователями. На основании проведенного анализа сделан вывод о том, что различия реализации соматического кода в русских, украинских и белорусских пословицах и частушках оказываются незначительными. При этом и в русском, и в украинском, и в белорусском фольклоре обнаруживаются выраженные отличия в жанровой реализации соматизмов как кодовых единиц, причем характер межжанровых различий в исследуемых культурах совпадает. Все это позволяет сделать вывод о том, что содержание и принципы организации соматического кода в фольклоре обладают выраженной жанровой спецификой. Национально-культурная специфика его реализации проявляется только в некоторых отдельных частных моментах.

Ключевые слова: пословица, частушка, соматический код, фольклорный жанр, национально-культурная специфика.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

SOMATIC CODE IN EAST SLAVIC PROVERBS AND DITTIES*

I.V. Tubalova¹, H. Wang²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: tina09@inbox.ru

²E-mail: wanghuakzxy@yandex.ru

Abstract

The article aims at comparing the content and organization principles of the somatic code in Russian, Ukrainian and Belarusian proverbs and chastushkas as special folklore genres to identify the similarities and differences in its implementation, depending on the national-cultural and discursive-genre conditions. It can be concluded that differences in the somatic code implementation in Russian, Ukrainian and Belarusian proverbs and chastushkas are not significant. However, there are marked differences in the genre implementation of somatic systems as code units in Russian, Ukrainian and Belarusian folklore, with the types of inter-genre differences in the cultures under analysis coinciding. The authors conclude that the content and organization principles of the somatic code in folklore have obvious genre specificity. The national and cultural specificity of its realisation is manifested only in certain particular cases.

Keywords: proverb, chastushka, somatic code, folklore genre, national and cultural specificity.

Данная статья обращается к проблеме внутренней организации национальной культуры, зафиксированной в вербальных текстовых формах. Исследование способов «включения вербальных компонентов в культурный контекст и их функции в этом контексте» (Толстая 2013: 113) проведено на материале лексических единиц, называющих части тела человека (соматизмов), функционирующих в русских, украинских и белорусских фольклорных текстах.

Анализ лексического отражения национально-культурных кодовых смыслов – один из активно разрабатываемых аспектов реализации обозначенной проблематики (см. работы Ю.А. Башкатовой, Д.Б. Гудкова, К.Г. Завалишиной, М.Л. Ковшовой, М.Ч. Кремшокаловой, Н.Р. Ойноткиновой, Г. Синь-и, В.Н. Телии и др.). В работах такого типа

* The research is supported by the Russian Science Foundation Grant Nr. 16-18-02043.

лексическая единица языка рассматривается как один из видов знаков, в совокупности отражающих ценностную систему национальной культуры.

По наблюдению Н.И. Толстого, в сфере духовной культуры «элементы новой культуры не сметают и не сменяют элементы старой, а проникают в нее, сливаются с ней, вступают в различного рода соотношения, тем самым усложняя прежнюю систему, видоизменяя ее в значительной или меньшей степени, но, как правило, не разрушая ее» (Толстой 1995: 11). Это позволяет полагать, что содержание и внутренняя организация кодов, формируемых близкородственными национальными культурами, демонстрируют значительное сходство, отражая общность истоков культурного развития.

Цель данного исследования – сопоставить содержание и принципы организации соматического кода русской (рус.), украинской (укр.) и белорусской (белор.) национальных культур, реализованные в пословицах и частушках как особых фольклорных жанрах; выявить сходство и различия в его реализации, обусловленные национально-культурными и дискурсивно-жанровыми условиями.

Материал исследования – тексты русских, украинских и белорусских пословиц с соматизмами (453 русских / 260 украинских / 202 белорусских) и частушек¹ (537/86/256 соответственно). Указанные материалы являются результатом сплошной выборки из фольклорных сборников (Рыбникова 1961; Частушка 1966; Аникин 1983; Шумада 1985; Прыпеўкі 1989; Бардина 1997; Яніцька 2002; Іваницький 2008; Лепешаў, Якалцэвіч 2011; Северинюк 2014; Новак, Кастрыца, Панкова 2017; Дещо про коломийки 2018; Коломийки 2018).

Фольклорный дискурс обращается к содержанию национально-культурного кода, выраженного в вербальных единицах особым образом. Его цель («передача коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе» (Эмер 2011: 33)), прямая направленность на фиксацию национально-культурных ценностей (Цивьян 1973; Хроленко 1976, 1979; Никитина, 1993; Артеменко 1988, 2006; Неклюдов, 2005; Эмер 2011; Толстая 2013; Тубалова, 2016 и др.), а также его эстетически значимая форма, унаследовавшая мифологический принцип организации фольклорного мышления, определяют представление исследуемых смыслов в особо выпуклой конфигурации. Указанные свойства фольклора являются универсальными для любой национальной культуры.

Дискурсивно обусловленной текстовой единицей, в составе которой активизируется символическое значение кодового имени, является фольклорный жанр, реализующий ценностную позицию

особым образом. Исследуемые кодовые имена принимают участие в ее реализации, подчиняясь особой жанровой цели и включаясь в жанровый культурный код, который, в свою очередь, иерархически соотносится с общефольклорным и национально-культурным кодом.

Жанровые системы, реализующие разные национальные фольклорные практики, в целом различаются.

При этом жанровые принципы **пословицы** оказываются универсальными. Пословица в любой национальной фольклорной системе реализует механизмы «лексикографирования» национально-культурных ценностей, фиксируя их в перечне кратких клишированных, содержательно емких речений, к которым носитель соответствующей национальной культуры обращается для подтверждения собственной позиции как к источнику коллективного опыта.

Пословицы по своим жанровым установкам прямо ориентированы на трансляцию национально-культурных ценностей, усиленную дидактическим жанровым ракурсом (о реализации в пословице аксиологической и деонтической модальности см.: Крикманн 2013). В фокусе пословицы как логического суждения, включенного в систему логических суждений пословичного фонда культуры, находится не оценка, в основе которой коллективные ценности, а сам перечень этих ценностей, к которым в коммуникативном процессе субъект обращается для выражения оценки. В связи с этим в процессе восприятия пословицы кодовые смыслы прочитываются достаточно конкретно и однозначно: каждый соматизм, включенный в оценочное пословичное высказывание, становится носителем информации о различных ценностно значимых качествах человека.

Частушка, в отличие от пословицы, – жанр, который нельзя назвать для разных национальных фольклорных систем универсальным. Даже у интенционально близких частушке жанров – например, английский лимерик, с которым ее регулярно сравнивают, – исследователи выявляют выраженные отличия в эстетической форме, поэтических принципах представления содержания и под. (Ражева 2006; Жutowская 2013 и др.). При этом в том, что различным образом номинированные короткие озорные песенки, бытующие в фольклоре славянских народов (например, русским частушкам соответствуют «украинские коломыйки, козаčky, шумки, чабарашки, талалайки, белорусские припевки, скакухи, плясушки, подскоки и т. д. и т. п.» (Бахтин 1966: 21)), характеризуются жанровым единством, исследователи не сомневаются. Так, В.С. Бахтин отмечает, что в данном жанре реализовалась общая логика развития фольклорных систем славянских народов, и обнаруживает между разными его славянскими вариантами генетические связи (Бахтин 1966: 21).

На основании этого, обращаясь к сопоставлению кодового содержания лексических единиц в русских, украинских и белорусских пословицах и частушках, мы можем поставить проблему следующим образом. Обусловлена ли его специфика особенностями национально-культурного кодирования смысла или ведущую роль в его реализации играет жанровая специфика функционирования исследуемых единиц, общая для рассматриваемых фольклорных систем?

Исследование проведено на материале лексических единиц, называющих части тела человека, – соматизмов, рассматриваемых как презентанты национально-культурного соматического кода, реализованного в пословицах и частушках.

Специфика реализации соматического кода в языковых единицах – достаточно востребованный объект внимания лингвистики. В основном в рассматриваемом аспекте исследуются кодовые смыслы соматизмов, включенных в идиоматические структуры фразеологических единиц (Селиверстова 1985; Синь-и Го 2005; Гудков, Ковшова 2007; Дмитрюк 2009; Муравьева 2013; Башкатова 2014; Савченко 2014 и др.), в том числе – в сопоставительном аспекте (Дмитрюк 2009; Муравьева 2013; Башкатова 2014; Савченко 2014 и др.). Отдельные работы обращаются к анализу кодового содержания соматизмов, функционирующих в пословице (Ойноткинова 2011; Кремшокалова 2012 и др.). Подобных исследований, проведенных на материале частушки, мы не обнаружили.

Соматический код характеризуется как один из базовых культурных кодов (наряду с пространственным, временным, предметным, биоморфным и духовным) (Красных 2002: 233). При этом даже среди базовых кодов он, по мнению исследователей, занимает особое место – как «наиболее древний из существующих», так как истоки его формирования связаны с основами мифологического мышления, с тем, что «человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя» (Красных 2002: 233). Характеризуя принципы его формирования, исследователи обращают внимание на то, что «части тела или органы человека, выполняющие определенные соматические функции, в сознании носителей языка ассоциируются именно с этими нагрузками и выражают связанные с ними символические значения» (Ойноткинова 2011: 6). В связи с этим отметим, что содержание соматического кода культуры в наименьшей степени зависит от внешних условий существования ее носителей (например, природно-ландшафтных, способных влиять на содержание растительного или пространственного кодов) и определяется в основном внутренними духовными принципами ее развития.

На первом этапе исследования сопоставим содержание и принципы организации соматического кода разных восточнославянских

культур, реализованного в пословице как жанре национально-культурно универсальном. Тем самым выясним, обладают ли содержание и принципы организации соматического кода, реализованного в русских, украинских и белорусских пословицах, национально-культурной спецификой. Далее сопоставим полученные результаты с результатами анализа неславянских паремий (Дмитрюк 2009; Белая 2010; Ойноткинова 2011; Муравьева 2013) в том же аспекте. Выявим, обладает ли восточнославянская культура спецификой реализации соматического кода в паремиях на фоне неродственных культур.

На втором этапе сопоставим содержание и принципы организации соматического кода русской, украинской и белорусской культуры, реализованного в частушке как жанре, специфичном для славянского фольклора. Сопоставим принципы его реализации в восточнославянских пословицах и частушках. Выявим характер жанрово обусловленных различий его реализации.

Обратимся к анализу вербального соматического кода, реализованного в **пословице**.

В первую очередь рассмотрим количественные показатели, обнаруживающие «меру сфокусированности внимания» (Дмитрюк 2009) на разных частях тела в паремиологических системах восточнославянских культур.

Количественные данные показывают, что в русских, украинских и белорусских пословицах наиболее частотно используются одни и те же соматизмы – *глаза, голова, рука, сердце*, а уровень востребованности каждого из них в рассматриваемых паремиологических системах совпадает, что показывает табл. 1 (процентные показатели использованы в связи с неравновесным количеством привлеченного материала разных языков).

Таблица 1

Количество наиболее востребованных соматизмов в русских, украинских и белорусских пословицах (в % от общего количества зафиксированных соматизмов)

Соматизм	Пословицы		
	русские	украинские	белорусские
Голова	31	29	35
Рука	30	20	20
Глаза	12	12	12
Сердце	10	15	8
Нога	7	10	11

Помимо вышеназванных, русские, украинские и белорусские пословицы менее частотно, но одинаково регулярно используют

в процессах кодовой интерпретации названия таких частей тела человека, как *сердце, ноги, язык, зубы, плечи*, и только в единичных случаях интерпретируют кодовые смыслы через соматизмы *брови, борода, грудь, живот, лицо*.

Обращение к результатам исследований, выполненных на материале неславянских паремиологических систем, позволяет сделать вывод о том, что максимальная востребованность наиболее частотных соматизмов не является специфическим проявлением славянского паремиологического кода: единицы *глаза, голова, рука, сердце* также проявляют максимальную частотность в паремиологических системах казахской (Дмитрюк 2009) и алтайской (Ойноткинова 2011) культур.

При этом выявляются и различия. Они касаются единиц не самого высокого уровня частотности. Так, относительно регулярно привлекаемая в восточнославянских пословицах единица *зубы* слабо востребована в казахских паремиях (Дмитрюк 2009). Наоборот, в восточнославянских паремиях слабо востребованы единицы *лицо, шея, печень*. Значительно более частотно они используются в казахских паремиях (Дмитрюк 2009), а единица *печень* регулярна и для французских пословиц (Белая 2010). Кроме того, в казахских паремиях последовательно реализуются соматизмы *веко, голень, легкие, нёбо* (Дмитрюк 2009), практически не используемые в восточнославянских пословицах.

Далее выясним, обладает ли спецификой кодовое содержание соматизмов, реализованных в русских, украинских и белорусских пословицах.

В первую очередь обратим внимание на такое очевидное проявление единства восточнославянской культуры, как наличие значительного количества полностью совпадающих русских, украинских и белорусских пословиц с соматизмами. Соответственно, соматизмы в этом случае реализуют единое кодовое содержание. Отметим, что среди них как пословицы с высокочастотными соматизмами (*Дурная голова ногам покоя не дает* (рус.) – *За дурного головою і ногам горе* (укр.) – *За дурной галавой нагам неспакой* (белор.); *Глаза боятся, а руки делают* (рус.) – *Очі страхуються, а руки зроблять* (укр.) – *Вочы страшацца, а рукі зробяць* (белор.); *Ворон ворону глаз не выклюет* (рус.) – *Ворон ворону очей не виклює* (укр.) – *Груган гругану вока не выдзёўбе* (белор.)), так и пословицы с соматизмами низкой частотности (*Кровь не водица, проливать не годится* (рус.) – *Кров – не водиця, проливати не годиться* (укр.) – *Кроў людская не вадзіца* (белор.)).

Максимально близким оказывается кодовое содержание русских, украинских, белорусских соматизмов не только в общих для рассматриваемых культур пословицах, но и в пословицах, полные аналоги

которых в других паремилогических системах в нашем материале не зафиксированы.

Проиллюстрируем данное наблюдение результатами анализа пословиц с высокочастотным для восточнославянских пословиц соматизмом *глаза*.

Кодовое содержание данного соматизма в восточнославянских пословицах связывается с ценностями, организованными вокруг различных форм взаимодействия человека с миром, где он маркирует проводник этого взаимодействия. Отношение «человек–мир» имеет два вектора – (1) от мира к человеку (восприятие мира) и (2) от человека к миру (приспособление к миру / воздействие на мир).

(1) Вектор восприятия мира представлен во всех исследуемых пословичных системах более частотно и подробно. В свою очередь, в его рамках ведущими по частотности оказываются два вида содержания: (1.1) *глаза* как инструмент познания мира – «ментально-духовное» восприятие и (1.2) *глаза* как зона уязвимости – «физическое восприятие».

(1.1) При участии соматизма *глаза*, реализующего кодовый смысл «инструмент познания мира», в русских, украинских и белорусских пословицах реализуется ценностное содержание, связанное с глубоким проникновением в суть вещей, противопоставленное их внешнему, поверхностному восприятию, невнимательности. Такая ценностная интерпретация оформляется через две практически противоположных оценочных характеристики этого «инструмента». С одной стороны, глаза предстают как неудачно избранный, поврежденный или функционально проигрывающий другому инструмент восприятия (*Глаза золотом запорошат – ничего не увидишь; Глазам воли не давай* (рус.); *Не очі бачать, а людина; не вуха чують, а душа; Бачать очі ревниві дальше, як орлині* (укр.); *Бачыць вока далека, а розум яшчэ далей; На адно вуха слепаваты, на адно вока глухаваты* (белор.) и др.), а с другой – как инструмент, без которого адекватное восприятие мира невозможно (*Глазами не досмотришь – мошноу дополнишь* (рус.); *Хто глядзіць вокам, той не пойдзе бокам* (белор.)), в том числе лучший в сравнении с другими инструментами (*Не вер чужому слову, а вер свайму воку* (белор.)).

(1.2) При участии соматизма *глаза*, реализующего кодовый смысл «зона уязвимости», в русских, украинских и белорусских пословицах реализуется ценностное содержание, связанное с расплатой человека за свои пороки: злопамятность (*Кто старое помянет – тому глаз вон* (рус.); *Хто старое ўспомніць, таму вока вон* (белор.)), зависть (*На солнышко во все глаза не взглянешь* (рус.)), ложь, оговор (*Обмова – полова: вітер її рознесе, але й очі засипле* (укр.); *Брахня прайдзе вочы выдрала* (белор.)), неумение признавать ошибки (*Бессовестным*

глазам не первый базар: они отморгаются (рус.); *Сором – не дим, очей не виїсть*; *Бідному все вітер в очі віє* (укр.); *Бачым сучок у воку брата свайго, а бєрвяна ў сваім не заўважаем* (белор.) и др.

(2) Вектор, направленный от человека к миру, более последовательно реализуется при представлении *глаз* как органа прямого, непосредственного взаимодействия, ценностно интерпретирующего такой человеческий порок, как ложь, лесть: *В глаза и бога боится, и людей боится; а за глаза – никого не боится; Не говори правды в глаза, постыл не будешь* (рус.); *В очі лисицю, за очі вовчицю; В очі співає, а позаочі лає* (укр.); *Не той друг, што мёдам мажа, а той, хто праўду ў вочы кажа* (белор.) и др.

Еще один – менее частотно реализуемый – кодовый смысл такого типа представляет *глаза* как инструмент покровительственного воздействия на мир, ценностно интерпретирующий хозяйственность, заботу: *От хозяйского глаза жиреет и кот* (рус.); *Панскае вока каня гадуе* (белор.).

При максимальной общности кодовых смыслов соматизмов в восточнославянских пословицах некоторые частные, но системные различия также обнаруживаются.

Они проявляются в пословицах при помощи соматизмов, фиксирующих ценностную оппозицию внешнего / ложного восприятия мира и его внутреннего / истинного восприятия, где *глаза* номинируют полюс его ложного восприятия. Отметим, что такие пословицы в восточнославянских культурах не частотны (в нашем материале – 13 русских, 7 украинских и 2 белорусских), потому это наблюдение носит локальный характер.

Если соматизм *глаза* маркирует полюс ложного восприятия, то противоположный полюс истинного восприятия мира в пословицах исследуемых национальных культур маркируется по-разному.

В русских – это соматизмы *сердце, душа* (*Глаза без души слепы, уши без сердца глухи; Глазами плачет, а сердцем смеется; В очах мило, да в сердце постыло* и др.), которые в пословицах всех восточнославянских культур реализуют кодовый смысл духовности, искренности (*Хоч з перцем, та з щирим серцем; Від користі серце кам'яніє* (укр.); *Дзіця за руку бярэш – маці за сэрца; Рукі вымажаш – вадою памыеш, душу вымажаш – і мылам не адмыеш* (белор.)), в том числе в противопоставление рациональному началу (*Від малих дітей голова болить, а від великих – серце; Шабля ранить голову, а слово – душу; Чоловік у домі – голова, а жінка – душа* (укр.)). Таким образом, в русских пословицах такого типа истинное восприятие мира – это его духовное восприятие, а *глаза* – «инструмент бездуховного мировосприятия» (*глаза – сердце, душа*).

В украинских и белорусских пословицах полюс истинного восприятия мира маркируется единицей *розум* (*Око бачить далеко, а розум ще далі; У неука очі незрячі; Від очей мало користі, коли розум сліпий* (укр.); *Бачыць вока далёка, а розум яшчэ далей* (белор.) и др.), один из кодовых смыслов которого в пословицах всех восточнославянских культур как раз отражает ценность рационального начала в противовес духовному (*Доброта без разума пуста; И на милость разум нужен* (рус.); *Не силою роби, та розумом, не серцем, та обичаем* (укр.)). Таким образом, в украинских и белорусских пословицах такого типа истинное восприятие мира – это его рациональное восприятие, а *глаза* – «инструмент нерационального мировосприятия» (*глаза* – ум, разум).

Итак, кодовые смыслы, реализуемые соматизмом *глаза* в русских, украинских и белорусских пословицах, в целом совпадают.

Сравнивая результаты нашего исследования с результатами, полученными Н.Р. Ойноткиновой на материале алтайских пословиц (Ойноткинова 2011), можно сделать вывод о том, что в основном ценностные смыслы и функции соматизма *глаза* в восточнославянских и алтайских пословицах также совпадают. В алтайских пословицах, по данным Н.Р. Ойноткиновой, обнаруживаются даже те кодовые смыслы, которые для восточнославянских пословиц носят достаточно частный характер (например, «внимательность, забота, покровительство» – «смысловое противопоставление соматизмов *эки көстү* ‘с двумя глазами’ – *бир көстү* ‘с одним глазом’ в пословице передает значение ‘внимательный – невнимательный’: *Ээзиниң көзи экү, / Ялчының көзи јавыс* ‘У хозяина два глаза (все заметит), / У слуги один глаз’» (Ойноткинова 2011: 7)). Отличие касается частностей: отмеченное Н.Р. Ойноткиновой функциональное смысловое противопоставление «один глаз – два глаза» – как показатель степени интенсивности воздействия на мир – в восточнославянских пословицах отсутствует.

В целом проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что содержание и принципы организации ядерной части реализованного в пословице соматического кода, выраженного в его наиболее частотных единицах, слабо зависит от специфики национальной культуры.

Различия в уровне «сфокусированности внимания» на разных частях тела человека в пословице нарастает по отношению к единицам, по степени частотности отражающим периферию соматического кода. При этом в близкородственных восточнославянских культурах эти различия не существенны, что очевидно с учетом их генетического родства.

Обратимся к анализу вербального соматического кода, реализованного в русской, украинской и белорусской **частьшке**.

Отметим, что в *частьшках*, в отличие от пословиц, некоторые соматизмы привлекаются исключительно как номинанты сюжетных

компонентов и не реализуют кодовые смыслы: *Меня мама била – ой! – Об скамейку **головоу**: Ненагульна моя доченька Является домой* (рус.); *Коля, Коля, вийдзі ў поле, Разьбі камень **галавоу**, Тады я табе паверу, Што ты любішся са мной* (белор.). Единицы, функционирующие подобным образом, мы к анализу не привлекаем.

Ядерная частушечная тематика – любовные отношения молодой пары. Именно в частушках такого типа соматизмы фиксируются наиболее регулярно. В частушках другой тематики, например политико-агитационной, соматизмы появляются крайне редко: либо при проникновении в них любовной тематики, либо при активизации общекультурных кодовых смыслов, через посредство которых осуществляется легитимация политически значимых фактов (*Помніць Леніна мы будзем, Будзем помніць і любіць, Як настаўніка і друга У **сэрцы** беражна насіць* (белор.)). Таким образом, соматизмы в частушке всех рассматриваемых национальных культур ограничивают свою функцию участием в представлении ценностей любовных отношений. Это отличает частушку от пословицы, ориентированной на отражение полной палитры национально-культурных ценностей.

Перечень наиболее частотных соматизмов, выполняющих в текстах рассматриваемого жанра кодовую функцию, во-первых, не различается в частушках всех восточнославянских культур, во-вторых, совпадает с перечнем наиболее частотных соматизмов пословицы (табл. 2) (исключение – единица *голова*, в кодовой функции востребованная слабо).

Таблица 2

Количество наиболее востребованных соматизмов в русских, украинских и белорусских частушках (в % от общего количества зафиксированных соматизмов)

Соматизм	Пословицы		
	русские	украинские	белорусские
Голова	5	3	4
Рука	9	8	18
Глаза	23	12	19
Сердце	31	24	30
Нога	10	16	9

Состав исследуемых единиц в сравнении с пословицей в частушках всех восточнославянских культур расширяется. И в русской, и в украинской, и в белорусской частушке он дополняется единицами *брови* (4/4/7²), *лицо* (3/24/2), *грудь* (7/4/2) и др., не обнаруженными в пословицах или зафиксированными единично.

«Синхронность» такого расширения указывает на то, что состав соматизмов в частушке определяется не национально-культурной, а жанровой ее спецификой, требующей подробного отражения и оценки широкого спектра любовных действий и чувств.

Сюжетная основа частушки задает корреляцию определенных соматизмов с типовым любовным сюжетом. В русских, украинских и белорусских частушках эти корреляции в основном совпадают. Так, соматизм *борода* в восточнославянских частушках последовательно участвует в оформлении сюжета, связанного с отношениями молодой девушки к нежеланному возрастному партнеру: *Ой, девки, беда, Куда мне деваться? По колено борода – Лезет целоваться!; А Ванечка, Ванечка, Ты мене не парочка: В тебе рыжа борода, А я девка молода; Ох, стар ты, мой стар, Он по пояс в воду стал. Ты утешь молоду: Стань по саму бороду* (рус.); *Ой летіла ластівочка понад того поле. Я не піду за старого, бо борода коле* (укр.); *Я скакала, драпацела, За старого не хацела, Бо ў старога барада, А я дзеўка малада; Не дай бог, не дай бог Са старым займацца: Па калені барада – Лезе цалавацца* (белор.).

Зоны пересечения и различия кодовых смыслов соматизмов в восточнославянских частушках и пословицах в основном совпадают, подтверждая генетическое родство соответствующих культур. При этом, как и на материале пословиц, некоторые наблюдения по поводу национально-культурной специфики их функционирования в русских, украинских и белорусских частушках сделать можно.

Так, кодовое содержание соматизма *глаза*, реализуемое в восточнославянских пословицах (в одном из значений), в русских, украинских и белорусских частушках конкретизируется по единой модели: пословица – «инструмент взаимодействия», частушка – «инструмент любовного взаимодействия»: *Юбка клеш, юбка клеш, Юбка шамборами! Коль сама не хороша, Завлеку глазами!; Завлек ты меня Карими глазами. Сердце вынул из меня Походкой и словами; Говорят, я некрасива, А зачем мне красота? Только были бы у девушки Веселые глаза; У милого кари глазки, Кари, кареватые. Он завлек, а я люблю: Оба виноватые* (рус.); *Ах моя Марисю, мої сиві очі, Ледве мі сердечко досі не вискочи; Ой то ми ся подобали миленького очі, Не боюся ні шандарів, ні темної ночі; Там то брови, там то очі, Цілуй, цілуй: ще ся хоче. Капустяне листя Куру, Єдну люблю, десять дуру; Ой коб не ти, дівчинонько, і не твої очі, Не стояв би мій коничок до самої ночі* (укр.); *Ой, чык, Кацярынка, Чабоцікі красны. Чаго блішчаць, каго любяць Твае вочкі ясны?; Усё хадзіла я, збірала Кветкі верасовыя. Камсамольца палюбіла За вочкі вясёлыя; Ух, і вочкі мае, Што рабіць мне з вамі, Як убачыце хлапцоў, Міргаеце самі* (белор.).

Обратим при этом внимание на то, что в составе украинских частушечных соматизмов *глаза* составляют значительно меньшую часть

(12 %), чем в составе соматизмов русских (23 %) и белорусских (19 %) частушек. Анализ других соматизмов, реализуемых в восточнославянских частушках, показывает, что в украинских частушках аналогичное содержание реализует соматизм *лицо*, значительно более частотный в украинских частушках (24) в сравнении с русскими (3) и белорусскими (2): *Ой піду я, моя мамко, за такого хлопця, Щоби йому личко цвіло, як ружа з городця; Сніло ми ся передночі, Щось в поле горіло, А то мого миленького Личко рум'яніло; Ой легіну кивільненький, Набик шапку носиш, Кой не знаєш цілувати – Нащо личко просиш? Було, дівко, не давати хлопцям личко своє, То ми були не топтали подвір'ячко твоє* (укр.). Это позволяет сделать предположение о перераспределении кодовых функций, определяющем снижение количества случаев использования соматизма *глаза*.

Единая для русской, украинской и белорусской культуры модель межжанрового соотношения выявляется и при анализе соматизма *рука*: пословица – «активность», частушка – «активность любовного взаимодействия»: *Ох, я молода, Молодешенька. Милый под руку берет, Я радешенька; Меня милый провожал, На прощанье руку жал. Проводил, пошёл один, Давай, подруга, поглядим!; Поезд к станции подходит, И свисточек подает. Мил с вагончика выходит, Праву ручку подает* (рус.); *Чарувала руки, ноги, коня вороного, І ще буде чарувати хлопця молодого; Та нащо ми ручку даєш, Коли ня не знаєш, Та нащо ми на сердечку Жалю накладаєш?* (укр.); *Мілы мой, ідзі гарой, А я пайду даліначкай. Мілы мой, махні рукою, А я белай касыначкай; Вазьму мыльца, пайду мыцца На шырокую раку. Прыйдзець міленькі мірыцца, Падам правую руку* (белор.).

Однако только в белорусских частушках, помимо вышеназванного, достаточно отчетливо выделяется особый кодовый смысл рассматриваемого соматизма – «инструмент молодежного веселья», который активизируется в рамках сюжета, связанного с молодежным гуляньем: *Адчаго мне не гуляць У роднага брата? Рукі, ногі не баляць, Скрыпачка напята; Чаму тады не гуляць, Як новая скрыпка? Рукі-нагі не баляць, Сярэдзіна гібка; Во цапер мне пагуляць, Ручкі-ножкі не баляць. А як будуць балеці – Буду дома сядзеці* (белор.). Отметим, что, по результатам количественных подсчетов, уровень сфокусированности внимания на соматизме *рука* в белорусских частушках (18) оказывается значительно выше, чем в русских (9) и украинских (8).

Таким образом, различия реализации соматического кода в русских, украинских и белорусских частушках оказываются незначительными.

При этом и в русском, и в украинском, и в белорусском фольклоре обнаруживаются выраженные отличия в жанровой реализации соматизмов как кодовых единиц, причем характер межжанровых различий в исследуемых культурах совпадает.

Все это позволяет сделать вывод о том, что содержание и принципы организации соматического кода в фольклоре обладают выраженной жанровой спецификой. Национально-культурная специфика его реализации в исследованном восточнославянском материале проявляется только в некоторых отдельных частных моментах.

Сопоставление зафиксированных в восточнославянских пословицах принципов реализации соматического кода с принципами его реализации в паремиях неродственных культур, выявленными в других исследованиях, показывает, что перечень наиболее частотных представляющих его единиц, а также принципы их использования также в основном совпадают. Это приводит к мысли о том, что значительную роль в реализации соматического кода играет общекультурный принцип формирования категории телесности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жанровую номинацию «частушка» мы используем как обобщенное наименование эквивалентных восточнославянских фольклорных форм: русской *частушки*, украинской *коломийки* (укр.), белорусской *прыпеўкі* (белор.).

2. Процент единиц в русской / украинской / белорусской частушке от общего количества зафиксированных в частушке соответствующей культуры соматизмов.

ЛИТЕРАТУРА

Аникин 1983 - Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина. М.: Худ. лит., 1983. 431 с.

Артеменко 2006 - *Артеменко Е.Б.* Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: сб. статей: материалы науч. регион. конф. 2004 г. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 138–150.

Артеменко 1988 - *Артеменко Е.Б.* Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. 174 с.

Бардина 1997 - Жили да были: Фольклор и обряды томских сибиряков / собир. и сост. П.Е. Бардина. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1997. 222 с.

Бахтин 1966 - *Бахтин В.С.* Раздумье о частушке // Частушка / вступ. ст., подготовка текста и прим. В.С. Бахтина. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 5–52.

Башкатова 2014 - *Башкатова Ю.А.* Соматический код культуры как предмет сопоставительного исследования // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 220–228.

Белая 2010 - *Белая Е.Н.* Теоретические основы исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2010. 210 с.

Гудков, Ковшова 2007 - *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.

Дмитрюк 2009 - *Дмитрюк Н.В.* Фразеологический соматикон как отражение архетипов языкового сознания этноса // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 30–33.

Жутовская 2013 - *Жутовская Н.М.* «Мой миленок... старик из Перу»: английские лимерики и русские частушки // XVII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. 23–24 апр. 2013 г. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. Т. 1. С. 279–283.

Красных 2002 - *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Кремшокалова 2012 - *Кремшокалова М.Ч.* Культурные коннотации в фольклорных текстах как маркеры национального мировидения (на материале русских и кавказских паремий) // Cuadernos de rusística española. 2012. № 8. P. 95–101.

Крикманн 2013 - *Крикманн А.* 1001 вопрос по поводу логической структуры пословиц // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krikmann1.pdf> (дата обращения: 11.01.2013).

Муравьева 2013 - *Муравьева А.И.* Лингвокультурологический аспект изучения соматической фразеологии неродственных языков // Вестник МГЛУ. 2013. Вып. 15 (675). С. 144–152.

Неклюдов 2005 - *Неклюдов С.Ю.* Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир. Сборник материалов научной конференции. М.: ГРЦРФ, 2005. Вып. 8. С. 22–41.

Никитина 1993 - *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.

Ойноткинова 2011 - *Ойноткинова Н.Р.* Соматический код культуры в пословицах и поговорках алтайцев // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 5–14.

Ражева 2006 - *Ражева Е.И.* Лимерик: непереводаемая игра слов или непереводаемая игра формы? // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. М.: Индрик, 2006. С. 327–335.

Рыбникова 1961 - *Рыбникова М.А.* Русские пословицы и поговорки. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 229 с.

Савченко 2014 - *Савченко Л.В.* Функции соматического кода культуры в формировании фразеосистемы русского и украинского языков // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2014. Т. 27 (66), № 2. С. 88–92.

Селиверстова 2015 - *Селиверстова Е.И.* Глаза как орган зрения и речи – сквозь призму русской фразеологии // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: международн. конф. (V Бодуэновские чтения): труды и материалы. Казань, 2015. С. 310–313.

Синь-и 2005 - *Синь-и Г.* Соматический код в русской и китайской фразеологии // Телесный код в славянских культурах. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 30–40.

Толстая 2013 - *Толстая С.М.* Коды культуры и культурные концепты // Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 109–113.

Толстой 1995 - *Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

Тубалова 2016 - *Тубалова И.В.* Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 370 с.

Хроленко 1976 - *Хроленко А.Т.* Лексика русской народной поэзии. Курск: Изд-во КГПИ, 1976. 64 с.

Хроленко 1979 - *Хроленко А.Т.* Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор. Вопросы теории фольклора. Л., 1979. Т. 19. С. 147–156.

Цивьян 1973 - *Цивьян Т.В.* К семантике пространственных и временных показателей в фольклоре // Сб. статей по вторичным моделирующим системам. Тарту: Изд-во Тартусского ун-та, 1973. С. 13–17.

Частушка 1966 - Частушка / вступ. ст., подготовка текста и прим. В.С. Бахтина. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 610 с.

Эмер 2011 - *Эмер Ю.А.* Современный песенный фольклор. Когниции и дискурсы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.

Дещо про коломийки 2018 - Дещо про коломийки // Спадщина предків: культурно-історичний портал. URL: <http://spadok.org.ua/pokuttya/descho-pro-kolomuuku> (дата обращения: 12.02.2018).

Іваницький 2008 - *Іваницький А.І.* Хрестоматія з українського музичного фольклору (з поясненнями та коментарями). Вінниця: Нова книга, 2008. 520 с.

Коломийки 2018 - Коломийки // Мислене древо: Фольклорні записи: Запис Ю. Федьковича. URL: <http://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Lit/F/Fedkovich/Folklore/Kolomyjky.html> (дата обращения: 15.03.2018).

Лепешаў, Якалцэвіч 2011 - *Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.* Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна, 2011. 667 с.

Новак, Кастрыца, Панкова 2017 - *Новак В.С., Кастрыца А.А., Панкова Н.М.* Фалькларыстыка: Малыя жанры беларускага фальклору: практычны дапаможнік. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2017. 43 с.

Прыпеўкі 1989 - Прыпеўкі / Уклад. тэкстаў І.К. Цішчанкі. Мінск: Навука і тэхніка, 1989. 432 с.

Северинюк 2014 - *Северинюк В.М.* Тематичний словник популярних українських прислів'їв та приказок з коментарями. Вид. 3-тє. Тернопіль: Начальна

книга Богдан, 2014. 176 с.

Шумада 1985 - Народ скаже – як зав'яже: Українські народні прислів'я, приказки, загадки, скоромовки / упоряд. Н.С. Шумада. Київ, 1985. 230 с.

Яніцька 2002 - Знайшов – не скач, згубив – не плач: Українські прислів'я, приказки, усталені вирази // упоряд. К.Л. Яніцька. Київ: Довіра, 2002. 200 с.

REFERENCES

Anikin, V.P. (ed.) (1983) *Russkie poslovitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Artemenko, E.B. (2004) Kontseptosfera i yazyk fol'klora: kharakter i formy vzaimodeystviya [Conceptosphere and language of folklore: the nature and forms of interaction] In: Akatkin, V.M. et al. *Narodnaya kul'tura segodnya i problemy ee izucheniya* [Folk culture today and problems of its study]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 138–150.

Artemenko, E.B. (1988) *Printsipy narodno-pesennogo tekstoobrazovaniya* [Principles for creating a folk song text]. Voronezh: Voronezh State University.

Bardina, P.E. (1997) *Zhili da byli: Fol'klor i obryady tomskikh sibiriyakov* [Once upon a time: Folklore and rites of Tomsk Siberians]. Tomsk: Tomsk State University.

Bakhtin, V.S. (1966) Razdum'e o chastushke [Thinking of a chastushka] In: Bakhtin, V.S. (ed.) *Chastushka* [Chastushka]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 5–52.

Bashkatova, Yu.A. (2014) Somaticheskii kod kul'tury kak predmet sopostavitel'nogo issledovaniya [The somatic code of culture as a subject of comparative study]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 220–228.

Belaya, E.N. (2010) *Teoreticheskie osnovy issledovaniya yazykovykh i rechevykh reprezentatsiy bazovykh emotsiy cheloveka (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Theoretical bases of research of language and speech representations of basic human emotions (in the Russian and French languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.

Gudkov, D.B. & Kovshova M.L. (2007) *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [The bodily code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow: Gnozis.

Dmitryuk, N.V. (2009) Idiomatic somaticon as the reflection of ethnic language consciousness archetypes. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 10. pp. 30–33 (In Russian).

Zhutovskaya, N.M. (2013) ["My darling ... an old man from Peru": English Limbericks and Russian chastushkas]. *XVII Tsarskosel'skie chteniya* [The Seventeenth Tsarskoye Selo Readings]. Proc. of the International Conference. St. Petersburg. April 23–24, 2013. St. Petersburg. pp. 279–283 (In Russian).

Kremshokalova, M.Ch. (2012) Kul'turnye konnotatsii v fol'klornykh tekstakh kak markery natsional'nogo mirovideniya (na materiale russkikh i kavkazskikh paremiy) [Cultural connotations in folklore texts as markers of the national world view (on the basis of Russian and Caucasian paroemias)]. *Cuadernos de rusistica espanola*. 8. pp. 95–101.

Krikmann, A. (2013) *1001 vopros po povodu logicheskoy struktury poslovits* [1001 questions about the logical structure of proverbs]. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krikmann1.pdf> (Accessed: 11th January 2013).

Muravyeva, A.I. (2013) Lingvokul'turologicheskiy aspekt izucheniya somaticheskoy frazeologii nerodstvennykh yazykov [Linguistic and cultural aspect of the study of somatic phraseology of unrelated languages]. *Vestnik MGLU – Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. 15(675). pp. 144–152.

Neklyudov, S.Yu. (2005) Semantika fol'klornogo teksta i "znanie traditsii" [Semantics of folk text and "knowledge of tradition"] In: Dobrovolskaya, V.Ye. & Kotelnikova, N.Ye. (eds) *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir* [Slavic traditional culture and the modern world]. Issue 8. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. pp. 22–41.

Nikitina, S.E. (1993) *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral folk culture and language consciousness]. Moscow: Nauka.

Oynotkinova, N.R. (2011) Somaticheskii kod kul'tury v poslovitsakh i pogovorkakh altaytsev [Somatic code of culture in Altaian proverbs]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 5–14.

Razheva, E.I. (2006) Limerik: neperevodimaya igra slov ili perevodimaya igra formy? [Limerick: an untranslatable play of words or a translatable play of the form?] In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Kontseptual'nye polya igry* [Logical analysis of the language. Conceptual fields of the game]. Moscow: Indrik. pp. 327–335.

Rybnikova, M.A. (1961) *Russkie poslovitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings]. Moscow: USSR AS.

Savchenko, L.V. (2014) Funktsii somaticheskogo koda kul'tury v formirovanii frazeosistemy russkogo i ukrainskogo yazykov [Functions of the somatic code of culture in the formation of the phraseological system of the Russian and Ukrainian languages]. *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser. "Filologiya. Sotsial'nyye kommunikatsii"*. 66(2). pp. 88–92.

Seliverstova, E.I. (2015) Glaza kak organ zreniya i rechi – skvoz' prizmu russkoy frazeologii [Eyes as an organ of sight and speech – through the prism of Russian phraseology] In: Galiullin, K.R., Gorobets, Ye.A. & Nikolayev, G.A. (eds) *I.A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika* [I.A. Baudouin de Courtenay and world linguistics]. Kazan: Kazan State University. pp. 310–313.

Sin-I, G. (2005) Somaticheskii kod v russkoy i kitayskoy frazeologii [Somatic code in Russian and Chinese phraseology]. In: Zlydnev, N.V. (ed.) *Telesnyy kod*

v slavyanskikh kul'turakh [Bodily code in Slavic cultures]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS. pp. 30–40.

Tolstaya, S.M. (2013) *Kody kul'tury i kul'turnye kontsepty* [Codes of culture and cultural concepts]. In: Tolstoy, N.I. & Tolstaya, S.M. *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic Ethnolinguistics: Problems of Theory]. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS. pp. 109–113.

Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.

Tubalova, I.V. (2016) *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh* [Polyphonic text in oral personal-oriented discourses]. Tomsk: Tomsk State University.

Khrolenko, A.T. (1976) *Leksika russkoy narodnoy poezii* [Lexis of Russian folk poetry]. Kursk: Kursk State Pedagogical University.

Khrolenko, A.T. (1979) Semanticheskaya struktura fol'klornogo slova [Semantic structure of the folklore word]. In: Gorelov, A.A. (ed.) *Russkiy fol'klor. Voprosy teorii fol'klora* [Russian folklore. The Theory of Folklore]. Vol. 19. Leningrad: Nauka. pp. 147–156.

Tsiyvan, T.V. (1979) K semantike prostranstvennykh i vremennykh pokazateley v fol'klore [On semantics of spatial and temporal indices in folklore]. In: Lotman, Yu.M. (ed.) *Sbornik statey po vtorichnym modeliruyushchim sistemam* [Collection of Articles on Secondary Modeling Systems]. Tartu: Tartu University. pp. 13–17.

Bakhtin, V.S. (ed.) (1966) *Chastushka* [Chastushka]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

Emer, Yu.A. (2011) *Sovremennyy pesenny fol'klor. Kognitsii i diskursy* [Modern song folklore. Cognitions and discourses]. Tomsk: Tomsk State University.

Spadok.org.us. (2018) *Deshho pro kolomyjky* [Something about kolomojka]. [Online] Available from: <http://spadok.org.ua/pokuttya/descho-pro-kolomyjky> (Accessed: 22nd February 2018).

Ivanytskij, A.I. (2008) *Hrestomatija z ukrai'ns'kogo muzychnogo fol'kloru (z pojasnennjamy ta komentarjamy)* [Textbook on Ukrainian music folk (with explanations and comments)]. Vinnytsia: Nova Kniga.

Fedkovych, Yu. (2018) *Kolomyjky* [Kolomojka]. [Online] Available from: <http://www.myslenedrevo.com.ua/uk/Lit/F/Fedkovich/Folklore/Kolomyjky.html> (15th March 2018).

Liepieša J.A. & Jakalcjevich, M. (2011) *Tlumačálny slovník prykazak* [Explanatory Dictionary of proverbs]. Grodno: [s.n.].

Novak, V.S., Kastrjtsa, A.A. & Pankova, N.M. (2017) *Fal'klarystyka: Malyja zhanry belaruskaga fal'kloru: praktychny dapamozhnik* [Folklore: Small Belarusian folklore genres: a practical guide]. Gomel: Gomel State University.

Цішчанкі, І.К. (ed.) (1989) *Прыпэўкі* [Pripevkas]. Minsk: Navuka i Tekhnika.

Severynyuk, V.M. (2014) *Tematychny slovnyk populyarnykh ukrajin's'kykh*

prysliv'yiv ta prykazok z komentaryamy [Thematic dictionary of popular Ukrainian proverbs and commentary notes]. Ternopil: Nachal'na knyha Bohdan.

Shumada, N.S. (1985) *Narod skazhe – yak zav'yazhe: Ukrayins'ki narodni prysliv'ya, prykazky, zahadky, skoromovky* [The people say as they tie: Ukrainian folk proverbs, sayings, riddles, scribbles]. Kyiv: Veselka.

Yanitska, K.L. (2002) *Znayshov – ne skach, z-hubyv – ne plach: Ukrayins'ki prysliv'ya, prykazky, ustaleni vyrazy* [Do not jump when found something, do not cry when ruined: Ukrainian proverbs, sayings, set-expressions]. Kyiv: Dovira.

Тубалова Инна Витальевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Inna V. Tubalova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tina09@inbox.ru

Ван Хуа – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Ghya Wang – Tomsk State University (Russia).

E-mail: wanghuakzxy@yandex.ru

УДК 81-112

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/12

ПОНЯТИЕ «СКРОМНЫЙ» В ИСТОРИИ РУСИНСКОГО ЯЗЫКА

С.А. Толстик

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: stolstik@mail.ru

Авторское резюме

Представлена история формирования понятия «скромный» в русинском языке. Это понятие выражают три прилагательных – *скромный*, *незабагливый* и *дискретный*. Такое языковое выражение понятия оформилось в русинском языке сравнительно поздно. Об этом свидетельствует история происхождения лексем. Два из трех репрезентантов данного понятия являются в русинском языке полонизмами: *скромный* – заимствование из польск. *skromny*, отмеченного еще в текстах старопольского языка с конца XV в., *дискретный* – от польск. *dyskretny* / *dyszkretny* (латинизм), которое фиксируется в польском языке с рубежа XVIII–XIX вв. в значении ‘внимательный, вежливый; умеренный’. Третье прилагательное – собственно русинское образование *незабагливый* со значением ‘неприхотливый, непривередливый’, ‘скромный, умеренный’ – произведено с помощью отрицательного префикса *не-* от прилагательного *забагливый* ‘капризный, привередливый, избалованный, взбалмошный’. Мотивационные признаки, сформировавшие понятие «скромный» в русинском языке, были следующими: ‘придерживающийся в поведении определенных границ, сдержанный, держащий (себя) в рамках’ (*скромный*), ‘неприхотливый, некапризный, не желающий многого’ (*незабагливый*), ‘незаметный, деликатный, тактичный’ (*дискретный*).

Ключевые слова: диахрония, историческая лексикология, этимология, мотивация, номинация, славянское языкознание, сравнительно-историческое языкознание, русинский язык.

THE CONCEPT “MODEST” IN THE HISTORY OF THE RUSIN LANGUAGE

S.A. Tolstik

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: stolstik@mail.ru

Abstract

This article dwells on the history of the formation of the concept “modest” in the Rusin language. The concept is expressed by three Rusin adjectives such as ‘skromniy’, ‘nezabagliviy’, ‘diskretniy’. History and etymology of aforementioned words is an evidence of their quite late appearance. Thus, two of the three words have Polish history: the adjective skromniy is borrowed from Polish *skromny*, which appeared in old Polish language since the end of the 15th century. In addition, the word ‘diskretniy’ apparently comes from the Polish *dyskretny* / *dyszkretny* (originally from Latin) fixed in Polish between the 18th – 19th centuries in the meaning ‘attentive, polite; moderate’. The third adjective ‘nezabagliviy’ has a purely Rusin origin. It has the meaning of ‘unpretentious’, ‘unfastidious’, ‘modest, moderate’ and was formed with the negative prefix from the adjective ‘zabagliviy’ with the meaning ‘capricious, fastidious, spoiled, unbalanced’. The motivational features that formed the concept “modest” in Rusin were: ‘adhering to certain behavioural boundaries, restrained, holding within the framework of’ (‘skromniy’), ‘unpretentious, uncaring, not wanting much’ (‘nezabagliviy’), ‘inconspicuous, delicate, tactful’ (‘diskretniy’).

Keywords: diachrony, historical lexicology, etymology, motivation, designation, Slavic linguistics, comparative historical linguistics, Rusin language.

Скромность – одно из важных понятий, связанных с оценкой человека, его деятельности, поведения, поэтому репрезентация данного этического понятия в разных аспектах находится в сфере интересов современных лингвистов. Чаще всего понятие / концепт «скромный» рассматривается в современном языкознании в сопоставительном аспекте. Так, О.В. Кошманова обращается к сопоставлению репрезентации данного понятия в различных лингвокультурах (русской, американской и иранской) (Кошманова 2007). Или же концепт «скромный» рассматривается в русской и китайской лингвокультурах на материале паремий (Просвирнина, Шао Жуй 2013), а также в русской и немецкой лингвокультурах (Ковалева 2007).

Мы же обращаемся к понятию «скромный» в истории русинского языка. Глубина формирования данного понятия в представленной работе выявляется на основе языковых данных с использованием сравнительно-исторического метода.

Лексические единицы для анализа мы набирали по двуязычному «Русско-русинскому словарю» И. Керчи. В русинском языке значение 'скромный, т. е. не выставяющий напоказ своих заслуг, лишенный тщеславия; деликатный, сдержанный в общении' (как характеристика человека и его поведения) имеют три прилагательных: *скромный*, *незабагливый* и *діскретный* (Керча 2012: 375). Доминантой данного синонимического ряда является прилагательное *скромный*: оно употребляется первым в списке лексем в данном словаре.

Чтобы выявить глубину формирования понятия «скромный» в русинском языке, нам нужно выяснить, когда и в связи с чем оно возникло, самостоятельно или под влиянием других языков и культур. Для этого обратимся сначала к материалам русинского языка, затем – к данным других славянских языков.

В русинском языке адъектив *скромный* представлен с семантикой 'скромный, не выставяющий напоказ своих заслуг, деликатный; умеренный, без излишеств'. В найденном контексте анализируемое прилагательное характеризует человека: *Єнковський був скромний, розважний... добродушний чоловік* 'Енковский был человек скромный, рассудительный, добродушный' (Керча 2007b: 342; Керча 2012: 375).

Дериваты – наречие *скромно* и существительное *скромность* (*На... Сілвестра... могли пряшовські Русини в скромности славити тот свуй нефалшований русинський Сілвестер... Просторах Вікторії*. 'Под Новый год пряшевские русины могли скромно отметить свой неподдельный русинский Новый год в помещении ресторана «Виктория»') – соответствуют по значению русским словам тех же частей речи (Керча 2007b: 342; Керча 2012: 375). Префиксальное производное прилагательное *поскромный* и наречие *поскромно* обозначают избыточность признака 'слишком скромный' и 'слишком скромно' (Керча 2012: 375). Другие однокорневые образования – глаголы *оскромнити ся* и *оскромняти ся* – имеют значение приобретения признака 'становиться скромнее, скромнеть' (Керча 2007b: 29; Керча 2012: 375). Таким образом, значения дериватов анализируемого русинского прилагательного не выходят за рамки семантического поля скромности.

Поскольку данные истории русинского языка нам недоступны, с целью выявить истоки для значения скромности обратимся к материалу других славянских языков.

Слово *скромный* как характеристика человека, не выставяющего напоказ своих заслуг, деликатного, сдержанного в обращении, по-

ведении, и самого скромного, деликатного поведения / поступков / взглядов / слов и т. п. имеет соответствия и в остальных славянских языках: вост.-слав. рус. *скромный*, укр. *скромний*, блр. *скромны*, зап.-слав. чешск. *skromný*, словц. *skromný*, польск. *skromny*, в.-луж. *skromny* и ю.-слав. болг. *скромен*, с.-хорв. *skròmān* / *skroman*, словен. *skrômen* (Преображенский 1949: 313; БТР 1955: 798; Skok 1973: 271; СРС 1976: 61; SS 1980: 253–254; Фасмер 1987а: 658–659; БЕР 2002: 802; ЕСУМ 2006: 288–289). В старославянском языке данное слово не отмечено.

Считается, что в восточно- и в южнославянском ареале данное слово является заимствованием из западнославянских языков. В русском языке это полонизм, фиксирующийся только с XVIII в. (Преображенский 1949: 313; Skok 1973: 271; Brückner 1974: 496; Фасмер 1987а: 658–659; БЕР 2002: 802; ЕСУМ 2006: 289). Поэтому необходимо выяснить, какова же была более ранняя история слова *skromny* в польском языке.

Так, в польском языке прилагательное *skromny* с интересующей нас семантикой и его производные фиксируются еще в старопольский период (конец XV в.) (SS 1980: 253–254).

В самом польском языке и в остальных славянских языках другие значения исследуемого прилагательного не выражают этическую оценку скромного поведения человека, а характеризуют предмет (в том числе его небольшой размер), вид деятельности и т. п.: ‘не бросающийся в глаза, не привлекающий особого внимания, простой’, ‘обычный, рядовой’ (о должности, профессии), ‘небольшой, незначительный’ (Даль 1866: 190; БТР 1955: 796; СУМ 1978: 324; СлРЯ 1988: 122; СРП).

Ряд диалектных значений прилагательного *скромный* в некоторых славянских языках также определяют не человека, а его поведение / предметы / явления / животных. Так, в русских народных говорах слово *скромный* имеет близкие к анализируемому значения, характеризующие тихое, спокойное поведение человека или животного: ‘терпеливый’ (вост.-каз.), ‘не злой, не кусачий (о собаке)’ – без указания ареала: *Эта собака скромная, никого не укусит*; явления природы (‘тихий, спокойный (о ветре)’): *Западный ветра скромны* (урал.) (Даль 1866: 190; СРНГ 2004: 151). В русских диалектах встречается лексема *скромный* и как характеристика человека, но в антонимичном анализируемому ЛСВ значении ‘злой, сердитый (о человеке)’ (синоним к слову *бойкий*): *Сын скромный, бойкой: бьет женку* (мурман.) (СРНГ 2004: 151). Но это единичное, возможно, окказиональное употребление. В польских диалектах наблюдаются однокорневые образования к *skromny* с семантикой небольшого количества, а также скупости, жадности: *skromno* ‘мало, скуп’, *skromność* ‘скупость’ (Karłowicz 1907: 158), ср. рус. диал. *скромкий* ‘скупой’ (пск.) (СРНГ 2004: 151). Связь се-

мантики небольшого количества и жадности, скупости ('скромный' > 'малый' > 'скупой, жадный') не вызывает сомнения: см., напр., работу И.П. Петлевой о семантических истоках слов со значением «скупой» (Петлева 1972: 210–211).

Основная версия происхождения данного прилагательного – префиксальное образование от *kroma* 'край, перегородка' с помощью префикса **зь-* (Преображенский 1949: 313; Фасмер 1987а: 658–659; Rejzek 2001: 577; БЕР 2002: 802; ЕСУМ 2006: 288–289), ср. польск. диал. *skromka* 'горбушка, краюшка хлеба', т.е. 'то, что находится с краю' (Karlłowicz 1907: 158). Ср. также родственное *укромный* 'уединенный, скрытый от взглядов посторонних' < 'удаленный на край' (Цыганенко 1989: 382, 448).

Следовательно, мотивирующим признаком в данном случае был 'ограничивающий себя, придерживающийся в поведении определенных границ, сдержанный, держащий (себя) в рамках', ср. рус. антонимичное *развязный* 'не связанный, не ограниченный; излишне свободный'. Ряд славянских глаголов имеет значение 'укротить, усмирить, успокоить' как 'обуздывать, умерять свои требования, обходиться малым; держать в рамках': блр. *скраміць*, укр. диал. *поскромити*, *ускромнити*, русин. *оскромнити ся*, *оскромняти ся*, польск. *skromić*, *poskromić*, *uskramiać*, *poskramiać* 'усмирять, укрощать, держать в рамках' и др. (Miklosich 1886: 304; Karlłowicz 1907: 158; Преображенский 1949: 313; Brückner 1974: 496; Цыганенко 1989: 382; ЕСУМ 2006: 288–289; Керча 2007 б: 29; Керча 2012: 375).

Значение 'умеренный, незначительный' в западно- и восточнославянском ареале изначально выражалось производными от корня *кров-* (ст.-сл. *СЪКРОВѢНЪ* 'потайной, скрытый', др.-рус. *съкровьный* 'тайный, скрытый, потаенный', 'таинственный', 'углубленный', чешск. и словц. *skrovny* (Срезневский 1912: 724; Brückner 1974: 496; Фасмер 1987а: 658–659; СС 1994: 653; Rejzek 2001: 577; БЕР 2002: 802), но это прилагательное в славянских языках не развило значения, характеризующего человека. Источником формы *skromny* и семантической инновации был польский язык.

Итак, исследуемое слово есть во многих славянских языках, но перенос значения от 'ограничивающий себя, придерживающийся в поведении определенных границ, сдержанный' до 'скромный, не выставляющий напоказ своих заслуг, лишенный тщеславия; деликатный' по отношению к человеку происходит в польском языке, который стал источником распространения в других славянских языках, образовав регионализм, охватывающий почти все славянские языки. Исходной точкой формирования анализируемого понятия, выраженного словом *скромный* и его аналогами в славянском ареале, таким образом, является польский язык.

В русинский, как и в другие восточнославянские языки, слово *скромный* было заимствовано из польского, что легко объяснить контактами с носителями данного языка вследствие территориального и культурного взаимодействия. Трудно судить однозначно о времени заимствования, т. к. мы не располагаем историческими словарями русинского языка. По всей видимости, заимствование это было достаточно поздним, судя по тому, что в древнерусском, старославянском, староукраинском языках оно не представлено, а в русском языке данное слово фиксируется только с XVIII в. (САР 1794: 500; Цыганенко 1989: 382). Есть вероятность, что в русинский язык прилагательное *скромный* могло прийти раньше – из старопольского языка, где оно зафиксировано еще с конца XV в.

Следующее русинское прилагательное – *незабагливий* – имеет значения ‘неприхотливый, непривередливый’, ‘скромный, умеренный’ (Керча 2007а: 579). Производное существительное также представлено с семантикой скромности: *незабагливость* ‘неприхотливость’, ‘скромность’ (Керча 2007а: 579).

Адъектив *незабагливий* явно произведен с помощью отрицательного префикса *не-* от прилагательного *забагливий* ‘капризный, привередливый, избалованный, взбалмошный’ (Керча 2007а: 281). В буковинских говорах встречается и синонимичное приставочное прилагательное без суффикса *-лив-* с тем же значением *забаглий* ‘требовательный, капризный’: *Мама такі забagli стали, вітколи заслабли* (Матеріали 1972: 7; СБГ 2005: 121).

С префиксом *за-* в русинском языке отмечены также производные существительное и наречие, характеризующие поведение капризного, избалованного человека: *забагливість* ‘капризность’ и *забагливо* ‘привередливо, капризно’ (Керча 2007а: 281). Родственное существительное *забаганка* (а также однокорневой синоним с другим префиксом *выбаганка*) имеет значение ‘прихоть, каприз’: *Забaгaнки, як у циганки / як у малої дітuны* ‘Капризы, как у цыганки / как у малого ребенка’ (Дуда 2011: 125; Чорі 2015: 214).

В качестве производящей основы *забагливий* выступает отглагольное существительное *забага* ‘блажь, каприз, прихоть’, производное от *забагати* ‘желать, жаждать’, ‘капризничать, привередничать’ / *забагнути(ся)* ‘захотеть’ (Матеріали 1972: 7; СБГ 2005: 121; Керча 2007а: 281; Шило 2008: 118).

Вся эта лексика в свою очередь производна от русинских бесприставочных глаголов и существительного с корнем *баг-* с семантикой желания. Глаголы *багати* и *багнути* в русинском языке представлены в значении ‘очень хотеть, желать’: *Та йa не багну го вид’ити* ‘Да я не желаю его видеть’ (Горошак 1993: 22; Керча 2007а: 60; Турчин 2011:

21). Субстантив *бага* имеет значение 'жажда; заветное желание, томление', например *любостна бага* 'любовная тоска, истома', *тілесна бага* 'похоть' (Керча 2007а: 60). Производное от *бага* бесприставочное прилагательное *багливий* представлено в русинском языке тоже с семантикой желания: *багливий* 'жаждущий, алчный, томный' (Керча 2007а: 60).

В русинском языке есть и образования от другого варианта корня *баж-* со значением каприза, желания *бажливий* 'капризный' (Керча 2007а: 380), *бажати*, *бажыти(ся)*, *забажати* 'захотеть чего-л.' (Горощак 1993: 21; Дуда 2001: 36, 125; Керча 2007а: 281).

Из всех славянских языков, помимо русинского, только в украинском языке отмечается прилагательное *забагливий* 'капризный, прихотливый': *Юзина приязнь була неспокійна, забаглива* (Леся Украинка) (СУМ 1972: 14). В «Этимологическом словаре украинского языка» приводятся (со ссылкой на словарь Е. Желеховского, опубликованный во Львове) и интересующее нас укр. диал. *незабагливий* 'нетребовательный, неприхотливый, скромный', и производное существительное *незабагливость* 'неприхотливость, скромность', но в данном лексикографическом источнике русинский язык рассматривается как диалект украинского языка (Желеховский 1886: 510; ЕСУМ 1982: 111).

Чтобы выявить глубину возникновения семантики скромности у русинских образований с корнем *баг-*, обратимся к данным других славянских языков. Так, рефлексy праславянских глаголов **bagati*, **bagnŕti* представлены в западно- и восточнославянских языках с семантикой желания (большого желания): словц. *bahnŕt*, польск. диал. *zabagać się*, *zabahać* чешск. *bahnouti*, диал. *bahnŕt*, укр. *багаму* (Karłowicz 1911: 259; ЭССЯ 1974: 123–124, 127; ЕСУМ 1982: 111).

Семантика (большого) желания широко представлена и в однокорневых рефлексах корня **bag-* и с конечным согласным *ž* (результат *j*-го расширения) **bažati*, а также **bažiti* в западно- и восточнославянских языках: словц. диал. *bažat'i* 'жаждать', ст.-укр., укр. *бажати* 'хотеть, желать', блр. *бажаць* 'хотеть, сильно желать, просить', рус. диал. *бажать* 'очень хотеть чего-нибудь, сильно желать' (влад., нижегор., смол., тамб., ворон., курск., пенз., симб., казан., куйб., новорос., вят., волог., арх., олон., юговост., яросл., костром., самар.), 'любить, ласкать' (арх.) и некоторые другие значения, а также многочисленные дериваты (Miklosich 1886: 6; Brückner 1874: 18–19; Karłowicz 1911: 260; СРНГ 1966: 44–45; СРНГ 1972: 241; СУМ 1970: 87; 1972: 14; ЭССЯ 1974: 172–173; ЭБ 1978: 273–274; ЕСУМ 1982: 111, 115; Фасмер 1986: 104–105; Rejzek 2001: 73–74). Семантика скромности в рефлексах корня **bag-* на общеславянском и древнерусском уровне не представлена.

Итак, развитие семантики рефлексов корня **bag-* шло таким образом: 'горячо, сильно желать, хотеть' > 'капризничать'. Мотивирующим

признаком при обозначении скромности человека для русинского прилагательного *незабагливий* послужил 'некапризный, неприхотливый, который многого не желает'. Признак скромности сформировался как совместно русинско-западноукраинский либо непосредственно в русинском языке, т. к. общеславянский материал имеет другие значения (желания, каприза, любви).

Адъектив *дискретный* в русинском языке, помимо интересующей нас семантики скромности ('скромный, сдержанный, деликатный (о человеке)'), имеет значение 'умеющий хранить тайну', а также математическое 'дискретный, изменяющийся между несколькими различными стабильными состояниями, существующий лишь в отдельных точках' (Керча 2007а: 220). Соответственно производное наречие *дискретно* также имеет значение 'скромно, без огласки' и математическое значение (Керча 2007а: 220). Семантика скромности представлена и в существительном *дискреція* 'неразглашение сведений; скромность, сдержанность, деликатность' (Керча 2007а: 220).

Прилагательное *дискретный*, по всей видимости, непосредственно пришло в русинский язык из польского, что можно объяснить общностью семантики и контактным ареалом. Так, в польском языке прилагательное *dyskretny* характеризует скромного человека: 'хранящий чужие тайны, не вмешивающийся в чужие дела; деликатный, тактичный, тихий (по отношению к человеку)': *Tyś dyskretny, ale twój przyjaciel bard śpiewa i gada, gęba mu się nie zamyka* 'Ты скромный, но твой друг бард поет и болтает, рот у него не закрывается' (NKJP). Также в польском языке зафиксированы значения 'едва заметный, не бросающийся в глаза': например, перевод названия фильма Луиса Бунюэля «Скромное обаяние буржуазии» на польский язык – «*Dyskretny urok burżuazji*», математическое значение: *matematyka dyskretna* (SJP).

В польском языке это прилагательное *dyskretny / dyszkretny* фиксируется с рубежа XVIII–XIX вв. в значении 'внимательный, вежливый; умеренный' (Linde 1807: 575–576; Bańkowski 2000: 318). Наличие суффикса *-n-* в морфемной структуре данного адъектива указывает на то, что *dyskretny* производно от существительного *dyskret*. Слово *dyskret / dyszkret*, относящееся к сфере ментальной деятельности значение 'рассудительный, разумный, осмотрительный человек' и значение прилагательного, близкое к 'скромный' – 'вежливый, любезный, отзывчивый, готовый помочь', встречаются в польском языке с XVI в. (SP XVI 1972: 295–296; Bańkowski 2000: 318).

В польский и другие славянские языки анализируемое слово пришло из европейских языков: из немецкого (*diskret*) или французского (*discret*) (от. лат. *discrētus*, причастия глагола *discernere* 'рассеивать,

просеивать, различать, разбирать, замечать и др.) (Фасмер 1986: 516; Bańkowski 2000: 318; Дворецкий 2009: 158, 311, 313).

Итак, развитие семантики для прилагательного *дискретный* было следующим: 'незаметный, деликатный, тактичный' > 'скромный'. Семантический переход от 'незаметный, не бросающийся в глаза' по отношению к явлению, предмету на 'незаметный, деликатный, тактичный' по отношению к человеку происходит не в русинском, а в польском языке.

По всей видимости, эта лексическая единица (судя по фиксации в польском языке) появилась в русинском языке не раньше XVIII в. У данного прилагательного, тоже пришедшего через польский язык, и в русском языке значение скромности фиксируется только с XVIII в.: *Вы столько дискретны, что и словом о том не упомянули* (СРЯ XVIII; Фасмер 1986: 516), но не сохраняется в русском.

Подводя итоги, отметим, что признаки, формирующие понятие «скромный» в русинском языке, были следующими: 'придерживающийся в поведении определенных границ, сдержанный, держащий (себя) в рамках' (*скромный*), 'неприхотливый, некапризный, не желающий многого' (*незабагливый*), 'незаметный, деликатный, тактичный' (*дискретный*).

Проведенный исторический анализ позволяет сделать вывод о том, что частное этическое понятие «скромный» в русинском языке было сформировано достаточно поздно. Начало его формирования, скорее всего, – XVIII в. (лексемы *скромный* и *дискретный*), хотя репрезентант *скромный* мог появиться в русинском языке и раньше – из старопольского (Фасмер 1986: 520–521; Фасмер 1987b: 280; ЭСЯ 1978: 45–46 и др.).

Понятие «скромный» в русинском языке сформировалось во многом под влиянием западнославянской культуры, а именно польской культуры и польского языка: два из трех репрезентантов данного понятия являются в русинском языке полонизмами. Собственно русинским репрезентантом данного понятия является только адъектив *незабагливый* (или же это совместное западноукраинско-русинское осмысление). В данном случае трудно однозначно определить время его появления (судя по фиксации в украинском языке, не ранее XIX в.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

арх. – архангельский; блр – белорусский; болг. – болгарский; в. луж. – верхнелужицкий; влад. – владимирский; волог. – вологодский; ворон. – воронежский; вост.-каз. – восточноказахский; вост.-слав. – восточнославянский; вят. – вятский; диал. – диалектный; др.-рус. –

древнерусский, казан. – казанский; костром. – костромской; зап.-слав. – западнославянский; курск. – курский; куйбыш. – куйбышевский; лат. – латинский; мурман. – мурманский; нижегор. – нижегородский; новорос. – новороссийский; олон. – олонецкий; пенз. – пензенский; польск. – польский; пск. – псковский; рус. – русский; русин. – русинский; самар. – самарский; с.-хорв. – сербохорватский; симб. – симбирский; словен. – словенский; слвц. – словацкий; смол. – смоленский; тамб. – тамбовский; ст.-укр. – староукраинский; ст.-сл. – старославянский, укр. – украинский; урал. – уральский; чешск. – чешский; юго-вост. – юго-восточный; ю.-слав. – южнославянский; яросл. – ярославский.

ЛИТЕРАТУРА

БЕР 2002 - Български етимологичен речник / Ред. кол. М. Рачева, Т.Ат. Тодоров, Ив. Глъбъв и др.: в 9 т. Т. 6: Пўскам–Словар. София: Проф. Марин Дринов, 2002. 886, [1] с.

БТР 1955 - Български тълковен речник / Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев и др. София: Наука и изкуство, 1955, 970, [2].

Горошак 1993 - *Горошак Я.* Перший лемківско-польський словник. Pierwszy słownik łemkowski-polski. Лєгница, 1993. 257 с.

Даль 1866 - *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Р–V. М.: Типография Т. Рис, 1866. 626, [82] с.

Дворецкий 2009 - *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. 12-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2009. 1055 [7] с.

Дуда 2011 - *Дуда І.* Лемківський словник. 26 000 слів. Тернопіль: Астон, 2011. 371, [1] с.

ЕСУМ 1982 - Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка. Акад. наук Украинской ССР, Ин-т языковедения им. А.А. Потебни / Голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова и др.: в 7 т. Т. 1: А–Г. Київ: Наукова думка, 1982. 632, [2] с.

ЕСУМ 2006 - Етимологічний словник української мови = Этимологический словарь украинского языка. Акад. наук Украинской ССР, Ин-т языковедения им. А.А. Потебни / Голов. ред. О.С. Мельничук; укладачі Р.В. Болдырев, В.Т. Коломієць, Т.Б. Лукінова: в 7 т. Т. 5: Р–Т. Київ: Наукова думка, 2006. 704 с.

Желеховский 1886 - *Желеховский Є.* Малоруско-німецький словар. Ruthenian-deutsches Wörterbuch: в 2 т. Т. 1: Львів – Lemberg, 1886. 569, [9].

Керча 2007а - *Керча И.* Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 1: А–Н. Ужгород: ПоліПрінт, 2007а. 608 с.

Керча 2007 - *Керча И.* Русинсько-російський словник. Понад 58 000 слів = Русинско-русский словарь. Свыше 58 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2007b. 608 с.

Керча 2012 - *Керча И.* Російсько-русинський словник – 65 000 слів = Русско-русинский словарь – 65 000 слов: в 2 т. Т. 2: О–Я. Ужгород: ПоліПрінт, 2012. 596 с.

Ковалева 2007 - *Ковалева Л.В.* Концепты «трусливый» и «скромный» в немецкой и русской лингвокультурах // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2007. № 2 (2). С. 125–128.

Кошманова 2007 - *Кошманова О.В.* Концепт «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах: дис.... канд. филол. наук. Астрахань, 2007. 272 с.

Матеріали 1972 - Материалы для словника буковинських говірок / Ред. колегія Ю.О. Карпенко, В.А. Прокопенко и др. Чернівці, 1972. Вып. 3. 85, [1] с.

Петлева 1972 - *Петлева И.П.* О семантических истоках слов со значением 'скупой' в русском языке // Этимология. 1970. М.: Наука, 1972. С. 207–216.

Преображенский 1949 - *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Труды института русского языка. Вып. 2: П–С. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 144 с.

Просвирнина, Шао Жуй 2013 - *Просвирнина И.С. Шао Жуй.* Концепт «скромность» в русских и китайских паремиях // Филология и культура. *Philology et culture*. 2013. № 4 (34). С. 97–104.

СРНГ 1966 - Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин; ред. Ф.П. Сороколетов: в 49 вып. Вып. 2: Ба–Блазниться. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1966. 314, [1] с.

СРНГ 1972 - Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов; ред. Ф.П. Сороколетов: в 49 вып. Вып. 9: Ерепня–Заглазеться. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1972. 362 с.

СРНГ 2004 - Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин; ред. О.Д. Кузнецова: в 49 вып. Вып. 38: Скитать–Сметушка. СПб.: Наука, 2004. 372, [1] с.

СРЯ XVIII - Словарь русского языка XVIII в. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc> (дата обращения: 26.05.2018).

СБГ 2005 - Словник буковинських говірок / За заг. ред. Н.В. Гуйванюк. Чернівці: Рута, 2005. 688 с.

СУМ 1970 - Словник української мови: в 11 т. Т. 1: А–В / Зав. ред. М.Л. Мандрика; редакторы тому П.Й. Горещкий, А.А. Бурячок, Г.М. Гнатюк и др. Київ: Наукова думка, 1970. 799, [2] с.

СУМ 1972 - Словник української мови: в 11 т. Т. 3: З / Зав. ред. М.Л. Мандрика; редакторы тому П.Й. Горещкий, А.А. Бурячок, Г.М. Гнатюк и др. Київ: Наукова думка, 1972. 744 с.

СУМ 1978 - Словник української мови: в 11 т. Т. 9: С / Зав. ред. М.Л. Мандрика; редакторы тому І.С. Назарова, О.П. Петровська, Л.Г. Скрипник и др. Київ: Наукова думка, 1978. 916, [2] с.

САР 1794 - Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: Акад. наук, 1794. Ч. 6. 1084 с.

СЛРЯ 1988 - Словарь русского языка: в 4 т. / Ред. А.П. Евгеньева. 3-е изд., стереотип. Т. 4: С–Я. М.: Рус. яз., 1988. 800 с.

СРС 1976 - Словацко-русский словарь. Около 45 000 слов = Slovensko – ruský slovník. Москва; Братислава: Рус. яз.; Словац. пед. изд-во, 1976. 768 с.

Срезневский 1912 - *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерус-

ского языка: в 3 т. СПб.: Типография Императорской АН, 1912. Т. 3. 1684 с.

СС 1994 - Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): Около 10 000 слов / Ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.

Турчин 2011 - *Турчин Є.Д.* Словник села Тилич на Лемківщині. Львів: Українська академія друкарства, 2011. 384 с.

Чорі 2015 - *Чорі Ю.* Фразеологизмы русиньского языка: в 2 т. Ужгород, 2015. 593, [1] с.

Фасмер 1986 - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. / Пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина: в 4 т. Т. 1: А–Д. М.: Прогресс, 1986. 576 с.

Фасмер 1987а - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. / Пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина: в 4 т. Т. 3: Муза–Сят. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Фасмер 1987б - *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. / Пер. с нем. и доп. чл.-кор. О.Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина: в 4 т. Т. 4: Т–Ящур. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Цыганенко 1989 - *Цыганенко Г.П.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Радянська школа, 1989. 511 с.

Шило 2008 - *Шило Г.* Наддністрянський регіональний словник. Львів; Нью-Йорк: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2008. 288 с.

ЭБ 1978 - Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / В.Д. Лабко [і інш.]; рэд. В.У. Мартынаў: в 13 вып. Вып. 1: А–Бячэйка. Мінск: Навука і тэхніка, 1978. 327 с.

ЭССЯ 1974 - Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Подгот. О.Н. Трубачев, В.А. Меркулова, Ж.Ж. Варбот и др.; под ред. О.Н. Трубачева: в 40 вып. М.: Наука, 1974. Вып. 1. 214 с.

ЭССЯ 1978 - Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Подгот. О.Н. Трубачев, В.А. Меркулова, Ж.Ж. Варбот и др.; под ред. О.Н. Трубачева: в 40 вып. М.: Наука, 1978. Вып. 5. 232 с.

Bańkowski 2000 - *Bańkowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego: w 2 t. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2000. Т. 1. 873 s.

Brückner 1974 - *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974. 805 s.

Karłowicz 1907 - *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich: w 6 t. Т. 5: R S Ś T. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1907. 462 s.

Karłowicz 1911 - *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich: w 6 t. Т. 6: U–Ż. Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, drukarnia C.K. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1911. 470 s.

Linde 1807 - *Linde S.B.* Słownik języka polskiego: w 6 t. Т. 1: A–F. Warszawa: Drukarnia XX, 1807. 668, [1] s.

Miklosich 1886 - *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen sprachen. Wien: Wilhelm Braumüller, 1886. 289 s.

NKJP - Narodowy korpus języka polskiego. URL: <http://nkjp.pl> (дата обращения: 26.05.2018).

Rejzek 2001 - *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Leda, 2001. 752 s.

Skok 1973 - *Skok P.* Etymologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika: v 3 kn. Kn. 3: Poni–Ž. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1973.

SJP - Słownik języka polskiego. URL: <http://sjp.pl> (дата обращения: 26.05.2018).

SP XVI 1972 - Słownik polszczyzny XVI wieku: w 36 t. T. 6: Dra – Eżby / redaktor tomu M. Borecki. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Polska Akademia Nauk, 1972.

SS 1980 - Słownik staropolski. Redaktor naczelny, kierownik S. Urbańczyk: w 11 t. T. 8 – 4 [51]. Skociec – Smętek. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Polska Akademia Nauk, 1980. 321 s.

REFERENCES

Racheva, M. et al. (2002) *B'lgarskiy etimologichen r'chnik* [The Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol. 6. Sofia, Prof. Marin Drinov.

Andreychin, L., Georgiyev, L., Ilchev, St. et al. (1955) *B'lgarskiy t'lkoven r'chnik* [The Bulgarian Explanatory dictionary]. Sofia: Nauka i izkustvo.

Goroshchak, Ya. (1993) *Pershiy lemkiwsko-pol'skiy slovník = Pierwszy słownik łemkowsko-polski* [The First Lemko-Polish Dictionary]. Legnitsa: [s.n.].

Dał, V.I. (1866) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow: Tipografiya T. Ris.

Dvoretzkiy, I.Kh. (2009) *Latinsko-russkiy slovar'* [The Latin-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

Duda, I. (2011) *Lemkiwskiy slovník* [The Lemko Dictionary]. Ternopol: Aston.

Melnichuk, O.S. (ed.) (1982) *Yetimologichniy slovník ukrain'skoi movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

Melnichuk, O.S. (ed.) (2006) *Yetimologichniy slovník ukrain'skoi movi* [The Etymological Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 5. Kyiv: Naukova dumka.

Zhelekhovskiy, E. (1886) *Malorusko-n'em'etskiy slovar. Ruthenian-Deutsches Wörterbuch* [The Ruthenian-German dictionary]. Vol. 1. Lwow – Lemberg: [s.n.].

Kercha, I. (2007a) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusin-Russian dictionary]. Vol. 1. Uzhhorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2007b) *Rusins'ko-rosiys'kiy slovník* [The Rusin-Russian dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.

Kercha, I. (2012) *Rosiys'ko-rusins'kiy slovník* [The Rusin-Russian Dictionary]. Vol. 2. Uzhhorod: PoliPrint.

Kovaleva, L.V. (2007) Kontsepty "truslivyy" i "skromnyy" v nemetskoy i russkoy lingvokul'turakh [The concepts of "coward" and "modest" in the German and Russian linguistic cultures]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki. Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"*. 2(2). pp. 125 – 128.

Koshmanova, O.V. (2007) *Kontsept "skromnost'" v russkoy, amerikanskoy i iranskoy lingvokul'turakh* [The concept "modesty" in the Russian, American and Iranian linguistic cultures]. Philology Cand. Diss. Astrakhan.

Karpenko, Yu.O., Prokopenko, V.A. et al. (eds) (1972) *Materialy dlya slovníka bukovins'kikh govirok* [The materials for the dictionary of the Bukovina dialects]. Chernivtsi: [s.n.].

Petleva, I.P. (1972) O semanticheskikh istokakh slov so znacheniyem 'skupoy'

v russkom yazyke [On the semantics of words with the meaning of 'stingy' in the Russian language]. In: Varbot, Zh.Zh. (ed.) *Etimologiya. 1970* [Etymology. 1970]. Moscow: Nauka. pp. 207–216.

Preobrazhenskiy, A.G. (1949) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian language]. Moscow: USSR AS.

Prosvirina, I.S. & Shao Rui. (2013) Kontsept "skromnost'" v russkikh i kitayskikh paremiyakh [The concept "modesty" in the Russian and Chinese paroemias]. *Filologiya i kul'tura – Philology et Culture*. 4(34). pp. 97–104.

Filin, F.P. (ed.) (1966) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.

Filin, F.P. (ed.) (1972) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 9. Leningrad: Nauka.

Filin, F.P. (ed.) (2004) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [The Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 38. Leningrad: Nauka.

Sorokin, Yu.S. (ed.) *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc> (Accessed: 26th May 2018).

Guyvanyuk, N.V. (ed.) (2005) *Slovník bukovinských говорок* [The Dictionary of Bukovina Dialects]. Chernitsi: Ruta.

Mandrika, M.L. (ed.) (1970) *Slovník ukrajin'skoi movi* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.

Mandrika, M.L. (ed.) (1972) *Slovník ukrajin'skoi movi* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.

Mandrika, M.L. (ed.) (1978) *Slovník ukrajin'skoi movi* [The Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 9. Kyiv: Naukova dumka.

Imperial Academy of Sciences. (1794) *Slovar' Akademii Rossiyskoy: v 6 ch.* [Dictionary of the Russian Academy: in 6 parts]. St. Petersburg: Academy of Sciences.

Evgeniev, A.P. (1987) *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of the Russian language]. 3rd ed. Vol. 4. Moscow: Russkyy yazyk.

Kollar, D., Dorotyakova, V. et al. (eds) (1976) *Slovensko – ruský slovník* [The Slovak-Russian Dictionary]. Moscow; Bratislava: Rus. yaz.; Slovatsk ped izd-vo.

Sreznevskiy, I.I. (1912) *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka: v 3 t.* [Materials for a Dictionary of Old Russian Language]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences

Tseytlin, R.M., Veherka, R. & Blagova, E. (eds) (1994) *Staroslavjanskij slovar' (po rukopisyam X–XI vv.)* [The Old Slavonic Dictionary: y manuscripts of the 10th – 11th centuries]. Moscow: Russkyy yazyk.

Turchin, E.D. (2011) *Slovník sela Tilich na Lemkovshchini* [The Dictionary of the Tylich village in Lemkovshchina]. Lviv: Ukraïns'ka akademiya drukarstva.

Chori, Yu. (2015) *Frazeologizmy rusins'kogo yazyka: v 2 t.* [Phraseology of the Rusin language: in 2 vols]. Uzhhorod: [s.n.].

Vasmer, M. (1986) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian language]. 2nd ed. Vol. 1. Translated from German by O.N. Trubachyov. Moscow: Progress.

Vasmer, M. (1987a) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological

Dictionary of the Russian language]. 2nd ed. Vol. 3. Translated from German by O.N. Trubachyov. Moscow: Progress.

Vasmer, M. (1987b) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian language]. 2nd ed. Vol. 4. Translated from German by O.N. Trubachyov. Moscow: Progress.

Tsiganenko, G.P. (1998) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian language]. Kyiv: Radyans'ka shkola.

Shilo, G. (2008) *Naddnistrians'kiy regional'niy slovník* [The Upon Dniester Regional Dictionary]. Lviv, New-York: I. Kripyakevich Institute of Ukrainian Studies.

Martynaŭ, V.U. (ed.) (1978) *Etymalagichny sloŭnik belaruskay movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 1. Minsk: Navuka i tekhnika.

Trubachev, O.N. (ed.) (1974) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Trubachev, O.N. (ed.) (1978) *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond* [The Etymological Dictionary of Slavic languages: The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 5. Moscow: Nauka.

Bańkowski, A. (2000) *Etymologiczny słownik języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish language]. Vol. 1. Warsaw: PWN.

Brückner, A. (1974) *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish language]. Warsaw: Wiedza Powszechna.

Karłowicz, J. (1907) *Słownik gwar polskich* [The Dictionary of Polish dialects]. Vol. 5. Kraków: Jagiellonian University.

Karłowicz, J. (1911) *Słownik gwar polskich* [The Dictionary of Polish dialects]. Vol. 6. Kraków: Jagiellonian University.

Linde, S.B. (1807) *Słownik języka polskiego* [Dictionary of the Polish language]. Vol. 1. Warsaw: Drukarnia XX.

Miklosich, F. (1886) *Etymologisches Wörterbuch der slavischen sprachen* [The Etymological Dictionary of Slavic languages]. Vienna: Wilhelm Braumüller.

Poland. (n.d.) *Narodowy korpus języka polskiego* [The Polish National Corpus]. [Online] Available from: <http://nkjp.pl>

Rejzek, J. (2001) *Český etymologický slovník* [The Czech Etymological Dictionary]. Leda.

Skok, P. (1973) *Etymologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological Dictionary of the Croatian and Serbian languages]. Vol. 3. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

Poland. (n.d.) *Słownik języka polskiego* [The Polish Language Dictionary]. [Online] Available from: <http://sjp.pl> (Accessed: 26th May 2017).

Borecki, M. (1972) *Słownik polszczyzny XVI wieku* [The Dictionary of the Polish language of the 16th century]. Vol. 6. Wrocław; Warsaw, Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; PAN.

Urbańczyk, S. (1980) *Słownik staropolski* [The Old Polish Dictionary]. Vol. 8–4. Wrocław; Warsaw; Kraków, Gdańsk: PAN.

Толстик Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Svetlana A. Tolstik – Tomsk State University (Russia).

E-mail: stolstik@mail.ru

УДК 81:39

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/13

ЧТО МОГУТ СООБЩИТЬ БРАЧНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ О СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)*

И.Т. Вепрева¹, Д. Пазио-Влазловская²

¹Уральский федеральный университет
Россия, 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: irina_vepreva@mail.ru

²Институт славистики Польской академии наук
Польша, 00-337, г. Варшава, ул. Бартошевича, 1b / 17
E-mail: d.pazio@ispan.waw.pl

Авторское резюме

Рассматривается вербальное конструирование гендерной идентичности женской языковой личности на материале брачных объявлений в польском и русском языках. В славянском мире в основе гендерной идентичности лежат христианские ценности, сформировавшие патриархальное сознание. В советский период истории восточнославянских государств сложился андрогинный тип гендерной идентичности на базе идеологии социального раскрепощения женщины, проявившийся в образе работающей матери. Современный этап действительности характеризуется коренными изменениями в общественно-политическом и экономическом устройстве стран Восточной Европы. Он совпадает со становлением во всех странах в последней трети XX в. новых, равноправных отношений между полами. Естественно складывающийся новый тип гендерной идентичности демонстрирует ломку традиционных для славянской ментальности гендерных ценностей. Динамические процессы отражаются в современных речевых практиках. Сопоставительный анализ польских и русских брачных объявлений показывает, что реальная фемининность современных жен-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382/18, поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006. Работа выполнена в рамках исследований, проводимых в Институте славистики Польской академии наук.

щин имеет вариативный характер. Тем не менее результаты исследования показали укорененность патриархальных основ славянской культуры, а также закрепление гендерной идентичности андрогинного типа. В этом видится сходство русской и польской ментальности. Различие наблюдается в современной модернизации гендерных установок польских и русских женщин. Новые ценностные предпочтения русских женщин демонстрируют стремление к нивелированию женского начала, к лидерству в семейных отношениях, приобретению психологических свойств маскулинного типа. В гендерном поведении польских женщин выявляется тенденция к выстраиванию равноправных отношений с мужчиной с одновременным подчеркиванием своей женственности, которую они считают достоинством, а не недостатком. Партнерство для польских женщин реализуется в гендерном взаимодополнении.

Ключевые слова: брачные объявления, сопоставительный анализ, гендерная идентичность, женская языковая личность, фемининность, ценностные предпочтения.

WHAT DATING SITE ADVERTS CAN TELL ABOUT A MODERN WOMAN (ON MATERIAL OF POLISH AND RUSSIAN LANGUAGES)*

I.T. Vepreva¹, D. Pazio-Wlazłowska²

¹The Ural Federal University

51 Lenin Street, Ekaterinburg, 620000, Russia

E-mail: irina_vepreva@mail.ru

²Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences

1b m. 17 Bartoszewicza street, Warsaw, 00-337, Poland

E-mail: d.pazio@ispan.waw.pl

Abstract

The article deals with the verbal construction of the gender identity of the female language personality on the material of Polish and Russian dating site adverts. In the Slavic world the gender identity is based on Christian values that shape the patriarchal consciousness. In the Soviet period of the history of the Eastern Slavic countries the

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Grant Nr. 18-012- 00382/18, by Government of the Russian Federation Act 211, Agreement Nr. 2.A03.21.0006, within the framework of research conducted at the Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences.

ideology of female social emancipation emerged and manifested in the image of a working mother. This type of the gender identity can be defined as androgynous. The current stage is characterised by fundamental changes in the socio-political and economic structure of the Eastern European countries. It coincides with the emergence of new, equal relations between the genders in all developed countries in the last third of the twentieth century. An emerging new type of the gender identity demonstrates the breakdown of traditional values typical to the Slavic mentality. Dynamic processes are reflected in modern speech practices. A comparative analysis of Polish and Russian dating site adverts shows that the real femininity of modern women is of a variable nature. However, the research shows the rooted patriarchal foundations of the Slavic culture as well as the consolidation of the androgynous gender identity, similar for the Russian and Polish mentality, which remain different in the current gender attitudes. New value preferences of Russian women demonstrate the desire to level the female principle and acquire the leadership and psychological features of the masculine type. The gender behaviour of Polish women reveals a tendency to build an equal relationship with a man while emphasizing their femininity which they consider to be a virtue but not a flaw. Partnership for Polish women is implemented in gender complementarity.

Keywords: dating site adverts, comparative analysis, gender identity, female linguistic personality, femininity, value preferences.

Научное осмысление гендера, изучение манифестации гендерных отношений в языке конкретизируют основное положение современной лингвистики, постулирующее, что «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» (Караулов 1987: 27). При этом гендер понимается как социальная категория, связанная «с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола» (Кирилина, Томская 2005: 112).

В гендерной лингвистике складывается лингвокультурологический взгляд на язык как средство объективации гендерной картины мира, отражающей гендерную идентичность человека, т.е. ту часть самосознания языковой личности, которая ощущает свою принадлежность к полу в социальном аспекте и программирует следование нормам и стереотипам гендерного поведения.

Гендерная картина мира как часть славянского менталитета складывалась веками. В славянском мире формирование гендерной идентичности явилось следствием проникновения в культуру христианских ценностей. «Каждая религия предписывает свои, причем очень устойчивые поведенческие стереотипы» (Скляревская 2012: 36). Христианство – глубоко семейная религия, сформировавшая семейные ценности, в основе которых лежит патриархальное со-

знание. Муж являлся кормильцем патриархальной семьи, занимая доминирующую позицию, а женщина, хранительница очага, служа мужу, следила за домом, воспитывала детей и т. д.

В советский период истории восточнославянских государств сложилась идеология социального раскрепощения женщины и равноправия полов, в рамках которой женщина сочетала двойную нагрузку: будучи работающей матерью, она выполняла производственную и семейную роль. В советское время положение «домохозяйки и бездетной женщины воспринимается как несостоявшаяся судьба или личные неудачи» (Здравомыслова, Темкина 2006: 64). Данный тип гендерной идентичности женщины, одновременно ориентирующий «на традиционно закрепившиеся в общественном сознании женские ценности и на мужские ценности» (Ильиных 2013: 47), получил название андрогинной фемининности.

Современный этап действительности характеризуется коренными изменениями в общественно-политическом устройстве и экономическом укладе стран Восточной Европы. Он совпадает со становлением во всех странах в последней трети XX в. новых, равноправных отношений между полами. Сложившаяся гендерная система, отталкиваясь от традиционно укоренившихся гендерных типов идентичности, трансформируется, подвергаясь модернизации. Наиболее глубокие и существенные перемены произошли в мировоззрении женской языковой личности. Динамические процессы отражаются в современных речевых практиках.

Цель данной работы – сопоставительный анализ вариантных преломлений гендерной идентичности современных польских и русских женщин, репрезентированных в текстах, имеющих достаточную объяснительную силу для представления гендера. К таковым можно отнести брачные объявления, не раз становящиеся объектом лингвистических исследований как в русистике (Шибанова 2004; Рогалева 2005; Семенова 2006; Зырянова 2009; Акулова 2010), так и в полонистике (Wojtak 1990; Sobstyl 1996, 1998; Zgółkowska, Zgółka 2000; Długosz 2001; Sobstyl 2001, 2002, 2002a; Kwinta 2010; Sobstyl 2013, 2016).

Брачные объявления на русском языке, выбранные для анализа, представлены в ток-шоу «Давай поженимся», выходящем в эфир на Первом канале российского телевидения с 2008 г. Сценарий передачи, помимо личного знакомства участников в студии, также включает в себя небольшой ролик-визитку, структурно построенный по модели брачного объявления. Матримониальный текст ток-шоу «Давай поженимся» во многом повторяет стандартную структуру брачных объявлений, включая рубрики: *субъект мечтает* (о чем); *предупре-*

ждает (о чем); *гордится* (чем); а также представляет идеальный образ партнера и желаемые отношения.

Брачные объявления на польском языке, выбранные для анализа, представлены на сайте Duet (<https://www.duetcentrum.pl/ogloszenia-oferty-matrymonialne>), который обслуживает Центр знакомств. Первый офис Центра был открыт в Варшаве в 2002 г. Кроме того, ряд брачных сайтов в Польше носят специализированный характер, например www.singles50.pl (предназначен для тех, кому за 50), www.40latki.pl (предназначен для тех, кому за 40), <https://zapisanisobie.pl> (предназначен для тех, кому дороги христианские ценности) и т. д. Существуют также две телепередачи, посвященные знакомствам: «*Rolnik szuka żony*» и «*Wyjdź za mnie*».

Собранный корпус русских и польских брачных объявлений показывает, что реальная фемининность современных женщин имеет вариативный характер. Тем не менее анализ материала с опорой на повторяющиеся номинативные единицы и узуальные речения в составе женских текстов показал укорененность патриархальных основ славянской культуры, а также закрепление гендерной идентичности андрогинного типа. В этом видится сходство русской и польской ментальности.

Покажем проявление патриархального типа гендерной идентичности как в целом тексте, так и в отдельных его частях. В приведенных ниже текстах реализовано представление о патриархальном каноне в русских брачных объявлениях:

*Работает **воспитателем** в детском саду, но мечтает иметь возможность воспитывать собственных детей. Любит создавать в доме уют, вяжет крючком и спицами. Предупреждает, что постоянно протирает в доме пыль. Выйдет замуж за надежного заботливого мужчину, который любит детей и не боится трудностей. Признается, что **ее возлюбленный всегда будет сыт и вымыт**.*

Отдельные части брачных объявлений передачи «Давай поженимся» также поддерживают данный тип идентичности. Например, перечень профессий, которые считаются типично «женскими», поскольку не требуют особых специальных навыков: няня, почтальон, кондуктор и др. Круг увлечений включают стереотипно патриархальные занятия: *вяжет крючком и спицами, любит создавать в доме уют, шьет, вышивает*. Программа будущей жизни (рубрика «мечтает») связана с традиционными базовыми ценностями семьи. Ключевыми являются лексемы *семья, ребенок / дети, мать, жена, замуж / замужество*. Рубрика «предупреждает» представляет женщину как заботливую супругу и мать: *предупреждает* (далее – **п.**), *что все свободное время посвящает детям; что слово мужчины для нее закон; п.*, *что ради*

мужчины готова на все; **п.**, что готова подстраиваться под настроение мужчины; **п.**, что не приемлет секс до брака.

Портреты потенциального партнера ограничены патриархальным выбором – умением ценить семейные ценности и проявлять психологические качества, свойственные семьянину: **Выйдет замуж за надежного заботливого брьюнета, который любит детей и не боится трудностей; Избранник Ольги должен семью и ценности семьи ставить в жизни на первое место; идеал – домовитый славянин с традиционным отношением к семье.**

Рассмотрим польские брачные объявления:

*Szukam kogoś, kto **doceni domową kobietę**, która nie zdobywa ośmiotysięczników, za to **potrafi upiec przepyszny sernik.***

*Choć nigdy nie byłam w zalegalizowanym związku, **cenię instytucję małżeństwa**, a w kwestii rodziny jestem tradycjonalistką. Tęsknię za mężczyzną, z którym połączy mnie miłość, przyjaźń i bezgraniczne zaufanie, z którym będę mogła o wszystkim porozmawiać a czasem pomilczeć. Wyobrażam sobie, że jesteś odpowiedzialny, opanowany, potrafisz sprawić, że czuję się przy Tobie bezpiecznie. Ujmujesz mnie optymizmem i wysoką kulturą osobistą. I bardzo pragniesz **założyć rodzinę.***

Женщины высоко оценивают семейную жизнь и близкие, желательно романтические отношения с мужчиной: **Cenię ciepło rodzinne, wieczory we dwoje.**

В иерархии ценностей они ставят на первое место семью, воспринимаемую традиционно, с четко определенными женскими и мужскими ролями. Мечтают о том, чтобы стать женой и матерью: *Choć jestem nowoczesną i przebojową dziewczyną, **cenię wartości rodzinne, kocham dzieci. Cenię sobie niezależność, choć marzę o ciepłym domu, roli żony i matki.***

Приоритетом для них является воспитание своих, а также приемных детей: *Moja pasja to gotowanie, **opieka nad dziećmi**, obecnie pracuję też w przedszkolu. Часто их профессиональная деятельность связана с опекой над детьми. Они точно и однозначно указывают на цель знакомства – создание семьи: **Bezdzietna panna nastawiona na założenie rodziny.***

Подчеркивают значение традиционной роли женщины-хозяйки, заботящейся о доме: ***Dbam o dom** <...> lubię rolę pani domu, czystość, zapach ciasta <...>. Особенно высоко оценивается ими умение вкусно готовить: **Lubię gotować. Potrafię gotować i umiem zaspokoić niejedno, nawet wybredne podniebienie** <...>.*

Польки, как и россиянки, ищут партнера, ценящего семью и готового завести детей: *Chciałabym poznać mężczyznę, który planuje w przyszłości założyć rodzinę. Mam nadzieję, że są jeszcze na świecie mężczyźni, dla których ważne są **takie wartości jak dom i rodzina** <...>. Chciałabym poznać mężczyznę, który chce stworzyć związek, a nie szuka jedynie przygody.*

Второй тип сложившейся гендерной идентичности – андрогинная фемининность. Женщины данного типа ориентированы не только на семью, но и на собственную карьеру. Андрогинная идентичность воспроизводит образцы гендерного поведения женщины социалистической государственности. Приведем русские брачные объявления данного типа.

Служащая на фирме по аренде недвижимости. Пишет картины маслом, увлекается дайвингом и много читает. Наталья родила сына, несмотря на предательство возлюбленного и уговоры родителей прервать беременность. Своим мужем она видит достойного мужчину, который станет ее надежным покровителем и другом, способным помочь ей поставить сына на ноги.

Бизнес-аналитик в крупной компании. Мечтает стать матерью и реализоваться в карьере.

Работает заместителем начальника отдела залогов в банке, обожает вышивать, изучает английский язык. Мечтает отправиться в путешествие с любимым мужчиной и родить ребенка.

Брачные объявления демонстрируют типичную картину «государственного патриархата» социалистического образца, двойную мобилизацию женщины: с одной стороны, ориентация на семью и материнство как единственную форму реализации женщины, предназначенную ей от природы, с другой стороны, обязательная работа и спектр разнообразных увлечений, которые демонстрируют многосторонность женской личности. В рубрике «мечтает» соискательницы сохраняют стремление создать семью и сделать карьеру: **мечтает** (далее – **м.**) *стать матерью и реализоваться в карьере; м. о большой семье, огромном загородном доме и хорошей работе.*

Ниже приведены примеры проявления этого типа в польских объявлениях.

*Jestem osobą ambitną, **ważna jest dla mnie praca, ale nie jestem pracobolniczką. Najważniejsza jest rodzina i partner.** W związku jestem opiekunką, często dbam bardziej o potrzeby partnera niż o swoje. Moją pasją jest jazda konna, lubię też pływać, uczę się windsurfingu. Dobrze gotuję, piekę świetne ciasta. Sporo czytam, lubię jazz. Jestem panną bez dzieci, ale mężczyzna po rozwodzie, mający dzieci nie jest dla mnie problemem. Najważniejsza jest otwartość, chęć stworzenia rodziny i posiadania jeszcze dzieci.*

Jestem kobietą spełnioną zawodowo (pediatrą) i rodzinnie (syn). W wolnych chwilach lubię podróżować, pstrykać zdjęcia, chodzić z psem na długie spacery, szukać w lesie grzybów, jeździć na rowerze.

Для данного типа объявлений характерно объединение разных образов: слияние стереотипного изображения хрупкой женщины-хозяйки, опекающей домашний очаг и нуждающейся в помощи сильного

мужчины, и ни от кого не зависящей бизнесвумен, осуществляющей свои профессиональные намерения: *Kariera jest wspaniała, ale nie przytulisz się do niej w nosy*. Слияние двух противопоставленных друг другу ролей особенно ярко проявляется на уровне перечисляемых в объявлениях черт характера. Женщины указывают на многообразие своих увлечений. С одной стороны, они высоко ценят домашнее тепло и уют, с другой – не пренебрегают развлечениями вне дома: ***Jestem domatorką, choć nie brak mi tendencji do weekendowego włączenia się po klimatycznych knajpkach czy odwiedzania znajomych. Bardziej pragmatyczka niż romantyczka, ale nawet ja ulegam czasem szaleństwom, sentymentom i komplementom. Lubię aktywnie spędzać czas (trochę ruchu, podróże), ale i lubię atmosferę domu.***

Активно подчеркивается многосторонность женщин, вытекающая из разнообразия исполняемых ими ролей: *Z jednej strony jestem kobietą konkretną, decyzyjną, odpowiedzialną i zdroworoządkową, z drugiej – wielką ze mnie romantyczka i marzycielka.*

Общей чертой, характеризующей первые два типа объявлений, является определенный набор увлечений, указываемых женщинами. Он, кажется, непосредственно вытекает из стереотипного восприятия женщины и ее увлечений. Среди популярных женских хобби перечисляются литература, кино, музыка, искусство и туризм, особенно горный: *<...> lubię dobre kino. Lubię czytać <...> czytam książki, słucham muzyki, oglądam filmy. Interesuję się sztuką i kulturą; nie mogę żyć bez muzyki, bywam też na galeriach i wystawach. <...> lubię czytać (zwłaszcza kryminały i fantastykę), podróżować, z zapalem hoduję kwiaty i zioła. Lubię zwierzęta, przyrodę, podróże. Wolny czas spędzam na spacerze, rowerze, w podróży. Zawsze chętna na: wycieczki i wyjazdy, spacery niezależnie od pogody. Gdy jest okazja, wyjeżdżam w góry. <...> lubię górskie wędrówki. Lubię chodzić po górach.*

Наряду со сложившимися типами гендерной идентичности, которые совпадают у польских и русских женщин, в современном обществе складывается новый тип идентичности, который получил название в социологических работах как «естественная фемининность» (Ильиных 2013: 130). Стремление женщины к самодостаточности, созданию равноправных отношений с мужчинами приводит к отходу от сложившихся в славянской культуре традиционных моделей женского поведения. В современных условиях женщина снимает ограничения, которые ей предъявляет традиционная система гендерных ценностей. В новом типе гендерной идентичности, на наш взгляд, проявляются различия между польской и русской женщинами.

Брачные объявления поражают уникальным переплетением нестандартных поступков женщины, которые не укладываются в привычные рамки гендерного поведения.

Современная русская женщина способна прокормить себя и своего ребенка, поэтому ей не требуется непременно выходить замуж: см., напр., в рубрике «гордится» (далее – **г.**): **г.** *тем, что одна воспитывает двух дочерей и обеспечивает родителей; без мужа воспитала четырех сыновей и трех дочерей, а два месяца назад приняла в семью еще троих детей.* Женщина становится кормильцем семьи. Ключевой лексемой является местоимение **сама**: *сама заработала; сама купила квартиру, автомобиль, жилье; сама воспитала; сама себя обеспечивает* и др.

Тип представлен вербальными знаками, репрезентирующими самостоятельность женщин, их амбициозность в выборе жизненного пути и профессии. Проявлением естественной фемининности являются подчеркивание лидерских качеств, демонстрация активности маскулинного типа. Так, в рубрике «**предупреждает**» (далее – **п.**): **п.**, *что в отношениях с мужчинами всегда занимает лидерскую позицию; п.*, *что не позволит собой командовать; п.*, *что не потерпит в своем доме командного тона; п.*, *что в своем доме она управляющая, а не домработница; п.*, *что сама принимает решения.*

Чрезмерная маскулинизация женщин приводит к тому, что они приписывают себе психологические признаки противоположного пола. Женщина **предупреждает**, *что бывает упрямой и жесткой; п.*, *что у нее мужской характер; п.*, *что у нее сильный характер и не каждый мужчина с ней уживется; п.*, *она не слишком женственная.* Женщины демонстрируют типично мужское коммуникативное поведение (см.: **п.**, *что в речи часто использует нецензурную лексику; п.*, *что в порыве гнева нецензурно выражается* и др.).

Ценности семьи и материнства теряют для женщины значимость. Происходит открытое декларирование своего отхода от традиционных ценностей матери и хозяйки дома: **предупреждает**, *что не хочет становиться матерью; п.*, *что не планирует заводить детей; п.*, *что никогда не станет домохозяйкой; п.*, *что редко готовит; п.*, *что не будет выносить мусор и стирать мужские носки; п.*, *что не будет круглосуточно стоять у плиты.*

Резюмируем: новые гендерные установки русских женщин демонстрируют стремление нивелировать женское начало, приобрести психологические признаки маскулинного типа.

Приведем примеры проявления естественной маскулинности у польских женщин.

Rozwiedziona, niezależna. Jeżeli szukasz kandydatki na żonę do domowych pieleszy – pomyliłeś drzwi. Jeśli jednak szukasz przygody, szaleństwa, znajomości bez ślubu, bez zobowiązań, deklaracji, obietnic, wzniosłych słów, bez założonych celów – moje drzwi są dla ciebie otwarte...

Lubię dopasowane garsonki, dekolty i szpilki. Jestem po studiach, prowadzę własny biznes. Jest pełno mężczyzn wokół mnie... głównie materialistów, żonatych, szukających tylko romansu. A ja szukam mężczyzny, który będzie tylko dla mnie, będzie moim przyjacielem, kochankiem, partnerem.

Na co dzień pracuję i lubię to, co robię. W wolnych chwilach czytam książki, słucham muzyki, odwiedzam znajomych. Gotuję i sprzątam też, choć robię to bez przekonania. Być może dlatego, że nie mam dla kogo? Jestem wesołą, energiczną kobietką pełną młodzieńczego zapału i szalonych pomysłów. Z racji złych doświadczeń nie chcę już zakładać rodziny, choć nigdy nie mówię "nigdy". Szukam partnerstwa i frajdy z bycia ze sobą. Zaznaczam, że nie dam się usidlić i zamknąć w czterech ścianach domu. Jest jeszcze tyle miejsc wartych odwiedzenia!

Женщины подчеркивают материальную независимость, способность содержать семью: *Dumna mama syna, którego wychowałam sama, bez kontaktu i wsparcia ze strony ojca. Sama radzę sobie z trudami życia codziennego i nie najgorzej mi to wychodzi, choć na pewno przyjemniej byłoby iść przez życie we dwójkę.*

Они откровенно говорят о своих профессиональных достижениях и увлечениях: *Zawodowo **spełniona**. ...tłumaczę książki, co jest moją wielką pasją. W życiu zawodowym **doskonale radzę sobie** z zarządzaniem dużą firmą handlową. To co sprawia mi na dzień dzisiejszy największą radość, to moja praca i **możliwość spełniania swoich marzeń**. Lubię swoją pracę, bo ona mnie rozwija i czuję się w niej po prostu doceniana.*

Женщины указывают на свои черты характера, которые традиционно воспринимаются как мужские, в частности на стойкость и отвагу: *Konsekwentnie realizuję swoje cele, **odważnie kroczę przez życie**. Jestem **silna i niezależna**.*

Польки подчеркивают также, что им не чужды мужские развлечения: *Chętnie wyżywam się **na siłowni**. Po pracy mile widziane: aerobik, rower, **kręgle** ze znajomymi. Lubię spacerować, jazdę na rowerze. W gronie znajomych <...> spotykamy się na pogaduchach przy winie, **gramy w bilard** lub idziemy na kręgle. Не чужды им также обязанности, воспринимаемые как типично мужские: *Zajmuję się też zwykłymi codziennymi czynnościami typu **koszenie trawy, przycinanie krzewów**. Pielęgnowanie ogrodu mnie relaksuje.**

Особенно важным для них является спорт, которым активно занимаются: *Jedną z moich największych pasji jest sport – szczególnie **tenis**. Ponadto **żagluję**, chodzę po górach. Zamiast melodramatu w tv woli zobaczyć **ciekawą mecz**. ...w miarę regularnie chodzę na siłownię. Dobrze czuję się **za kierownicą**, czasem wsiadam do swojego samochodu, włączam ukochanego Niemena i gnam przed siebie, tak bez celu.*

В отличие от россиянок, польки откровенно говорят о сексе и связанных с ним ожиданиях: *Wiem, że **seks to ważna sfera życia** – dla mnie*

również, nie jestem typem kobiety, którą wiecznie boli głowa. Poszukuję mężczyzny, który będzie to potrafił docenić. Do tego powinno dojść troszkę luzu, spontaniczności oraz braku oporu przed przytulaniem się....nie całuję się na pierwszej randce, ale w związku lubię duuużo seksu i bliskości... Powinien lubić w związku namiętność, bo mam w tej sferze duże wymagania...

Польки также явно указывают на цель знакомства, которой не всегда является официально зарегистрированный брак: *Jestem gotowa na szaloną, intensywną znajomość – bez ciągania do ołtarza, bez formalności, bez obietnic “na zawsze”. Jeśli szukasz żony, nie jestem odpowiednią kandydatką.*

Различие видится в самопрезентации адресанта. Самой яркой чертой польских женщин являются явная тенденция к выстраиванию равноправных отношений с уважением к собственной персоне, постоянное подчеркивание своей женственности, которую они считают достоинством, а не недостатком. Партнерство для польских женщин – в гендерном взаимодополнении. Они говорят: я веселая, энергичная, жизнерадостная, самодостаточная – разная, и я хочу чувствовать свою женственность рядом с партнером, при этом мужчина должен разделять круг моих интересов и увлечений, быть ответственным, с ним я должна чувствовать себя в безопасности. Польки во всех выделенных типах объявлений подчеркивают свою женственность, привлекательность, самоуверенность: *kobieta z klasą, świetna partnerka, nie jestem zrozpaczoną 44 latką, nie mam depresji z powodu braku mężczyzny, zadbana.*

Русские женщины более категоричны в отстаивании своих прав. Больше усилий они тратят на выравнивание равноправных отношений без гендерной специфики, при этом часто стараются подчеркнуть свое превосходство.

Анализируя объявления, следует отметить также ряд схожих моментов. Во всех трех типах дается характеристика внешности. Как правило, внимание уделяется росту, типу телосложения, цвету волос и глаз: *Jest wysoką, szczupłą panną o piwnych oczach i brązowych włosach. Jest szczupłą blondynką o niebieskich oczach. Blondynka, raczej szczupła, ale kobieca, nie typ “wieszaka”. 170 cm / 55 kg, brązowe oczy, brunetka. 160 / 52, blondynka o zielonych oczach.* Характеристика внешности, на наш взгляд, свидетельствует о живучести стереотипного восприятия женщины как сексуального объекта (ср.: Kwinta 2010), который должен быть физически привлекательным. Об актуальности патриархальных норм свидетельствует также характеристика потенциального партнера без обращения к его внешности, сквозь призму интеллекта, характера и профессиональных достижений. Женщины высоко ценят откровенность, терпение, верность, ответственность,

заботу: *Szukam miłego, opiekuńczego mężczyzny na poziomie. Poszukuję mężczyzny, w którym dostrzegę zaradność, odpowiedzialność, dojrzałość i optymizm. Szukam mężczyzny, który chciałby iść przez życie wspólnie. Ktoś taki wie, co to odpowiedzialność. Szukam partnera, przyjaciela, kochanka. Czułego, odpowiedzialnego, zadbanego. Kogoś, przy kim mogłabym czuć się kochana, potrzebna i bezpieczna.* Женщины не обращают внимания на внешность и материальный статус потенциального спутника жизни: *Nie szukam księcia w lśniącej zbroi ani też milionera ze skłonnością do zawatu. Nie stawiam wymagań: wysoki szatyn czy średniego wzrostu blondyn. To nie jest najważniejsze. <...> nie szukam tzw. "przystojniaka". Nie szukam księcia z bajki.*

Сопоставительное исследование вербального конструирования гендерной идентичности в рамках брачного объявления показывает множественность ее проявления в реальной практике современного языкового существования. В то же время стереотипные схемы восприятия роли женщин кажутся настолько укоренившимися в нашем сознании, настолько естественными, что мы не отдаем себе отчета в их существовании, несмотря на то, что мир сильно изменился, что у женщин множество разных целей, что роль женщины и ее жизненное призвание не определяются только сквозь призму материнства. Гендерные стереотипы настолько укоренились, что кажутся вечными.

ЛИТЕРАТУРА

Акулова 2010 - Акулова Е.В. Жанр «Объявления о знакомстве»: гендерная и этнокультурная специфика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 19 с.

Здравомыслова, Темкина, 2006 - Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. История и современность: гендерный порядок в России. Гендер для «чайников». М.: Звенья, 2006. С. 55–83.

Зырянова 2009 - Зырянова И.Н. Гендерный аспект номинации лица в текстах брачных объявлений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 17 с.

Ильиных 2013 - Ильиных С.А. Типология фемининности с позиции гендерной социологии: аспекты власти и потребления // Вестник НГУЭУ. 2013. № 2. С. 45–57.

Караулов 1987 - Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

Кирилина, Томская 2005 - Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 112–132.

Рогалева 2005 - Рогалева О.С. Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005. 22 с.

Семенова 2006 - Семенова Д.В. Гендерный аспект концептуального анализа

лексем «мужчина» и «женщина»: на материале фразеологии английского, русского и кабардинских языков: дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006. 181 с.

Скляревская 2012 - *Скляревская Г.Н.* Лексика православия в современном русском языке: опыт лексикологического анализа и лексикографического описания // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2012. Т. 11, вып. 9. С. 36–40.

Шибанова 2004 - *Шибанова Е.А.* Концептуальное пространство брачных объявлений (на материале русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2004. 154 с.

Długosz 2001 - *Długosz K.* Słownictwo ogłoszeń towarzyskich i matrymonialnych. Współczesna leksyka // Red. K. Michalewski. C. 1. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. S. 64–75.

Kwinta 2010 - *Kwinta E.* Idealna kobieta, idealny mężczyzna w ogłoszeniach matrymonialnych // Język Polski. Organ Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego. 2010. № 4–5. S. 286–292.

Sobstyl 1996 - *Sobstyl K.* Socjolingwistyczna charakterystyka nadawcy w niemieckich i polskich ogłoszeniach towarzysko-matrymonialnych. Socjolingwistyka. № 15. S. 85–96.

Sobstyl 1998 - *Sobstyl K.* «Porzuć samotność» – illokucyjne aspekty w polskich ogłoszeniach towarzysko-matrymonialnych // Poradnik Językowy. Organ Towarzystwa Kultury Języka. № 6. S. 19–26.

Sobstyl 2001 - *Sobstyl K.* «Czego człowiekowi do szczęścia potrzeba?» – czyli jak zmienia się nasze spojrzenie na świat. Na podstawie ogłoszeń towarzysko-matrymonialnych // Poradnik Językowy. Organ Towarzystwa Kultury Języka. 2001. № 10. S. 36–41.

Sobstyl 2002a - *Sobstyl K.* Ogłoszenia towarzysko-matrymonialne w języku polskim i niemieckim: Studium pragmatolingwistyczne. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002a. 199 s.

Sobstyl 2002b - *Sobstyl K.* «Zapewniam kulturę, uczciwość i niezapomniane przeżycia» – czyli elementy perswazyjne w ogłoszeniach towarzysko matrymonialnych // Język polski: współczesność, historia / ed. W. Książek-Bryłowa, H. Duda. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 2002b. T. 3. S. 201–210.

Sobstyl 2013 - *Sobstyl K.* Ogłoszenia towarzysko-matrymonialne w okresie PRL i współcześnie // 70 lat współczesnej polszczyzny. Zjawiska, procesy, tendencje. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Janowi Mazurowi / ed. A. Dunin-Dudkowska, A. Małyska. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2013. S. 601–619.

Sobstyl 2016 - *Sobstyl K.* Przetamywanie tabu w ogłoszeniach towarzysko-matrymonialnych // Tabu w procesie globalizacji kultury / ed. A. Małyska, K. Sobstyl. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2016. S. 279–292.

Wojtak 1990 - *Wojtak M.* Z problematyki opisu stylu tekstów użytkowych na podstawie analizy ogłoszeń matrymonialnych // Poradnik Językowy. Organ Towarzystwa Kultury Języka. 1990. № 2. S. 79–87.

Zgótkowa, Zgółka 2000 - *Zgótkowa H. Zgółka T.* Świat wartości w leksyce ogłoszeń towarzyskich i matrymonialnych // Językowy obraz świata i kultura

/ ed. A. Dąbrowska, J. Anusiewicz. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2000. S. 328–332.

REFERENCES

Akulova, E.V. (2010) *Zhanr "Ob"yavleniya o znakomstve": gendernaya i etnokulturnaya specifika* ["Lonely hearts ad" as a genre: gender and ethnocultural specificity]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.

Zdravomyslova, E.A. & Temkina, A.A. (2006) *Istoriya i sovremennost: genderniy poryadok v Rossii. Gender dlya "chaynikov"* [History and Modernity: Gender Order in Russia. Gender for "dummies"]. Moscow: Zven'ya. pp. 55–83.

Zyryanova, I.N. (2009) *Gendernyy aspekt nominatsii litsa v tekstakh brachnykh ob"yavleniy* [The gender aspect of the nomination of a person in the texts of marital descriptions]. Abstract of Philology Cand. Diss. Irkutsk.

Ilynykh, S.A. (2013) Typology of feminineness in terms of gender sociology: aspects of power and consumption. *Vestnik NGUEU – Vestnik NSUEM*. 2. pp. 45–57 (In Russian).

Karaulov, Yu.N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian language and linguistic personality]. Moscow: Nauka.

Kirilina, A.V. & Tomskeya, M.V. (2005) Lingvisticheskiye gendernyye issledovaniya [Linguistic gender studies]. *Otechestvennyye zapiski*. 2. pp. 112–132.

Rogaleva, O.S. (2005) *Brachnoye ob"yavleniye kak rechevoy zhanr reklamnogo diskursa (kommunikativno-pragmaticheskiy i kognitivnyy aspekty)* [Marriage advertisement as a speech genre of advertising discourse (communicative-pragmatic and cognitive aspects)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.

Semenova, D.V. (2006) *Gendernyy aspekt kontseptual'nogo analiza leksem "muzhchina" i "zhenschchina": na materiale frazeologii angliyskogo, russkogo i kabardinskikh yazykov* [Gender aspect of conceptual analysis of the lexemes "man" and "woman": a case study of phraseology of English, Russian and Kabardian languages]. Philology Cand. Diss. Nalchik.

Sklyarevskaya, G.N. (2012) *Leksika pravoslaviya v sovremennom russkom yazyke: opyt leksikologicheskogo analiza i leksikograficheskogo opisaniya* [The vocabulary of Orthodoxy in the modern Russian language: the experience of lexicological analysis and lexicographical description]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya*. 11(9). pp. 36–40.

Shibanova, E.A. (2004) *Kontseptual'noye prostranstvo brachnykh ob"yavleniy (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov)* [Conceptual space of marriage announcements (in Russian and French languages)]. Philology Cand. Diss. Penza.

Łługosz, K. (2001) Słownictwo ogłoszeń towarzyskich i matrymonialnych [The vocabulary of personal and matrimonial advertisements]. In: Michalewski, K. (ed.) *Współczesna leksyka* [Modern Lexis]. Vol. 1. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. pp. 64–75.

Kwinta, E. (2010) Idealna kobieta, idealny mężczyzna w ogłoszeniach matrymonialnych [Ideal woman and ideal man in matrimonial advertisements].

Język Polski. Organ Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego. 4–5. pp. 286–292.

Sobstyl, K. (1996) Socjolingwistyczna charakterystyka nadawcy w niemieckich i polskich ogłoszeniach towarzysko-matrymonialnych [The sociolinguistic profile of the writer in German and Polish personal and matrimonial advertisements]. *Socjolingwistyka*. 15. pp. 85–96.

Sobstyl, K. (1998) "Porzuć samotność" – illokucyjne aspekty w polskich ogłoszeniach towarzysko-matrymonialnych ["Cast Away Your Solitude" – Illocutive Aspects in Polish Personal and Matrimonial Advertisements]. *Poradnik Językowy. Organ Towarzystwa Kultury Języka*. 6. pp. 19–26.

Sobstyl, K. (2001) "Czego człowiekowi do szczęścia potrzeba?" – czyli jak zmienia się nasze spojrzenie na świat. Na podstawie ogłoszeń towarzysko-matrymonialnych ["What Does a Person Need to Be Happy?" – or How the Way We View the World Changes – Based on Personal and Matrimonial Advertisements]. *Poradnik Językowy. Organ Towarzystwa Kultury Języka*. 10. pp. 36–41.

Sobstyl, K. (2002a) Ogłoszenia towarzysko-matrymonialne w języku polskim i niemieckim. Studium pragmatyngwistyczne [Personal and Matrimonial Advertisements in Polish and German. A Pragmalinguistic Study]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.

Sobstyl, K. (2002b) "Zapewniam kulturę, uczciwość i niezapomniane przeżycia" – czyli elementy perswazyjne w ogłoszeniach towarzysko-matrymonialnych ["I Guarantee Good Manners, Honesty and Unforgettable Experiences" – or Persuasive Elements in Personal and Matrimonial Advertisements]. In: Książek-Bryłowa, W. & Duda, H. (eds) *Język polski: współczesność, historia* [The Polish Language: The Present and the History]. Vol. 3. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. pp. 201–210.

Sobstyl, K. (2003) Jak mówimy o samotności? Na podstawie ofert zamieszczonych w "Niedzieli" [How Do We Speak About Solitude? Based on Personal Advertisements Published in the "Sunday"]. In: Książek-Bryłowa, W. & Duda, H. (eds) *Język polski: współczesność, historia* [The Polish Language: The Present and the History]. Vol. 4. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. pp. 137–146.

Sobstyl, K. (2016) Przełamywanie tabu w ogłoszeniach towarzysko-matrymonialnych [Breaking taboos in personal and matrimonial advertisements]. In: Małycka, A. & Sobstyl, K. (eds) *Tabu w procesie globalizacji kultury* [The Taboo in the Process of Globalizing Culture]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. pp. 279–292.

Wojtak, M. (1990) Z problematyki opisu stylu tekstów użytkowych na podstawie analizy ogłoszeń matrymonialnych [Some issues related to the stylistic description of functional texts; based on an analysis of matrimonial advertisements]. *Poradnik Językowy. Organ Towarzystwa Kultury Języka*. Nr. 2. pp. 79–87.

Zgótkowa, H. & Zgótko, T. (2000) Świat wartości w leksyce ogłoszeń towarzyskich i matrymonialnych [The world of values in the lexis of personal and matrimonial advertisements]. In: Dąbrowska, A. & Anusiewicz, J. (eds) *Językowy obraz świata i kultura* [The Linguistic Picture of the World and Its Relation to Culture]. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. pp. 328–332.

Вепрева Ирина Трофимовна – доктор филологических наук, завкафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета (Россия).

Irina T. Vepreva – The Ural Federal University (Russia).

E-mail: irina_vepreva@mail.ru

Пазио-Влазловская Дорота – кандидат гуманитарных наук, заместитель директора Института славистики Польской академии наук (Польша).

Dorota Pazio-Włazłowska – Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences (Poland).

E-mail: d.pazio@ispan.waw.pl

УДК 811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/14

DÁME SI PIVKO NEBO ČAJÍČEK? ЖАНРОВЫЕ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИМИНУТИВОВ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Ю.В. Филь¹, З.И. Резанова²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: 2fil@inbox.ru

²E-mail: rezanovazi@mail.ru

Авторское резюме

В статье характеризуется варьирование прагматических функций диминутивов в славянской речи. Исследование основывается на положениях теории лингвистической относительности, теории дискурса, функциональной теории словообразования и дескриптивных исследованиях славянской языковой картины мира. Выявляется спектр прагматических аспектов семантики диминутивов, контекстных и конситуативных условий актуализации единиц данной группы. Проводится сравнительный анализ их реализации в двух славянских языках: русском и чешском. В качестве конкретного материала анализа избраны контексты функционирования единиц тематической группы «напитки» *чаек* и *пивко*, *pivko* и *čajiček*. Источник анализа – данные Национального корпуса русского языка и Чешского национального корпуса. В результате исследования выявляются и характеризуются обусловленность конкретизации семантики и функций диминутивов, их дискурсивно-жанровая закреплённость наличием традиций чаепития в русской культуре и угощения пивом в чешской и, напротив, отсутствием культурно закреплённой длительной традиции питья и угощения пивом в России и чая – в Чехии. Различие культурных влияний проявляется в варьировании частотности использования слов *чаек* и *пивко*, *pivko* и *čajiček*, а также в варьировании денотативного и прагматического компонентов семантики исследуемых лексем.

Ключевые слова: диминутив, русский язык, чешский язык, жанры, типы речи.

DÁME SI PIVKO NEBO ČAJÍČEK? GENRE AND CONTEXTUAL CONDITIONS OF DIMINUTIVES USE IN RUSSIAN AND CZECH LANGUAGES

Y.V. Fil¹, Z.I. Rezanova²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: 2fil@inbox.ru

²E-mail: rezanovazi@mail.ru

Abstract

The article describes the variation of diminutives pragmatic functions in Slavonic speech. The study is based on the ideas of linguistic relativity, discourse theory, functional theory of word formation and descriptive studies of the Slavic language picture of the world. The authors reveal a range of pragmatic aspects of the semantics of diminutives, contextual and con-situational conditions for the actualisation of group units. A comparative analysis of their implementation in Russian and Czech is based on the functioning contexts of the units of the thematic group “beverages” “*чаек*” and “*пивко*”, “*пивко*” and “*čajiček*”. The data of the National Corps of the Russian language and the Czech National Corps are used as the source of the analysis. The authors determine and describe conditionality of concretisation of semantics and functions of diminutives, their discursive-genre fixation by the tradition of “*chaepitie*” (tea drinking) in Russian culture and beer catering in Czech and, on the contrary, the lack of a culturally fixed long tradition of drinking and serving beer in Russia and tea in the Czech Republic. The difference in cultural influences is manifested in the variable frequency of using “*чаек*” and “*пивко*”, “*пивко*” and “*čajiček*” and also in the variation of the denotative and pragmatic components of the lexemes’ semantics.

Keywords: diminutive, Russian, Czech, genres, types of speech.

Развитое диминутивное словообразование – яркая отличительная особенность деривационной подсистемы русского языка, что неоднократно отмечалось в литературе (Земская 1979; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981; Вежбицкая 1996 и др.). Заметим, что эта особенность объединяет русский язык с другими славянскими языками и в значительной степени отличает славянские языки от деривационных систем иных индоевропейских и неиндоевропей-

ских языков, например тюркских. В российской научной традиции охарактеризованы яркие отличительные черты славянских диминутивных суффиксов:

1) функционально-семантический синкретизм: совмещение элементов дескрипции, рациональной («*меньше нормы*») и эмоциональной («*хорошо*» vs «*плохо*») оценки;

2) возможность варьирования каждого из компонентов синкретичной семантики (рационально-оценочный компонент: меньше по размеру (*домик*), по количеству (*попьем чайку! положить каши?*), по интенсивности (*ветерок дует, утренняя пробежка, снежок идет*), по социальной значимости (*что ты мне бумажки суешь?*), по субъективной, ситуативной значимости (*загляну на часок?*); прагматический компонент, эмоционально-оценочный (ласкательность, одобрение, снисходительность, пренебрежительность и т. п., интенсивность (в соединении другими элементами текста));

3) обусловленность варьирования компонентов семантики влиянием внутрисловного и внешнего контекстов. Под внутрисловным контекстом понимается семантический тип производящей основы, также значимо противопоставление «конкретно предметная семантика vs семантика времени vs вещества vs события». Влияние внешнего контекста подразумевает влияние семантики единиц в пределах высказывания – влияние интенций автора текста, влияние дискурсивных и жанровых моделей коммуникации (см., напр.: Резанова 2005; Резанова 2017).

В данной статье мы продолжаем исследовать влияние конситуативных факторов на реализацию диминутивной семантики, расширяя границы до жанровых и далее дискурсивных факторов, исследуя «этнокультурно обусловленные типовые социальные ситуации» как прототипические ситуации порождения и активного использования данных единиц. Эта задача может решаться только с привлечением материала разных языков. В представляемой статье мы сравниваем использование единиц с тождественным денотативным значением в русском и чешском языках. Конкретным материалом анализа послужили диминутивы, называющие напитки *чаек* и *пивко* (рус.) и *pivko* и *čajíček* (чеш.). Мы рассматриваем влияние типовых моделей коммуникации, порождаемых в типовых этнокультурно обусловленных социальных ситуациях.

Основными источниками анализа послужили данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (<http://www.ruscorpora.ru/>) и Českého národního korpusu (ČNK) (<https://www.korpus.cz/>)¹, являющихся сбалансированными корпусами, репрезентативно представляющими письменные формы коммуникации на соответствующих языках. Они позволяют не

только проследить распределение отдельных форм исследуемых дериватов по формам речи (мы противопоставляем диалогическую речь и нарративы), типичные ситуации использования, типичные речевые жанры (РЖ), речевые акты, типичные контексты (лексическая, лексико-грамматическая сочетаемость), но и провести количественный анализ, выявляющий тенденции, динамику функционального распределения единиц в синхронии и микродиахронии в рассматриваемых языках².

Семантика словообразовательного суффикса анализируемых единиц, образованных от имен со значением вещества, имеет два смысловых центра: собственно оценочный «немного, небольшое количество» и прагматический – выражение отношения говорящего к предмету, через его посредство – к адресату, всей ситуации общения. Диминутивы этого класса проявляют наибольшую степень контекстуальной зависимости реализации семантики.

Итак, мы сравниваем контексты актуализации единиц *чаек* и *пивко* в русском и аналогичных им единиц в чешском: *чаек* ↔ *пивко*, *чаек* ↔ *čajíček*, *пивко* ↔ *pívko* и *čajíček* ↔ *pívko*.

I. Русский язык

Количественный анализ

Проведенное сравнение вхождений в основном корпусе диминутивных форм *чаек* и *пивко* в НКРЯ свидетельствует о значительной функциональной асимметрии данных единиц в русском языке.

Нами были проанализированы контексты использования данных форм, представленные в НКРЯ. На запрос *чаек* в НКРЯ во всех грамматических формах найдено 2 136 документов, 5 487 вхождений, на запрос формы *чайку* – 953 документа, 1 669 вхождений (НКРЯ). Однако в анализируемом фрагменте корпуса омонимия не снята, поэтому мы определили количественное соотношение анализируемых форм и омоформов в первых 500 документах, состав которых нами был проанализирован. В них было представлено 764 использования (вхождения) единиц, исключение из состава омонимичных форм привело к выделению группы актуализованных 582 форм, т. е. соотношение 3:1. Из первых 478 (300 документов) число вхождений диминутива *чаек* – 163, в то время как омонимичных форм (р. п. от *чайка* (птица), «*Чайка*» (марка машины), *Чайка* (фамилия российского чиновника)) – 315, соотношение 1:2. Т. е. мы можем предположить, что в целом корпусе, за исключением омонимов, будет около 3 600 вхождений (актуализаций) диминутива *чайку* от *чай*.

Уточним, что на запрос *чай* найдено 7 212 документов, 44 384 вхождения; на запрос *пиво* – 3 634 документа, 11 738 вхождений.

В это же время на запрос лексики *пивко* получено 277 документов, 432 вхождения, формы *пивка* – 200 документов, 279 вхождений, фор-

мы *пивку* – 10 документов, 11 вхождений. Были проанализированы все контексты.

Таким образом, мы наблюдаем многократное преобладание использования форм *чаек* и *чайку* над *пивко* и *пивку*.

Качественный анализ

Анализ контекстов употребления форм *чаек* и *чайку* показал, что, в то время как *чаек* используется преимущественно в нарративах, сфера преимущественного использования *чайку* в форме второго родительного падежа, обозначающего «некоторое количество соответствующего предмета», – диалогическая речь (220 к 362). При этом в нарративах частотны позиции в косвенной речи.

Охарактеризуем сначала использование диминутивов *чайку* в диалогах. Отмечается безусловное доминирование диалоговых реплик, связанных с ситуацией угощения. В ситуацию угощения, представляемую с использованием диминутива *чайку*, вовлечены два основных субъекта (тот, кто угощает, и тот, кого угощают), периферийно вовлекается третий, который относится к ситуации как персона помогающая, обслуживающая ритуальный акт угощения. В коммуникативной ситуации угощения отмечаем три типовых варианта с использованием диминутивной формы *чайку*.

1. Угощение, где субъект речи – тот, кто угощает: – *Вам уж ехать скоро, может, чайку на дорожку?* (М. Кучерская); «*Точно, сумасшедшая*», – *подумала Вета. – Чайку будешь?* – *спросила старушка* (М. Трауб)³.

2. Просьба об угощении, где субъект речи – тот, кого угощают: *Дорогая, чайку бы мне чашечку, а если найдется печеньице, то и печеньица...* (Н. Берберова).

3. Просьба о помощи, где субъект речи – тот, кто угощает, просьба обращена к третьему лицу: *Давай, Женечка, спроворь чайку*, – *благодарно сказал хозяин и, сыто отрыгнув, откинулся на спинку мягкого стула* (Д. Корецкий).

Доминирующий вариант актуализации рационально-оценочного компонента – семантика небольшого количества, один из способов выражения смыслов смягчительности, характерных для русской речи, для которой в целом значимы параметры меры и степени при обозначении денотатов разных типов – как именных (*курточка, столбик, красноватый, бледненький* и т. п.), так и глагольных (*приотстать, подзаработать* и т. п.).

Доминирующая прагматическая функция диминутива – создание положительного эмоционального фона коммуникации. Как мы отмечали ранее, одно из ведущих средств в данном случае – использование диминутивных форм с косвенной референцией прагматики. Диминутивная форма обозначения предмета является одним из средств

выражения положительного отношения к партнеру, адресату речи, что в речевом акте угощения способствует созданию положительного эмоционального фона в качестве основания волевого воздействия. Данная прагматическая направленность формируется комплексом лексических, грамматических, лексико-грамматических средств (реализуются они во всех ситуациях, в РЖ – угощения и просьбы (1, 2)):

а) актуализация смысла «немного, небольшое количество» подкрепляется значением формы второго родительного падежа *чайку* «некоторое количество соответствующего предмета», сочетанием с предикатами смягчительного способа действия: *А... Тогда пошли, чайку попьем. Они устроились на кухне* (М. Зосимкина); *Все не важно и не имеет значения, кроме исторической целесообразности, – запомни это, тетя Паша, и плесни, пожалуйста, еще чайку* (Ю. Трифонов);

б) смягчительность может усиливаться за счет использования вводного слова *может (может быть)* в значении неуверенного подтверждения: *Вам уж ехать скоро, может, чайку на дорожку?* (М. Кучерская);

в) положительная эмоциональность, выраженная диминутивом, поддерживается лексемами с положительной оценочностью, нанизыванием диминутивных форм: *Сподобилась наконец? – Может, чайку горячего, с лимончиком? Кофейку с коньячком?* (М. Палей).

Речевой жанр угощения может быть реализован как прямой и как косвенный речевой акт. Как известно, в прямом речевом акте иллюкуция (прагматическая цель) выражена непосредственно, формально, доминирующим средством ее выражения является грамматическая форма предиката в повелительном наклонении (2 л. ед. и мн. ч.): – *Посидите с нами, хоть чайку попейте* (М. Трауб); а также вежливая форма совместного действия (1 л. мн. ч.): – *Давайте чайку выпьем с бутербродами, я как раз утром колбаски свеженькой купила* (А. Маринина).

Стереотипность конструкции и законы неформального общения обуславливают возможность опущения предиката: *А может, зайдете? Не водочки, так чайку? Не прибрано только у нас, вы уж извините...; – А к нам? Чайку? – В другой раз, спасибо* (И. Грекова).

Косвенные речевые акты угощения и просьбы могут быть выражены следующим образом:

а) вопрос о желании или возможности совершить действие: *Да не хочешь ли ко мне сперва чайку зайти напиться?* (И. С. Тургенев); *Вот такая большая мужская мечта. Чайку нальешь?* (М. Зосимкина); *Когда я у них жила, Петя без конца просил: Валентина, не дадите ли мне чайку?* (А. Терехов);

б) угощение как описание действия в ближайшем будущем: *Сейчас чайку попьем, вам сил прибавится. Меня Ксенией зовут, – представилась* (В. Михальский);

в) просьба с использованием предиката в сослагательном наклонении: *Хорошо бы чайку попить из самовара с крыжовенным вареньем...* (Е. Парнов).

В нарративы РЖ угощение переходит в виде:

а) рассказов о ситуации чаепития: *Вскипятил себе чайку, поел копченого тайменя, пряников, включил наш маленький батарейный приемник и завалился на рундук* (В. Аксенов); *Русский офисный досуг навроде «попить чайку с печеньками» показался бы им полным бредом* (А. Старобинец);

б) пересказов жанров приглашения, угощения и просьбы: *Тетка встретила меня чрезвычайно приветливо и стала уговаривать выпить чайку и подождать – «да она вот-вот вернется»* (В. Белоусова); *Я на кухню пошла чайку попросить с лимоном, а ихний шеф говорит...* (М. Зосимкина).

Анализ текстовых актуализаций форм *пивко, пивка*, несмотря на их количественно значительно меньшую представленность, обнаруживает как общие закономерности ситуативно-жанровых и собственно контекстных условий актуализации, так и определенное своеобразие. Как и в контекстах использования *чайку*, семантика неполноты, незначительности поддерживается в контексте использования лексики *пивка* глаголами однократного и смягчительно-ограничительного способов действия (*хлебнуть пивка, попить пивко, потягивать пивко*), нанизыванием диминутивов: *Попыхтел еще чуть-чуть, хлебнул пивка и уже вполне миролюбиво добавил...* (М. Зосимкина); *Постой, Захарыч, я только хлебну тут из холодильника пивка, а то вчера до ночи с ребятами...* (Д. Рубина); *Ну, пришли мои друзья посидеть, пивка попить, покататься – у нас же тут, поскольку горы и дожди, гольф-кары ездят не прямо по газону, а по специальным асфальтовым дорожкам* (П. Бурмистров); *Алик только успевал загружать стол графинчиками, пивком, селедочкой, соляночкой и пр.* (В. Аксенов).

В жанре угощения и жанре просьбы диминутив *пивко* реализуются через косвенный речевой акт: *Агаемнон внес два складных стула. «Пивка вам притащить, ребята?» – «Не помешает», – сухо сказал Тих* (В. Аксенов); *Слышь, кореш, – схватил его за рукав небритый хмырь с синяком под глазом. – Угостишь пивком, как оформимся? Ни копы не осталось, а трубы горят!* (Д. Корецкий).

На смену РЖ угощения в качестве доминирующего контекста диминутива *чайку* приходит РЖ приглашения как типовой контекст реализации *пивка*: *Может, посидим где? Пивка, рыбки... а? Я развел руками* (А. Волос).

II. Чешский язык

Исследование аналогичных русским диминутивам чешских единиц и ситуаций их использования дает возможность наблюдать контек-

стуальное варьирование данных единиц в чешском языке, обусловленное жанровыми и этнокультурными факторами.

Количественный анализ

Обращение к данным Чешского народного корпуса дало следующие результаты. На запрос *čajík* в открытом чешском корпусе SYN2015 было получено 5 документов, 5 вхождений искомой лексемы, на запрос *čajíček* – 23 документа, 28 вхождений (ČNK). Отметим, что количество вхождений форм *čaj* составляет 6 749, 758 документов, что свидетельствует о незначительной активности диминутива по сравнению с исходной лексемой. Иную картину наблюдаем в отношении диминутива *pívko*. На запрос *pívko* было получено 62 документа, 112 вхождений; на запрос *pivo* – 763 документа, 10 540 использований. Нами были проанализированы все контексты с чешскими диминутивами *čajík*, *čajíček*, *pívko*.

Сопоставление указанных чешских единиц демонстрирует явное преобладание форм *pívko* над *čajíček* (а также *čajík*) – 4:1, а также лексемы *pivo* над лексемой *čaj* – 3:2.

Качественный анализ

Анализ контекстов употребления форм *čajíček* (реже *čajík*) показал, что данные формы зафиксированы в преобладающем большинстве в нарративах: *A zas mlsáme čajíček, keksy, toast se salámem* (Bradbury Ray); *Do omrzení omíláte mantru “ve zdravém těle zdravý duch”. Vaříte si čajíčky, pročišťující tělo i mysl...* (McKinnon Gina). При этом (в отличие от русской аналогичной лексемы) чешский диминутив *čajíček* практически не связан с ситуацией угощения: *Ustaraný hypochondr s věčným kašlíkem a čajíkem od mámy, pán, co mi vařil hlavu pět let, než usoudil...* (Kocábová Natálie); *Přecházel jsem to, byl jsem slabej jako čajíček a nemohl dýchat,* – říkal (Aha!). Следует заметить, что лексема *čaj*, несмотря на малочисленность подобных контекстов, используется в нарративах, представленных пересказами жанра приглашения, угощения и просьбы: *Pokaždé, když šel kolem jejich domu, vybíhala na zápraží a volala: “Pane učiteli, nezajdete na čaj?”* (Gao Xingjian); *“A ty nám uděláš čaj, že”* Vyznělo to jako velký ústupek... (Parkkinen Leena). При этом многие из таких контекстов представлены в чешских переводах иноязычных текстов (чаще английских или китайских).

По всей видимости, объяснение низкой частотности как диминутивной, так и производной единицы связано с тем, что для чешской культуры в меньшей степени характерна традиция чаепития, чем для русской, в том числе приглашение на чай, угощение чаем, в отличие от приглашения выпить пиво, пивко. Чешский диминутив *čajíček* используется в ситуациях, только косвенно связанных с употреблением чая: *Kdysi z toho byli lidé nadšení, jak je to odvážný a vtipný. Dneska už*

to je čajíček (Týden); *Proti tomu je George Alexander Louis, jak se jmenuje nový přírůstek britské královské rodiny, slabý čajíček* (Týden); *Co se dělo klukům na katolických školách v té době v Irsku, Rakousku a Německu a za co se teď papež Benedikt musí omlouvat, tak to byl čajíček* (Brycz Pavel).

В приведенных контекстах актуализируется значение неполноты признака, что, по-видимому, отражает мнение чехов о качестве данного напитка. Указанное значение подкрепляется контекстом через употребление прилагательных со смягчительной семантикой: *čajíček slabý, čajíček neškodný* (слабый, безвредный, невинный чаек и т.д.). Переносное значение единицы реализуется и через постоянную оппозицию *segodnja – včera*, в которой сегодня отождествляется с объектом, выраженным диминутивом, «заменяется» на него, за счет чего негативно оценивается: происходящее сегодня – это только слабое проявление того, что было вчера. Собственно оценочный и прагматический компоненты семантики диминутива, отражавшиеся в его прямом значении, сохраняются и в переносном. Показателен в этом отношении следующий пример, в котором демонстрируется незначительность денотата (в данном случае – музыки, утратившей былую энергию), выраженного диминутивной единицей и соотносимого со слабым китайским чайком: *Řečeno labužnickou metaforou: je to příjemně aromatický, ale slabý čínský čajíček servírovaný v dekorativním porcelánu* (Respekt). Как представляется, в этом случае диминутив «эксплицирует свойства и качества денотатов, их связи и отношения, функциональную нагрузку, а главное – их значимость для носителей языка» (Вендина 1998: 10).

Отметим, что, в отличие от русского диминутива, чешский аналог реализуется в жанре совета, рекомендации: *Ča jíčky: Osvědčený je fenyklový čaj, který může pít jak maminka, tak i dítě* (Моje rodina). Так, в журнале «Моя семья» рекомендуется употреблять фенхелевый чай, который можно пить как матери, так и ребенку. Подобное употребление чешского диминутива зафиксировано и в нарративах с описанием ситуации совета, рекомендации *Léčitelka Kubičkoví dala čajíčky, doporučila mu speciální dechové cvičení... Po čajíčcích bolel Kubička žaludek* (Valášek Karel), но уже с пейоративной оценкой. При этом речь идет о денотативно ином напитке, чем русский чаек, это лечебные, травяные и фруктовые чаи. Представляется значимым, что в большинстве случаев из-за разного семантического потенциала сопоставляемых диминутивов чаек и *čajíček* русский перевод чешского контекста посредством диминутивной единицы был бы не эквивалентным и неуместным: *léčebné čajíčky ~ лечебные чаи*.

Анализ контекстов на запрос диминутива *pívko* демонстрирует принципиально иную картину как в сравнении с аналогичным русским диминутивом, так и в сравнении с чешским диминутивом *čajíček*.

Прежде всего, как и в случае с русским *чаек*, доминирует актуализация рационально-оценочного компонента с ярко выраженным преобладанием положительного эмоционального фона коммуникации, который и создается использованием диминутивных форм *pívko*, а также *pivíčko* (данная форма не зафиксирована в корпусе, однако используется в чешском разговорном дискурсе, как правило, в ситуации предложения, угощения в кафе, пабе).

Прагматическая направленность чешского диминутива, на наш взгляд, обусловлена прежде всего этнокультурным фактором: пиво – чешский национальный напиток, любимый и почитаемый чехами. В Чехии сложилась давняя традиция употребления этого напитка, которое сопровождается как неспешными разговорами о жизни, так и просмотром спортивных состязаний: *“Ještě pívko?” zaslechla Alena pana Dvořáka, když odcházela* (Szalaiová Romana); *“My jsme si včera zašli na pívko, aby se nám dnes lépe šlo”*, prozradil Marek Pospíšil z Velkého Meziříčí (Regionální týdeník); *Můžem jít na bowling, tady vedle je fajnový centrum, OK, dáme si pívko, pokecáme o životě...* (Kocábová Natálie).

Среди рассмотренных контекстов отмечается преимущественное доминирование нарративов, описывающих ситуации, связанные с предложением выпить пиво, угостить пивом (заплатить за пиво), зайти на пиво, в которых, как и в случае с русским *чаек*, представлены 2 (иногда 3) субъекта: тот, кто приглашает зайти выпить пиво и, как следствие, платит за напиток; тот, кого угощают, а также тот, кто обслуживает это действие, – как правило, официант в кафе.

Контексты использования диминутивной формы *pívko* указывают на преобладающую положительную оценку напитка: *Dať se s náma do řeči a pozval nás na pívko* (Alvarez Sergio); *Chutnalo báječně, k tomu točené pívko, není co dodat...* Dobrou chuť! (Moje rodina); *“Občas si dám dobré točené pívko...”* (Sport). Указанная оценка поддерживается контекстно через использование устойчивых глагольных сочетаний типа *zajít na pívko*, *dát si pívko* и других лексем с положительной оценочностью: *dobré* (хорошее), *báječně* (сказочно) и т. п.

Характеристика пива переносится и на всю ситуацию его употребления, положительная эмоциональность, выраженная диминутивом, поддерживается внутри контекста единицами, создающими положительный образ чешской традиции «пивопития»: *V pátek jsem si navyknul chodit na pívko do místní vesnické hospody a z lidí, které jsem tam potkával, se stali kamarádi* (Žvábek Jaroslav); *Vždy jsme byli tak trochu do sebe zahledění hobiti, kteří mají rádi své pohodlí a pívko a kteří se moc nestarají, co se děje venku* (Respekt). Так, люди, с которыми чехи встречаются в местном пабе и пьют пиво, становятся друзьями, любящими покой и пиво.

Здесь наблюдается преобладание эмоциональной оценки над рациональной, семантика неполноты у этого диминутива выражена гораздо в меньшей степени, чем у лексемы *čajíček*.

Следует отметить еще одну особенность использования диминутива *pívko*: указание на единичность (несмотря на вещественность значения) обозначаемого денотата, его порционность (бокал, стакан), метонимически обусловленную использованием диминутива в жанре предложения, приглашения. Это связано с большей порционностью соответствующего напитка (в отличие от чая в русской лингвокультуре) и особенностью самого жанра приглашения на пиво в чешской культуре: каждой порции пива ведется счет, за нее необходимо будет заплатить. В этих случаях диминутивные лексемы поддерживаются использованием счетных единиц: *Jdeme si sednout na dvě tři pívka* (Deníky Moravia); *Tatka vedle mě už do sebe hodil první pívko* (Barbery Muriel).

Таким образом, анализ корпусных данных свидетельствует об этнокультурной обусловленности рассмотренных диминутивов, однако лексемы *pívko* и *čajíček* (а также *pivo* и *čaj*) характеризуются разной частотой употребления, что объясняется различными ситуациями их использования, этнокультурной спецификой самих жанров, порождающих их.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что проведенное исследование русских и чешских диминутивных единиц, называющих напитки, продемонстрировало вариативность их функционально-семантического потенциала, зависимость от контекста и преобладание прагматического компонента значения как русских, так и чешских диминутивов. При этом обращение к данным русского и чешского корпусов выявило значительные расхождения в рамках каждого из сопоставляемых языков в отношении исследуемых единиц:

1. Количественное преобладание русского диминутива *чаек* по сравнению с *пивко* и чешского *pívko* по сравнению с *čajíček*, а также явное преобладание русской единицы *чаек* по сравнению с чешской *čajíček* и предполагаемое преобладание чешской единицы *pívko* над русской *пивко*.

2. В качестве «этнокультурно обусловленных типовых социальных ситуаций», в которых актуализируются диминутивы, в русском языке выделяются ситуации угощения, приглашения и просьбы, в нарративах – рассказы о ситуации чаепития, описания жанров приглашения, угощения и просьбы. В чешском языке преобладает использование диминутивов в жанрах совета, рекомендации (для *čajíček*), в нарративах с описанием жанров приглашения (для *pívko*).

3. Отмечены различия в денотативных компонентах семантики исследуемых лексем в русском и чешском языках (*пригласить на чаек* – *фруктовый чай*).

4. Наблюдается преобладание общего положительного эмоционального фона коммуникации в контекстах с использованием русской единицы *чаек* и чешской *pivko* и отрицательного фона в контекстах с чешским диминутивом *čajíček*. Особенности выявленной вариативности объясняются культурно закрепленными традициями питья чая и угощения им в России и «пивопития» в Чехии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Объем национального корпуса русского языка (НКРЯ): 115 645 документов, 23 803 881 предложение, 283 431 966 слов; объем открытого (доступного) корпуса современного чешского языка (ČNK): 3 376 документов, 8 004 732 предложения, 1 751 599 слов.

2. Об использовании корпусных данных в сопоставительных исследованиях, в исследованиях семантики и условий функционирования диминутивов см.: Воейкова 2009; Добровольский 2009; Нагель 2015 и др.

3. Здесь и далее контексты приводятся в соответствии с типом их представления в НКРЯ и ČNK.

ЛИТЕРАТУРА

Вежбицкая 1996 - Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. 411 с.
Вендина 1998 - Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с. (Библиотека Института славяноведения РАН, 10).

Воейкова 2009 - Воейкова М.Д. Проблемы использования подкорпуса устной разговорной речи (на примере анализа русских диминутивов) // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 353–373.

Добровольский 2009 - Добровольский Д.О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 383–401.

Земская 1979 - Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979. 240 с.

Земская, Китайгородская, Ширяев 1981 - Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. 276 с.

Нагель 2015 - Нагель О.В. Деривационная специфика наименований лица в славянских языках (на материале параллельного подкорпуса НКРЯ) // Русин. 2015. № 3 (41). С. 226–240.

НКРЯ - Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: <http://www.ruscorgpora.ru> (дата обращения: 28.01.2018).

Резанова 2005 - Резанова З.И. Именная диминутивная деривация в механизмах выражения оценки // Картины русского мира: Аксиология в языке и тексте. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 194–231.

Резанова 2017 - Резанова З.И. Субъективные образы времени в современных славянских языках: диминутивные модели // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 161–173. DOI: 10.17223/18137083/60/14

ČNK - Český národní korpus (ČNK). URL: <https://www.korpus.cz> (дата обращения: 27.04.2018).

REFERENCES

Wierzbicka, A (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznaniye* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkiiye slovari.

Vendina, T.I. (1998) *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian language picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)]. Moscow: Indrik.

Voeikova, M.D. (2009) Problemy ispol'zovaniya podkorpusa ustnoy razgovornoy rechi (na primere analiza russkikh diminutivov) [Problems of using the subcorpus of oral colloquial speech (the analysis of Russian diminutives)]. In: Rakhlina, E.V. et al. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novyye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New results and prospects]. St. Petersburg: [s.n.], pp. 353–373.

Dobrovolskiy, D.O. (2009) Korpus parallel'nykh tekstov v issledovanii kul'turno-spetsifichnoy leksiki [The corpus of parallel texts in the study of cultural-specific vocabulary]. In: Rakhlina, E.V. et al. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novyye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New results and prospects]. St. Petersburg: [s.n.], pp. 383–401.

Zemskaya, E.A. (1979) *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya* [Russian colloquial speech: linguistic analysis and learning problems]. Moscow: Russkiy yazyk.

Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.V. & Shiryayev, E.N. (1981) *Russkaya razgovornaya rech': Obshchiye voprosy. Slovoobrazovaniye. Sintaksis* [Russian colloquial speech: General problems. Word formation. Syntax]. Moscow: Nauka.

Nagel, O.V. (2015) Derivation Peculiarities of Nominal Nouns in Slavic Languages (Based on the Parallel Subcorpus of the National Russian Corpus). *Rusin*. 3(41). pp. 226–240 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/41/16

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYA) [Russian National Corpus]. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru> (Accessed: 28th January 2018).

Rezanova, Z.I. (2005) Imennaya diminutivnaya derivatsiya v mekhanizmax vyrazheniya otsenki [The nominal diminutive derivation in the evaluation expression mechanisms]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: Aksiologiya*

vazyke i tekste [Pictures of the Russian World: Axiology in Language and Text]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 194–231.

Rezanova, Z.I. (2017) Subjective images of time in modern Slavic languages: diminutive models. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 161–173 (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/60/14

Český národní korpus [Czech National Corpus]. [Online] Available from: <https://www.korpus.cz> (Accessed: 27th April 2018).

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Yulia V. Fil – Tomsk State University (Russia).

E-mail: 2fil@inbox.ru

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Zoya I. Rezanova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

УДК 811.162.4

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/15

НОВООБРАЗОВАНИЯ НА БАЗЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ МАЙДАН В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Д. Саболова

Пряшевский университет в Пряшеве – Институт русистики
Словакия, 08001, г. Пряшев, ул. 17 ноября, 1
E-mail: d_s@centrum.sk

Авторское резюме

Дан анализ лексической единицы 'майдан' общественно-политического дискурса, активно встречающейся в словацком интернет-пространстве. Данная единица представляет собой одно из ключевых слов последних лет, причем распространение получила не лексическая единица с первичным пространственным значением, а ее семантический дериват с событийным значением. Именно он стал производящей основой для образования целого ряда новых лексических единиц, формирующих словообразовательное гнездо. Этот процесс проходил как в русском, так и в словацком языке. Несмотря на тот факт, что данная единица в качестве имени нарицательного была ранее неизвестна носителям словацкого языка, после политических событий, происходивших на майдане Незалежности в Киеве, она стала базой для формирования словообразовательного гнезда, насчитывающего около 40 единиц. Наиболее обширным в словацком языке является его субстантивный блок (15 лексических единиц), включающий в себя названия лиц, а также абстрактные существительные. Следующий по численности дериватов глагольный блок (12) содержит глаголы, образованные при помощи словацких формантов. Глаголы эти сами стали базой для новых единиц, образованных префиксальным способом. Последнюю группу представляют адъективы (10), выражающие значение 'относящийся к', и их дальнейшие префиксальные дериваты. Что касается словообразовательных процессов, можно констатировать, что в рассматриваемом словообразовательном гнезде превалируют суффиксация (15 лексических единиц) и префиксация (12), реже встречается сложение (4) и конфикация – лишь один случай.

Ключевые слова: новообразование, лексическая единица, майдан, словообразование, словообразовательное гнездо, интернет-дискурс, словацкий язык.

NEOLOGISMS ON THE BASE OF THE LEXICAL UNIT *MAIDAN* IN THE INTERNET

D. Sabolova

University of Prešov – Institute of Russian Studies
17th November Street, Prešov, 08001, Slovakia
E-mail: d_s@centrum.sk

Abstract

The paper provides an analysis of the socio-political lexical unit 'maidan' – one of the keywords in the Slovak internet space in the 21st century. It should be noted that the primary spatial meaning of the unit is not so popular as its semantic derivative with an event meaning, which has become the basis for a series of new lexical units that form a word-building nest. This process can be observed in both Russian and Slovak languages. Although this unit as a common noun was previously unknown to the speakers of the Slovak language, the political events on the Independence Square in Kyiv made it the basis for the formation of a word-building nest with about 40 units. The most extensive in the Slovak language is its substantive block (15 lexical units), which includes names of people as well as abstract nouns. The verbal block consists of 12 derivatives, formed with the help of Slovak formants. These verbs themselves have become the basis for new units formed in a prefix way. The last group includes adjectives (10) with the meaning 'relating to', and their further prefixal derivatives. As for the word-forming processes, it can be stated that suffixation (15 lexical units) and prefixation (12) prevail in the word-formation nest in question, while addition (4) is less common, and confusion is found only in one case.

Keywords: new coinages, lexical unit, maidan, word formation, word-formation nest, Internet discourse, Slovak language.

Политические события последних лет привлекли внимание к рассматриваемой нами лексической единице *майдан*, которая является одной из наиболее частотных единиц общественно-политической коммуникации начала XXI в. в славяноязычном интернет-пространстве.

В современной лингвистике ключевыми принято называть слова, которые обозначают явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания (Земская 2000: 92). Этому определению, бесспорно, соответствует лексема *майдан*. Данная единица является заимствованием из тюркских языков с первичным значением '*ровное, свободное место*'. Она прошла в русском языке путь семантического развития, и

в результате закрепились следующие значения: «В южных областях России, на Украине: площадь, где происходят сходки, собрания, митинги, а также в торговые дни – базары» (БТС 2000: 513).

Политические протесты, происходившие на украинском майдане Незалежности в г. Киеве, послужили толчком к началу активных деривационных процессов на базе рассматриваемой лексической единицы – в первую очередь, это семантическая деривация, а впоследствии и аффиксальная деривация.

Исследователи констатируют появление у этого слова, помимо исходного пространственного значения, еще двух лексико-семантических вариантов (ЛСВ), а именно «ЛСВ 2: ‘акция протеста; социальный бунт, противостояние с властью; борьба за смену режима, революция’; ЛСВ 3: ‘участники акции протеста; лагерь, объединение людей, осуществляющих протестную акцию’» (Полякова 2014: 174). Следует отметить, что именно семантический дериват с событийным значением послужил производящей базой для целого ряда аффиксальных неологизмов, формирующих довольно обширное словообразовательное гнездо не только в русском языке, но и в словацком.

В отличие от русскоговорящих, носителям словацкого языка лексема *майдан* в качестве имени нарицательного до недавних времен была неизвестна. Подтверждением этого считаем факт отсутствия данного понятия в толковых словарях словацкого языка. Упоминаемую единицу фиксируют только словари иностранных слов, причем указывают следующие значения: «1. orientálne trhovisko, 2. námestie kozáckej osady, 3. miestnosti na snemovanie pred vojnovou výpravou» (1. восточный базар, 2. площадь в казацком поселении, 3. помещения для собрания перед военным походом (перевод наш. – Д.С.) (Šaling, Ivanová-Šalingová, Maníková 2005: 385). В словацком интернет-пространстве единица *майдан* встречалась ранее только в качестве имени собственного, а именно как фамилия Майдан и омонимичное название села. Однако в связи с упоминаемыми событиями на Украине эта номинация стала довольно часто появляться в новом значении в интернет-СМИ, а также в разных дискуссиях на форумах, в блогах. При этом речь идет не только о самом слове *майдан*. На его базе, как и в русском языке, сформировалось словообразовательное гнездо производных лексических единиц, образованных по правилам словацкого языка и при помощи словацких формантов.

Это гнездо представлено в первую очередь именами существительными, в числе которых четыре основных деривата с личным значением: *majdanista*, *majdanec*, *majdanovec*, *majdančik*, образованные посредством следующих суффиксов:

-ista – ср., например, словацкое *bager* → *bagrista*;

- ec – ср. *kúpa* → *kupec*;
- ovec – ср. *Ol'aNO* → *ol'anovec*;
- čík – ср. *guľomet* → *guľometčík*.

В качестве иллюстраций приведем следующие примеры: «*Napríklad zarytý "majdanista" Igor Matovič z OL'aNO v čiernom tričku....*» (Bakoš); «*"demokratický Majdanec" robí revolúciu*» (Pred ukrajinským parlamentom); «*Niektori majdanovci uz získali dobre platenú prácu v EU*» (Hlavné správy); «*ty fašistický Majdančík... Bež na Ukrajinu, tam ocenia tvoj pohľad na vec*» (Šéf).

Последняя из упоминаемых номинативных единиц употребляется не только в качестве наименования лица, но и для обозначения уменьшительного значения лексической единицы *майдан* – маленький майдан, что подтверждает пример из текста: «*Totižto, tieto voľby bol taký malý Majdančík a vy ste sa ho s radosťou zúčastnili*» (Lídri úspešných).

Лексическая единица *majdančík* стала базой для еще одного деривата с личным значением, образованного при помощи суффикса *-ovec*, а именно слова *majdančíkovec*. Хотим отметить, что данная единица встречается в словацком интернет-пространстве исключительно во множественном числе – *majdančíkovci*: «*To si už svoje «žoldniersky zaplatené poslanie či predpísané úlohy» majdanovčíkovci splnili, tak teraz nastupuje «normalizácia» a treba im nasadiť psiu hlavu*» (Demokracia' podľa). Аналогичные словацкие единицы употребляются для обозначения сторонников отдельных политиков, к примеру *Fico* → *ficovci* (сторонники экс-премьера Фицо), *Kotleba* → *kotlebovci* (сторонники председателя националистической партии).

Кроме приведенных лексических единиц, в субстантивный блок словообразовательного гнезда входят аффиксальные новообразования *antimajdan*, *minimajdan*, *majdanizmus*, а также возникшие путем сложения производные слова *euromajdan*, *automajdan*, *majdanparlament*, *Micho-Majdan*. Данные дериваты можно сопоставить с ранее сформировавшимися в словацком языке единицами:

- anti-charta* → *anticharta*;
- mini-market* → *minimarket*;
- charta-izmus* → *chartizmus*;
- euro + val* → *euroval*;
- auto + bazár* → *autobazár*;
- kniha + tlačiareň* → *knihtlačiareň*.

Для подтверждения нашего тезиса приведем следующие примеры из Интернета: «*Antimajdan mieni bojovať proti "farebným revolúciám" v Rusku*» (Antimajdan); «*Aby sme nakoniec každý fest nepocítilli ten majdanizmus USA a EU v platbách*» (Plyn); «*Europoslanci nominovali Euromajdan na Sacharovovu cenu*» (Europoslanci); «*Nový Micho-Majdan v Kyjeve*» (Rusnák).

Следующую группу новообразований на базе лексемы *майдан* составляют имена прилагательные. Речь идет о производных единицах, выражающих транспозиционное значение *относящийся к*, в нашем случае к *майдану*: это лексические единицы ***majdanový, majdanský, majdanovský***. Указанные дериваты образованы при помощи суффиксов:

-ový – аналогичные словацкие образования – *rozvod* → *rozvodový*;

-ský – *krajan* → *krajanský*;

-ovský – *majster* → *majstrovský*.

Приводим следующие фразы из Интернета: «*Takú sumu by ten ich majdanový fond nemal ani pocítiť*» (Úrady); «*Neviem si pomôcť, ale toto príšerne smrdí “majdanovským” puchom a Nulandovej keksíkmi...*» (Proti prúdu); «*Kde sú hranice slušnosti a morálky, ktoré by ste neprekročil len, aby ste splnil majdanský scenár?*» (Murín).

Указанные выше адъективные новообразования сами стали производящей базой для префиксальных дериватов с антонимичным значением – ***antimajdanový, antimajdanský, antimajdanovský*** (сравни аналогичные словацкие лексические единицы *antidopimgový, antisemitský, antitrumpovský*). В качестве примера можно привести следующие фразы: «*Protesty ruské médiá charakterizovali ako «antimajdanové» a ich účastníci chcú nimi vyjadriť svoj odpor voči súčasnému vývoju v Kyjeve*» (Webnoviny); «*V Odeze však extrémisti zmasakrovali civilných antimajdanských aktivistov*» (Fábry); «*Antimajdanovský pochod povolia v centre Moskvy a zhromaždenie, ktoré malo poukázať na stav ekonomiky a vojnu na Ukrajine povolili len na periférii Moskvy*» (Navaľnyj).

Кроме того, довольно часто встречаются префиксальным способом образованные адъективы с временным значением: ***pomajdanový*** (можно сравнить с лексической единицей *porozvodový*); ***predmajdanový, domajdanový, predmajdanský*** (ср. *predrevolučný / dorevolučný*). Проиллюстрируем функционирование этих единиц в интернет-пространстве: «*Obe pomajdanové vládne zostavy deklarovali snahy o európsky orientované reformy Ukrajiny*» (Teraz); «*Domajdanový premiér Azarov: Ukrajinský nacizmus treba riešiť chirurgicky*» (Mohorita. 24.09.2016); «*Všetko ostatné, ako vyvolanie národnostných vášní a nenávisť, atentát v Sarajeve, a iné, bol len cirkus na predmajdanský spôsob*» (Dieneš).

В словацком интернет-пространстве обнаруживаем еще две лексические единицы, относящиеся к адъективному блоку – образованные путем аффиксации прилагательные ***majdanoidný*** (ср. *Havel* → *havloidný*) и ***majdanutý*** (ср. *svok* → *svoknutý*). Следует отметить, что эти дериваты встречаются в единичных случаях, например: «*Zásadne odmietam tento majdanoidný spôsob vedenia slovenskej politiky*» (Tara); «*To by bol zážrak, ak by z Budapešti nedokecaval majdanutý Peter Morvay*» (Maďari).

В рамках глагольного блока зафиксированы суффиксальным способом образованные дериваты **majdanovať**, **majdanizovať**, **majdaňiť**. Эти единицы можно сравнить с аналогичными образованиями в словацком языке:

- ovať – štrajk → štrajkovať;
- izovať – inštitúcia → inštitucionalizovať;
- iť – súd → súdiť.

Приводим следующие примеры из интернет-источников: «*Kotlebovci sa chystali **majdanovať** pred súdom aj na druhý deň*» (Benčík); «*Miting pred Prezidentským palácom bol ľudový a pokojný: Nedovoľme opozícii **majdanizovať** Slovensko!*» (Lehotský); «*Terajšia situácia na Ukrajine sa pre Rusov stala svojráznym propagandistickým «zaočkovaním» proti želaníu «**majdaňiť**» doma, v Rusku*» (Mohorita. 24.09.2016).

Приведенные новообразования стали базой для формирования префиксальных производных **pomajdanovať**, **zamajdanovať**, **premajdanovať**, **odmajdanovať**, **rozmajdanovať**, **zmajdanizovať**, **nenamajdanovať** (ср. *poštrajkovať*, *zaštrajkovať*, *prešustrovať*, *odpracovať*, *rozpracovať*, *zradikalizovať*, *nenarobiť*).

Проиллюстрируем характер использования указанных единиц примерами: «*Keby sme nedávali reverzným tokom tomu, kto za to nerád platí, **pomajdanovalo** by sa aj u nás*» (SME. 18.12.2014); «*Ten si môže predtým a pritom pokričať, postreetpartovať, **zamajdanovať**, či inak prejaviť svoju radosť z bezmocnosti*» (Dieneš); «*A vina Asada je v čom? Že sa ne-nechal dobrovoľne **odmajdanovať?***» (Kerry); «*Ukrajincov, ako si z vlastnej blbosti nechali **rozmajdanovať** Ukrajinu*» (Na americký); «*O nič iné nešlo, len Ukrajinu **zmajdanizovať**, vyostriť vzťahy s Ruskom, ukradnúť zvyšok zlata, zadĺžiť a nechať tak!*» (MMF).

К глагольному блоку относится и конфиксальный дериват **zmajdanievať sa** (сравни аналогичным способом образованные: *tma* → *stmievať sa*; *voľby* → *zvolebnievať sa* – в значении ‘приближаются выборы’; *národ* → *znárodnievať sa* – в значении ‘наступает время для отстаивания национальных интересов’). Например: «*V Kyjeve **sa** znovu “**zmajdanievať**”*» (Rusnák).

Некоторые из перечисленных глаголов также стали производящей базой для отглагольных существительных **majdanizovanie**, **zmajdanizovanie**, **majdanizácia**, образованных при помощи суффиксов:

- nie – *inštitucionalizovať* → *inštitucionalizovanie*; *zradikalizovať* → *zradikalizovanie*;
- ácia – *radikalizovať* → *radikalizácia*.

Приведем соответствующие фразы в качестве иллюстрации: «*... má byť hlavným prvkom na ďalšie “majdanizovanie” už takmer tridsať rokov “zmajdanizovanej” slovenskej spoločnosti*» (Komunistická strana

Slovenska); «**Majdanizácia slovenskej politiky**» (Čarnogurský); «*V záujme toho po **zmajdanizovaní** Ukrajiny majdanizuje sa Macedónsko*» (Tkáč).

Результаты проведенной нами фронтальной выборки из интернет-источников (СМИ, блогов, форумов, социальных сетей) свидетельствуют о высокой интенсивности рассматриваемого деривационного процесса.

Хотим обратить внимание на оценочный аспект в значении производных лексических единиц. Для официальных СМИ характерно использование слова *майдан* и его оценочно нейтральных производных, в числе которых некоторые сложения (например, *antimajdan*, *euromajdan*), а также дериваты, образованные аффиксальным способом (*antimajdan*, *domajdanový*, *pomajdanový*). В отличие от этого, в комментариях читателей путем неологизации часто достигается негативная характеристика данных событий, о чем свидетельствуют следующие примеры: «*To by bol zázrak, ak by z Budapešti nedokecaval **majdanutý** Peter Morvaj*» (Tv.SME); «*Keď je niekto proti sankciám, prichádzajú mimovládky **pomajdanovať**...*» (Únia varuje Grécko); «*Zdá sa že Hlopci si **premajdanovali** krajinu*» (Možajev). Следует отметить, что единица с префиксом *пре-* в наших примерах обладает негативной коннотацией, выражая значение «неадекватным поведением лишиться чего-либо».

Дериваты в сформировавшемся словообразовательном гнезде образованы такими способами словообразования, как **сложение** (*euromajdan*, *majdanparlament*), **префиксация** (*antimajdan*, *zmajdanizovať*), **суффиксация** (*majdanista*, *majdanovec*, *majdanový*) и **конфиксация** (*zmajdanievať sa*).

Таким образом, лексическая единица *majdan*, которая в рассматриваемом значении в словацком языке до украинской «оранжевой» революции отсутствовала, стала в настоящее время вершиной довольно обширного словообразовательного гнезда, включающего в себя 37 единиц: 15 имен существительных, в числе которых названия лица и слова с абстрактной семантикой, 12 глаголов и 10 имен прилагательных. В связи с происходящими в настоящее время в Словакии политическими протестными митингами можно высказать предположение, что рассматриваемые нами лексические единицы будут появляться в интернет-пространстве и в дальнейшем, также есть вероятность расширения гнезда с базой *майдан* в словацком языке.

ЛИТЕРАТУРА

БТС 2000 - Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

Земская 2000 - *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 90–141.

Полякова 2014 - *Полякова Т.М.* Функционирование украинизма *майдан* в русском политическом медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 173–179.

Antimajdan - Antimajdan mieni bojovať proti farebným revolúciám v Rusku. URL: <http://www.hlavnespravy.sk/antimajdan-mieni-bojovat-proti-farebnym-revoluciam-v-rusku/510559> (дата обращения: 4.03.2018).

Bakoš - *Bakoš O.* Ťažké rozhodovanie. URL: <http://nazory.pravda.sk/dnes-pise/clanok/380915-tazke-rozhodovanie> (дата обращения: 4.03.2018).

Benčík - *Benčík J.* Kotlebovská orwelliáda v Banskej Bystrici. URL: <https://dennikn.sk/blog/1043464/kotlebovska-orwelliada-v-banskej-bystrici> (дата обращения: 4.03.2018).

Čarnogurský - *Čarnogurský J.* Majdanizácia slovenskej politiky. URL: <https://blog.postoj.sk/15704/majdanizacia-slovenskej-politiky> (дата обращения: 4.03.2018).

Dieneš - *Dieneš M.* Socializmus ako hriech? URL: <http://necenzurovane.net/15/hriech.html> (дата обращения: 4.03.2018).

Demokracia' podľa - Demokracia' podľa ukrajinských poslancov. URL: http://debata.pravda.sk/debata/311951-demokracia-podla-ukrajinskych-poslancov-za-stranu-sloboda/?view_mode=vlakna&ordering=od_najnovsieho&strana=2 (дата обращения: 4.03.2018).

Europoslanci - Europoslanci nominovali Euromajdan na Sacharovovu cenu. URL: <http://svet.sme.sk/c/7377271/europoslanci-nominovali-euromajdan-na-sacharovovu-cenu.html> (дата обращения: 4.03.2018).

Fábry - *Fábry B.* Sankcie voči Kyjevu ako reakcia na Odesu? URL: <http://brankof.blog.pravda.sk/2014/05/05/sankcie-voci-kyjevu-ako-reakcia-na-odesu/?print> (дата обращения: 4.03.2018).

Hlavné správy - Hlavné správy. Rusi dodali plyn do ukrajinského mesta Geničesk na jeho vlastnú žiadosť. URL: <http://www.hlavnespravy.sk/rusi-dodali-plyn-do-ukrajinskeho-mesta-genicesk-na-jeho-vlastnu-ziadost/727401> (дата обращения: 4.03.2018).

Kerry - Kerry: Rusko a Sýriu by mali vyšetrovať kvôli vojnovým zločinom. URL: http://debata.pravda.sk/debata/407310-kerry-rusko-a-syriu-by-mali-vysetrovat-kvoli-vojnovym-zlocinom/?view_mode=vlakna&ordering=od_najnovsieho&strana=5 (дата обращения: 4.03.2018).

Komunistická strana Slovenska - Komunistická strana Slovenska. URL: <http://kss.sk/2017/10/04/kss-za-odstupenie-andreja-kisku-z-funkcie-prezidenta-slovenskej-republiky> (дата обращения: 4.03.2018).

Lehotský - *Lehotský I.* Miting pred Prezidentským palácom bol ľudový a pokojný: Nedovoľme opozícii majdanizovať Slovensko! Bystrici. URL: <https://>

www.hlavnespravy.sk/miting-pred-prezidentskym-palacom-bol-ludovy-pokojny/1348592 (дата обращения: 4.03.2018).

Lídri úspešných - Lídri úspešných strán odmietajú Kotlebu, Sulík chce hľadať prieniky k spolupráci. URL: http://debata.pravda.sk/debata/385800-povolbach-nastala-patova-situacia/?view_mode=zatvorene_vlakna&ordering=od_najstarsieho&strana=8 (дата обращения: 4.03.2018).

Maďari - Maďari opäť volili Orbana, o férovosti volieb viacerí pochybujú. URL: <http://tv.sme.sk/diskusie/2268679/1/Madari-opat-volili-Orbana-o-ferovosti-volieb-viaceri-pochybuju.html> (дата обращения: 4.03.2018).

MMF - MMF hľadá ďalšie miliardy pre Kyjev, bez nich ních môže prísť kolaps. URL: http://debata.pravda.sk/debata/339012-mmf-hlada-dalsie-miliardy-pre-kyjev-bez-nich-moze-prist-kolaps/?zobrazenie=sekvencne&zoradenie=od_najnovsieho (дата обращения: 4.03.2018).

Mohorita - *Mohorita* V. 24.09.2016. USA pomohli získať Putinovmu Jednotnému Rusku ústavnú väčšinu. Po "majdane" v Kyjeve by "iba zaostali" mohli hlasovať za proamerických súdruhov. URL: <https://www.hlavnespravy.sk/usa-pomohli-ziskat-putinovmu-jednotnemu-rusku-ustavnu-vaccinu-po-majdane-v-kyjeve-by-iba-zaostali-mohli-hlasovat-za-proamerickych-sudruhov/836221> (дата обращения: 4.03.2018).

Mohorita - *Mohorita* V. Domajdanový premiér Azarov: Ukrajinský nacizmus treba riešiť chirurgicky. URL: <https://www.hlavnespravy.sk/domajdanovy-premier-azarov-ukrajinsky-nacizmus-treba-riesit-chirurgicky/835635> (дата обращения: 4.03.2018).

Možajev - *Možajev* A.I. Komentár k článku "Ukrajina praská vo švíkoch". URL: https://www.facebook.com/permalink.php?id=1452891718289546&story_fbid=1533922546853129 (дата обращения: 4.03.2018).

Murín - *Murín* G. Prípád Jána Kuciaka – List prezidentovi republiky. URL: <http://gumurin.blog.pravda.sk/2018/03/21/pripad-jana-kuciaka-list-prezidentovi-republiky> (дата обращения: 4.03.2018).

Na americký - Na americký konvoj čakal aj Čarnogurský – zasahovala polícia. URL: <https://domov.sme.sk/diskusie/2500806/14/Na-americky-konvoj-cakal-aj-Carnogursky-zasahovala-policia.html> (дата обращения: 4.03.2018).

Navalňj - Navalňj sa Nemcovho pohrebu nezúčastní, súd mu nevyhovel. URL: <https://www.sme.sk/diskusie/2398796/5/Navalnj-sa-Nemcovoho-pohrebu-nezucastni-sud-mu-nevyhovel.html> (дата обращения: 4.03.2018).

Pred ukrajinským parlamentom - Pred ukrajinským parlamentom demonštroval radikálny Pravý sektor. URL: http://debata.pravda.sk/debata/312969-pred-ukrajinskim-parlamentom-demonstroval-radikalny-pravy-sektor/?zobrazenie=sekvencne&zoradenie=od_najnovsieho (дата обращения: 4.03.2018).

Plyn - Plyn otočíme na východ. Únia Ukrajinu len využíva, odkazuje Putin URL: <https://diskusie.sme.sk/diskusie/2270158/4/21702726/Plyn-otocime-na-vychod-Unia-Ukrajinu-len-vyuziva-odkazuje-Putin.html> (дата обращения: 4.03.2018)

Proti prúdu - Proti prúdu. Majdan na slovenský spôsob. URL: <https://www.protiprudu.org/majdan-na-slovensky-sposob> (дата обращения: 4.03.2018).

Rusnák - *Rusnák E.* Nový Micho-Majdan v Kyjeve. Radikáli obliehajú parlament a pokúšajú sa prebojovať dovnútra, parlament pozastavil svoju prácu. URL: <https://www.hlavnespravy.sk/novy-micho-majdan-v-kyjeve-radikali-obliehaju-parlament-pokusaju-sa-prebojovat-dovnutra-parlament-pozastavil-svoju-pracu/1175486> (дата обращения: 4.03.2018).

Šéf - Šéf ukrajinskej diplomacie sa rozvášnil pred davom a počastoval Putina vulgarizmom. URL: <https://www.aktuality.sk/diskusia/255041/sef-ukrajinskej-diplomacie-sa-rozvasnil-s-protestujucim-davom-pocastoval-putina-vulgarizmom/2> (дата обращения: 4.03.2018).

Šaling, Ivanová-Šalingová, Maniková 2005 - *Šaling S., Ivanová-Šalingová M., Maniková Z.* Slovník cudzích slov. Bratislava-Prešov: SAMO, 2005.

SME - SME, 18.12.2014. O dva roky sme z krízy vonku, uistoval Putin. URL: <http://www.sme.sk/diskusie/2375725/3/O-dva-roky-sme-z-krizy-vonku-uistoval-Putin.html> (дата обращения: 4.03.2018).

Tara - *Tara K.* Prezident strieľal síce od pásu rážou samopalu, ale rozhodne nie naslepo. URL: <https://slovenskeslovo.sk/category-forum/1382-prezident-strieľal-sice-od-pasa-razou-samopalu-ale-rozhodne-nie-naslepo> (дата обращения: 4.03.2018).

Tv.SME - Tv.SME, 06.04.2014 *Maďari opäť volili Orbana, o férovosti volieb viacerí pochybujú* URL: <http://tv.sme.sk/diskusie/2268679/1/Madari-opat-volili-Orbana-o-ferovosti-volieb-viaceri-pochybuju.html> (дата обращения: 4.03.2018).

Teraz - Teraz – spravodajský portál TASR. Boli sme v Kyjeve dva roky po Majdane, pozrite si reportáž. URL: <http://www7.teraz.sk/magazin/boli-sme-v-kyjeve-dva-roky-majdan/202031-clanok.html?mostViewedArticlesInSectionTab=2> (дата обращения: 4.03.2018).

Tkáč - *Tkáč M.* Niet nám, bratia, pomoci? URL: <http://www.extraplus.sk/blog/niet-nam-bratia-pomoci> (дата обращения: 4.03.2018).

Webnoviny - Webnoviny. Východ Ukrajiny zachvátili masové proruské demonštrácie. URL: <http://www.webnoviny.sk/svet/clanok/796881-vychod-ukrajiny-zachvatili-masove-proruske-demonstracie> (дата обращения: 4.03.2018).

Únia varuje Grécko - Únia varuje Grécko pre vlastnou politikou voči Rusku. URL: <https://www.sme.sk/diskusie/2388383/2/Unia-varuje-Grecko-pred-vlastnou-politikou-voci-Rusku.html> (дата обращения: 4.03.2018).

Úrady - Úrady v Hongkongu začali s odstraňovaním tábora demonštrantov. URL: <http://www.aktuality.sk/diskusia/267006/urady-v-hongkongu-zacali-s-odstranovanim-tabora-demonstrantov> (дата обращения: 4.03.2018).

REFERENCES

Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.

Zemskaya, Ye.A. (2000) Aktivnyye protsessy sovremennogo slovoпроизводства [Active processes of modern word-production]. In: Zemskaya, Ye.A. (ed.) *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya* [The Russian language of the end of the twentieth century]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 90–141.

Polyakova, T.M. (2014) Funktsionirovaniye ukrainizma maydan v rusском politicheskom mediadiskurse [Functioning of the Ukrainian Maidan in the Russian political media discourse]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistic Journal*. 4(50). pp. 173–179.

Hlavnyspravy.sk. (2015) *Antimajdan mieni bojovať proti farebným revolúciám v Rusku* [Antimaidan intends to fight against colour revolutions in Russia]. [Online] Available from: <http://www.hlavnyspravy.sk/antimajdan-mieni-bojovat-proti-farebnym-revoluciam-v-rusku/510559> (Accessed: 4th March 2018).

Bakoš, O. (2016) *Ťažké rozhodovanie* [Hard decision]. [Online] Available from: <http://nazory.pravda.sk/dnes-pise/clanok/380915-tazke-rozhodovanie> (Accessed: 4th March 2018).

Benčík, J. (2018) *Kotlebovská orwelliáda v Banskej Bystrici* [Kotleba's Orwelliade in Banska Bystrica]. [Online] Available from: <https://dennikn.sk/blog/1043464/kotlebovska-orwelliada-v-banskej-bystrici> (Accessed: 4th March 2018).

Čarnogurský, J. (2016) *Majdanizácia slovenskej politiky* [Maidanization of the Slovak Politics]. [Online] Available from: <https://blog.postoj.sk/15704/majdanizacia-slovenskej-politiky> (Accessed: 4th March 2018).

Dieneš, M. (n.d.) *Socializmus ako hriech?* [Socialism like a Sin?]. [Online] Available from: <http://necenzurovane.net/15/hriech.html> (Accessed: 4th March 2018).

Pravda.sk. (2014) *Demokracia' podľa ukrajinských poslancov* ["Democracy" by Ukrainian MPs]. [Online] Available from: http://debata.pravda.sk/debata/311951-demokracia-podla-ukrajinskych-poslancov-za-stranu-sloboda/?view_mode=vlakna&ordering=od_najnovsieho&strana=2 (Accessed: 4th March 2018).

Svet. (2014) *Europoslanci nominovali Euromajdan na Sacharovovu cenu* [MEPs Nominated Euromaidan for the Sakharov Prize]. [Online] Available from: <http://svet.sme.sk/c/7377271/europoslanci-nominovali-euromajdan-na-sacharovovu-cenu.html> (Accessed: 4th March 2018).

Fábry, B. (2014) *Sankcie voči Kyjevu ako reakcia na Odesu?* [Sanctions against Kiev as a Response to Odessa?]. [Online] Available from: <http://brankof.blog.pravda.sk/2014/05/05/sankcie-voci-kyjevu-ako-reakcia-na-odesu/?print> (Accessed: 4th March 2018).

Hlavné správy. (2016) *Rusi dodali plyn do ukrajinského mesta Geničesk na jeho vlastnú žiadosť* [Russia Supplied Gas to Ukrainian City Genicesk on Its Request]. [Online] Available from: <http://www.hlavnyspravy.sk/rusi-dodali-plyndo-ukrajinskeho-mesta-genicesk-na-jeho-vlastnu-ziadost/727401> (Accessed: 4th March 2018).

Pravda. (2016) *Kerry: Rusko a Sýriu by mali vyšetrovať kvôli vojnovým zločinom* [Kerry: Russia and Syria should be investigated for war crimes]. [Online] Available from: http://debata.pravda.sk/debata/407310-kerry-rusko-a-syriu-by-mali-vysetrovat-kvoli-vojnovym-zlocinom/?view_mode=vlakna&ordering=od_najnovsieho&strana=5 (Accessed: 4th March 2018).

KSS. (2017) *KSS za odstúpenie Andreja Kisku z funkcie prezidenta Slovenskej republiky* [KSS for resignation of Andrej Kisku from the function of the president of the Slovak Republic]. [Online] Available from: <http://kss.sk/2017/10/04/kss-za-odstupenie-andreja-kisku-z-funkcie-prezidenta-slovenskej-republiky> (Accessed: 4th March 2018).

Lehotský, I. (n.d.) *Miting pred Prezidentským palácom bol ľudový a pokojný: Nedovoľme opozícii majdanizovať Slovensko! Bystrici* [Meeting in front of the Presidential Palace was Peaceful: Don't let the Opposition Maidanize Slovakia!]. [Online] Available from: <https://www.hlavnespravy.sk/miting-pred-prezidentskym-palacom-bol-ludovy-pokojny/1348592> (Accessed: 4th March 2018).

Pravda. (2016) *Lídri úspešných strán odmietajú Kotlebu, Sulík chce hľadať prieniky k spolupráci* [Leaders of Successful Parties Refuse Kotleba, Sulík Wants to Find Intersection for Cooperation]. [Online] Available from: http://debata.pravda.sk/debata/385800-po-volbach-nastala-patova-situacia/?view_mode=zatvorene_vlakna&ordering=od_najstarsieho&strana=8 (Accessed: 4th March 2018).

Tv.sme.sk. (2014) *Maďari opäť volili Orbana, o férovosti volieb viacerí pochybujú* [The Hungarians voted for Orbán again, there are doubts about the fairness of the elections]. [Online] Available from: <http://tv.sme.sk/diskusia/2268679/1/Madari-opat-volili-Orbana-o-ferovosti-volieb-viaceri-pochybuju.html> (Accessed: 4th March 2018).

Pravda. (2014) *MMF hľadá ďalšie miliardy pre Kyjev, bez nich nič môže prísť kolaps* [The IMF is looking for more billions for Kiev, there can be collapse without them]. [Online] Available from: http://debata.pravda.sk/debata/339012-mmf-hlada-dalsie-miliardy-pre-kyjev-bez-nich-moze-prist-kolaps/?zobrazenie=sek_vencne&zoradenie=od_najnovsieho (Accessed: 4th March 2018).

Hlavné správy. (2016) *USA pomohli získať Putinovmu Jednotnému Rusku ústavnú väčšinu. Po "majdane" v Kyjeve by "iba zaostali" mohli hlasovať za proamerických súdruhov* [The USA helped Putin's united Russia gain a constitutional majority, after "Maidan" in Kiev "only reminded" could vote for pro-American comrades]. [Online] Available from: <https://www.hlavnespravy.sk/usa-pomohli-ziskat-putinovmu-jednotnemu-rusku-ustavnu-vacsinu-po-majdane-v-kyjeve-by-iba-zaostali-mohli-hlasovat-za-proamerickych-sudruhov/836221> (Accessed: 4th March 2018).

Hlavné správy. (2016) *Domajdanový premiér Azarov: Ukrajinský nacizmus treba riešiť chirurgicky* [Pre-Maidan Prime Minister Azarov: Ukrainian Nazism must be solved surgically]. [Online] Available from: <https://www.hlavnespravy.sk/domajdanovy-premier-azarov-ukrajinsky-nacizmus-treba-riesit-chirurgicky/835635> (Accessed: 4th March 2018).

Možajev, A.I. (2014) *Komentár k článku "Ukrajina praská vo švíkoch"* [Commentary to the article "Ukraine is Bursting at the Seams"]. [Online] Available from:

https://www.facebook.com/permalink.php?id=1452891718289546&story_fbid=1533922546853129 (Accessed: 4th March 2018).

Murín, G. (2018) *Prípád Jána Kuciaka – List prezidentovi republiky* [Case of Jan Kuciak – Letter to the President of Republic]. [Online] Available from: <http://gumurin.blog.pravda.sk/2018/03/21/pripad-jana-kuciaka-list-prezidentovi-republiky> (Accessed: 4th March 2018).

Sme.sk. (2015) *Na americký konvoj čakal aj Čarnogurský – zasahovala polícia* [Tsarnogusky Waited for American Convoy – Police Intervented]. [Online] Available from: <https://domov.sme.sk/diskusie/2500806/14/Na-americky-konvoj-cakal-aj-Carnogursky-zasahovala-policia.html> (Accessed: 4th March 2018).

Sme.sk. (2015) *Navalňij sa Nemcovho pohrebu nezúčastní, súd mu nevyhovel* [Navalnyy will not take part in the Nemtsov's Funeral, the Court didn't Comply His Request]. [Online] Available from: <https://www.sme.sk/diskusie/2398796/5/Navalňij-sa-Nemcovoho-pohrebu-nezucastni-sud-mu-nevyhovel.html> (Accessed: 4th March 2018).

Pravda. (2014) *Pred ukrajinským parlamentom demonštroval radikálny Právý sektor* [Radical Right Sector demonstrated in front of the Ukrainian Parliament]. [Online] Available from: http://debata.pravda.sk/debata/312969-pred-ukrajinskym-parlamentom-demonstroval-radikalny-pravy-sektor/?zobrazenie=sekvenecne&zoradenie=od_najnovsieho (Accessed: 4th March 2018).

Sme.sk. (2014) *Plyn otočíme na východ. Únia Ukrajinu len využíva, odkazuje Putin* [We turn the gas to the east. The European Union just makes use of Ukraine, Putin says]. [Online] Available from: <https://diskusie.sme.sk/diskusie/2270158/4/21702726/Plyn-otocime-na-vychod-Unia-Ukrajinu-len-vyuziva-odkazuje-Putin.html> (Accessed: 4th March 2018).

Wenger. (2014) *Proti prúdu. Majdan na slovenský spôsob* [Maidan in the Slovak Way]. [Online] Available from: <https://www.protiprudu.org/majdan-na-slovensky-sposob> (Accessed: 4th March 2018).

Rusnák, E. (2017) *Nový Micho-Majdan v Kyjeve. Radikáli obliehajú parlament a pokúšajú sa prebojovať dovnútra, parlament pozastavil svoju prácu* [New Mikho-Maidan in Kiev. Radicals blockade the Parliament and try to fight in, the Parliament suspended its work]. [Online] Available from: <https://www.hlavnespravy.sk/novy-micho-majdan-v-kyjeve-radikali-obliehaju-parlament-pokusaju-sa-prebojovat-dovnutra-parlament-pozastavil-svoju-pracu/1175486> (Accessed: 4th March 2018).

Aktuality.sk. (2014) *Šéf ukrajinskej diplomacie sa rozvášnil pred davom a počastoval Putina vulgarizmom* [Head of Ukrainian Diplomacy got excited in front of crowd and spoke vulgarism towards Putin]. [Online] Available from: <https://www.aktuality.sk/diskusia/255041/sef-ukrajinskej-diplomacie-sa-rozvasnil-s-protestujucim-davom-pocastoval-putina-vulgarizmom/2> (Accessed: 4th March 2018).

Šaling, S., Ivanová-Šalingová, M. & Maníková, Z. (2005) *Slovník cudzích slov* [Dictionary of Foreign Words]. Bratislava-Prešov: SAMO.

Tara, K. (n.d.) *Prezident strieľal síce od pásu rážou samopalu, ale rozhodne nie naslepo* [Although the President shot from waist by caliber machine gun, it wasn't blind]. [Online] Available from: <https://slovenskeslovo.sk/category->

forum/1382-prezident-strielal-sice-od-pasa-razou-samopalu-ale-rozhodne-nie-naslepo (Accessed: 4th March 2018).

TASR. (2016) *Boli sme v Kyjeve dva roky po Majdane, pozrite si reportáž* [We were in Kiev Two Years after Maidan, See the Report]. [Online] Available from: <http://www7.teraz.sk/magazin/boli-sme-v-kyjeve-dva-roky-majdan/202031-clanok.html?mostViewedArticlesInSectionTab=2> (Accessed: 4th March 2018).

Tkáč, M. (2015) *Niet nám, bratia, pomoci?* [No Help For Us, Brothers]. [Online] Available from: <http://www.extraplus.sk/blog/niet-nam-bratia-pomoci> (Accessed: 4th March 2018).

Webnoviny.sk. (n.d.) *Východ Ukrajiny zachvátili masové proruské demonštrácie* [East of Ukraine Affected by Mass Pro-Russian Demonstrations]. [Online] Available from: <http://www.webnoviny.sk/svet/clanok/796881-vychod-ukrajiny-zachvatili-masove-proruske-demonstracie> (Accessed: 4th March 2018).

Sme.sk. (2015) *Únia varuje Grécko pre vlastnou politikou voči Rusku* [The Union warns Greece against its own policy towards Russia]. [Online] Available from: <https://www.sme.sk/diskusie/2388383/2/Unia-varuje-Grecko-pred-vlastnou-politikou-voci-Rusku.html> (Accessed: 4th March 2018).

Aktuality.sk. (2014) *Úrady v Hongkongu začali s odstraňovaním tábora demonštrantov* [The Authorities in Hong Kong Began Removing the Protestors' Camp]. [Online] Available from: <http://www.aktuality.sk/diskusia/267006/urady-v-hongkongu-zacali-s-odstranovanim-tabora-demonstrantov> (Accessed: 4th March 2018).

Саболова Драгомира – аспирант Института русистики Пряшевского университета в Пряшеве (Словакия).

Drahomira Sabolova – Institute of Russian Studies, University of Presov in Presov (Slovakia).

E-mail: d_s@centrum.sk

УДК 930.2(477)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/16

ДМИТРИЙ БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ (1788 – 1850): ПОРТРЕТ ИСТОРИКА В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

М.Г. Палиенко¹, И.В. Срибняк²

¹Киевский национальный университет им. Т. Шевченко

Украина, 01601, г. Киев, ул. Владимирская, 60

E-mail: mpaliienko@gmail.com

²Киевский университет им. Б. Гринченко

Украина, 04212, г. Киев, ул. Тимошенко, 13-Б

E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

Авторское резюме

Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский внес весомый вклад в развитие исторической науки, архивоведения и источниковедения. Значительная часть его жизни была связана с Московским архивом Коллегии иностранных дел, работая в котором, он подготовил и опубликовал целый ряд ценных научных трудов, составивших его историческое наследие. Среди них наиболее известными были «История Малой России», «Словарь достопамятных людей русской земли», а также «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию». Д. Бантыш-Каменский не только посвятил себя научным изысканиям, но и длительное время находился на государственной службе, занимая различные ответственные должности, в том числе тобольского губернатора.

Ключевые слова: Дмитрий Бантыш-Каменский, биография, Российская империя, история, историография, архив, губернатор.

DMITRI BANTYSH-KAMENSKY (1788–1850): A PORTRAIT OF THE HISTORIAN WITHIN HIS ERA

M.G. Paliienko¹, I.V. Sribnyak²

¹Taras Shevchenko National University of Kyiv
60 Volodymyrska Street, Kyiv, 01601 Ukraine
E-mail: mpaliienko@gmail.com

²Borys Grinchenko Kyiv University
13-B Tymoshenko Street, Kyiv, 04212, Ukraine
E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

Abstract

Dmitri Bantysh-Kamensky made a significant contribution to the development of historical, archival, and documentary studies. During his work in the Moscow Archives of the Collegium of Foreign Affairs, he prepared and published a great number of research comprising his historical heritage. The most famous among them are “The History of Little Russia”, “Dictionary of Memorable People of the Russian Land”, and “Travel to Moldavia, Wallachia and Serbia”. Besides research, D. Bantysh-Kamensky was in the civil service and held some important government positions, in particular that of the Tobolsk governor.

Keywords: Dmitri Bantysh-Kamensky, biography, Russian empire, history, historiography, archives, governor.

К исследованию жизни и деятельности Дмитрия Николаевича Бантыш-Каменского, внесшего весомый вклад в развитие исторической науки, архивоведения и источниковедения, в украинской историографии обращался целый ряд историков, однако считать данную исследовательскую проблему комплексно разработанной пока преждевременно. Дело в том, что в опубликованной в 1990 г. статье В. Кравченко все еще прослеживается классовый подход в изучении данной темы, хотя ее автору и удалось синтезировать значительный объем фактической информации (Кравченко 1990а; Кравченко 1990b). Справедливости ради необходимо отметить, что в дальнейшем ему удалось отойти от постсоветских клише (Кравченко 1992; Кравченко 1996).

Наибольший вклад в научную разработку данной темы в 1990-х гг. внесла А. Атаманенко, изучавшая ее в рамках ее диссертации, а затем

и в нескольких своих статьях (Атаманенко 1998; Атаманенко 2008: 159–174). Один из ведущих современных украинских историографов А. Ясь также неоднократно обращался к исследованию творческого наследия Д. Бантыш-Каменского, подтвердив непреходящий вклад ученого в развитие исторической науки (Ясь 2006: 343–361; Ясь 2009: 160–194; Ясь 2015: 186–191). Творческое наследие Д. Бантыш-Каменского стало предметом анализа еще нескольких украинских историков в контексте написания ними синтетических работ историографического характера (Гуржий 1993: 5–16).

Тем не менее в российской историографии практически отсутствуют статьи, где было бы представлено хотя бы короткое изложение жизненного пути и научной деятельности Дмитрия Николаевича Бантыш-Каменского, род которого происходил с молдавской земли. Известно, что Бантыши выехали из Молдавии в Россию по приглашению князя Дмитрия Константиновича Кантемира после неудачного для российской армии Прутского похода 1711 г. (Брокгауз, Эфрон 1891: 10). Отец Николая Николаевича присоединил к своей фамилии фамилию жены – Николай Константинович был женат на дочери молдавского дворянина Степана Константиновича Каменского, который с 1691 г. состоял при гетмане Иване Мазепе переводчиком с молдавского, греческого и турецкого языков (Бантыш-Каменский 1836: 400–401).

По окончании обучения в Киеве Н.Н. Бантыш-Каменский переехал в Москву по приглашению дяди (впоследствии архиепископа Московского) Амвросия Зертиса-Каменского. Приехав в столицу, он продолжил учебу в Московской духовной академии, где изучал риторику, философию, богословие, а затем совершенствовался в физике, математике, истории и французском языке в Московском университете. Любовь к истории и знание нескольких языков определили его дальнейшую судьбу. 31 декабря 1762 г. он был назначен на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел, а еще через три года стал помощником управляющего – историографа Российской империи Герхарда Фридриха Миллера.

За последующие более чем 40 лет работы в этом архиве Н.Н. Бантыш-Каменский подготовил и опубликовал огромное количество научных работ, составивших его историческое наследие (Бантыш-Каменский 1847: 59–86). В 1800 г. Н. Бантыш-Каменскому были пожалованы чин действительного статского советника и пост управляющего Московским архивом Коллегии иностранных дел. Его самоотверженный труд по организации архивного дела и систематизации важнейших исторических источников получил высокую оценку современников.

В 1775 г. Н.Н. Бантыш-Каменский женился на дочери владимирского помещика Марии Ивановне Купреяновой. Их сын Дмитрий Николаевич стал достойным продолжателем дела отца. Он родился 5 (16) ноября 1788 г. в Москве. В 1795 г. в возрасте 8 лет был внесен в списки лейб-гвардии Семеновского полка, но по вступлении на престол императора Павла I был исключен из них вместе с другими малолетними детьми дворян.

В раннем возрасте потеряв мать, Дмитрий воспитывался в доме друга своего отца сенатора А.Г. Теплова; в числе преподавателей имел известного поэта и профессора словесности А.Ф. Мерзлякова. Далее он продолжил свое образование в доме отца, который пригласил к нему лучших преподавателей и дал возможность основательно освоить французский, немецкий, английский и латинский языки. Николай Николаевич лично преподавал сыну азы дипломатии, знакомил с посольской перепиской (в частности, с реляциями князя Кантемира из Лондона и Парижа, перепиской Остермана с бароном Флери) и документами из «портфелей» историографа Миллера (РБС 1900: 460).

В 1800 г. Дмитрий Николаевич был зачислен юнкером в Московский архив Коллегии иностранных дел, с 1801 г. работал в должности переводчика упомянутого архива. Еще через три года он был произведен в коллежские асессоры. Первый литературный опыт Д.Н. Бантыш-Каменского относится к 1805 г., когда он перевел с французского языка один из популярных романов того времени Коттэнэ «Матильда, или История крестовых походов». В то же время он пишет свое первое самостоятельное сочинение по историко-религиозной тематике (Бантыш-Каменский 1806).

По просьбе сербского митрополита Леонтия Дмитрий Николаевич в 1808 г. был командирован в Сербию с ответственным поручением доставить туда из России святое миро. Это путешествие дало ему возможность ознакомиться с географией и историей южнославянских земель. Их достопримечательности были описаны Д. Бантыш-Каменским в путевых записках, изложенных в популярной в то время форме «писем к другу» и опубликованных в 1810 г. в Москве (Бантыш-Каменский 1810).

Путешествие Д. Бантыш-Каменского длилось около двух с половиной месяцев (с конца апреля до середины июля 1808 г.). Первое его «письмо» датировано 29 апреля 1808 г., когда автор выехал из Подольска и, держа свой путь через Тулу, Мценск, Орел, Белгород, Харьков, Полтаву и Кременчуг, 16 мая прибыл в Дубоссары. Путевые заметки содержат яркие картины природы, описание особенностей архитектуры, быта тех населенных пунктов, которые посещал путешественник. Они свидетельствуют о литературном даровании юного

автора (которому тогда исполнилось всего двадцать лет), а также о его таланте художника – отдельные его зарисовки были включены в издание в качестве иллюстраций.

В Дубоссарах он имел аудиенцию у митрополита Гавриила (Бодони), который в то время был назначен экзархом в Молдавию, Валахию и Бессарабию и готовился к отъезду в Яссы (Бантыш-Каменский 1810: 63–64). Описывая город, автор отмечал незначительное количество каменных строений, одновременно подчеркивая, что «картина сего города прекрасна по бесчисленным фруктовым садам, в нем находящимся, и по Молдавским горам, по ту сторону Днестра возвышающимся» (Бантыш-Каменский 1810: 67).

23 мая Д. Бантыш-Каменский прибыл в Яссы – бывшую столицу Молдавского княжества, центр Западной Молдавии. Автор отводит значительное место в своем повествовании описанию города, анализу общей политической ситуации в регионе в связи с Русско-турецкой войной, а также характеристике отдельных исторических деятелей, в частности командующего русской армией в Молдавии генерала-фельдмаршала князя А.А. Прозоровского и М.И. Кутузова (Бантыш-Каменский 1810: 69–84). Он описывал Яссы как «довольно хороший город» с огромным каменным дворцом (возведенным в 1806 г. архитектором Й. Фрейвальдом) при господаре Александре Мурузи.

Описывая внешний вид местной знати, автор отмечал, что «одежда у бояр турецкая, а у их жен европейская, однако ж некоторые из последних, особливо пожилых лет, ходят в своих нарядах; говорят все почти по-французски, а малая часть из них знает по-русски» (Бантыш-Каменский 1810: 78). Д. Бантыш-Каменский обратил внимание на то, что большинство представителей молдавской знати охотно выезжали на прогулки в колясках и верхом, особенно в вечернее время. Однако коляски долго разъезжались по причине узких улиц. Как правило, каждую сопровождало двое слуг, один из которых держал трубку своего господина с длинным чубуком. В среде народных масс Д. Бантыш-Каменский отмечал особую любовь к музыке и танцам и указывал на предпочтения, отдаваемые скрипке и гитаре среди музыкальных инструментов. Вместе с тем он подчеркивал низкий уровень народного просвещения.

Автор отмечал, что почва в Молдавии очень плодородная, территория изобилует соляными рудниками, смолой и воском. Он подчеркивал наличие значительного количества дубовых и буковых лесов, успехи населения в разведении лошадей и свиней, выращивании дынь и арбузов (Бантыш-Каменский 1810: 81).

Д. Бантыш-Каменский приводил некоторые свои размышления о политическом устройстве и правлении на молдавских территориях,

взаимоотношениях молдавских господарей с Османской империей. Однако следует отметить недостаточность, на наш взгляд, аргументации и конкретных исторических примеров, почерпнутых из текстов документальных источников. В то же время он приводил примеры широко используемых молдавских слов, подчеркивая, что в основе многих из них лежат латинские корни (Бантыш-Каменский 1810: 83–84).

Следующим после Ясс пунктом пребывания Д. Бантыш-Каменского стал Бухарест, в который он прибыл 26 мая. Город произвел на странника в то время меньшее впечатление, чем Яссы, хотя в нем насчитывалось 60 тыс. жителей и более 300 церквей. Автор писал об узких улицах, мощенных неровными бревнами (Бантыш-Каменский 1810: 86).

Климат в Валахии, по мнению Бантыш-Каменского, более умеренный и приятный, чем в Молдавии. Он отмечал, что страна изобилует лесами, в особенности дубовыми, жители успешно занимаются пчеловодством и скотоводством. Почва очень плодородна и могла бы прокормить вчетверо больше людей, если бы они не были так притесняемы своими господарями и не спасались бы бегством в Турцию. В целом жизнь народа автор рисовал в достаточно темных красках, подчеркивая, что население Валахии пребывает в худшем положении, чем в Молдавии. Д. Бантыш-Каменский приводил высказывание российского государственного деятеля С.С. Кушников, который председательствовал в тот период в диванах Молдавии и Валахии, о валахах: «Этот народ весьма добр, но очень страдает от исправников своих, старающихся как можно больше его грабить, и что многие волохи для избежания сих притеснений переселились к туркам» (Бантыш-Каменский 1810: 87).

Уделяя в данной статье большее внимание характеристике сюжетов, посвященных пребыванию Д. Бантыш-Каменского в Молдавии и Валахии, отметим, что его путевые заметки содержат не менее ценный материал для описания отдельных аспектов истории, природы и быта Сербии, а также украинских территорий, которые входили в то время в состав Российской империи. Так, значительное внимание в разделах, посвященных пребыванию Бантыш-Каменского в Сербии, отведено характеристике Карагеоргия («Черного Георга»), бесстрашно воевавшего за освобождение сербов от османского ига.

В целом записки предоставляют ценный материал для изучения процесса формирования авторского стиля Д. Бантыш-Каменского, его взглядов, отношения к окружающему миру и людям, восприятия иных культур, а также отличаются оригинальной авторской интерпретацией путевых впечатлений, пережитых событий, увиденных и зафиксированных в памяти картин природы, быта местных жителей.

По возвращении в Россию Дмитрий Николаевич был произведен в чин надворного советника. В 1812 г. Д. Бантыш-Каменский вместе с отцом участвовал в эвакуации важнейших документов Московского архива в Нижний Новгород. Их спасением в условиях пожара Москвы после входа туда французской армии историки в значительной мере обязаны самоотверженному труду отца и сына Бантыш-Каменских.

По приезду в Москву Дмитрий Николаевич приступил к слушанию лекций в Московском университете. В 1813 г. издал биографию своего друга графа А.А. Мусина-Пушкина, погибшего в том же году под Люнебургом (Германия), и своего деда, архиепископа Московского Амвросия Зертис-Каменского (обе эти биографии впоследствии вошли в «Словарь достопамятных людей») (Бантыш-Каменский 1813a; Бантыш-Каменский 1813b). В том же году он завершил еще один свой историко-биографический проект (Бантыш-Каменский 1812–1813).

Годом позже Д. Бантыш-Каменский составил и издал «Собрание списков...» кавалеров четырех высших российских императорских орденов, в котором изложил историю учреждения этих орденов до установления в 1797 г. орденового капитула. Книга была снабжена справочным аппаратом (статуты, алфавитный указатель кавалеров орденов). При ее составлении автор использовал материалы орденских и церемониальных дел, жалованных грамот, министерских реляций, статьи московских и петербургских ведомостей (Бантыш-Каменский 1814).

После смерти отца, которая стала для Дмитрия Николаевича «потерей, и потерей невозполнимой» (Письмо А.М. Мусина-Пушкина 1889: 193), он перешел на службу в Коллегию иностранных дел. Прекрасное знание иностранных языков открывало перед ним широкое поле для дипломатической деятельности. Д. Бантыш-Каменский был командирован в Париж с ответственной миссией, откуда через несколько дней выехал в Вену в распоряжение статс-секретаря графа К.В. Несельерде на время работы Венского конгресса. Принимая участие в пышных празднествах «танцующего конгресса», Бантыш-Каменский в то же время проводил значительную работу по подготовке документов для переговоров. За деятельное участие в подписании мирного договора Дмитрий Николаевич был награжден Мальтийским крестом, орденом Св. Владимира IV степени и прусским орденом Красного Орла, получил звание камер-юнкера и чин коллежского советника (РБС 1900: 462).

В 1815 г. Д. Бантыш-Каменский женился на дочери князя И.С. Бярятинского, а годом позднее оставил дипломатическую службу и поступил вначале чиновником для особых поручений, а затем правителем канцелярии к князю Н.Г. Репнину, назначенному воен-

ным губернатором Украины (Малороссии). Пятилетнее пребывание на Украине позволило Бантыш-Каменскому подготовить первую целостную историю края (Бантыш-Каменский 1822). Кроме того, им была написана биография отца Н.Н. Бантыш-Каменского и составлено жизнеописание И. Мазепы.

Исторические интересы Дмитрия Николаевича не ограничивались изучением истории государства, а затрагивали важные сферы культуры и народного быта. В центре его исследований всегда стояла личность, ее общечеловеческие и национальные черты. В связи с этим необходимо отметить его внимание к самобытностям, выходцам из народа. Так, его пребывание в Полтаве было отмечено тем, что он обратил внимание на неординарные актерские способности М.С. Щепкина, стал его «первооткрывателем», приложив немало усилий к освобождению будущего величайшего актера русской сцены от крепостной зависимости.

В 1823 г. Д. Бантыш-Каменский покинул Украину и переехал в Петербург. Как считает историк В. Кравченко, это могло быть связано с окончанием работы над «Историей Малой России» (Кравченко 1990а: 91). В апреле по представлению князя Репнина он был пожалован за «Историю Малой России» чином статского советника и зачислен в список кандидатов, избираемых на должность глав губерний. С этого времени начинается наиболее ответственный для Бантыш-Каменского период государственной и общественной деятельности.

13 марта 1825 г. он был назначен гражданским губернатором Тобольска с произведением в действительные статские советники. С первых же дней Дмитрий Николаевич с большой ответственностью приступил к исполнению своих служебных обязанностей. Генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич поручил ему произвести следствие о татарских землях в Тарском уезде и удостовериться, насколько они недостаточны для прокорма населения и уплаты податей. Уже в скором времени конфликт был урегулирован.

В Тобольске Д. Бантыш-Каменский приложил массу усилий для благоустройства города. Под его руководством были приведены в образцовый порядок больницы и тюремный замок, устроены отдельные палаты по типам болезней, улучшена работа пожарной службы, заведено освещение городских улиц фонарями и т.д. За полгода были сооружены дороги протяженностью 2 000 верст. Новый губернатор благоустроил солдат русских и татарских полков, состоявших в непосредственном его ведении; ввел во многих местностях выращивание картофеля и выделку холста из крапивы; завел сбор пошлин с судов, лодок и купеческих кладей в пользу Тобольска и посредством этого значительно увеличил городские доходы. Возглавив заготовку про-

вианта для войск, энергичный губернатор добился повышения цен на хлеб на местных рынках, который прежде крестьяне за бесценок продавали скупщикам, улучшив, таким образом, имущественное положение тобольского крестьянства.

Духовные и нравственные качества губернатора снискали ему уважение местного населения. С вниманием и даже состраданием относился Д. Бантыш-Каменский к декабристам, которых через Тобольск переправляли к местам их ссылки (среди них был и его родственник М.А. Фонвизин). Декабрист Н.В. Басаргин в своих «Записках» указывал на гуманное и даже сочувственное отношение к нему со стороны тобольского губернатора (Басаргин 1985: 97).

В декабре 1826 г. Д. Бантыш-Каменский принял участие в разрешении конфликта между обдорскими остяками и самоедами, возникшего на почве обременительных податей и раздоров из-за кочевий в тундре. Губернатору удалось добиться отмены взимания с них чрезмерных налогов и сборов. Тогда же он содействовал отмене у вогулов обычая давать за невест калым, который отбирал у обедневших вогулов шанс создать семью.

Таким образом, за трехлетнее пребывание на посту тобольского губернатора Д. Бантыш-Каменский проявил себя энергичным администратором, которому были по плечу самые сложные задачи. Подтверждением его заслуг стало вручение ему ордена Св. Анны I степени. Однако довольно независимые взгляды и симпатии губернатора, его разносторонняя и плодотворная деятельность по улучшению общественного благосостояния не нашли должной поддержки у пронизанных бюрократизмом губернских чиновников. Дмитрий Николаевич стал жертвой клеветнической кампании и безосновательных доносов из-за его принципиальной позиции относительно вымогательства и взяточничества отдельных представителей местной бюрократии.

В Западную Сибирь по поручению М.М. Сперанского была назначена сенаторская ревизия, последний был общеизвестным недругом генерал-губернатора П.М. Капцевича. Поскольку Бантыш-Каменский и Капцевич находились в дружеских отношениях, ревизия была направлена, в частности, и против тобольского губернатора. Главным образом вследствие этого Д. Бантыш-Каменский в 1828 г. был отстранен от должности, после чего потянулись следствие и суд в Петербурге (по 1834 г.). Свои злоключения он подробно описал в особой записке, частично опубликованной впоследствии в «Русской старине» (Бантыш-Каменский 1873: 735–784).

Эпиграфом к этому автобиографическому произведению Бантыш-Каменский выбрал народную пословицу «До Бога высоко, до

царя далеко» и отрывок из «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина: «не имея ни совести, ни чести... Шемяка в краткое время своего владычества <...> попирая ногами справедливость, древние устои, здравый смысл, оставил навеки память своих беззаконий в народной пословице о суде Шемякине, доныне употребительной» (Бантыш-Каменский 1873: 735).

Редакция журнала «Русская старина» сопровождала публикацию пространным комментарием, в котором отметила заслуги бывшего тобольского губернатора: «При всех стеснениях цензуры своего времени Бантыш-Каменский, первый из русских биографов, отважился выставить многих государственных деятелей (некоторых из них – даже современных) в настоящем свете, низводя этих чуть не гомерических героев с их высоких пьедесталов на степень обыкновенных смертных со всеми им свойственными слабостями; независимо от этого, в своих трудах он оставил богатый материал для новейшей истории России» (Бантыш-Каменский 1873: 736).

Эти записки составляют целый том с многочисленными сносками и примечаниями Д. Бантыш-Каменского. Записки были окончены 30 октября 1831 г., но затем последовало дополнение рукой самого автора, которое охватывает 1831–1834 гг. В них без особого пристрастия, подробно и аргументированно изображена вся непривлекательность прибывших в Сибирь ревизоров князя Б.А. Куракина и тайного советника В.К. Безродного. Д. Бантыш-Каменский рисует широкую картину доносительства, клеветничества, подхалимства, стяжательства среди чиновников правительственного и губернского аппарата. Он был убежден, что ревизоры всевозможными посулами помогали нужных им показаний, дискредитировали высшие государственные органы, лишали людей веры в действенность законов и справедливость суда (Бантыш-Каменский 1873: 736).

В мае 1828 г. Д. Бантыш-Каменский приехал в отпуск в Петербург, ища личной встречи со Сперанским. Это ему удалось, причем дважды, однако итог был неблагоприятным для Дмитрия Николаевича. Он не согласился участвовать в клеветнической кампании против генерал-губернатора П. Капцевича, оставаясь верным своим моральным устоям и принципам. Не изменило положение и прошение на имя императора, в котором Д. Бантыш-Каменский аргументированно оспаривал возведенные на него клеветнические доносы и указывал на неблаговидность ревизорских приемов Куракина и Безродного. В июне 1828 г. прошение было передано императором в Комитет министров на рассмотрение. В результате 30 июля 1828 г. последовал указ об увольнении Бантыш-Каменского с должности тобольского губернатора.

Дмитрий Николаевич долго искал правосудия. И только 6 марта 1833 г. последовала императорская резолюция: Бантыш-Каменского извинить от всякого взыскания; обратиться на службу, причем зачесть ему все время невинного нахождения под судом в годы службы. Господам же сенаторам (т. е. ревизорам. – *М.П., И.С.*) поставить на вид неосновательность их донесения» (РБС 1990: 466).

Однако, несмотря на эту резолюцию, Д. Бантыш-Каменский вновь не добился справедливого решения – 16 апреля 1834 г. по Высочайшему повелению он был уволен со службы окончательно. Пользуясь невольным досугом, Дмитрий Николаевич вновь отдался своим литературным занятиям. С 1828 по 1830 г. он дополнил «Историю Малой России» и выпустил второе ее издание (Бантыш-Каменский 1830). После этого написал художественно-исторический роман «Княжна Мария Меншикова» (Бантыш-Каменский 1833). Но основным его занятием стал поиск материалов для задуманного им многотомного «Словаря достопамятных людей русской земли». В предисловии этого издания автор-составитель в концентрированной форме сформулировал свое кредо историка: «Сохранить для потомства подвиги, достойные подражания и, осмеивая слабости, описывая преступления, возвысить цену добродетели» (Бантыш-Каменский 1847).

Историк работал, невзирая на постигшее его горе – уход из жизни супруги (1834 г.), которая оставила на его попечение сына и трех дочерей. Этот капитальный труд Д. Бантыш-Каменского составил к 1836 г. пять томов и являлся в то время «незаменимым пособием для ознакомления преимущественно с новейшим периодом русской истории, по которой не существует вовсе сочинений, систематически обработанных» (Иконников 1891: 93).

Годом ранее Дмитрий Николаевич был восстановлен на государственной службе и определен в Министерство финансов в качестве «присутствующего» в Московском комитете по снабжению войск сукном. В мае 1836 г. последовало более ответственное назначение – губернатором в Вильно. На этом посту Д. Бантыш-Каменский обратил особое внимание на улучшение работы благотворительных заведений, больниц, приютов. Его усилиями была значительно снижена смертность в воспитательном доме «Младенец Иисуса». Но уже спустя два года Бантыш-Каменский подал в отставку (причина такого решения до сих пор остается неясной) (Кравченко 1990а: 93). В 1838 г. Д. Бантыш-Каменский был зачислен в штат Министерства внутренних дел с жалованием 6 000 руб. в год. В августе 1840 г. стал членом Департамента уделов. Государственная служба на этом поприще оставляла ему время и на занятия наукой – в 1840-1841 гг. он подготовил к изданию капитальное четырехтомное собрание

биографий российских военачальников (Бантыш-Каменский 1840-1841).

В то время Д. Бантыш-Каменский достиг высот своей карьеры – 15 апреля 1841 г. он был произведен в тайные советники. Однако это достижение было омрачено смертью его второй жены Елизаветы Осиповны Пузыревской и его шестнадцатилетней дочери (от первого брака) Анастасии. Без матери остались две малолетние дочери. Душевные потрясения, перенесенные вследствие столь тяжелой утраты, серьезно подорвали здоровье Дмитрия Николаевича.

Лишь в сентябре 1844 г., по возвращении из кратковременной поездки за границу, Бантыш-Каменский вновь приступил к занятиям историей, подготовив три дополнительных тома к «Словарю достопамятных людей русской земли». Его самочувствие улучшилось настолько, что Дмитрий Николаевич в 1846 г. сочетался браком с Софьей Александровной Перрен. Подтверждением его заслуг перед Отечеством стало награждение Д. Бантыш-Каменского орденом Св. Владимира II степени (1846 г.). Но медики настоятельно советовали ему отвлечься от дел и уделить больше внимания укреплению здоровья. Прислушавшись к их увещаниям, Дмитрий Николаевич уже в следующем году выехал на лечение в Мариенбад.

Однако восстановить силы ему так и не удалось. По возвращении домой его состояние резко ухудшилось, и 25 января 1850 г. на 62-м году жизни он умер после продолжительной болезни в Петербурге. Согласно воле покойного, его тело было похоронено в Москве в семейном склепе на территории Донского монастыря, о чем сообщал журнал «Москвитянин» (Памяти Н.Д. Бантыш-Каменского 1850: 128).

Полувековая государственная служба и литературные труды принесли Д. Бантыш-Каменскому заслуженную известность и почет, но не обогатили его. Для погашения долговых квитанций его наследникам правительством было выплачено 10 тыс. руб.

Плодотворная творческая деятельность Д.Н. Бантыш-Каменского имела весомые результаты, которые обозначили определенный этап в развитии исторической науки. Кроме исследовательской и литературной, Дмитрий Николаевич вел значительную общественно-научную деятельность. Он являлся членом нескольких научных обществ, в том числе Московского общества истории и древностей российских (с 1823 г.), Московского общества испытателей природы, Королевского копенгагенского общества северных антиквариеров (с 1843 г.).

Он всегда чтит семейные традиции Бантыш-Каменских, которые из поколения в поколение пытались передать накопленные знания и опыт, привить любовь к Отечеству, к изучению и уважению его

истории. Д. Бантыш-Каменский в своем послании к сыну призывал «во всем подражать достопочтенному деду твоему», который «никого не обидел в жизни своей, благодетельствуя каждому, по возможности, был враг роскоши, гнушался гордостью, хранил свято верность Богу и царям, спокойно сошел в могилу, произнеся: “готов”» (Записка Д.Н. Бантыш-Каменского 1889: 194).

Страницы биографии Дмитрия Бантыш-Каменского воссоздают перед нами образ просвещенного талантливого человека первой половины XIX в., которая была наполнена судьбоносными для Российской империи событиями. И хотя он не принадлежал к числу общественных реформаторов, его общественно-политическим взглядам были присущи широта, смелость и независимость. Факты из биографии Дмитрия Николаевича достаточно красноречиво свидетельствуют о его демократических, гуманных устремлениях во время пребывания в губернаторском кресле, обличении бюрократизма царского чиновничества, сочувствии и сопереживании декабристам.

ЛИТЕРАТУРА

Атаманенко 1998 - *Атаманенко А.Є.* Д.М. Бантиш-Каменський – історик України: автореф. дис. ... канд. іст. наук. К., 1998. 16 с.

Атаманенко 2008 - *Атаманенко А.* Дмитро Бантиш-Каменський як історик України // Наукові записки. Історичні науки. Острог, 2008. Вип. 12. С. 159–174.

Бантыш-Каменский 1806 - *Бантыш-Каменский Д.Н.* Россиянин при гробе патриарха Гермогена. М., 1806. 23 с.

Бантыш-Каменский 1810 - *Д. Б. К. [Бантыш-Каменский Д.Н.]* Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810. 192 с.

Бантыш-Каменский 1812–1813 - *Бантыш-Каменский Д.Н.* Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого: в 2 т. М., 1812–1813. Т. 1. 307 с.; Т. 2. 361 с.

Бантыш-Каменский 1813a - *Бантыш-Каменский Д.Н.* Жизнь графа А.А. Мусина-Пушкина. М., 1813. 45 с.

Бантыш-Каменский 1813b - *Бантыш-Каменский Д.Н.* Жизнь преосвященного Амвросия, архиепископа Московского, убиенного в 1771 году. М., 1813. 38 с.

Бантыш-Каменский 1814 - *Бантыш-Каменский Д.Н.* Собрание списков кавалерам четырех императорских российских орденов Св. апостола Андрея, Св. Екатерины, Св. Александра Невского, и Св. Анны, с приложением старых статуты и алфавита кавалеров. М., 1814. 228 с.

Бантыш-Каменский 1822 - *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М.,

1822. Ч. 1. 154 с.; Ч. 2. 324 с.; Ч. 3. 244 с.; Ч. 4. 303 с.

Бантыш-Каменский 1830 - *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. 2-е изд. М., 1830. Т. 1. 470 с.; Т. 2. 296 с.; Т. 3. 375 с.

Бантыш-Каменский 1833 - *Бантыш-Каменский Д.Н.* Княжна Мария Меншикова. М., 1833. 124 с.

Бантыш-Каменский 1836 - *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли: в 8 т. М., 1836. Т. 2. С. 400–401.

Бантыш-Каменский 1840–1841 - *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов: в 4 т. СПб., 1840–1841. Т. 2. 268 с.; Т. 3. 236 с.; Т. 4. 374 с.

Бантыш-Каменский 1847 - *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли. СПб., 1847. Доп. Т. 1. С. 59–86.

Бантыш-Каменский 1873 - *Бантыш-Каменский Д.Н.* Шемякин суд в XIX столетии // Русская старина. СПб., 1873. Т. 7. С. 735–784.

Басаргин 1985 - *Басаргин Н.В.* Записки. Красноярск, 1985. С. 97.

Брокгауз, Эфрон 1891 - *Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. 5. С. 10.

Гуржий 1993 - *Гуржий А.И.* Штрихи к портрету «настоящего историка» // Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. Киев, 1993. С. 5–16.

Записка Д.Н. Бантыш-Каменского 1889 – Записка Д.Н. Бантыш-Каменского на сборнике бумаг его отца // Русская старина. СПб., 1889. Т. 5. С. 194.

Иконников 1891 - *Иконников В. Д.Н.* Бантыш-Каменский // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1891. С. 93.

Кравченко 1990а - *Кравченко В.В. Д.М.* Бантиш-Каменський // Український історичний журнал. Киев, 1990. № 4. С. 88–94.

Кравченко 1990б - *Кравченко В.В. Д.М.* Бантиш-Каменський // Український історичний журнал. Киев, 1990. № 9. С. 72–80.

Кравченко 1992 - *Кравченко В.В.* Рукописна «История Малой России» Д.М. Бантиша-Каменського // Київська старовина. К., 1992. № 5. С. 65–67.

Кравченко 1996 - *Кравченко В.В.* Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.). Харків, 1996. 396 с.

Памяти Д.Н. Бантыш-Каменского 1850 - Памяти Д.Н. Бантыш-Каменского // Москвитянин. 1850. № 4. С. 128.

Письмо А.И. Мусина-Пушкина 1889 - Письмо А.И. Мусина-Пушкина к Д.Н. Бантыш-Каменскому // Русская старина. СПб., 1889. Т. 5. С. 193.

РБС 1900 - Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2. С. 460.

Ясь 2006 - *Ясь О.* «История Малой России» Д. Бантиша-Каменського у світлі дослідницького інструментарію // Український археографічний щорічник. 2006. Вип. 10/11. С. 343–361.

Ясь 2009 - *Ясь О.В.* «Свій» серед «чужих», «чужий» серед «своїх». «История Малой России» Д. Бантиша-Каменського у світлі українсько-російського культурного перехрестя (до 220-річчя Дмитра Бантиша-Каменського) // Український історичний журнал. 2009. № 2. С. 160–194.

Ясь 2015 - *Ясь О.В.* Історіографічна дискусія 1823 р.: рецензія О.Мартоса та

лист Д. Бантиша-Каменського до видавця журналу «Сын Отечества» (вступна стаття) // Український історичний журнал. 2015. № 5. С. 186–191.

REFERENCES

Atamanenko, A.E. (1998) *D.M. Bantish-Kamens'kiy – istorik Ukraïni* [D.N. Bantysh-Kamensky – a historian of Ukraine]. Abstract of History Cand. Diss. Kyiv.

Atamanenko, A. (2008) *Dmitro Bantish-Kamens'kiy yak istorik Ukraïni* [Dmitri Bantysh-Kamensky as a historian of Ukraine]. *Naukovi zapiski. Istorichni nauki*. 12. pp. 159–174.

Bantysh-Kamensky, D.N. (1806) *Rossiyanin pri grobe patriarkha Germogena* [A Russian with the coffin of the patriarch Germogene]. Moscow: A. Reshetnikov.

Bantysh-Kamensky, D. (1810) *Puteshestvie v Moldaviyu, Valakhiyu i Serbiyu* [Travel to Moldavia, Wallachia and Serbia]. Moscow: A. Reshetnikov.

Bantysh-Kamensky, D.N. (1812–1813) *Deyaniya znamenitykh polkovodtsev i ministrov, sluzhivshikh v tsarstvovanie gosudarya imperatora Petra Velikogo: v 2 t.* [Acts of famous generals and ministers who served in the reign of Emperor Peter the Great: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: [s.n.].

Bantysh-Kamensky, D.N. (1813a) *Zhizn' grafa A.A. Musina-Pushkina* [The Life of Count A.A. Musina-Pushkin]. Moscow: [s.n.].

Bantysh-Kamensky, D.N. (1813b) *Zhizn' preosvyashchennogo Amvroziya, arkhiepiskopa Moskovskogo, ubiennogo v 1771 godu* [The Life of Reverend Ambrose, Archbishop of Moscow, killed in 1771]. Moscow: [s.n.].

Bantysh-Kamensky, D.N. (1814) *Sobranie spiskov kavaleram chetyrekh imperatorskikh rossiyskikh ordenov Sv. apostola Andrey, Sv. Ekateriny, Sv. Aleksandra Nevskogo i Sv. Anny, s prilozheniem starykh statutov i alfavita kavalerov* [Collection of lists for the Chevaliers of the four Imperial Russian orders of St. Apostle Andrew, St. Catherine, St. Alexander Nevsky, and St. Anna, with the application of old statutes and the alphabet of cavaliers]. Moscow: [s.n.].

Bantysh-Kamensky, D.N. (1822) *Istoriya Maloy Rossii so vremen prisoedineniya onoy k Rossiyskomu gosudarstvu pri tsare Aleksee Mikhayloviche, s kratkim obozreniem pervobytnogo sostoyaniya sego kraya* [The history of Little Russia from the times of joining it to the Russian state under Tsar Alexei Mikhailovich, with a brief look at the primitive state of this region]. Moscow: S. Selivanovskiy.

Bantysh-Kamensky, D.N. (1830) *Istoriya Maloy Rossii* [History of Little Russia]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: S. Selivanovskiy.

Bantysh-Kamensky, D.N. (1833) *Knyazhna Mariya Menshikova* [Princess Maria Menshikova]. Moscow: [s.n.].

Bantysh-Kamensky, D.N. (1836) *Slovar' dostopamyatnykh lyudey russkoy zemli: v 8 t.* [The Dictionary of the Memorable People of the Russian Land: In 8 vols]. Vol. 2. Moscow: A. Shiryayev. pp. 400–401.

Bantysh-Kamensky, D.N. (1840–1841) *Biografii rossiyskikh generalissimov i general-fel'dmarshalov: v 4 t.* [Biographies of Russian generalissimos and general-field marshals]. St. Petersburg: Ministry of State Property.

Bantysh-Kamensky, D.N. (1847) *Slovar' dostopamyatnykh lyudey russkoy zemli* [The Dictionary of the Memorable People of the Russian Land]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 59–86.

Bantysh-Kamensky, D.N. (1873) Shemyakin sud v XIX stoletii [Unjust trial in the 19th century]. *Russkaya starina*. 7. pp. 735–784.

Basargin, N.V. (1985) *Zapiski* [Notes]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 97.

Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. (1891) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 5. St. Petersburg: Brokgauz–Efron. pp. 10.

Gurzhiy, A.I. (1993) Shtrikhi k portretu “nastoyashchego istorika” [Strokes to the portrait of a “real historian”]. In: Bantysh-Kamensky, D.N. *Istoriya Maloy Rossii ot vodvoreniya slavyan v sey strane do unichtozheniya getmanstva* [The history of Little Russia from the installation of the Slavs in this country until the destruction of the Hetmanate]. Kyiv: Chas. pp. 5–16.

Bantysh-Kamensky, D.N. (1889) *Zapiska D.N. Bantysh-Kamenskogo na sbornike bumag ego ottsa* [Note by D.N. Bantysh-Kamensky on the collection of his father's papers]. *Russkaya starina*. 5. pp. 194.

Ikonnikov, V. (1891) D.N. Bantysh-Kamenskiy [D. Bantysh-Kamensky]. In: Vengerov, S.A. *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenykh* [A Critical-biographical Dictionary of Russian Writers and Scientists.]. St. Petersburg: Semen. tipo-lit. pp. 93.

Kravchenko, V.V. (1990a) D.M. Bantish-Kamens'kiy [D. Bantysh-Kamensky]. *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal*. 4. pp. 88–94.

Kravchenko, V.V. (1990b) D.M. Bantish-Kamens'kiy [D. Bantysh-Kamensky]. *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal*. 9. pp. 72–80.

Kravchenko, V.V. (1992) Rukopisna “Istoriya Maloy Rossii” D.M. Bantisha-Kamens'kogo [A handwritten “History of Little Russia” by D.M. Bantysh-Kamensky]. *Kiivs'ka starovina*. 5. pp. 65–67.

Kravchenko, V.V. (1996) *Narisi z ukrains'koï istoriografii epokhi natsional'nogo Vidrodzhennya (druga polovina XVIII – seredina XIX st.)* [Essays on Ukrainian historiography during the National Renaissance (the second half of the 18th – mid 19th centuries)]. Kharkiv: Osnova.

Anon. (1850) Pamyati D.N. Bantysh-Kamenskogo [In memory of D.N. Bantysh-Kamensky]. *Moskvityanin*. 4. pp. 128.

Musin-Pushkin, A.I. (1889) Pis'mo A.I. Musina-Pushkina k D.N. Bantysh-Kamenskomu [A Letter from A.I. Musin-Pushkin to D.N. Bantysh-Kamensky]. *Russkaya starina*. 5. pp. 193.

Polovtsev, A.A. (1900) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 2. St. Petersburg: General Directorate of Units. pp. 460.

Yas, O. (2006) “Istoriya Maloy Rossii” D. Bantisha-Kamens'kogo u svitli doslidnits'kogo instrumentariyu [“The History of Little Russia” by D. Bantysh-Kamensky in the light of the research toolkit]. *Ukrains'kiy arkhеografichniy shchorichnik*. 10/11. pp. 343–361.

Yas, O.V. (2009) “Sviy” sered “chuzhikh”, “chuzhiy” sered “svoikh”. “Istoriya Maloy Rossii” D. Bantisha-Kamens'kogo u svitli ukrains'ko-rosiys'kogo kul'turnogo perekhrestya (do 220-richchya Dmitra Bantisha-Kamens'kogo) [“At home among

strangers, a stranger among his own". "The History of Little Russia" by D. Bantysh-Kamensky in the light of the Ukrainian-Russian cultural crossroads (to the 220th anniversary of Dmitri Bantysh-Kamensky)]. *Ukraïns'kiy istorichnyi zhurnal*. 2. pp. 160–194.

Yas, O.V. (2015) Istoriografichna diskusiya 1823 r.: retsenziya O. Martosa ta list D. Bantisha-Kamens'kogo do vidavtsya zhurnalu "Syn Otechestva" (vstupna stattya) [Historiographic discussion of 1823: A review of O. Martos and the letter of D. Bantysh-Kamensky to the publisher of the "Syn Otechestva" magazine (an introduction article)]. *Ukraïns'kiy istorichnyi zhurnal*. 5. pp. 186–191.

Палиенко Марина Геннадиевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой архивоведения и специальных исторических дисциплин исторического факультета Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина).

Maryna G. Paliienko – Taras Shevchenko National University of Kyiv (Ukraine).

E-mail: mpaliienko@gmail.com

Срибняк Игорь Владимирович – доктор философии Украинского вольного университета (Мюнхен, Германия), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной истории историко-философского факультета Киевского университета им. Б. Гринченко, ведущий научный сотрудник отдела теории и методологии всемирной истории государственного учреждения «Институт всемирной истории НАН Украины».

Ihor V. Sribnyak – Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine).

E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

УДК 316.733

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/17

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУСИНСКОГО МЕНЬШИНСТВА В СЛОВАКИИ*

П. Кокайсл

Чешский университет естественных наук

Чехия, 165 21, г. Прага, ул. Камыцка, 129

E-mail: pkokaisl@seznam.cz

Авторское резюме

Цель данной работы – показать трансформацию этнической идентичности словацких русинов на примере важных исторических моментов с XIX в. до наших дней (русинское возрождение в Венгрии, эмиграция в заморские края, возникновение Чехословацкой Республики, события, связанные со Второй мировой войной, «расслабленная» политическая атмосфера 60-х гг. XX в., нормализация, период после 1989 г.). Внимание в работе сосредоточено как на основных элементах, составляющих русинскую идентичность, так и на том, насколько ярко выражены эти элементы в зависимости от политической ситуации в тот или иной политический период.

Ключевые слова: русины, Словакия, этническая идентичность, русинская культура, русинская история.

TRANSFORMATION OF THE ETHNIC IDENTITY OF THE RUSIN MINORITY IN SLOVAKIA**

P. Kokaisl

Czech University of Life Sciences

129 Kamýcká, Prague, 165 21, Czech Republic

E-mail: pkokaisl@seznam.cz

* Полевые исследования проведены при поддержке Czech University of Life Sciences в Праге (грант IGA PEF ČZU № 20161020).

** This research was supported by the IGA PEF ČZU under Grant Nr. 20161020.

Abstract

The author studies the transformation of the ethnic identity of Slovak Rusins from the 19th up to the present (Rusin revival in Hungary, emigration to the overseas, emergence of the Czechoslovak Republic, events connected with the Second World War, "relaxed" political atmosphere of the 1960s, the normalisation, and the period after 1989). The identity of the Slovak Rusins has always been characterised by a relatively low specificity towards ethnically, religiously and linguistically different environment. The ethnicity of the Rusins was created mostly through religion that influenced other cultural elements – language, festivals, fasting rules, cuisine. The paper also focuses on the reasons why, according to official statistics, there is an increase in the number of Rusins. One of the possible explanations is the national revival of the Slovak Rusins accompanied by the strengthening of their ethnic identity. However, as this revival is rather timid and not very clearly established in relation to the majority, the author defines it as a very slow disclosure of Rusins' ethnic characteristics.

Keywords: Rusins, Slovakia, ethnic identity, Rusin culture, Rusin history.

Цель исследования – дать ответы на ряд вопросов. Как менялась русинская этническая идентичность на территории современной Словакии? Какие внешние факторы оказывали наибольшее влияние на изменение идентичности? Какие основные элементы культуры прошлого и настоящего формировали и формируют этническую принадлежность русинского населения в Словацкой Республике? Какие элементы русинской культуры больше всего изменились с течением времени?

Литература на основе понимания русинской этнической идентичности. Работы, посвященные русинской этнической идентичности, мы можем разделить в зависимости от того, как их авторы понимают и хотят видеть группу русинов. В настоящее время преобладают те, кто считают русинов отдельной нацией, которая разделена на подгруппы (гуцулы, лемки, бойки). Вероятно, наиболее известным автором, придерживающимся в этом отношении однозначного мнения, является П.Р. Магочий (Magocsi 2014), доказывающий в своей публикации «Народ ниоткуда», что русинский этнос имел четко выраженную этническую идентичность уже в I тысячелетии н. э., когда происходило формирование европейских национальных государств. По мнению Магочия, помимо других культурных элементов русинов, весьма специфической является и архитектура их церквей. Многие авторы, в основном украинские, также занимают достаточно четкую, чаще всего противоположную позицию: по их мнению, русины являются подгруппой (субэтносом) украинской нации. Здесь можно упомянуть,

например, труд «Этнические характеристики русинов», в котором авторы (Марчук, Марчук 2012) обращают внимание на растущую политическую активность русинов в течение последних двадцати лет. Требования, касающиеся признания русинской национальности и языка, считаются русинским сепаратизмом и попыткой русинов создать либо независимое государство, либо, по крайней мере, автономную республику Подкарпатская Русь.

Культурные факторы, оказывающие влияние на этническую идентичность словацких русинов и их трансформацию с конца Второй мировой войны и до наших дней, рассматриваются в публикациях М. Гайдоша и С. Конечного «Положение русинов-украинцев в Словакии в 1948–1953 годы» и «Русины и украинцы в Словакии (1989–1995)». В период независимой Словакии, по мнению этих авторов, государственным органам и общественности удалось сохранить позитивные отношения с русинами и украинцами, несмотря на то что иногда возникали внутренние споры внутри русинского и украинского меньшинства. Среди наиболее значимых культурных элементов авторы упоминают религию и ее роль в использовании русинского языка.

Элементами русинской культуры в Словакии, как материальными, так и нематериальными, занимался в послевоенной Чехословакии целый ряд фольклористов, этнографов и украинистов (Р. Шишкова, М. Мушинка, А. Ковач, Н. Панкевич), которым удалось собрать, проанализировать и сохранить огромное количество материалов из русинских регионов Словакии. Почти все они в своих трудах рассматривали русинов как часть украинского народа или использовали этноним «украинцы-русины». Из современных авторов, занимающихся изучением основных элементов русинской культуры в наши дни, можно отметить Анну Плишкову, которая вносит методический вклад в преподавание русинского языка.

Количество русинов. Словакия является государством, в котором живет в глобальном масштабе наибольшее количество русинов (по официальным данным от национальных статистических управлений). Руси́ны имеют статус национального меньшинства, а их язык, начиная с 1999 г., признан законом одним из девяти языков меньшинств в Словакии. В 2011 г. при переписи населения в Словакии о своей принадлежности к русинской национальности заявили 33 482 чел. Наибольшее число русинов жило в районе Медзилаборце (42,5 %). Во всей Словакии было 36 сел, в которых больше 50 % населения заявляло о своей принадлежности к русинской национальности (Население Словакии 2011).

Одновременно речь идет о государстве, где увеличение числа русинов в десятилетние периоды между отдельными переписями

показывает прирост в десятки процентов (в 2011 г. – увеличение на 38 % по сравнению с 2001 г., в 2001 г. – на 40 % по сравнению с 1991 г.).

Однако как интерпретировать эти цифры? Резкое увеличение числа членов меньшинства может быть вызвано, например, высоким уровнем рождаемости или массовой миграцией. Но словацких русинов ни один из вариантов не касается. В качестве еще одного из возможных объяснений предлагается постоянно протекающее национальное возрождение словацких русинов и укрепление их этнического самосознания. Если назвать текущую ситуацию словацких русинов их национальным возрождением, то следует сразу же добавить, что это возрождение довольно робкое, до сих пор не очень четко установившееся по отношению к окружающему большинству. Скорее, можно говорить об очень медленном раскрытии своих этнических особенностей.

В то время как в предыдущих переписях в Словакии над русинской национальностью преобладала украинская, сегодня ситуация иная – украинскую народность указывает в пять раз меньше людей, чем русинскую. Для многих все еще не является само собой разумеющимся указать при переписи русинскую национальность, несмотря на то что русинами они себя считают. С другой стороны, некоторые указывают, что они русины, всего лишь по привычке, русинами себя на самом деле и не считая. Примером могут являться респонденты в русинской деревне Рунина, где, согласно переписи, более 80 % населения принадлежит к русинской национальности. Часть респондентов считают себя русинами и указывают это при переписи. Некоторые респонденты сообщили, что русинская национальность так же фиктивна и выдумана, как и украинская, но записались как русины. Другие респонденты не помнили, какую национальность при переписи указали – словацкую, русинскую или украинскую. Еще часть респондентов сообщили, что хотя они и русины, но при переписи эту национальность не указали, т.к. не хотят поддерживать представителям современного русинского движения.

Краткий исторический обзор. Учитывая то, что у русинов не было государственности и, кроме того, до сих пор ведутся споры касательно их этногенеза, очень сложно отслеживать и историю русинов на территории современной Словакии. В ходе исторических исследований мы можем столкнуться с множеством подходов, которые часто основаны на предположении, что каждый народ имеет свое старинное наименование, язык, религию, обычаи и территорию.

Из того, что мы о русинах сегодня знаем, следует, что они не образуют нацию в нашем понимании и что речь шла, скорее, о значительно

менее однородной группе. Эта неоднородность на протяжении всей истории углублялась в результате формирования государственных границ на территории, где проживало русинское население. О том, было ли это население действительно русинским, историки ведут споры уже больше века – в зависимости от того, что требовалось доказать, население могло быть русским, словацким, польским, украинским, венгерским...

XIX в. для населения территории современной Словакии был связан с огромной волной эмиграции, вызванной плохими экономическими условиями. Статистические данные периода 1869–1910 гг. показывают на этой территории убыль более полумиллиона человек – речь шла в основном об эмиграции в США (Jakešová 1988).

Русины, принявшие в Америке православие, так же охотно принимали и русскую культуру, отказываясь от культуры первоначальной (Alter 1996). Тем не менее многие русинские эмигранты до 1945 г. поддерживали частые контакты с русинами Словакии и Подкарпатья.

Несмотря на плачевную экономическую ситуацию, приблизительно со второй половины XIX в. на территории современной Словакии начинается один из важных этапов русинского национального возрождения, инициированный событиями революционного 1848 г.

Русины, однако, в отличие от других славянских и неславянских народов, в процессе своего национального возрождения не решили ни одного из фундаментальных вопросов своего национального существования: ни вопрос национальной идентичности, ни вопрос культурной ориентации или литературного языка, ни даже вопрос своего самоназвания (Plišková 2007: 9).

После присоединения территории Подкарпатской Руси к Чехословакии в 1919 г. наступил период динамичного культурного и социально-экономического развития региона. Однако продолжали существовать сомнения, кем же на самом деле являются русины и куда этнически их отнести. В межвоенной Чехословакии русинам Словакии не уделяли особого внимания, в связи с тем, что в большинстве своем они жили на территории Подкарпатской Руси. При переписях население, ранее идентифицировавшее себя русинами, часто записывали украинцами или русскими.

Этноним *русин* все еще не имел четкого определения, хотя обозначение *русины* появляется в международном соглашении, подписанном в Сен-Жермене между Чехословакией и странами-победительницами в 1919 г. (Сборник законов 508/1921). В этом соглашении Чехословакия обязуется обеспечить русинам территориальную и политическую автономию. Другой международный договор Трианона (Сборник законов 102/1922) определил границу между Венгрией и

Чехословакией, и Подкарпатская Русь здесь упоминается как *русинская территория Чехословакии*.

Русины и украинцы существенно отличались от проживавших в Чехословакии меньшинств. Помимо Подкарпатской Руси, их первоначальные поселения ограничивались только северо-восточным районом Словакии.

Провести этнические границы между словаками и русинами в межвоенной Чехословакии было сложно. Однако это не приводило к конфликтным ситуациям, которые бы принципиальным образом нарушили сосуществование обеих этнических общин в Восточной Словакии (Švorc 2015).

Кроме греко-католической религии, еще одной особенностью словацких русинов была их социальная структура, которая проявлялась в отсутствии городского населения, а также связанная с этим минимальная представленность среди экономической и политической элиты. Только с 30-х гг. XX в. русины стали селиться в городах, а еще более значимый перелом наступил в коммунистический период.

То, что русины жили в одном месте, имели одну религию и что это было в основном сельское население, замедляло модернизацию русинского общества, но, с другой стороны, это их защищало от ассимиляции в словацкой и венгерской среде.

С 20-х гг. XX в. заметно существенное расслоение русинов в Чехословакии по политической ориентации. Политическая ориентация стала для русинов очень важной частью их идентичности – на ее основании формировались и предпочтения в использовании национального языка, и предпочтения религиозные (католицизм против православия), и предпочтения этнические (русины как отдельная нация, как часть украинского народа, как славяне под предводительством России).

Во время обсуждения в чехословацком парламенте в 1931 г. депутаты из Подкарпатской Руси указывали, что местное население делится на три группы: группа национальная (украинская), группа великорусская (московская) и группа, которая предпочитает местный диалект (Стенографический протокол 1931).

К концу Второй мировой войны произошло отделение словацких русинов от русинов, проживавших на Подкарпатской Руси. Дело в том, что Восточная Словакия, в отличие от Подкарпатской Руси, не была занята войсками Красной армии и НКВД. Поэтому не представлялось возможным ввести в Восточной Словакии такой жестокий террор, какой имел место на Подкарпатской Руси.

В послевоенный период одновременно проводилась агитация советских властей за то, чтобы оставшиеся в Словакии русины пе-

реселились в Советский Союз. Русины, которые поверили советской пропаганде о богатых хозяйствах, оставшихся от волинских чехов, были жестоко разочарованы – на момент их прибытия большая часть домов была уже занята. Кто попытался вернуться в Чехословакию, тот оказался в тюрьме или в ГУЛАГе. Первое организованное возвращение перемещенных лиц в Чехословакию произошло после смерти Сталина. Возвращение было успешным для 70 % этих людей. Условием было наличие приглашения от близких родственников на родине на постоянное место жительства в Чехословакии (Kruško 2013: 22–32).

С 1945 г. украинское население на территории Словакии становилось привилегированным, и считалось, что оно будет действовать как длинная «рука Москвы». Русинов в этом плане однозначно считали украинцами, а русинский этнос называли вымыслом «венгеризации» (Bobák 2000: 17).

Препятствием на пути украинизации русинов в Чехословакии являлась прежде всего греко-католическая церковь, которая в 1950 г. по приказу правительства была упразднена и объединена с православной церковью. Либерализация атмосферы в Чехословакии в 1968 г. положительно отразилась и на русинах. Помимо восстановления греко-католической церкви (что некоторые православные русины как положительный факт не воспринимали), русинская национальность появляется в чехословацкой Конституции (Сборник законов 144/1968). Русинская национальность всегда в скобках вместе с украинской указывалась затем во всех актах чехословацкого законодательства вплоть до 1989 г.

После 1989 г. наступило возрождение русинского национального меньшинства, причем оно было признано как отдельная национальность, появилась возможность заявить о принадлежности к ней при переписи населения. Даже после распада Чехословакии словацкое правительство продолжало вести дружелюбную политику по отношению к русинам. Помимо финансовой поддержки, которую получают все признанные меньшинства в Словакии, русины с 1997 г. имеют образование и на родном языке. Однако, как это ни парадоксально, но образование, внедрить которое стремились более ста лет назад русинские возрожденцы, в настоящее время большого интереса не вызывает, и русинские школы в Словакии опасаются за свое будущее.

90-е гг. XX в. означали для русинов Восточной Словакии и снижение уровня жизни. По показателям производства и уровню жизни словацкие районы с наибольшим количеством русинов всегда занимали в общенациональных сравнениях места ниже среднего. Среди украинцев и русинов Словакии была чрезвычайно высока

доля членов Коммунистической партии, но т. к. русинские коммунисты могли активно способствовать повышению уровня жизни в селах русинских регионов, то окружение воспринимало их скорее положительно. В 1990-е гг., когда происходила крупнейшая трансформация экономической системы, отсталость Восточной Словакии еще больше усугублялась. Доля русинского (и украинского) экономически активного населения, занятого в сельском хозяйстве, образовании и здравоохранении, была выше среднего при остающейся значительно ниже среднего доле в промышленности и торговле. Русинское население уже в то время не относилось к отсталому – наоборот, доля жителей с высшим образованием была выше, чем в среднем по всей Словакии (Gajdoš, Konečný 2005: 57).

Основные элементы этнической идентичности словацких русинов.

Этническая идентичность словацких русинов никогда не была сильно закреплена и проявлялась скорее как определенное лавирование между идентичностями соседних этносов. Как русины часто заявляют, для них трудно определить, что их как этническую группу объединяет. Однако почти все они так или иначе ссылаются на религиозную традицию.

Религия. С религиозной точки зрения, русины Ужгородской унии 1646 г. (соглашение об административном подчинении прежней православной церкви папскому престолу) были, в сущности, этнической группой, исповедовавшей единую греко-католическую веру. Только секуляризация общества и проникновение православия после Первой и особенно Второй мировой войны нарушили первоначальную однородную религиозную структуру. Посредством принадлежности к греко-католической церкви наиболее часто проявлялось понимание русинской национальности – это было очевидно уже во время русинского национального возрождения в XIX в., когда возникали проблемы с четким определением русинской национальности в Венгрии.

Греко-католическая церковь на территории современной Словакии была тесно связана с Подкарпатской Русью – первое епископство в городе Пряшев, учрежденное в 1815 г., было создано путем исключения из Мукачевской епархии, и Рим называл его русинским (рутенским). Однако область Среднего и Южного Земплина (ныне – Восточная Словакия) осталась под юрисдикцией епископа Мукачевского (де-факто до 1939 г., но юридически весь вопрос был разрешен только после возникновения Кошицкого экзархата в 1997 г.).

Хотя православное движение появилось в Словакии в некоторых русинских селах еще в начале XX в., для венгерских властей все религиозные изменения были крайне нежелательными. Характер этих изменений считали панславистической пропагандой и государственной изменой (Данилец 2012: 105–110).

Вскоре после того как была создана Чехословацкая Республика и границы греко-католической епархии Пряшева не соответствовали государственным границам, в Венгрию попал 21 приход Пряшевской епархии. Ватикан в качестве выхода из этой ситуации в 1923 г. создал специальную греко-католическую апостольскую административную единицу в Мишкольце. Следующая модификация границ Пряшевской епархии произошла в 1938 г., когда Венгрия присоединила некоторые части современной Южной и Восточной Словакии (Coranič 2007).

Переломным годом для греко-католических русинов в Словакии был 1950-й, когда по приказу чехословацкого правительства греко-католическую церковь упразднили и насильственно присоединили к православной церкви. Однако православная церковь в межвоенной Чехословакии страдала разрозненной ориентацией и в основном разделялась на две юрисдикции (Jarnecki, Palinczak 2014: 95):

- Сербскую – при поддержке правительства Чехословакии; между Югославией и Чехословакией сформировался альянс в рамках Малой Антанты;

- Константинопольскую.

Кроме того, существовали православные приходы (и несколько храмов) русских эмигрантов с представителем Русской зарубежной православной церкви епископом Сергием (Раевская-Хьюз 1987: 19).

По числу верующих православная церковь в Чехословакии была значительно «слабее», чем греко-католическая: в 1950 г. к ней относили себя 57 500 верующих (ср.: греко-католиков – 305 654) (Vévoda 2000: 317). Тем не менее после коммунистического переворота в Чехословакии в 1948 г. имело место всестороннее политическое преферирование православной церкви (Московского патриархата), многие члены которой, даже священники, открыто сотрудничали с Коммунистической партией. В мае 1950 г. был инсценирован собор, участники которого единодушно приняли решение о ликвидации греко-католической церкви в Чехословакии и о ее присоединении к православной церкви.

Однако большинство духовенства и верующих православие не приняли и посещали богослужения и получали причастие либо тайно, либо в рамках римско-католической церкви. В то же время представители церкви и верующие, которые отказывались принимать православие, подвергались преследованию. Изменения произошли только в связи с политической либерализацией в Чехословакии в 1968 г., когда греко-католическая церковь была восстановлена.

Это восстановление положило начало ряду споров между греко-католиками и православными в вопросах собственности, связанных с церквями и другими объектами недвижимости. Православную

церковь продолжали связывать с Советским Союзом. Довольно обычным делом было обвинение в том, что она большевистская и служит коммунизму. Споры часто приводили к разрушению имущества церквей, осквернению культовых объектов, принудительному изгнанию священников из приходов (Lurčo 2013: 247–264).

Религия объединяла словацких русинов с русинами в эмиграции. В деревне Рунина стоит православная церковь, которая построена местным населением. Колокола для колокольни были приобретены на средства, собранные жителями села, которые эмигрировали в США. Русинские эмигранты в других местах оказывали финансовую помощь при восстановлении крестов или часовен. Эти религиозные памятники становятся важным элементом русинской общности и «местами памяти», благодаря которым сохраняется их самосознание, которое иначе могло бы быть забыто (Klepetko 2014: 64–79).

В настоящее время русины заявляют о своей принадлежности к греко-католической или православной церкви и лишь в исключительных случаях – к другим церквям или ни к одной из них. Наиболее распространенным фактором, влияющим на принадлежность к конкретной церкви, является семейная традиция. Она же очень хорошо прослеживается и в религиозных праздниках, и в семейных церемониях. Религия формирует идентичность русинов наиболее выразительно, но не отдельно, а вместе с другими аспектами.

По мнению греко-католического священника Мартина Ткачина, именно религия является основой русинской идентичности, из которой исходят все остальные части русинской культуры – *ведь именно через религию передавался язык русинов, формировалось отношение к собственной речи и передавалось этническое самосознание.*

Хотя религия часто упоминается как фактор, «отличающий русинов от их польских, словацких и украинских соседей» (Shea 1999), это не совсем так. Дело в том, что на ней основывается целый ряд других элементов русинской культуры. Например, русинский музей в Чирчи – это музей национальный, но структура экспонатов – преимущественно церковная.

С другой стороны, очевидно, что многие (особенно словацкие и украинские) соседи русинов исповедуют ту же религию, да и сами русины разделены между греко-католицизмом и православием.

Несмотря на описанные сложности в идентификации русинов на территории современной Словакии, во многом вызванные историей заселения региона и спецификой пограничья, доминантой донациональной идентичности русинов, несомненно, являлся конфессио-

нальный фактор: принадлежность к «русской вере» – христианству восточного обряда (Дронов 2015: 125–139).

Язык. Использование собственного языка очень часто является одним из главных столпов этнической идентичности. Язык может очень хорошо послужить в качестве входного билета (или барьера) в среду членов конкретной группы – произношение с определенным акцентом сразу отличает «тех, других» и отделяет их от «нас». Язык, однако, может иметь и другие функции, например, быть высоко оцениваемым наследием предков. Однако со словацкими русинами дело обстоит в значительной степени иначе.

Перепись населения в Словакии довольно убедительно показывает, что собственный язык русинов не является основным элементом, посредством которого строится их этническая идентичность. При переписи 2011 г. указало русинский язык как родной на две трети больше людей (55 469), чем заявивших о своей русинской национальности (33 482). Из тех, кто считают русинский родным языком, лишь 54 % заявляют о своей русинской национальности, а 41 % указывают национальность словацкую (Население Словакии 2011).

Языковая ситуация словацких русинов во многом уникальна, т. к. гораздо чаще у меньшинств по всему миру ситуация совершенно противоположна – число носителей соответствующего языка почти всегда ниже числа людей принадлежащих данной этнической группе.

Языковая ситуация русинских областей была очень разнообразной, и влияли на нее языки соседних этнических групп: на территории Словакии это было в основном влияние венгерского, словацкого, польского, украинского; также влияли на язык и немцы, и евреи.

С точки зрения языка, со второй половины XIX в. стоявшие во главе национального возрождения русинские греко-католические священники в наибольшей мере пропагандировали использование церковнославянского языка. Аналогичное мнение было и у церковной иерархии. Хотя церковным литургическим языком был церковнославянский в львовской редакции, но пастырские послания, метрики и остальные приходские документы велись на так называемом *язычии* (смесь церковнославянского и русинских диалектов) (Švagrovský, Ondrejovič 2004: 129–150).

Еще до возникновения Чехословакии рассматривался вопрос о языке русинов. В Подкарпатье ситуация была относительно спокойной, т. к. русинское население (несмотря на большое количество диалектов) составляло большинство. Но и здесь возникали проблемы в отношении малороссийского / украинского языка. Однако на территории современной Словакии дело обстояло сложнее: разнообразие различных диалектов позволяло историкам и политикам довольно

свободно генерировать идеи о принадлежности местного населения к полякам, венграм, русским, украинцам, словакам, русинам.

Языковой вопрос оставался нерешенным даже после возникновения Чехословацкой Республики. В Словакии сохранялись тенденции словакизации, которые проявлялись, например, при переписи населения, но в некоторых деревнях русинский язык был вытеснен словацким еще до создания Чехословакии (Kontratovič 1924: 4).

Несмотря на то что чехословацкое правительство обязалось защищать этнические меньшинства и обеспечить образование в школах нацменьшинств, у русинов возникла проблема с литературным языком. Хотя языком обучения на Подкарпатской Руси и был объявлен местный язык, его было сложно точно определить, т. к. он не был кодифицирован.

На использование русинского как языка народного влияло стремление адаптироваться к престижным языкам (церковнославянский, венгерский, русский). Положение словацких русинов в межвоенный период значительно отличалось от положения русинов Подкарпатской Руси, хотя обе группы и жили в одном государстве. В то время как на Подкарпатской Руси часть русинской интеллигенции очень вдохновлял язык украинский, в Словакии проукраинские тенденции никогда не достигли такого уровня. Таким образом, в школах преподавали *язычие* – смесь церковнославянского, русского и местного русинского разговорного языков (Kushko 2007: 111–132).

По окончании Второй мировой войны произошел разрыв связей со словацкими русинами на Подкарпатье, которое стало частью СССР. Население Северо-Восточной Словакии в повседневном общении использовало почти исключительно местный диалект. Часть интеллигенции при официальном общении и в переписке обращалась к русскому, но литературным языком никто не владел (Gajdoš, Konečný 1994: 98–99).

Либерализация атмосферы в Чехословакии после 1989 г. принесла с собой и всеобщую ангажированность русинов. Именно поэтому тот период иногда называют Третьим русинским возрождением. В рамках возрождения пришел черед и языка, и 27 января 1995 г. в Братиславе было торжественно объявлено о кодификации русинского языка в Словакии. Его ввели в систему образования Словацкой Республики начиная с 1997/1998 учебного года, с использованием русинских учебников с 1-го по 9-й класс. В Словакии в 2013 г. работали два детских сада: один – с русинским языком воспитания, другой – со словацким и русинским. Кроме того, две начальные школы обучают учеников на русинском, а в одной начальной школе языками обучения стали словацкий и русинский.

Несмотря на то что происходит открытие русинских школ, их дальнейшая работа представляется весьма проблематичной. В словацких деревнях из-за снижения числа учащихся под вопросом существование даже словацких школ. Некоторые родители боятся отправлять своих детей в русинские школы, опасаясь, что позднее у них будут проблемы с преподаванием на словацком.

Кухня. Пища – очень мощный инструмент, помогающий проявить свою собственную (не только этническую) идентичность. Традиционное питание может выражать большое количество символов – религиозных, этнических и социальных.

Многие респонденты, которые только осознают свое русинское происхождение, не используют русинский язык и не соблюдают русинские традиции, однако готовят блюда русинской кухни. Эти блюда, несмотря на то что первоначально их готовили по будням, носят праздничный характер.

Русинская кухня характеризуется большой долей вегетарианских блюд. Среди них на первом месте – блюда из картофеля и капусты. Типично русинским блюдом считаются *татарчани пироги* (вареники из гречневой и пшеничной муки, яиц, соли и воды) с начинкой из сыра, капусты, картофеля, грибов. Еще одним распространенным национальным блюдом является *мачанка*. Это суп из зажарки на сале с соком из квашеной капусты. Популярны были и каши (*кулеш*, *чир*). Вне периода поста их поливали поджаренным на сале луком и запивали молоком или супом.

В словацких ресторанах появляются русинские блюда, хотя русинская кухня повлияла на словацкую только в тех местах, где живут русины. С другой стороны, в Словакии нет ни одного предприятия общественного питания, которое бы специализировалось только на русинской традиционной кухне.

Питание и в настоящее время остается в значительной мере под влиянием греко-католических и православных праздников, традиции которых отражаются в распространенных блюдах повседневной и праздничной жизни. С некоторыми праздниками были связаны типичные блюда, которые, однако, были характерны не только для русинов, но и для окружающего их населения. С небольшими вариациями эти блюда есть и у словаков, живущих как меньшинства в других государствах (Kokaisl 2014: 146).

Во многих деревнях Восточной Словакии русины отличаются от словацкого населения строгостью поста, предшествующего основным праздникам церковного года – Пасхе и Рождеству, а также отказом от определенных продуктов питания во время Великого поста (молоко, яйца и др.).

Праздники. Русинские традиции с начала русинского возрождения в XIX в. и до недавнего прошлого фиксировались целым рядом этнографов. Результаты их работы по-прежнему вызывают большой интерес. Русинские праздники связаны как с временами года, так и с важными датами литургического года. Именно праздники, связанные с церковным календарем, наиболее устойчивы к изменениям и «сопротивляются» исчезновению.

Дело в том, что многие обычаи уже не являются сегодня живыми, их лишь демонстрируют как искусственный фольклор. С другой стороны, в некоторых случаях имеет место заимствование фольклорных элементов и в семейные обряды: так, некоторые русины после просмотра музейных экспонатов или фольклорных выступлений, где были представлены русинские обычаи, хотят возобновить эти обычаи и в своих семьях.

Изменения в способах проведения праздников – это отнюдь не явление последнего времени, процесс идет постепенно. В XX в. исчезли многие праздники (древний праздник *Спаса* как праздник урожая прекратил свое существование уже после Первой мировой войны). Очень популярный праздник дожинок (*обжинок*) исчез после Второй мировой, но был восстановлен после коллективизации. После 2000 г. он был частично изменен, и между некоторыми деревнями на словацкой и польской сторонах границы происходит обмен дожинковыми венками. В качестве еще одного примера можно привести праздник *поминовения усопших* (2 ноября), который ранее в русинских селах не был традиционным. С 60-х по 90-е гг. XX в. происходило заимствование этого праздника от словацких римских католиков, а сегодня он распространен повсеместно. В то же время этот праздник часто становится единственной возможностью встретиться с далекими сородичами (Šišková 2005: 63–65).

Хотя греко-католический обряд и имеет, согласно юлианскому календарю, те же праздники, что и православный, у греко-католических русинов происходят изменения, т.к. они все чаще используют григорианский календарь. До 70-х гг. XX в. русины пользовались юлианским календарем и отмечали Рождество так же, как и православные, – 7 января. В настоящее время большая часть греко-католических русинов празднует его 25 декабря, а меньшая – 7 января, вместе с православными русинами. Однако очень многое зависит от того, когда та или иная семья решит отмечать Рождество. По мнению респондентов, невозможно четко указать, когда русины его празднуют. Некоторые респонденты отметили, что они справляют Рождество дважды: в декабре – в семейном кругу, а затем в январе – с друзьями.

Типичные обычаи празднования у русинов и словаков часто очень похожи или даже совпадают.

Заключение. Оказывается, что русинская этническая идентичность была в прошлом определена очень нечетко. Словацкие русины в течение довольно долгого времени сохраняли определенный образ жизни, формировавший их этническую идентичность (в основном производный от религии).

Русинское национальное возрождение в XIX в. привело к повышению интереса к русинским культурным элементам, но не принесло того, чего достигали другие малые народы, – не произошло однозначного определения национальной идентичности, не был кодифицирован литературный язык и даже название «русины» осталось весьма спорным. Неопределенная и неясная идентичность русинов сохранялась и в XX в. Тем не менее население Восточной Словакии (несмотря на все виды этнонимов, привнесенные извне) сохранило некоторое понимание своей определенной специфики и обособленности от окружения. В настоящее время русинские общества способствуют углублению собственного этнического самосознания. Несмотря на то, что фактическая численность русинов (тех, кто имеет общие культурные элементы, независимо от того, каким этнонимом себя называет) уменьшается, статистически она растет – это связано с тем, что все больше людей заявляют при переписи о своей русинской национальности.

К числу важных факторов, вызвавших трансформацию русинской идентичности, без сомнения, относится, прежде всего, вмешательство государства. Оно достигло даже отдаленных русинских сел и, например, в виде указа о языке обучения, повлияло на развитие (или подавление) использования русинского языка, вернее, широкого спектра его диалектов. Вмешательство государства также принесло и насильственную украинизацию, связанную с ликвидацией столь характерной для русинов греко-католической церкви. Не всегда это вмешательство приносило то, чего государственная власть ожидала. Например, ликвидация греко-католической церкви нередко приводила к большему сплочению русинской общины. С другой стороны, эти меры нередко раскалывали русинскую общину на отдельные лагеря, часто непримиримые. Современное вмешательство государства приносит правовой статус русинской нации и языку, а также поддержку обучения на русинском языке.

Вторым немаловажным элементом являются географические условия. Изолированность русинских сел и незначительность доли русинов, живущих в городах, в значительной мере препятствовали их ассимиляции и позволили сохранить многие культурные особенности

их жизни. С того момента, как транспорт стал более доступен, жители русинских сел чаще подвергаются ассимиляции и одновременно призывам искать работу и новый дом за пределами компактного русинского поселения.

С этим тесно связаны продолжающиеся модернизация и урбанизация, которые влияют не только на русинов. По многим причинам становятся безлюдными ранее очень однородные этнически деревни, жители которых уходят в города. Во многих деревнях исчезают школы, и снижается уровень услуг (магазины, общественное питание). Тем не менее некоторые русины даже после ухода в крупные города не теряют свою этническую идентичность, проявляя ее множеством способов в рамках национальных ассоциаций.

Этничность русинского населения в основном формировала религия восточного обряда, которая в наибольшей мере повлияла на развитие других специфичных культурных элементов – использование языка, праздники, соблюдение правил поста, очень часто связанное и с типичной кухней. Как и у других народов, которые основывают свою этническую самобытность на конкретной религии (ирландцы и англичане, сербы и хорваты и др.), у русинов более верным будет указывать на религиозную традицию, а не на фактическую принадлежность к определенной церкви. Это видно на примере нынешних русинов, которые могут быть и неверующими, но, несмотря на это, свою русинскую идентичность без религиозных традиций часто не способны определить. Еще один пример – православные русины, живущие в диаспоре: даже если у них есть возможность посещать православные службы (которые в большинстве своем посещают русские и украинцы), они предпочитают богослужения католические (с более высокой долей русинов).

Сегодня среди русинов присутствует все большее желание использовать свой язык. Многие из них начинают рассматривать в качестве критерия полноценной нации «триединство», взаимосвязь трех элементов – народа, территории и языка. Однако языковая ситуация словацких русинов уникальна тем, что русинский как родной указывают значительно больше человек, чем заявляющих о своей русинской национальности. И этот факт свидетельствует о не очень твердом осознании русинской принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА

Данилец 2012 - *Данилец Ю.В.* К истории православного движения в с. Берегово в Восточной Словакии // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы XI Междунар. науч. конф. Иваново, 2012.

Дронов 2015 - *Дронов М.Ю.* К вопросу об этнонациональной этнической идентичности русинов Словакии (XIX – начало XX в.) // Исторический формат. 2015. № 2. С. 125–139.

Марчук, Марчук 2011–2012 - *Марчук В., Марчук Н.* Етнічні особливості русинів // Етнос і культура. 2011–2012. № 8–9. С. 22–27.

Население Словакии 2011 - Население Словакии *Obyvateľstvo podľa národnosti*. Статистическое управление Словацкой Республики. URL: <http://www.statistics.sk> (дата обращения: 18.09.2017).

Раевская-Хьюз 1987 - *Раевская-Хьюз О.* Памяти владыки Сергия Пражского. New York: R.B.R., 1987.

Сборник законов - Сборник законов Чехословакии, 102/1922 Sb., 508/1921 Sb., 144/1968 Sb.

Стенографический протокол 1931 - Стенографический протокол 148-го заседания Национального собрания, 26.11.1931. URL: <http://bit.ly/steno148> (дата обращения: 18.09.2017).

Alter 1996 - *Alter P.T.* The creation of multi-ethnic peoplehood // Journal of American Ethnic History. 1996. № 3. С. 3–21.

Bobák 2000 - *Bobák J.* Rusíni a Akcia P. // Kultúra. 2000. № 16.

Coranič 2007 - *Coranič J.* The History of the Greek-Catholic Church in Slovakia // Folia Historica Cracoviensia. 2007. № 13. С. 21–31.

Gajdoš, Konečný 1994 - *Gajdoš M., Konečný S.* Postavenie Rusínov-Ukrajincov na Slovensku 1948-1953. Praha: AV ČR, 1994.

Gajdoš, Konečný 2005 - *Gajdoš M., Konečný S.* Rusíni a Ukrajinci na Slovensku v procesoch transformácie. Prešov: Universum, 2005.

Jakešová 1988 - *Jakešová E.* Reemigrácia a vysťahovalectvo obyvateľstva Slovenska. Martin: Matica slovenská, 1988.

Jarnecki, Palinczak 2014 - *Jarnecki M., Palinczak M.* Kwestie i spory religijne na terenie Rusi Zakarpackiej w czechosłowackim epizodzie jej dziejów // Sprawy Narodowościowe. 2014. № 45. С. 88–105. <https://doi.org/10.11649/sn.2014.025>

Klepetko 2014 - *Klepetko R.* Současná role národní identity aneb proč (ne) stavíme památníky // Kulturní studia. 2014. № 1. С. 64–79.

Kokaisl 2014 - *Kokaisl P.* Po stopách Slovákov ve východní Evropě. Praha: Nostalgie, 2014. <https://doi.org/10.13140/RG.2.1.1043.0801>

Konratovič 1924 - *Konratovič I.* Otkrytoje pismo do vnimanija Americkoj Slovanskoj Ligi // Russkoe slovo. 15.11.1924. С. 4.

Kruško 2013 - *Kruško Š.* Slovenskí presídlenci // Život. 2013. № 30. С. 22–32.

Kushko 2007 - *Kushko N.* Literary Standards of the Rusyn Language // The Slavic and East European Journal. 2007. № 1. P. 111–132.

Lupčo 2013 - *Lupčo M.* Sondáž do typológie konfliktov medzi gréckokatolic-

kou a pravoslávnu cirkvou v období normalizácie // *Historica Olomucensia*. 2013. № 45. S. 247–264.

Magocsi 2014 - *Magocsi P.R.* Národ odnikud. Užhorod: V. Paďak, 2014.

Plišková 2007 - *Plišková A.* Rusínsky jazyk na Slovensku. Prešov: MPC, 2007.

Shea 1999 - *Shea J.J.* Light From the East // *America*. 1999. № 15.

Šišková 2005 - *Šišková R. et al.* Ukrajinská nářečí Slovenska. Praha: AV ČR, 2005.

Švagrovský, Ondrejovič 2004 - *Švagrovský Š., Ondrejovič S.* Východoslovenský jazykový separatizmus v 19. a 20. storočí // *Slovenská reč*. 2004. № 3. S. 129–150.

Švorc 2015 - *Švorc P.* Rusíni a problém vymedzenia ich územia v druhej polovici 19. a na začiatku 20. storočia // *Acta historica Neosoliensia*. 2015. № 18. S. 180–198.

Vévoda 2000 - *Vévoda R.* Řeckokatolická církev za komunistické diktatury // *Getsemany*. 2000. № 112. S. 317.

REFERENCES

Danilets, Yu.V. (2012) K istorii pravoslavnogo dvizheniya v s. Berekhovo v Vostochnoy Slovakii [On the Orthodox movement in Berekhovo in Eastern Slovakia]. In: Kornikov, A.A. (ed.) *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rosii XX veka* [State, society, church in Russian history of 20th century]. Ivanovo: Ivanovo State University.

Dronov, M.Yu. (2015) K voprosu ob etnonatsional'noy etnicheskoj identichnosti rusinov Slovakii (XIX – nachalo XX v.) [On the ethnonational ethnic identity of the Ruins in Slovakia (the 19th – early 20th century)]. *Istoricheskiy format*. 2. pp. 125–139.

Marchuk, V. & Marchuk, N. (2011–2012) Etnichni osoblivosti rusiniv [Ethnic specificity of Rusins]. *Etnos i kul'tura*. 8–9. pp. 22–27.

Statistical Office of the Slovak Republic. (2011) *Naselenie Slovakii. Obyvateľstvo podľa národnosti* [Population of Slovakia. Population by nationality]. [Online] Available from: <http://www.statistics.sk> (Accessed: 18th September 2017).

Rayevskaya-Hughes, O. (1987) *Pamyati vладыki Sergiya Prazhskogo* [In memory of Sergius of Prague]. New York: R.B.R.

Czechoslovakia. (n.d.) *Sbornik zakonov Chekhoslovakii* [Collection of Laws of Czechoslovakia]. 102/1922 Sb., 508/1921 Sb., 144/1968 Sb.

National Assembly. (1931) *Stenograficheskiy protokol 148-go zasedaniya Natsional'nogo sobraniya, 26.11.1931* [Verbatim record of the 148th meeting of the National Assembly, November 26, 1931]. [Online] Available from: <http://bit.ly/steno148> (Accessed: 18th September 2017).

Alter, P.T. (1996) The creation of multi-ethnic peoplehood. *Journal of American Ethnic History*. 3. pp. 3–21.

Bobák, J. (2000) Rusíni a Akcia P [The Rusins and Action P]. *Kultúra*. 16.

Coranič, J. (2007) The History of the Greek-Catholic Church in Slovakia. *Folia Historica Cracoviensia*. 13. pp. 21–31. DOI: 10.2478/v10154-010-0004-8

Gajdoš, M. & Konečný, S. (1994) *Postavenie Rusínov-Ukrajincov na Slovensku*

1948–1953 [Status of Rusins-Ukrainians in Slovakia in 1948–1953]. Prague: AV ČR.

Gajdoš, M. & Konečný, S. (2005) *Rusíni a Ukrajinci na Slovensku v procesoch transformácie* [Rusins and Ukrainians in Slovakia in transformation processes (1989–1995)]. Prešov: Universum.

Jakešová, E. (1988) *Reemigrácia a vysťahovalectvo obyvateľstva Slovenska* [Re-emigration and emigration of the population of Slovakia after the establishment of Czechoslovakia]. Martin: Matica slovenská.

Jarnecki, M. & Palinczak, M. (2014) Kwestie i spory religijne na terenie Rusi Zakarpackiej w czechosłowackim epizodzie jej dziejów [The issues and religious disputes in Carpathian Rusins in Czechoslovak period]. *Sprawy Narodowościowe*. 45. pp. 88–105. DOI: 10.11649/sn.2014.025

Klepětka, R. (2014) Současná role národní identity aneb proč (ne)stavíme památníky [The current role of national identity or why we build (or do not build) monuments]. *Kulturní studia*. 1. pp. 64–79.

Kokaisl, P. (2014) *Po stopách Slováků ve východní Evropě* [In the footsteps of the Slovaks in Eastern Europe]. Prague: Nostalgie. DOI: 10.13140/RG.2.1.1043.0801

Kontratovič, I. (1924) Otkrytoje pismo do vnimanija Americkoj Slovanskoj Ligi [Original written in the Latin alphabet]. *Russkoe slovo*. 15th November. pp. 4.

Kruško, Š. (2013) Slovenskí presídlenci [Resettled person from Slovakia]. *Život*. 30. pp. 22–32.

Kushko, N. (2007) Literary Standards of the Rusyn Language. *The Slavic and East European Journal*. 1. pp. 111–132.

Lupčo, M. (2013) Sondáž do typológie konfliktov medzi gréckokatolíckou a pravoslávnu cirkvou v období normalizácie [Investigating the typology of conflicts between the Greek-Catholic and Orthodox Churches in the period of normalisation]. *Historica Olomucensia*. 45. pp. 247–264.

Magocsi, P.R. (2014) *Národ odnikud: ilustrované dějiny karpatských Rusínů* [The people from nowhere: An illustrated history of Carpatho-Rusins]. Užhorod: V. Paďak.

Plišková, A. (2007) *Rusínsky jazyk na Slovensku: náčrt vývoja a súčasné problémy* [The Rusin language in Slovakia: A sketch of development and current problems]. Prešov: MPC.

Shea, J.J. (1999) Light From the East. *America*. 15.

Šišková, R. et al. (2005) *Ukrajinská nářečí Slovenska* [The Ukrainian dialect of Slovakia]. Prague: AV ČR.

Švagrovský, Š. & Ondrejovič, S. (2004) Východoslovenský jazykový separatizmus v 19. a 20. storočí [East-Slovak language separatism in the 19th and 20th centuries]. *Slovenská reč*. 3. pp. 129–150.

Švorc, P. (2015) Rusíni a problém vymedzenia ich územia v druhej polovici 19. a na začiatku 20. storočia [Rusins and the problem of defining their territory in the second half of the 19th – early 20th century]. *Acta historica Neosoliensia*. 18. pp. 180–198.

Vévoda, R. (2000) Řeckokatolícká církev za komunistické diktatury [Greek catholic church during the Communist dictatorship]. *Getsemany*. 112. pp. 317.

Кокайсл Петр – доктор культурной и социальной антропологии, доцент кафедры психологии и исследований культур факультета экономики и менеджмента Чешского университета естественных наук (Чехия).

Petr Kokaisl – Czech University of Life Sciences (Czech Republic).

E-mail: pkokaisl@seznam.cz

УДК 94 (478).084

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/18

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МОСКОВСКОГО И БУХАРЕСТСКОГО ПАТРИАРХАТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х гг. И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДВОРЬЯ РПЦ В БУХАРЕСТЕ

В.А. Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
Молдова, Приднестровье, 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 107
E-mail: sodol-slav@yandex.ru

Авторское резюме

Раскрываются слабоизученные аспекты восстановления канонического общения между Русской и Румынской православными церквями, прерванного в 1918 г. в связи с аннексией Бессарабии Румынским Королевством и распространением юрисдикции Бухарестского патриархата на приходы РПЦ в крае. Освещаются детали визита епископа Кишиневского и Молдавского Иеронима в качестве главы делегации РПЦ в Бухарест в 1945 г., в результате которого был возобновлен диалог между православными церквями. Особое внимание уделено процессу восстановления подворья РПЦ в Бухаресте как постоянного представительства Московской патриархии в Румынии. Раскрыты не освещавшиеся прежде в научной литературе вопросы ремонта и восстановления росписи храма, подбора кандидатуры его настоятеля, уникального опыта совместного служения в этом храме представителей Румынской, Болгарской и Русской церквей, а также иные аспекты функционирования данного храма во второй половине 1940-х гг.

Ключевые слова: Бессарабия, Транснистрия, Румыния, Московский патриархат, Румынский патриархат, церковное подворье, Русская православная церковь.

THE RELATIONSHIPS OF THE MOSCOW AND BUCHARESTIAN PATRIARCHATES IN THE SECOND HALF OF THE 1940s AND THE RESUMPTION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH METOCHION ACTIVITIES IN BUCHAREST

V.A. Sodol'

Taras Shevchenko State University of Transnistria
107 25 Oktober Street, Tiraspol, 3300, Transnistria, Moldova
E-mail: sodol-slav@yandex.ru

Abstract

The paper explores some aspects of the resumption of canonical communication between the Russian and Romanian Orthodox Churches interrupted in 1918 after the annexation of Bessarabia by the Romanian kingdom and extension of the Bucharest Patriarchate jurisdiction to the ROC parishes in the province. The aggressive policy of Bucharest, which annexed Bessarabia and captured the ROC parishes in 1918 led to the lack of contacts between the Russian and the Romanian Churches in the 1920s – mid 1940s. In the summer of 1941 Romania annexed Transnistria and founded its own Church mission. When Transnistria and Moldavia were liberated from Romanian occupation, the Russian Orthodox Church regained its temples, with the mission to resume the relationships between the Russian and Romanian Orthodox churches. The Russian Orthodox Church delegation headed by Bishop Ieronim (Zakharov) was sent to Bucharest in the spring of 1945. In 1946, Patriarch of the Romanian Orthodox Church Nicodim (Muntyanu) suggested opening the Church as a metochion of the Russian Orthodox Church in Bucharest. In 1947, Patriarch of Moscow and all Russia Alexey (Simansky) allocated 100 million lei for the renovation of the building of St. Nicholas Church in Bucharest. The most important problem was rector election, which was attended by the representatives of the Chisinau diocese, Moscow Patriarchate and USSR state authorities. As a result, Archpriest Pavel Statov was elected Rector of the Russian Church in Bucharest. He rebuilt and restored the St. Nicholas Church in the short term and contributed to the transformation of the metochion in the Slavic-Orthodox centre. In the second half of the 1940s the contacts between the Russian and Romanian Patriarchates resumed.

Keywords: Bessarabia, Transnistria, Romania, Moscow Patriarchate, Romanian Patriarchate, church metochion, Russian Orthodox Church.

В середине 40-х гг. XX в. конструктивные отношения между Русской и Румынской церквями отсутствовали. Причинами этого послужили действия румынской стороны, выразившиеся, прежде всего, в аннексии в 1918 г. Бессарабской губернии России, изгнании с ее территории русских церковных иерархов и захвате епархий Кишиневской и Хотинской (Шорников 2010: 140–154). Затем, перейдя осенью 1924 г. на новоюлианский календарь («новый стиль») взамен юлианского, Румынская православная церковь (далее – РумПЦ) нарушила единство православного мира, вступив в конфликт с патриархами Александрийским, Антиохийским, Иерусалимским и Московским, не принявшими эту реформу (Православие 2009: 119). Еще одним агрессивным актом стал запрет на проведение богослужений в церквях Бессарабии по церковно-богослужебным книгам на церковнославянском языке, что привело к уголовному преследованию местных священников (в частности, будущего епископа Кишиневского Венедикта (Полякова)), не исполнявших данное распоряжение румынского Синода (Шорников 2010: 154–182). Обострению напряженности румыно-русских церковных отношений способствовали также захват Румынией летом 1941 г. земель между Днестром и Южным Бугом (т. н. Транснистрии) и установление на территории Одесской епархии Русской православной церкви (РПЦ) собственной церковной администрации, участвовавшей в реализации антинародной политики румынских оккупационных властей (Шорников 2011: 162–187). После освобождения Красной армией края от немецко-румынских захватчиков и возвращения РПЦ на свою каноническую территорию, а также успешного антифашистского восстания в Бухаресте в августе 1944 г. возникли благоприятные условия для возобновления отношений между двумя православными церквями.

Следует отметить, что в научной литературе как светских исследователей, так и авторов из среды духовенства процесс возобновления отношений между Русским и Румынским патриархатами по окончании Великой Отечественной войны длительное время подробно не освещался. Так, церковный историк протоиерей Владислав Цыпин в своей монографии (Цыпин 1997: 142) лишь упомянул о восстановлении церковного общения между Московским и Румынским патриархатами и обмене визитами их предстоятелей. Предельно краткая информация о визите в Румынию в 1945 г. делегации РПЦ во главе с епископом Иеронимом (Захаровым) дана в работе иеромонаха Иосифа (Павлинчука) (Павлинчук 2004). Существенно больше вни-

мания интересующей нас проблеме было уделено в коллективной монографии сотрудников Института славяноведения РАН, посвященной изучению вопросов государственно-церковных отношений в странах Восточной Европы на этапе зарождения и функционирования политических режимов советского типа (Волокитина и др. 2008). В первом разделе монографии «Власть и православные церкви в СССР и странах Восточной Европы (1944–1953 гг.)», написанном Т.В. Волокитиной, были раскрыты предпосылки нормализации взаимоотношений Русской и Румынской православных церквей в первые послевоенные годы. Ею также были охарактеризованы факторы, не только способствовавшие, но и препятствовавшие взаимному сближению патриархатов. Помимо этого, Татьяна Викторовна выделила и осветила основные события на пути восстановления взаимоотношений между двумя церквями (Волокитина и др. 2008: 84, 85, 191, 193, 202). Изложенные здесь сведения, в частности о целях миссии делегации РПЦ в Бухаресте весной 1945 г., дополняют очерк истории православия в Молдавии, подготовленный В.И. Пасатом (Православие 2009: 78). Попытку освещения урегулирования в послевоенные годы отношений между Московским и Бухарестским патриархатами предпринял Н.В. Стратулат (Стратулат 2010), посвятивший этой проблеме один из параграфов своего диссертационного исследования. Основываясь исключительно на опубликованных материалах, автор представил краткие сведения об основных шагах, сделанных сторонами для нормализации межцерковных отношений: визите делегации РПЦ в Бухарест весной 1945 г., обмене посланиями предстоятелей церквей, взаимных визитах патриархов Никодима (Мунтяну) и Алексия (Симанского) (Стратулат 2010: 209–220). Тем самым, усилиями исследователей выявлены причины разрыва взаимоотношений РумПЦ и РПЦ, найдены и охарактеризованы факторы, способствовавшие послевоенному сближению двух церквей, освещены важнейшие события этого процесса. В то же время при акцентировании внимания на явлениях институционального порядка из сферы исследовательских интересов «выпали» нужды и чаяния рядовых верующих, в частности представителей диаспоры российских эмигрантов, в силу различных обстоятельств оказавшихся на территории Румынского Королевства и лишенных на протяжении нескольких десятилетий возможности духовного окормления по канонам русского православия.

Между тем возможность осветить этот пласт взаимоотношений Московского и Бухарестского патриархатов представляют имеющиеся в распоряжении исследователей источники. Так, в документальных сборниках, подготовленных сотрудниками Института славяноведения РАН (Власть 2009а, Власть 2009b) и членом-корреспондентом Ака-

демии наук Республики Молдова В.И. Пасатом (Православие 2009), были опубликованы некоторые документы (справки, отчеты, информационные письма, материалы ТАСС и пр.), позволяющие проследить процесс урегулирования взаимоотношений между Московским и Бухарестским патриархатами и осветить некоторые аспекты функционирования Русской церкви в Бухаресте. Опубликованная переписка патриарха Алексия (Симанского) с председателем Совета по делам РПЦ (СДРПЦ) Г.Г. Карповым (Письма патриарха 2009: 321–322, 522–523) предоставляет возможность выяснить вопрос о выборе кандидата на должность настоятеля этого храма. Однако наиболее детально охарактеризовать процесс возвращения Никольского храма в Бухаресте в юрисдикцию РПЦ и возобновления его деятельности позволяют материалы фонда СДРПЦ Государственного архива Российской Федерации, а также фонда В.М. Молотова Российского государственного архива социально-политической истории, содержащие, в частности, отчеты о проверке деятельности его настоятеля, финансовый отчет, информационные сообщения ТАСС, связанные с функционированием этого храма, и другие уникальные документы.

По утверждению Т.В. Волокитиной, патриарх Алексей I мечтал о международном триумфальном шествии русского православия, создании, по его словам, «московского Ватикана», внутреннем расширении церкви (Волокитина и др. 2008: 85). Также не были чужды идеи установления гегемонии РПЦ в православном мире И.В. Сталину, который склонялся к созданию в лице Московской патриархии «ядра», способного впоследствии объединить вокруг себя православные церкви. В налаживании добрососедских контактов, по мнению профессора П. Константинеску-Яшь, *«...после первых поражений, и особенно после Сталинграда»* оказалась заинтересована и румынская сторона: *«некоторые военные священники возвратились домой с другими идеями, а некоторые из них начали выступать даже в пользу Советов»* (Власть 2009а: 92).

Шаги по взаимному сближению двух православных церквей начали предприниматься уже на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Так, в разгар Ясско-Кишиневской операции, после совершения антифашистского переворота в Бухаресте, к верующим и духовенству Румынии обратился местоблюститель патриаршего престола РПЦ митрополит Алексей (Симанский), приветствовавший решение румынского правительства и народа *«выйти из войны и порвать преступную связь с фашистской Германией»* и призвавший *«Благословение Божие от лица общей нашей Матери – Церкви православной... на каждого из вас, вступившего на верный и благословенный путь смертельной борьбы с сатанинскими силами темного*

и безумного фашизма» (Власть 2009а: 46, 48). Спустя несколько дней румынский патриарх Никодим (Мунтяну) направил на имя советского военного командования письмо, в котором выражал благодарность за то внимание, с которым советские войска отнеслись к РумПЦ (Стратулат 2010: 210, 211). В дальнейшем возобновлению взаимоотношений между Русской и Румынской православными церквями способствовали участие румынской делегации в Поместном соборе РПЦ, избравшем патриархом Алексия I (Симанского), визит делегации РПЦ под руководством епископа Кишиневского Иеронима (Захарова) в Румынию, взаимные визиты представителей в Бухарест (1946 г.) и Москву (1947 г.) (Содоль 2016: 11–16).

Своеобразной «пробой сил» на пути восстановления доверительных отношений между церквями стал вопрос об открытии храма РПЦ в Бухаресте. Как известно, в свое время Советская Россия публично отказалась от «поповского добра», однако после войны эта категоричная и противоречившая здравому смыслу позиция начала постепенно меняться. В СДРПЦ считали необходимым вернуть Русской церкви существовавшие до революции посольские храмы (в крупнейших городах мира их насчитывалось более 50), а затем развернуть на их основе духовные миссии (Волокитина и др. 2008: 88).

Один из таких храмов был возведен в Бухаресте в 1905–1909 гг. по инициативе посла Российской империи М.И. Гирса для русских православных прихожан. На строительство посольской церкви императорским двором было выделено 600 тыс. зол. руб. Осветили ее 26 ноября 1909 г. предстоятель РумПЦ митрополит Атанасий (Миронеску) и епископ Кронштадтский Владимир (Путята) (Бухарестский храм 2011). Накануне оккупации столицы Румынии войсками Центральных держав в конце 1916 г. храм был закрыт, а клир и большая часть утвари эвакуированы в Петроград. С 1921 г. благодаря усилиям русской общины был сформирован приходской совет, появился настоятель, и церковь вновь стала действующей (Возрождение церкви 2010). Однако после установления дипломатических отношений между Румынией и СССР, по согласованию с представительством последнего, в 1934 г. Никольский храм перешел в юрисдикцию РумПЦ и был передан Бухарестскому университету (Бухарестский храм 2011). Таким образом, в стране не осталось храмов, в которых бы богослужение осуществлялось на церковнославянском языке по канонам РПЦ.

Между тем в Румынии, по некоторым данным, проживало свыше 200 тыс. украинцев и русских, в частности в Добрудже – до 90 тыс., в Буковине – около 81 тыс., в Банате – 15 тыс. и в Марамуреше – 37 тыс. чел. (Власть 2009b: 140). Несмотря на все попытки денационализировать украинцев и русских, такие, как жестокие преследования даже

за разговор на родном языке, это население полностью сохранило свою речь. Тем не менее в местностях с компактным проживанием этих национальностей в приходах работали священники-румыны, которые совершали богослужения на румынском языке и недружелюбно относились к РПЦ, которую они систематически чернили в глазах славянских верующих (Власть 2009b: 141).

Неудивительно поэтому, что уже в ходе визита в Бухарест делегации РПЦ ее глава епископ Иероним стал получать многочисленные просьбы об открытии русских храмов в Румынии. Например, 20 мая 1945 г. в храме Св. Спиридония «в знак братской любви и единства между двумя православными церквями – Русской и Румынской» делегация РПЦ в сослужении с румынским духовенством совершила божественную литургию при огромном стечении народа. Порядок богослужения был русский, Евангелие читалось на церковнославянском языке, хор певчих исполнял песнопения попеременно на румынском и церковнославянском. Музыка песнопений была по преимуществу русских композиторов. Богослужение завершилось архиерейским благословением всех богомольцев. Некоторые из них, русские по происхождению, подходили к членам делегации и просили возбудить ходатайство перед властями об отдаче в распоряжение русских православных храма, принадлежавшего прежде русскому посольству, чтобы можно было в нем организовать богослужение для русских на церковнославянском языке (Кузнецкий 1945: 34).

В дальнейшем этот вопрос был поднят уже самим предстоятелем РумПЦ Никодимом в ходе его ответного визита в Москву с 27 октября по 1 ноября 1946 г. В частности, он выразил готовность передать Московской патриархии одну церковь в Бухаресте для организации русского подворья, которая должна была обслуживаться назначенным Московской патриархией священником (Православие 2009: 210–212). При этом румынский патриарх просил своего русского коллегу разрешить приезд в Москву представителя Румынской патриархии, который бы, в свою очередь, поддерживал связь между Румынской и Русской православной церквями и совершал службы в одном из московских храмов по указанию Московской патриархии (ГАРФ 1: 133). Вероятно, что тогда же был положительно решен вопрос о передаче храма, находившегося в столице Румынии, в распоряжение РПЦ. Однако и после этого некоторые важнейшие проблемы – ремонт здания церкви, назначение ее настоятеля, формирование приходского совета и проч. – длительное время не разрешались. Происходило это, видимо, из-за позиции патриарха Никодима, который, по информации некоего «Михая» (агента безопасности) испытывал «страх подчинения» Румынской церкви Московской

патриархии, которую румынский предстоятель воспринимал прежде всего как церковь «советскую», т.е. полностью подчиненную режиму (Волокитина и др. 2008: 202).

Следует заметить, что Русская церковь в Бухаресте, которая была отведена патриархом Румынии для организации подворья РПЦ, по мнению русского духовенства, по своей архитектуре и внутреннему убранству являлась самой лучшей в городе (ГАРФ 2: 99). Построенный по проекту академика архитектуры В.А. Преображенского храм был увенчан семью золочеными куполами, его резной деревянный иконостас был изготовлен по образцу иконостаса церкви Двенадцати апостолов Московского Кремля и расписан В.М. Васнецовым (Бухарестский храм 2011). Церковная роспись площадью 1 500 м² была выполнена маслом в византийском и святогорском стиле художником Васильевым (Возрождение церкви 2010).

Однако, по свидетельству епископа Кировоградского и Одесского Сергия (Ларина), дважды останавливавшегося в городе в апреле 1945 г., она находилась *«...в полном беспорядке, чудная живопись в "васнецовском" стиле, но покрытая копотью...»* (Власть 2009а: 156). Сам патриарх Алексей отмечал, что *«этот храм – замечательной архитектуры, в настоящее время находится в состоянии крайнего упадка»* (ГАРФ 2: 116).

Вопрос о ремонте этого храма был затронут в ходе ответного визита в Румынию Патриарха Московского и всея Руси Алексия с 29 мая по 11 июня 1947 г., когда он передал на его восстановление 100 млн румынских леев (ГАРФ 2: 79). Уже в конце июня начались неотложные ремонтные работы по перекрытию крыш первого яруса, нижнего и большого верхнего куполов, смене водосточных труб и ремонту карнизов. Вместе с этим была составлена смета полного капитального ремонта церкви, включавшая:

- 1) восстановление центрального отопления (котла, отопительной и водопроводной системы);
- 2) подводку газа к центральному отопительному котлу церкви (раньше церковь отапливалась углем и дровами, что вызывало большие расходы по отоплению);
- 3) проверку и ремонт всего электроосвещения;
- 4) покраску масляной краской внутренних помещений церкви и другие работы, связанные с ее реставрацией.

По оценкам специалистов, стоимость всех вышеуказанных работ составляла 8 870 инвалютных рублей, или 3 993 150 000 румынских леев (ГАРФ 2: 80). По имеющимся данным, требовавшаяся для восстановления храма сумма была выделена из средств Московской патриархии уже в июле 1947 г. (ГАРФ 2: 116).

О целесообразности предпринимавшихся Московской патриархией и Советским посольством в Румынии усилий свидетельствовало и собрание представителей русского, сербского и болгарского населения, состоявшееся 7 сентября 1947 г. Собрание избрало церковный совет русской церкви (ГАРФ 2: 103). Выступавшие на собрании горячо приветствовали возобновление работы Русской церкви в Бухаресте и подчеркнули необходимость дальнейшего укрепления духовных связей между всеми славянскими народами. В составленном на имя патриарха Алексия письме 250 участников этого мероприятия отмечалось: *«Русская церковь не может оставаться безучастной к тому, что религиозные нужды русских людей за рубежом остаются без удовлетворения. Русская церковь в Бухаресте при условии надлежащей постановки богослужебного и проповеднического дела помимо своей прямой задачи – дать нравственную опору “всякой душе христианской, скорбящей, озлобленной, милости Божией и помощи требующей” – могла бы также послужить могучим орудием патристической пропаганды, напоминая каждому русскому, пребывающему в Румынии, о кровной и неразрывной связи его с родным народом и о священной обязанности быть “во всякое время и во всякий час” на стороне интересов духовно вскормившей его матери-России. Если вызванные исторической необходимостью тяжелые потрясения, пережитые всей Россией, имели своим неизбежным последствием духовное разъединение русских людей, то в настоящий момент, когда создается новая Россия, высшие духовные власти государства Российского должны, по нашему мнению, употребить все свое влияние для восстановления духовного единства русского народа, дабы в грозный час опасности, если таковая когда-нибудь настанет, вся Россия могла явить миру несокрушимую силу русского духа. Исходя из этого, мы – русское население в Бухаресте... берем на себя смелость и обязанность почтительнейше обратиться к Вашему Святейшеству с настоящим ходатайством и покорнейше просим оказать своим влиянием и авторитетом просвященное содействие в содержании в Бухаресте Русской православной церкви и в объединении всех русских церквей в Румынии, дав, таким образом, русскому населению в Румынии центр, духовно связывающий его с русским народом»* (ГАРФ 2: 107, 108).

Важнейшим аспектом организации подворья РПЦ в Бухаресте стал подбор кандидатуры настоятеля храма. Еще в ходе визита патриарха Алексия в Румынию к нему обратился митрофорный протоиерей Петр Мураневич, проживавший в Бухаресте. В своей докладной записке (так называлось его письмо) он писал: *«С большой радостью я узнал о восстановлении Русской церкви в столице Бухарест, где верующие румыноподданные русской национальности могут*

иметь религиозное удовлетворение на своем материнском языке. Если Господу Богу угодно будет, с Вашего Святейшего благословения и благословения Святейшего патриарха Румынской церкви, чтобы я посвятил остаток дней моих на служение Церкви Христовой, я бы был бесконечно счастлив послужить и восстановленной Русской церкви в столице Бухарест» (ГАРФ 2: 101). Однако в связи с тем, что отец Петр был преклонного возраста (72 года) и слаб здоровьем, его кандидатура была отвергнута. По мнению Московского патриарха, в Бухарест следовало «...направить ...в качестве настоятеля лицо из Москвы. Тогда ...там было бы обеспечено надлежащее совершение богослужений на славянском языке, и с тем вместе – приток богомольцев, весьма нуждающихся в службах по уставу Русской церкви» (ГАРФ 2: 116). Для поиска подходящей кандидатуры был привлечен епископ Кишиневский и Молдавский Венедикт (Поляков), который 20 ноября 1947 г. предложил доверить это ответственное дело протоиерею Павлу Константиновичу Статову, служившему настоятелем соборной церкви г. Бендеры и благочинным Бендерского округа. Болгарин по национальности, отец Павел духовное образование получил в Кишиневской духовной семинарии, успешно окончив ее в 1927 г. в возрасте 21 года. Павел Константинович занимал активную гражданскую позицию, будучи в 1933–1938 гг. членом Царанистской и Либеральной партий. Во время румынской оккупации Бессарабии и «Транснистрии» в 1941–1944 гг. «сумел не только избежать преследований оккупационных властей, но даже как владеющий русским языком в 1943 г. был направлен в Одессу и работал в миссии православной церкви» (Православие 2009: 385, 386). В своем письме патриарху епископ Венедикт, характеризуя протоиерея Статова, отмечал: «Прекрасно владеет румынским языком, знает хорошо Румынию, честно и добросовестно исполняет возложенные на него обязанности и, думаю, будет достойным представителем Русской православной церкви за границей» (Письма патриарха 2009: 321, 322). Патриарх согласился с мнением епископа Венедикта, и 16 декабря 1947 г. по его представлению распоряжением СМ СССР было разрешено направить протоиерея П.К. Статова в Бухарест в качестве настоятеля Русской православной церкви (ГАРФ 2: 121).

Прибыв в столицу Румынии, отец Павел был принят послом СССР Сергеем Ивановичем Кавтарадзе, который заверил его «в помощи во всех отношениях как церкви, также и в жизненных условиях» (ГАРФ 3: 109). Также П.К. Статов был представлен министру культов патриаршему местоблюстителю митрополиту Юстиниану (Марина) и примару г. Бухареста генералу Виктору Домбровскому, которые уверили его в своих симпатиях и сотрудничестве с Русской церковью,

обещав оказывать как моральную, так и материальную поддержку Русской церкви в Бухаресте (ГАРФ 3: 109). На настроения румынского духовенства и госслужащих в этом вопросе среди прочих факторов, видимо, оказала влияние и позиция Юстиниана (Марина), 24 мая 1948 г. избранного патриархом РумПЦ, выступавшего за развитие особых отношений с РПЦ и постоянное сотрудничество с братскими православными церквями. Он также заявлял: *«Я хочу решительно во всем следовать за Русской церковью. Она будет и впредь для меня во всем примером»* (Волокитина и др. 2008: 254).

Следует отметить, что обещанная помощь действительно оказывалась заинтересованными сторонами. В сохранившемся среди материалов СДРПЦ финансовом отчете церкви Св. Николая в Бухаресте за 1948 г. сообщается, что из общей суммы прихода (2 557 268 леев) 1 млн леев поступил от примэрии г. Бухареста, 300 тыс. леев – от посольства СССР в Румынии, Министерство культов Румынии перечислило 215 179 леев на содержание хора и служащих и еще 150 тыс. леев – на ремонт церкви, 226 156 леев составили пожертвования верующих прихожан (в том числе 100 тыс. леев – от почетного старосты и попечителя Владимира Исидоровича Запорожченко), 87 500 леев выделила болгарская колония. Остальные средства (378 533 лея) были получены от продажи свечей, займов и т. п. Из этой суммы 1 935 929 леев были потрачены на ремонтные и строительные работы, в т. ч. на художественные – 819 тыс., на скульптурные – 89 тыс., на кровельные – 170 тыс. (ГАРФ 3: 154). Следует отметить, что капитальный ремонт здания настолько истощил материальные средства церкви, что к концу 1948 г. фактически отсутствовала возможность расплатиться за коммунальные услуги по ее содержанию. В связи с этим патриарх Алексей (Симанский) просил СДРПЦ выделить материальную помощь этому храму в размере 5 тыс. руб. (140 тыс. леев) для продолжения его деятельности (Письма патриарха 2009: 423).

В конце концов к ноябрю 1948 г. храм был полностью восстановлен, украшен церковной росписью и стал, по словам его настоятеля, *«самым красивым храмом в столице Румынской Народной Республики»* (ГАРФ 3: 150).

6 октября 1948 г. по желанию болгарской колонии и священника Климента Димитрова, не имевших своего храма, произошло объединение подворья РПЦ в Бухаресте с Болгарской церковью. При этом знаменательном акте присутствовали консул при посольстве СССР в Румынии С.М. Ельчибеков, секретарь Болгарского посольства в Бухаресте Пиренский. Объединение было равноправным, добровольным и преследовало цель сближения православных церквей. Этот акт получил одобрение Синода Болгарской церкви (ГАРФ 4: 255).

Открытие храма Св. Николая в Бухаресте состоялось в торжественной обстановке 25 ноября 1948 г. в присутствии патриарха Румынии Юстиниана, министра культов Станчиу Стояна, дипломатических представителей Советского Союза и Болгарии. Торжественная литургия была отслужена протоиереем Павлом Статовым, священником Болгарской церкви Климентом Димитровым и священником Румынской церкви Иоанном Пароческу. Выступивший после богослужения настоятель церкви П.К. Статов отметил, что открытие русской церкви в румынской столице стало новым вкладом в дело развития вековых связей и сотрудничества между Русской и Румынской православными церквями (ГАРФ 3: 144).

По сообщению протоиерея Статова, открытие русского храма в Бухаресте на первых порах встретило недоверчивое отношение многих русских эмигрантов, считавших, что это делалось «в пропагандистских целях для заграницы». Однако со временем положение изменилось, и подобная агитация перестала иметь успех. Медленно, но все же происходил перелом среди эмигрантов-бессарабцев, которые за годы румынской оккупации отвыкли от Русской церкви (ГАРФ 4: 256). Примечательно, что храм стал обслуживать не только православных, к нему стали тянуться и бывшие московские старообрядцы с Рогожского кладбища (РГАСПИ: 117). Проверка московской патриаршей делегации деятельности отца Павла как настоятеля церкви Св. Николая, произведенная в мае 1950 г., установила, что к храму *«потянулись болгары и румыны, в результате чего этот храм в настоящее время стал как бы смешанным "русско-болгарско-румынским"»* (Власть 2009b: 455).

Статов проводил большую работу по пропаганде деятельности Русской церкви в защиту мира, выступая с успехом в Бухаресте и окрестностях с докладами на эту тему, сопровождая свои выступления музыкальными произведениями церковного хора, созданного им, в который вошли 20 русских эмигрантов (РГАСПИ: 119). Таким образом, руководитель прихода Русской православной церкви в г. Бухаресте протоиерей Павел Статов за короткий срок превратил подворье РПЦ в славянский православный центр, способствовавший изживанию недоверия и отчуждения к РПЦ со стороны эмигрантов-бессарабцев (Власть 2009b: 144–146).

В целом во второй половине 40-х гг. XX в. во взаимоотношениях РПЦ и РумПЦ был достигнут значительный прогресс, выразившийся в возрождении двусторонних контактов и создании подворья Московского патриархата в Бухаресте. Важную роль в возобновлении этих контактов сыграли представители епархий Кишиневской и Молдавской, в частности епископ Иероним (Захаров) и протоиерей

Павел Статов. Последнему удалось за короткий срок не только восстановить здание вверенного ему храма, но и привлечь для совместного служения в нем представителей Болгарской и Румынской церквей, превратив тем самым подворье в славянский православный центр.

ЛИТЕРАТУРА

Бухарестский храм 2011 - Бухарестский Никольский русский храм. URL: <https://drevo-info.ru/articles/17329.html> (дата обращения: 24.11.2017).

Власть 2009a - Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы Российских архивов: в 2 т. Т. 1: 1944–1948. М.: РОССПЭН, 2009. 887 с.

Власть 2009b - Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы Российских архивов: в 2 т. Т. 2: 1949–1953. М., 2009. 1223 с.

Возрождение русской церкви 2010 - Возрождение русской церкви в Бухаресте. URL: <http://ru-romania.livejournal.com/2013.html> (дата обращения: 24.11.2017).

Волокитина и др. 2008 - *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: очерки истории. М.: РОССПЭН, 2008. 807 с.

ГАРФ 1 - Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 81.

ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 133.

ГАРФ 3 - ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 272.

ГАРФ 4 - ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 452.

Кузнецкий 1945 - *Кузнецкий А.П.* Делегация Русской православной церкви в Румынии (12 мая – 22 мая 1945 г.) // Журнал Московской патриархии. 1945. № 6. С. 29–35.

Павлинчук 2004 - *Павлинчук И.* Кишиневско-Молдавская епархия в период с 1944 по 1989 год. Ново-Нямецкий монастырь, 2004. 320 с.

Письма патриарха 2009 – Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР: в 2 т. Т. 1. 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 847 с.

Православие 2009 - Православие в Молдавии: власть, церковь, верующие. 1940–1991. Собрание документов: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2009. Т. 1. 823 с.

РГАСПИ - Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 82. Оп. 2. Д. 500.

Содоль 2016 - *Содоль В.А.* Проблемы взаимоотношений Русской и Румынской православных церквей в 1945–1955 гг. // Общественная мысль Приднестровья. 2016. № 1. С. 11–16. URL: http://fon.spsu.ru/files/om_2016.PDF (дата обращения: 24.11.2017).

Стратулат 2010 - *Стратулат Н.* Православная церковь в Молдавии в контексте молдавско-румынских межцерковных отношений в XX веке: дис. ... канд. богословия. СПб., 2010. 290 с.

Цыпин 1997 - *Цыпин В.* История Русской церкви. Т. 9: 1917–1997. М.: Спасо-Преображенский монастырь, 1997.

Шорников 2010 - *Шорников П.М.* Бессарабский фронт. 1918–1940. Кишинев: Grafic-Design, 2010. 264 с.

Шорников 2011 - *Шорников П.М.* Церковная агрессия Румынии 1941–1944 гг. // Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI в.): сб. докл. междунар. науч. конф. М., 2011. С. 162–187.

REFERENCES

Anon. (2011) *Bukharestskiy Nikol'skiy russkiy khram* [Bucharest Russian Church of St. Nicholas]. [Online] Available from: <https://drevo-info.ru/articles/17329.html> (Accessed: 24th November 2017).

Anon. (2009a) *Vlast' i tserkov' v Vostochnoy Evrope. 1944–1953 gg.* [Authorities and Churches in Eastern Europe]. In: Volokitina, T.N. (ed.) *Dokumenty Rossiyskikh arkhivov: v 2 t.* [Documents from Russian archives]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.

Anon. (2009b) *Vlast' i tserkov' v Vostochnoy Evrope. 1944–1953 gg.* [Authorities and Churches in Eastern Europe]. In: Volokitina, T.N. (ed.) *Dokumenty Rossiyskikh arkhivov: v 2 t.* [Documents from Russian archives]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.

Anon. (2013) *Vozrozhdenie russkoy tserkvi v Bukhareste* [The restoration of the Russian Church in Bucharest]. [Online] Available from: <http://ru-romania.livejournal.com/2013.html> (Accessed: 24th November 2017).

Volokitina, T.V., Murashko, G.P. & Noskova, A.F. (2008) *Moskva i Vostochnaya Evropa. Vlast' i tserkov' v period obshchestvennykh transformatsiy 40–50-kh godov XX veka: ocherki istorii* [Moscow and Eastern Europe. Power and Church under social transformations of the 1940s – 1950s: Essays on history]. Moscow: ROSSPEN.

The State archive of the Russian Federation. Fund 6991. List 1. File 81.

The State archive of the Russian Federation. Fund 6991. List 1. File 133.

The State archive of the Russian Federation. Fund 6991. List 1. File 272.

The State archive of the Russian Federation. Fund 6991. List 1. File 452.

Kuznetskiy, A.P. (1945) *Delegatsiya Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Rumynii* (12 maya – 22 maya 1945 g.) [The delegation of the Russian Orthodox Church in Romania (May 12–22, 1945)]. *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii*. 6. pp. 29–35.

Pavlinchuk, I. (2004) *Kishinevsko-Moldavskaya eparkhiya v period s 1944 po 1989 god. Novo-Nyametskiy monastyr'* [Chisinau-Moldovan eparchy in 1944–1989]. Chişinău: [s.n.]

Patriarch Alexey I. (2009) *Pis'ma patriarkha Aleksiya I v Sovet po delam Russkoy pravoslavnoy tserkvi pri Sovete narodnykh komissarov – Sovete ministrov SSSR: v 2 t.* [Letters of Patriarch Alexey I to the Council for Russian Orthodox Church at the Council of People's Commissars – the Council of Ministers of the USSR]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.

Pasat, V. (ed.) (2009) *Pravoslaviye v Moldavii: vlast', tserkov', veruyushchie. 1940–1991. Sobranie dokumentov* [The orthodoxy in Moldavia: the power, the church and believers. Document's collection] Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.

The Russian State Archive of Socio-political History. Fund 82. List 2. File 500.

Sodol, V.A. (2016) Problemy vzaimootnosheniy Russkoy i Rumynskoy pravoslavnykh tserkvey v 1945–1955 gg. [Problems of the interrelations between the Russian and Romanian Orthodox Churches in 1945–1955]. *Obshchestvennaya mysl' Pridnestrov'ya*. 1. pp. 11–16. [Online] Available from: http://fon.spsu.ru/files/om_2016.PDF (Accessed: 24th November 2017).

Stratulat, N.V. (2010) *Pravoslavnaya tserkov' v Moldavii v kontekste moldavsko-rumynskikh mezh tserkovnykh otnosheniy v XX veke* [The Orthodox Church in Moldova in the context of Moldovan-Romanian interchurch relationships in the twentieth century]. Theology Cand. Diss. St. Petersburg.

Tsybin, V. (1997) *Istoriya Russkoy tserkvi* [The history of the Russian Church]. Vol. 9. Moscow: Spaso-Preobrazhenskiy monastyr'.

Shornikov, P.M. (2010) *Bessarabskiy front. 1918 – 1940* [The Bessarabian front. 1918 – 1940]. Chişinău: Grafic-Design.

Shornikov, P.M. (2011) Tserkovnaya agressiya Rumynii 1941–1944 gg. [The ecclesiastical aggression of Romania 1941–1944]. In: Kashirin, V. (ed.) *Vostochnaya politika Rumynii v proshlom i nastoyashchem (konets XIX – nachalo XXI vv.)* [Eastern policy of Romania in the past and present (the late 19th – early 21st centuries)]. Moscow: RISI. pp. 162–187.

Содоль Вячеслав Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории и государственного управления Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Молдова, Приднестровье).

Veacheslav A. Sodol' – Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria).

E-mail: sodol-slav@yandex.ru

УДК 94(47)"1905\07"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/19

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ХАРЬКОВСКИХ КАДЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ БУРЖУАЗНО- ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

О.К. Малютина

Национальный фармацевтический университет
Украина, 61002, г. Харьков, ул. Пушкинская, 53

E-mail: malutahipo@i.ua

Авторское резюме

На основе архивных документов прослежена динамика смены кадетских периодических изданий Харькова в ходе Первой буржуазно-демократической революции, проанализирован опыт взаимодействия либеральной прессы и местной власти, рассмотрены попытка харьковской либеральной общественности продвигать через прессу интересы своей социальной аудитории и реакция власти на гражданскую инициативу «снизу». Практически сразу после обнародования царского Манифеста 17 октября в Харькове было создано местное отделение Конституционно-демократической партии, которое стало издавать свой печатный орган – ежедневную газету «Мир». С 27 ноября по 9 декабря 1905 г. вышло 11 ее номеров. Однако либеральный характер издания, освещение наиболее злободневных, острых вопросов современности, критика действий правительства и местной администрации спровоцировали «приостановление» газеты до особого распоряжения харьковского временного генерал-губернатора. Продолжая тематику «приостановленной» газеты «Мир», поочередно увидели свет кадетские издания «Волна», «Будущее», «Девятый вал», «Накануне». Идеино-политическую преемственность харьковской кадетской периодики обеспечивала и преемственность ее редакторско-издательского состава. Классическим результатом Первой буржуазно-демократической революции стало издание в Харькове неправительственной газеты «Утро», которая, несмотря на «приостановления», штрафы, административные взыскания, выходила с 1906 по 1916 г.

Ключевые слова: Харьков, периодические издания, либеральная пресса, Конституционно-демократическая партия (кадеты), временный генерал-губернатор, приостановления.

THE SUCCESSION OF KHARKIV CADET PERIODICALS DURING THE FIRST BOURGEOIS DEMOCRATIC REVOLUTION

O.K. Maliutina

National University of Pharmacy
53 Pushkinskaya Street, Kharkiv, 61002, Ukraine
E-mail: malutahipo@i.ua

Abstract

The author uses archival documents to analyse the dynamics of change of the Kharkiv Cadet periodicals during the First Bourgeois-Democratic Revolution. Particular attention is paid to the interaction between liberal press and local authorities, the attempt of the Kharkiv liberal public to promote the interests of its social audience through the press and the response from the authorities to the civil initiative “from below.” Immediately upon publishing the Tsarist Manifesto of October 17, the local branch of the Constitutional Democratic Party was established in Kharkov. It began running its printed organ – the daily newspaper Mir. Totally there were eleven issues of the newspaper published from November 27 to December 9, 1905. However, as it was a liberal printed organ covering the most topical and acute issues of the day and criticizing the government and local administration, the newspaper was soon suspended until further decision of the Kharkiv Provisional Governor-General. The niche was then occupied by other cadet periodicals, as Volna, Budushchee, Devyatyy val, and Nakanune in turn. The ideological and political succession of the Kharkov Cadet periodicals was ensured by the succession of its editorial and publishing staff. The First Bourgeois Democratic Revolution started the non-governmental newspaper Utro, which was published from 1906 to 1916, despite numerous suspensions, fines, administrative penalties.

Keywords: Kharkiv, periodicals, liberal press, Constitutional Democratic Party (cadets), Provisional Governor-General, suspension.

В Харькове до революции 1905–1907 гг. существовала своеобразная газетная монополия. Официальные периодические издания были представлены ежедневными «Харьковскими губернскими ведомостями». Функции официальных печатных органов состояли в передаче социально значимой информации, оповещении населения об очередных правительственных указах, рескриптах, циркулярах,

формировании установок, норм, ценностей в рамках традиционной государственной идеологии. Распространявшиеся властью информационные сообщения не нуждались в общественном одобрении или комментариях. Традиционный российский общественный уклад строился на «культуре подчинения», что означало политическую пассивность населения. Если же участие в политической жизни допускалось, то только дозированное и лояльное к власти, не противоречившее патерналистской модели взаимодействия государства и общества. Однако революционные события внесли определенные изменения в сложившуюся систему ценностей. Под влиянием массового политического протеста власть была вынуждена пойти на уступки.

17 октября 1905 г. был обнародован Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», по которому населению даровались «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» (Минаев 2003: 215). Харькову с его двухсоттысячным населением, тремя вузами, многочисленными промышленными предприятиями был необходим, помимо официальной прессы, печатный орган, выражавший интересы общества.

Откликом либеральной общественности Харькова на царский манифест стал выпуск ежедневной газеты «Мир». Так, периодическое издание информировало своих читателей о съезде харьковских кадетов и избрании местного бюро партии в следующем составе: М.П. Чубинский (председатель), А.В. Десятов (товарищ председателя), Н.А. Гредескул, Н.И. Шатилов, В.М. Устинов (члены), Л.Я. Таубер и И.М. Иваницкий (секретари), С.П. Кузнецов (казначей) (Харьков 1905: 1). Практически все представители местного бюро Конституционно-демократической партии были выпускниками или преподавателями юридического факультета Императорского Харьковского университета, членами Юридического общества при университете. Главным редактором и ведущим политическим обозревателем нового печатного органа стал профессор права, декан юридического факультета Харьковского университета, председатель совета Юридического общества Николай Андреевич Гредескул (Полянская 2014: 136).

В первом номере редакция заявила, что газета «Мир» – печатный орган харьковского отделения кадетской партии. Направление газеты – конституционно-демократическое. Она призвана популяризировать либеральные идеи и принципы, выражать отношение либеральных политических сил к актуальным общественно-политическим и социально-экономическим вопросам, объединять единомышленников. Редакция в общем разделяет программу партии и «будет стремиться к проведению ее в жизнь». «Газета издается для общества, а не для

начальства», – так определяло свою общественно-политическую позицию печатное издание (Страница из истории 1906: 431). Такое проявление гражданской инициативы «снизу» вызывало опасение местных властей. Попытки харьковских либералов продвигать через прессу интересы широкой социальной аудитории воспринимались как действия оппозиции.

Оппозиция (от лат. *oppositio* – противопоставление) – противодействие, сопротивление определенной политической линии, выступление против существующих методов реализации власти или политической системы в целом (Погорелый и др. 2008: 170). В зависимости от своей стратегической задачи оппозиционные силы использовали определенные средства воздействия на власть. Либералы, будучи противниками масштабных социальных потрясений и любых форм насилия, рассматривали прессу как один из возможных каналов политической коммуникации общества и власти. Однако власть с крайним недоверием воспринимала все оппозиционные силы. Кадетскую периодику, заявлявшую о необходимости перемен посредством постепенного накопления гражданских связей, формирования гражданского самосознания, соблюдения закона, уважения прав, свобод и достоинства личности, власть ставила в один ряд с радикалами-экстремистами и действовала путем преследований и запретов.

Первый номер газеты вышел 27 ноября 1905 г. тиражом 17 тыс. экземпляров в частной типографии издателя Е.Ф. Тихоновича. Однако в тот же день газета была запрещена. Харьковский временный генерал-губернатор Г.Л. Сенницкий постановлением № 50 объявлял: «Издание газеты “Мир” на основании п. 14, ст. 19-й правил о местностях, находящихся на военном положении, приостановить впредь до особого распоряжения» (ГАХО 1: 9).

Дело в том, что с 13 октября 1905 г. в Харькове было введено военное положение (ГАХО 2: 92). Несмотря на дарованную манифестом свободу слова, действовавший «Устав о цензуре и печати» предусматривал сложную, многоступенчатую процедуру выхода в свет бесцензурных изданий (Устав 1900: 1–5). Харьковский отдельный цензор уведомлял временного генерал-губернатора о том, что «газета “Мир” ни в одном экземпляре ему не предоставлялась и не предоставляется» (ГАХО 1: 27). Газета «Мир» вышла без разрешения цензуры, и «редакция газеты в первом же номере заявила, что газета и впредь будет выходить без предварительной цензуры» (ГАХО 1: 7).

Официальной причиной запрета первого номера газеты стало отсутствие проверки цензурного комитета. Реальной – опасения по поводу общественно-политического характера нового издания.

В свою очередь редакция газеты утверждала, что первый номер не заключал в себе «ничего преступного по содержанию, находящегося в противоречии с теми условиями, на которых дозволена газета» (ГАХО 1: 27).

На следующий день 28 ноября временный генерал-губернатор Г.Л. Сенницкий был вынужден отменить свое постановление «на основании полученного по телеграфу официального уведомления о издании Высочайше утвержденных временных правил, в силу коих отменяется предварительная, как общая, так и духовная, цензура выходящих повременных изданий» (ГАХО 1: 13). После обнародования «Временных правил о печати» от 24 ноября 1905 г. выпуск газеты был возобновлен.

С 27 ноября по 9 декабря 1905 г. вышло 11 номеров газеты. Однако через две недели, 10 декабря 1905 г., распоряжением харьковского временного генерал-губернатора газета снова была «приостановлена». Постановление № 86 гласило: «На основании п. п. 14 и 12-го ст. 19-й правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении: 1. Приостановить издание газеты “Мир”; 2. Закрыть и запечатать типографию, в которой газета печатается, впредь до особого распоряжения» (ГАХО 1: 24). Причины, вызвавшие «приостановление» издания: «Газета “Мир” заполняет номера статьями, призывающими население к открытому возмущению против правительства, подрывающими доверие к государственным финансам и кредиту и направленными к подрыву дисциплины среди войск» (ГАХО 1: 24).

Типография «Центральная», где печаталась газета, находилась на пересечении улиц Пушкинской и Николаевской и принадлежала провизору Э.М. Дрейшпулю (ГАХО 1: 33). Харьковский полицмейстер официально информировал генерал-губернатора об исполнении постановления № 86: «Издание газеты “Мир” приостановлено с 10 декабря, типография опечатана, выставлены охранные посты» (ГАХО 1: 32). Реактор газеты Н.А. Гредескул подвергся уголовному преследованию (Малютин 2009: 140). 31 декабря 1905 г. харьковский губернатор подробно докладывал в Департамент полиции о «твердости власти» в вопросе приостановки газеты «Мир» «за революционное направление» (ГАХО 1: 39).

В середине декабря 1905 г. после закрытия газеты ее издатель Е.Ф. Тихонович подал прошение на выпуск ежедневной политической, общественной, литературной, экономической газеты «Волна» (ГАХО 3: 1). «Мир» заменила либеральная «Волна», которая также печаталась в типографии Э.М. Дрейшпуля и продолжала тематику предыдущего издания. Ее ответственным редактором стал профессор юридического факультета Харьковского университета Михаил Павлович Чубинский

(ГАХО 3: 1). В середине января, в связи с его кратковременной служебной командировкой в Петербург, обязанности редактора «Волны» взял на себя профессор права Николай Алексеевич Максимейко (ГАХО 3: 7). В конце января снова произошла смена редактора: временно его обязанности принял видный общественный деятель, секретарь правления Харьковского общества распространения грамотности Иван Петрович Белоконский (ГАХО 3: 13). Последние номера газеты выходили под редакцией кандидата естественных наук Федора Андреевича Павловского (ГАХО 3: 13). 28 января 1906 г. к редакторским обязанностям был готов приступить Н.А. Максимейко, вернувшийся из командировки, однако газета была «приостановлена до особого распоряжения» (ГАХО 3: 14).

Постоянные пертурбации редакторского состава «Волны» свидетельствовали не о «смене власти» внутри коллектива, а, скорее, наоборот, - о желании сохранить издание, решимости редколлегии продолжать начатое дело вопреки неблагоприятным внешним обстоятельствам. Тем более по закону ответственность за содержание газеты оставалась на ее ответственном редакторе профессоре М.П. Чубинском, несмотря на его временное отсутствие (ГАХО 3: 15).

«Волна» выходила один месяц – с 29 декабря 1905 г. по 29 января 1906 г. Распоряжением харьковского временного генерал-губернатора 29-й номер газеты «с воззванием Конституционно-демократической партии» был конфискован (ГАХО 3: 19). Харьковский полицмейстер докладывал временному генерал-губернатору Г.Л. Сенницкому: «83 номера было отобрано у разносчиков и в типографии Дрейшпуля, где она печаталась, 937 штук упомянутых воззваний» (ГАХО 3: 23).

Далее распоряжением от 31 января 1906 г. уже сам полицмейстер предписывал полицейскому надзирателю Харьковского паровозостроительного завода: «Вследствие распоряжения харьковского временного генерал-губернатора предложено Вам немедленно конфисковать газету “Волна” от 29 января с приложением к ней воззвания Конституционно-демократической партии и конфискованную газету тут же предоставить мне» (ГАХО 4: 14).

Исправник Лебединского уезда в рапорте на имя харьковского временного генерал-губернатора от 2 февраля 1906 г. докладывал: «До сведения моего дошло, что в народную библиотеку с. Васильевки вверенного мне уезда высылалась газета “Волна”, помимо всякого желания и требования библиотеки, так как последняя подписчиком этой газеты не состоит.

Имея в виду заметку, помещенную № 25 “Харьковских губернских ведомостей” от 31 января сего года, о том, что издание газеты “Волна” приостановлено до особого распоряжения, а номера упомянутой

газеты конфискованы, мною тотчас же сделано распоряжение о немедленном изъятии из упомянутой народной библиотеки всех полученных номеров означенной газеты с приложениями (номер 14 и 29 включительно), которые имею честь при сем представить в благоусмотрение Вашего превосходительства» (ГАХО 3: 20). Действия силовых ведомств Харьковской губернии, объявленной на военном положении, были направлены на пресечение любых форм проявления инакомыслия, в т. ч. повсеместное изъятие «неблагонадежного» издания.

Либералы сразу заменили «Волну» газетой «Будущее». Она выходила с 1 февраля по 10 марта 1906 г. 26 номеров увидели свет под редакцией И.П. Белоконского. 9 марта 1906 г. последовала реакция властей, ставшая типичной. Харьковский временный генерал-губернатор издал постановление о «приостановлении газеты “Будущее” до особого распоряжения», т. к. в ее последних номерах «по поводу казни лейтенанта Шмидта и его соучастников в государственном дерзновенном преступлении помещен ряд статей, возбуждающих население против правительственной власти» (Местная жизнь 1906: 4). Редактору «Волны» И.П. Белоконскому был вручен обвинительный акт «о распространении заведомо ложных суждений о деятельности правительства и войск, могущих приводить к враждебным настроениям». Его дело рассматривалось в Харьковском окружном суде без присутствия присяжных заседателей (Местная жизнь 1906: 4).

Перед открытием первого российского парламента начала издаваться газета «Накануне» под редакцией профессора Аркадия Николаевича Фатеева. Она просуществовала дольше других кадетских изданий – с 15 марта по 9 июля 1906 г. – и была закрыта после разгона I Государственной Думы. Ар.Н. Фадеев так же, как в свое время Н.А. Гредескул и И.П. Белоконский, подвергся уголовному преследованию. Дело на редактора газеты «Накануне» было открыто 24 апреля 1906 г. и прекращено 28 мая того же года из-за отсутствия состава преступления (ГАХО 5: 1). В канцелярию прокурора Харьковского окружного суда поступило заявление помощника отельного цензора Серебрянского о том, что в номерах 31–33 газеты «Накануне» он усматривает «признаки преступлений, предусмотренных с. 128 и 129 Угол. улож.» (ГАХО 5: 1). Товарищ прокурора судебной палаты «рассмотрел все изложенные статьи и заметки и не нашел ни в одной из них указаний на признаки преступлений» (ГАХО 5: 1). На основании заключения товарища прокурора, согласно 13 п. 7 ст. Временных правил о периодических изданиях 24 ноября 1905 г., уголовное преследование редактора «Накануне» Ар.Н. Фадеева было прекращено решением Харьковской судебной палаты (ГАХО 5: 2).

Параллельно с «Накануне» с 14 по 21 июня 1906 г. под редакцией Вольфа Михелевича Николаевского выходила газета «Девятый вал» (ГАХО 6: 1). Однако только семь номеров увидели свет. Помощник харьковского инспектора по делам печати докладывал генерал-губернатору: «4 номер “Девятого вала” заключает в себе признаки преступности по ст. 129 п.п. 1–2 Уголовного уложения» (ГАХО 6: 5). В своей следующей докладной записке тот же помощник Харьковского инспектора по делам печати сообщал: «5 номер “Девятого вала” обращает на себя внимание статьей “Казачество”, возбуждающей войско к неисполнению обязанностей (п. 5 ст. 129 Уголов. улож.)» (ГАХО 6: 9). В скором времени последовала реакция генерал-губернатора. Постановление № 783 гласило: «Имея в виду, что в издаваемой в г. Харькове газете “Девятый вал” помещаются статьи, возбуждающие население против правительства, а также статьи, содержащие в себе заведомо ложные сведения с целью вызвать противоправительственные движения среди населения, постановляю: на основании п. 14, ст. 19 правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении, издание названной газеты приостановить» (ГАХО 6: 11).

Постоянно «приостанавливая» либеральные издания за «вредное направление», местная администрация заподозрила преемственность харьковской кадетской периодики. Так, канцелярия временного генерал-губернатора сделала запрос харьковскому полицмейстеру с просьбой «узнать и сообщить в самом непродолжительном времени г. начальнику губернии следующие сведения: 1. Действительно ли редакция газеты “Девятый вал” помещается в том же помещении, что и “Накануне”; 2. Печатается в той же типографии; 3. Тот ли состав редакции» (ГАХО 6: 14).

После разгона I Государственной Думы выпуск харьковских кадетских изданий был прерван на пять месяцев. Только с ноября 1906 г. начала выходить газета «Утро» под редакцией Павла Григорьевича Риттера. «Утро» продолжало курс, заложенный предыдущими изданиями, однако свою политическую позицию открыто не декларировало. Несмотря на «приостановления», многочисленные штрафы и административные взыскания, выпуск «Утра» продолжался до 1916 г. (ГАХО 7: 1–72).

Выбирая название для очередного издания, редакция, с одной стороны, как бы прислушивалась к ожиданиям читательской аудитории, а с другой – оповещала читателя о своих намерениях. Название становилось символом, выражавшим направление газеты, ее оппозиционный характер.

Как правило, ее открывала передовая статья, затем следовали тематическая статья с заглавием, информационные корреспонден-

ции, публицистика, обзоры внутренних событий, законодательства и местной жизни, специальные рубрики по социально-экономическим и общественно-политическим вопросам, материалы партийных и общественных съездов. В газете «Накануне» в период предвыборной кампании в I Государственную Думу (март – апрель 1906 г.) печатался бюллетень о ходе местных выборов, а с начала работы Думы появилась постоянная рубрика «Заседания Государственной Думы», в которой публиковались стенографические отчеты парламентских дебатов.

С момента появления издания имели формат большой четырех-страничной газеты. С 26-го номера газета «Накануне» выходила на четырех-шести страницах, а с 55-го – окончательно перешла на шестистраничный формат. Подписная цена харьковских кадетских изданий составляла 8 руб. в год с доставкой и 7 руб. без доставки. Подписная цена «Утра» – 9 руб. в год или 5 коп. за отдельный номер. Архивные документы свидетельствуют, что в общественные библиотеки Харьковской губернии кадетская периодика поступала бесплатно. Губерния занимала лидирующее место по числу сельских библиотек и народных читален. К началу Первой русской революции Харьковским комитетом по устройству сельских библиотек и народных читален было открыто 386 бесплатных библиотек (Полянская 2014: 192), куда регулярно поступали кадетские издания.

Таким образом, оппозиционная либерально-демократическая пресса, которая появилась в Харькове с ноября 1905 г., подвергалась постоянному административному преследованию. Вынужденно меняя названия, социально-критические кадетские издания отвечали настроениям общества и публиковали материалы, которые не имели шанса увидеть свет в дореволюционной России.

В местной кадетской периодике обсуждались наиболее острые и болезненные темы – демократизация избирательного законодательства, реформирование политической системы, парламентаризм, права человека, свобода слова и печати, аграрный, рабочий, национальный вопросы. Освящалась дискуссия в рамках самой кадетской партии по программным и тактическим вопросам, а также взгляды политических оппонентов. В харьковских кадетских изданиях находила отражение вся палитра партийных политических программ – от леворадикальных до правоконсервативных. Большое внимание уделялось изучению западноевропейского опыта, анализу реформаторских наработок отечественной общественно-политической мысли. Харьковские кадеты также пытались осмыслить причины и оценить значение революционного выступления народа 1905 г.

Автором первых передовых статей газеты «Мир» был ее главный редактор и идейный вдохновитель профессор Н.А. Гредескул. Ближайшими сотрудниками стали его коллеги, профессора и преподаватели юридического факультета Императорского Харьковского университета, активные общественные деятели М.П. Чубинский, Н.А. Максимейко, Ф.А. Павловский, И.П. Белоконский, Ар.Н. Фатеев и др. Анализ газетных публикаций свидетельствует, что после «приостановления» очередного издания его постоянные сотрудники и корреспонденты, готовя к печати следующее, брались за выполнение редакторских функций. Так, Н.А. Максимейко, специализируясь на политических обзорах в газете «Мир», стал редактором «Волны». Постоянный автор «Волны» Ар.Н. Фатеев впоследствии выполнял функции ответственного редактора газеты «Накануне». В.М. Николаевский, готовивший репортажи для «Волны» и «Накануне», возглавил редакционно-издательский отдел «Девятого вала». Кроме того, из отчета начальника охранного отделения за 7 апреля 1909 г. следует, что издатель газеты «Утро» Анатолий Анатольевич Жмудский в 1906 г. был одним из членов редколлегии харьковской газеты «Накануне» (ГАХО 7: 75).

Таким образом, идейно-политическую преемственность харьковской кадетской периодики обеспечивала и преемственность ее редакторско-издательского состава. Редакционная коллегия в большинстве своем состояла из молодых, высококвалифицированных правоведов. Сорокалетний редактор газеты «Мир» Н.А. Гредескул был специалистом в области гражданского права и судопроизводства. В 1900 г. он защитил магистерскую диссертацию «К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права». Летом 1902 г., находясь в заграничной командировке, посетил европейские города с давними университетскими традициями: Вену, Женеву, Цюрих, Берн (Тацій 2004: 22). Специализировался на вопросах состязательной формы гражданского судопроизводства, реализации гражданских прав, ценностных аспектов прав (Шалыганова 2016: 93). Тридцатилетний активный сотрудник и временный редактор «Волны» Н.А. Максимейко в 1902 г. защитил диссертацию «Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г.», был магистром государственного права, профессором кафедры истории русского права, секретарем юридического факультета Императорского Харьковского университета (Тацій 2004: 26). Ответственный редактор «Волны» тридцатипятилетний М.П. Чубинский, сын известного этнографа Павла Платоновича Чубинского, специалист в области уголовного права, в 1905 г. защитил докторскую диссертацию (Павлова 2007: 230). Редактор «Накануне» Ар.Н. Фатеев, тридцати четырех лет, преподавал на юридическом факультете

историю и философию права и политических учений, руководил студенческим кружком (Павлова 2007: 300). Павел Григорьевич Риттер с 1905 г. заведовал кафедрой санскрита и сравнительного языковедения. Крупный востоковед, литературовед, языковед, переводчик, он стажировался в Германии. В тридцать четыре года стал редактором «Утра» (Шалыганова 2016: 207).

Высокий профессиональный уровень редакторского состава харьковских кадетских изданий делал их в глазах читателей авторитетными экспертами в вопросах, поставленных на повестку дня революционными событиями 1905–1907 гг. Кадеты не боялись революции, но понимали ее совершенно иначе, чем социалисты. Будучи либералами, они полагали, что революция должна произойти не на улицах и баррикадах, а прежде всего в головах людей.

Отвечая настроениям современников, которые чувствовали себя не только очевидцами, но уже и участниками событий, либеральная пресса пыталась максимально расширить свою читательскую аудиторию. Печатный орган был рассчитан на широкие слои достаточно образованных городских читателей: преподавателей, врачей, юристов, предпринимателей, служащих, чиновников, городских рабочих. Более того, кадетская периодика оказалась востребованной и в крестьянской среде. Изюмский уездный земский агроном Виктор Иванович Залеский в докладной записке от 21 июня 1906 г. на имя харьковского губернатора сообщал: «Посещая разные села Изюмского уезда, мною было обращено внимание, что сельские библиотеки, устраиваемые Обществом грамотности на земские деньги, получают ежедневно (подчеркнуто) бесплатно (подчеркнуто) революционные газеты... под разными названиями, а именно: “Мир”, “Волна”, “Будущее”, “Накануне”, “Девятый вал”. Содержание этих газет направлено на возбуждение крестьян против правительства и помещиков, в доказательство чего прилагаю № 6 “Девятого вала”; передовая статья которого есть наглая и опасная клевета на правительство, а в то же время грубая и... (неразборчиво. – О.М.) брань членов Думы в Таврическом дворце в продолжении 2-х месяцев названа газетой “плодотворной работой”» (ГАХО 6: 16).

По наблюдениям изюмского земского агронома В.И. Залеского, «крестьянские беспорядки отличаются более крупным масштабом. Эти газеты сильно возбуждают крестьян, т. к. других газет у них нет (бесплатно им других не высылают, да и о существовании других они не знают, или эти редакции называют остальные газеты черносотенскими). Между тем крестьяне к газетам (за время войны) попривыкли и привыкли им верить, не имея в своем распоряжении ежедневных правительственных сообщений, разъясняющих им текущие события и

проекты будущих изменений законов, их быта касающихся и поэтому их сильно интересующих» (ГАХО 6: 16).

Докладная записка В.И. Залеского заканчивалась выводом: «Ввиду вышеизложенного покорнейше прошу Ваше превосходительство сделать зависящее от Вас распоряжение, чтобы революционные газеты не рассылались или уже разосланные были задержаны полицией, а для успокоения и нравственного воспитания крестьян высылать газеты правительственные, необходимость которых настоятельна как для местных интересов, так и для общегосударственных» (ГАХО 6: 16).

Этот документ свидетельствует, что, во-первых, кадетские издания бесплатно поступали в земские библиотеки и народные читальни, организованные по всей Харьковской губернии Обществом грамотности. Во-вторых, кадетская периодика пользовалась популярностью у крестьян. Однако причины волнений в деревне, которые агроном В.И. Залеский видел в наличии у крестьян газет, «что сильно их возбуждают», лежали гораздо глубже, а именно в малоземелье и бедности основной массы производителей сельскохозяйственной продукции. Кроме того, нарекания В.И. Залеского по поводу отсутствия в земских библиотеках ежедневных правительственных печатных органов представляется необоснованным. Особым распоряжением харьковского губернатора ежедневная официальная газета «Харьковские губернские ведомости» бесплатно поступала в сельские библиотеки и народные читальни в обязательном порядке. Интерес крестьян к кадетским изданиям можно объяснить не «отсутствием других газет, о существовании которых они не знают», а тем, что кадетские издания в большей степени отвечали их социальным запросам.

Таким образом, с ноября 1905 г. кадетская периодика г. Харькова была представлена ежедневной общественной, политической литературной и экономической газетой. Социальные задачи либерального издания заключались в том, чтобы выразить потребности общества, сформулировать, обобщить и озвучить их, поставить на повестку дня вопросы, требующие решения. В отличие от политического единомыслия официальной прессы, либеральная система ценностей предполагала разнообразие мнений, дискуссию, критику неудовлетворительных решений и действий власти. Высокий профессиональный уровень редакторско-издательского состава, идейно-политическая преемственность харьковских кадетских периодических изданий периода Первой русской революции 1905–1907 гг., несмотря на постоянные «приостановления», делали их заметным явлением в общественно-политической жизни города и губернии.

ЛИТЕРАТУРА

ГАХО 1 - Государственный архив Харьковской области (далее ГАХО). Ф 3. Распорядительный отдел. Оп. 283. Д. 687. О привлечении к ответственности издателей выходящих в Харькове газет за нарушение цензурного устава и о закрытии их типографий. 1905.

ГАХО 2 - ГАХО. Ф. 52. Канцелярия Харьковского полицмейстера. Оп. 4. Д. 1727. О введении военного положения. 1905.

ГАХО 3 - ГАХО. Ф 3. Распорядительный отдел. Оп. 283. Д. 700. По ходатайству дворянина Е.Ф. Тихоновича о разрешении издавать в Харькове под редакторством М.П. Чубинского газету «Волна». 1905.

ГАХО 4 - ГАХО. Ф 77. Полицейский надзиратель паровозостроительного завода г. Харькова. Оп. 1. Д. 12. Документы о принятии мер к охране государственного порядка и конфискации запрещенных русских книг и журналов. 1906.

ГАХО 5 - ГАХО. Ф 373. Канцелярия прокурора Харьковского окружного суда. Оп. 1. Д. 115. О редакторе газеты «Накануне» Ар.Н. Фадееве. 1906.

ГАХО 6 - ГАХО. Ф 3. Распорядительный отдел. Оп. 283. Д. 745. По ходатайству помещика В.М. Николаевского о разрешении издания газеты «Девятый вал». 1906.

ГАХО 7 - ГАХО. Ф 3. Распорядительный отдел. Оп. 283. Д. 785. По ходатайству купца А.А. Жмудского о разрешении издавать газету «Утро». 1906.

Малютіна 2009 - *Малютіна О.К.* До питання становлення ліберальної преси в Харкові – досвід політичної комунікації: «Справа М.А. Гредескула» // 36. наук. пр. Сер. Історія та географія: ХНПУ ім. Г.С. Сковороди. Харків: Майдан, 2009. Вип. 36. С. 140–144.

Местная жизнь 1906 - Местная жизнь. Копия постановления № 170 // Накануне. 1906. № 1.

Минаев 2003 - Русская журналистика в документах: История надзора / Сост. О.Д. Минаева; под ред. Б.И. Есмна, Я.Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2003. 397 с.

Павлова 2007 - Юридический факультет Харьковского университета за первые сто лет существования (1805–1905) / Под ред. М.П. Чубинского, Д.И. Багалея. Харьков: Изд-во САГА, 2007. 378 с.

Полянская 2014 - Харьков и губерния на страницах газеты «Южный край» (1880–1918): библиогр. указ. Ч. 7 (1903–1905) / Харьк. гос. науч. б-ка им. В.Г. Короленко; сост.: Н.И. Полянская и др. Харьков, 2014. 376 с.

Погорелый и др. 2008 - *Погорелый Д.Е.* Политология / Д.Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов; под общ. ред. С.Н. Смоленского. М.: Эксмо, 2008. 320 с.

Страница из истории 1906 - Страница из истории «свободной» печати в Харькове // Вестник Европы. СПб., 1906. Кн. 3. С. 431–432.

Тацій 2004 - Професори Національного юридичного університету ім. Ярослава Мудрого / Ред. кол. В.Я. Тацій та ін. Харків, 2004. 186 с.

Харьков 1905 - Харьков 27 декабря // Мир. 1905. № 1.

Шалыганова 2016 - Шалыганова А.Л. Правление Харьковской общественной библиотеки, 1885–1918: библиограф. словарь. Харьков: Федорко, 2016. 328 с.

Устав 1900 - Устав о цензуре и печати / сост. В.П. Широковым. СПб., 1900. 233 с.

REFERENCES

The State Archives of Kharkiv Region (GAKhO). (1905a) *O privilechenii k otvetstvennosti izdateley vykhodyashchikh v Khar'kove gazet za narushenie tsenzurnogo ustava i o zakrytii ikh tipografy* [On the accountability of publishers of Kharkiv newspapers for violating censorial regulation and the closure of their printing presses]. Fund 3. List 283. File 687.. 1905.

The State Archives of Kharkiv Region (GAKhO). (1905b) *O vvedenii voennogo polozheniya* [On the introduction of martial law]. Fund 52. List 4. File 1727.

The State Archives of Kharkiv Region (GAKhO). (1905c) *Po khodataystvu dvoryanina E.F. Tikhonovicha o razreshenii izdavati' v Khar'kove pod redaktorstvom M.P. Chubinskogo gazetu "Volna"* [At the request of the gentleman E.F. Tikhonovich on the permission to publish newspaper "Volna" in Kharkiv under the editorship of M.P. Chubinsky]. Fund 3. List 283. File 700.

The State Archives of Kharkiv Region (GAKhO). (1906a) *Dokumenty o prinyatii mer k okhrane gosudarstvennogo poriyadka i konfiskatsii zapreshchennykh russkikh knig i zhurnalov* [Documents on the adoption of measures to protect state order and forfeiture of banned Russian books and magazines]. Fund 77. List 1. File 12.

The State Archives of Kharkiv Region (GAKhO). (1906b) *O redaktore gazety "Nakanune" Ar.N. Fadeeva* [On Ar.N. Fadeev, the editor of the newspaper "Nakanune"]. Fund 373. List 1. File 115.

The State Archives of Kharkiv Region (GAKhO). (1906c) *Po khodataystvu meshchanina V.M. Nikolaevskogo o razreshenii izdaniya gazety "Devyatyy val"* [On the request of the bourgeois V.M. Nikolaevsky on the permission to publish newspaper "Devyatyy Val"]. Fund 3. List 283. File 745.

The State Archives of Kharkiv Region (GAKhO). (1906d) *Po khodataystvu kuptsa A.A. Zhmudskogo o razreshenii izdavati' gazetu "Utro"* [On the request of the merchant A.A. Zhmudsky on the permission to publish the newspaper "Utro"]. Fund 3. List 283. File 785.

Malutina, O.K. (2009) Do pitannya stanovlennya liberal'noi presi v Kharkovi – dosvid politichnoi komunikatsii: "Sprava M.A. Gredeskula" [The problem of liberal periodical communication in Kharkov during the revolution of 1905: The case of N.A. Gredeskul"]. *Zb. nauk. pr. Ser. Istoriya ta geografiya*. 36. pp. 140–144.

Anon. (1906) Mestnaya zhizn'. Kopya postanovleniya Nr. 170 [Local life. Copy of Resolution Nr. 170]. *Nakanune*. 1.

Minaeva, O.D. (2003) *Russkaya zhurnalistika v dokumentakh: Istoriya nadzora* [Russian journalism in documents: History of Supervision]. Moscow: Aspekt Press.

Chubinsky, M.P. & Bagaley, D.I. (ed.) *Yuridicheskiy fakul'tet Khar'kovskogo universiteta za pervye sto let sushchestvovaniya (1805–1905)* [Faculty of Law of Kharkov University for the first hundred years (1805–1905)]. Kharkov: SAGA.

Polyanskaya, N.I. et al. (2014) *Khar'kov i guberniya na stranitsakh gazety "Yuzhnyy kray" (1880–1918)* [Kharkov and the province on the pages of the newspaper "Yuzhnyy krai" (1880–1918)]. Kharkov: Kharkov State Research Library.

Pogorelyy, D.E., Fesenko, V.Yu. & Filippov, K.V. (2008) *Politologiya* [Political science]. Moscow: Eksmo.

Anon. (1906) Stranitsa iz istorii "svobodnoy" pechati v Khar'kove [A page from the history of free press in Kharkov]. *Vestnik Evropy*. 3. pp. 431–432.

Tatsiy, V.Ya. et al. (eds) (2004) *Profesori Natsional'nogo yuridichnogo universitetu im. Yaroslava Mudrogo* [Professors of the National Law University named after Yaroslav the Wise]. Kharkiv: National Law University.

Anon. (1905) Khar'kov 27 dekabrya [Kharkiv, December 27]. *Mir*. 1.

Shalyganova, A.L. (2016) *Pravlenie Khar'kovskoy obshchestvennoy biblioteki, 1885–1918: bibliograf. slovar'* [Board of the Kharkiv Public Library, 1885–1918: A Bibliographic Dictionary]. Kharkov: Fedorko.

Shirokov, V.P. (1900) *Ustav o tsenzure i pechati* [Charter of Censorship and Press]. St. Petersburg: [s.n.].

Малютина Оксана Константиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры украиноведения и латинского языка Национального фармацевтического университета Украины (Украина).

Oksana K. Maliutina – National University of Pharmacy (Ukraine).

E-mail: malutahipo@i.ua

УДК 940

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/20

THE GERMAN CATHOLIC COMMUNITY OF MARIENBURG FROM THE END OF THE 19th TILL THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY: SOME ASPECTS OF THE LOCAL HISTORY

V.N. Shaidurov

St. Petersburg Mining University

2 21 Liniya Vasilievskogo Ostrova, Saint Petersburg, 199106, Russia

E-mail: s-w-n@mail.ru

Abstract

The agrarian crisis in the main agricultural provinces of European Russia made peasants migrate beyond the Urals where there was a lot of unoccupied land. At the end of the 19th – early 20th century about 3.77 million people migrated to Asian Russia. Most of the migrants moved to the South of Western Siberia (Tomsk province), including Germans, whose ancestors had moved to Russia in the second half of the 18th – early 19th centuries. New monoconfessional settlements appeared in the Altai district. They were founded by Catholics, Lutherans and Mennonites from the Volga region, Novorossiia, territories near the Visla and other regions. One of the largest settlements founded by Catholic Germans was Marienburg. Living in a foreign ethnic and confessional surrounding, Germans had to build their own community providing for its economic and spiritual flourishing. They adapted to new conditions in the course of the 1900s. Marienburg became the centre of economic and religious life of Catholics (Germans, Poles, Lithuanians) in the South of Western Siberia. The article discusses some aspects of the local history of German Catholic community: resettlement, relationships with local Russian peasants, local authorities, economic and spiritual adaptation. The article is based on materials found in St. Petersburg, Barnaul and Tomsk archives.

Keywords: German community, Catholics, religious community, economic and household activities, adaptation.

НЕМЕЦКАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ ОБЩИНА МАРИЕНБУРГА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В.Н. Шайдуров

Санкт-Петербургский горный университет
Россия, 199106, г. Санкт-Петербург, 21-я линия Васильевского о-ва, 2
E-mail: s-w-n@mail.ru

Авторское резюме

Аграрный кризис в основных сельскохозяйственных провинциях Европейской России заставлял крестьян переселяться за Урал, где было много свободной земли. В конце XIX – начале XX в. около 3,77 млн чел. переселилось в Азиатскую Россию. Наибольшее число мигрантов оказалось на юге Западной Сибири (Томская губерния). В интернациональном миграционном потоке присутствовали немцы, предки которых переселились в Россию во второй половине XVIII – начале XIX в. В Алтайском округе появились моноконфессиональные переселенческие поселки, основанные католиками, лютеранами, меннонитами из Поволжья, Новороссии, Привислинского края и других регионов. Одним из самых крупных поселений, основанных немцами-католиками, был Мариенбург. Оказавшись в иноэтничном и иноконфессиональном окружении, немцы должны были выстроить свою общину, обеспечив ее экономическое и духовное процветание. В течение 1900-х гг. они адаптировались к новым условиям. Мариенбург стал центром экономической и религиозной жизни католиков (немцев, поляков, литовцев) юга Западной Сибири. В статье представлены некоторые аспекты локальной истории немецкой католической общины: переселение, взаимоотношения с русскими крестьянами-старожилами, местными органами власти, экономическая и духовная адаптация. Статья написана на материалах архивов Санкт-Петербурга, Барнаула, Томска.

Ключевые слова: немецкая община, католики, религиозная община, экономическая деятельность, адаптация.

Introduction

A myth that Germans were deported to Siberia and Central Asia in 1941–1942 is deeply rooted in the public opinion. This statement is false, however. German population of Asian Russia started to form in the middle of the 18th century when there appeared servicemen

and government officials originating from Ostsee region and German countries, who entered the Russian service. One of the most numerous professional groups in which Germans were represented was mining engineers of Kolyvan-Voskresensk (Altai) plants (Afanas'ev 2015: 134–135). From the confessional point of view they were mostly Lutherans. However, assimilation and integration lead to German's dissolving among Russian servicemen and officials.

Since the end of the 19th century, mostly due to economic reasons German settlers-landowners had been migrating to Siberia from European Russia where they lived in large numbers (from the Volga region, Novorossiia and Volynia). The South of Western Siberia (Altai part of the Tomsk province) remained one of the peasant resettlement centers at the turn of the 19th–20th centuries. Several districts with high concentration of German population appeared there within a short time. Marienburg became the center of German Catholic settlement on the territory of Zmeinogorsk uезд of the Tomsk province, where several more settlements with German Catholic population were formed over time.

At present the history of Siberian Germans in the pre-Soviet period has its own extensive historiography, which has been noted by scientists (Smirnova 2008; Shaidurov 2013). Two particular lines can be seen in it: socio-economic and religious. The overwhelming majority of today's research papers of the 20th – the beginning of the 21st century view these sides of historic past independently. In some of them historians raised the question of confession influence on economic well-being (Shaidurov 2003, 2016; Vibe 2007).

The history of German Catholic population in pre-Soviet Siberia has been studied insufficiently against the general background. It can be explained by a number of reasons. On the one hand this group was small in number and dispersed in nature. At the same time while studying the history of Catholic community of Siberia the main attention is given to Poles who without any doubt were the dominant part in it. It is very difficult to recognize Catholics while studying economic history of Siberian Germans. This process is made more difficult by its shortness, scarcity of historical sources which could help fully reconstruct economical life. At the same time we can note separate articles and monographs placing different aspects of German Catholic population historical past in the center of the scientists' attention (Shaidurov 1996, 2003; Nedzeluck 2009, 2016).

Contemporary German, American and Canadian historiography does not pay much attention to pre-Soviet history of Siberian Germans. German historians mostly pay their attention to the political history of Germans in Russia (Fleischhauer 1986; Stricker et al. 1997), at the

same time American and Canadian historians traditionally pay their main attention to the history of Mennonites in Russia and particularly in Siberia (Pohl 2009).

Material and methods. The purpose of this article is to reconstruct the formation and development of German Catholic community in the South of Western Siberia at the end of the 1890s – the beginning of the 1910s as illustrated by Marienburg. Several questions connected with resettlement of Germans to the Altai, economic adaptation in new location, creating a full-fledged religious life will be analyzed in the article. It has formed the circle of sources which were used in the article as well as the research methods.

The outlined research problem can be solved with the help of methodologic synthesis. Thus, problems of adaptation should be studied together with the provisions of the theory of adaptation and the social side of the Catholic community life should be studied from the point of view of the new local history. It will allow to reconstruct the studied object and to include it into the general context of regional and national history. Different methods were used in our work. The comparative method was used as a tool to find out about general regularities and distinctive features of the community's social and economic evolvement. The chronological technique is instrumental in breaking down the subject into a number of specific issues to be dealt with in chronological order. The statistical analysis makes it possible to isolate required information and generalize data from statistical sources on the community's economic development. Methods of historical geography help link historical, economic, and demographic phenomena to a specific area.

The shortness of the history of German Catholic communities influences the narrowness of the sources. Only in post-Soviet period (since 1992) active research work of historians helped to form a stable scientific interest in the history of Siberian Germans. New historical sources have been implemented and analyzed by contemporary historians. Thus, materials of the All-Russian Agricultural and Land Census carried out in 1917 are one of the most comprehensive primary sources regarding economy of a Siberian village in the epoch of the Great Russian Revolution in 1917. We can reconstruct separate aspects of the economic life of a German village by processing and analyzing them (Shaidurov 2003; Vibe 2007). Access to parish registers, documents issued by different governmental and religious authorities found in central and regionals archives allow to reconstruct various sides of confessional life lead by German communities in Siberia (Nedzeluck 2009, 2011).

Different historical sources kept in central and regional archives were used in our work. The first group of sources – correspondence regarding settlement of German Catholic population on lands occupied by them. Analysis of these documents allows to find out reasons why Germans migrated to Siberia from Samara and Saratov provinces, to characterize relationships between migrants and locals inhabitants, to analyze the process of adaptation to their new living conditions.

The second group of sources is statistical digests. The most valuable for us is “Vedomosti ob Ekonomicheskoy Polozhenii” (Register of Economic State) composed in German settlements in 1900 for the Head Office of the Altai district and household cards of the All-Russian Agricultural and Land Census carried out in 1917. These sources help re-create the geography of immigrants outflow, some demographic characteristics (number of population, gender, age, number of family members), level of economic differentiation based on the cultivated area and number of horses belonging to one family.

The third group of sources is presented by church registers of the Marienburg (Mariinsk) Catholic parish from 1913 to 1917, which allow to describe separate demographic characteristics (birth, death and marriage rate), pinpoint relatives and neighbors etc. Church entries regarding baptizing, wedding and funeral of German Catholics from 1912 to 1914 were used. According to the existing stereotype of ethnic and confessional identification Catholicism in the Russian Empire was perceived as an ethnic and religious marker of Poles; that is why religious buildings of Catholics belonging to any nationality were called “kostels” (Polish Roman Catholic Churches) in Russia even in the documents of Catholic Church Consistory.

Unique features of the life of Catholic community in Marienburg can be seen in the correspondence of its spiritual leaders with the representatives of church authorities in Mogilev, Omsk, Tomsk.

It is necessary to explain some of the most frequent terms. Up to 1871 the descendants of Germans who had migrated to the Russian Empire and settled in agricultural colonies of the Volga region, South of Russia, Volynia, and the North-Western region were called “colonists”. In 1871 the foreign colonies were reformed and their residents and descendants were included in the social rank “landowners settlers”. However, if applied to the following period researches prefer to use the term “colonists”.

The term “resettler” has an ambiguous meaning in the history of Siberia at the turn of the 19th – 20th century. On the one hand in its broad sense it is a synonym of the term “migrant” and refers to anyone who moved beyond the Urals. On the other hand it has some legal meaning:

resettlers were peasants included in the resettlement campaign of the state. Status of a resettler was proved by a specific document which gave the right for some preferences from the state (allocation of land, reduced traffic rates, full or partial exemption from state and local taxes for a certain period, etc.). The opposite was unauthorized resettlers who did not have such a document and could not get the benefits.

Results. At the turn of the 19th–20th century German landowners settlers were involved in the migration processes inside Russia. At the beginning the Volga Germans and then Germans from other regions started to migrate to Siberia. One of the main reasons making them move to the East was economic situation in the colonies. One of the most numerous ethnic local groups was formed in the Altai. The majority of migrants in the Altai consisted of Lutherans from the Volga region and Mennonites from Novorossiia. The number of Catholics among German resettlers was small.

Economic state in German settlements of European Russia at the end of the 19th century was critical. Agrarian crisis spread to the German colonies in the Volga region where principles of land community with shifting ownership has been implemented since the end of the 18th century. At the turn of the 19th–20th centuries there appeared a numerous layer of colonists who owned insufficient land plots. High commercial value and rental cost of land did not allow the overwhelming majority of colonists to increase the size of cultivated land. Financial well-being was undermined by harvest failures at the beginning of the 1890s, which stimulated migration among German population.

Resettlement to Siberia has been regulated by law since the 1860s. Its faults, however, as well as attractiveness of some Western Siberian regions for peasants were behind the fact that at the turn of the 19th–20th centuries the flow of unauthorized migrants rose sharply. Not unfrequently peasants settled on the lands they liked without any authorization. Chosen lands were cultivated; houses and maintenance buildings were built on them. Often district authorities having found an unauthorized settlement offered the peasants to rent the land they claimed from the Cabinet of His Majesty¹. The situation was made worse, however, by the fact that resettlers occupied lands belonging to old inhabitants. It lead to conflicts which were difficult to settle.

64 families of the Volga Germans founded an unauthorized (it was found out later) settlement on the lands of an existing village Borodulikha in Novo-Shulbinsk volost of Zmeinogorsk uезд in spring of 1899. It provoked a negative reaction of the peasants inhabiting the land² as they supposed that the appearance of migrants would lead to negative consequences. Very soon “private information” about

unauthorized settlement of German resettlers and connivance of local authorities began to leak into the Head Office of the Altai district.

The local administration had the situation under control from the very beginning. In one of the reports sent to Barnaul it was noted that the assistant of the estate manager “as early as at the end of April of this year (1899 – author’s note)... saw a number of German resettlers on the Removka river” (GAAK 3: 3). Wishing to avoid a conflict between the old inhabitants and resettlers the administration of Loktevskoye estate developed a project of Germans’ settling as tenants and paying rent to the Cabinet. It should be noted that these lands could be officially leased out for up to five years.

Germans cooperated with the local administration in solving the land issue. In May 1899 they concluded a collaborative rental agreement for state-owned rentable property “Tuma” with the area 300 dess. which were ploughed up in the same year. Additionally, the administration was ready to lease out 2 thousand dess. of virgin soil from state-owned rentable property “Removskaya Steppe”. It was supposed that a permanent settlement would be founded and exploited on these lands.

The Steppes of Southern Siberia are poor in fresh water sources. Knowing this the colonists wanted to find out if they were going to have enough fresh water in the new place of living. “Having dug ten wells along both sides of the road leading from Borodulikha to Zolotukha they found water in small amounts only in two of them; the rest of them had granite deep inside” (GAAK 3: 3). This fact made Germans refuse the proposed land. But at the same time they were willing to rent the said 2 thousand dess. for 1900 to grow bread.

Analyzing the situation one faces the question: why did German colonists who settled without authorization on the lands of old inhabitants, build a settlement on them, but did not cultivate the virgin soil around? The problem of founding a small settlement within the limits of a foreign rural community could be solved by concluding a voluntary agreement or its renting from the rural community; besides unauthorized settlers could join the old inhabitants having the same rights but living separately. Ploughing the soil could exacerbate the confrontation and additionally lead to prosecution. It was not in the interests of German colonists. Joining the old inhabitants meant for them that they should immediately turn into tax-payers. The prospect of living permanently on the lands belonging to the Cabinet or the state with the status of resettlers and all its consequences was more beneficial. It was possible only if they managed to settle on these lands in any status. Unauthorized Germans chose the status of tenants of the lands belonging to the Cabinet, pursuing several goals. Legal explanation

can be found in the work written by I.M. Morozov "The Altai District in the Context of its Colonization" in which he noted that "every person wishing to migrate to the Altai district should receive an authorization issued by the Interior Minister and the Court Minister; and to those who could show a certificate issued by the Head Office regarding certain plots allotted to them or to their representatives – authorizations, according to the circular letter of the Interior Minister dated January 20, 1897, should be issued by the local authorities" (Morozov 1908: VI–VII). That is why unauthorized German resettlers acted perfectly from the legal point of view: having rented 300 dess. of land from the Cabinet they insisted on being granted the status of resettlers with the accompanying rights and benefits.

Unlike administration, the old inhabitants took a negative attitude demanding to banish the self-willed settlers from their land. The defiant attitude of the old inhabitants had its reasons which they desperately tried to conceal. The peasants explained their attitude by the fact that the "willfully occupied land gave hay" and its loss would lead to "lack of hay for livestock in winter" (GAAK 3: 21). It turned out that the old inhabitants did not use the land in question at all, but leased it out to the Gromovs, merchants from Semipalatinsk, and to local Kazakhs. The community did not want to lose the profit received from leasing 200 dess. out, that is why they tried to protect their rights so ardently.

The authorities of the District and the estate protected the Germans because they were interested in the same thing: the colonists tried to acquire some legal status even on rented land, the authorities saw tenants of the land which was going to increase by 2,000 dess. in the nearest future and bring more money to the Cabinet. Purely human factor was not the least: the land occupied by the colonists was the only plot in the neighborhood suitable for living. A request submitted to the Head of the Altai district by the curate of the Tomsk Catholic parish played its part. The curate asked to "leave them in peace on this land where they now live, let them have some rest. Otherwise they will die out and become paupers due to their barbaric wanderings", and "some of them are living in the third place, losing their last property" (GAAK 3: 2).

As a result the land occupied by Germans came into their possession according to the decision of the authorities; the community was thus granted the status of resettlers, and its members could enjoy tax benefits and other exemptions according to the applicable law.

The materials of departmental statistics kept by the Cabinet allow us to reconstruct some of the demographic and economic characteristics of German peasants settled in the South of Western Siberia by 1900.

By 1900 there existed the village of Marienburg (64 families or 316 persons), Fridental (21 families or 112 persons), Gololobovka (53 families or 305 persons) and Nemetskiy (36 families or 197 persons), which shows high attractiveness of this place to German resettlers.

Characteristics of the families show that the number of men and women was balanced (see Diagram 1).

**Composition of the Resettlers' Community, 1900,
persons**

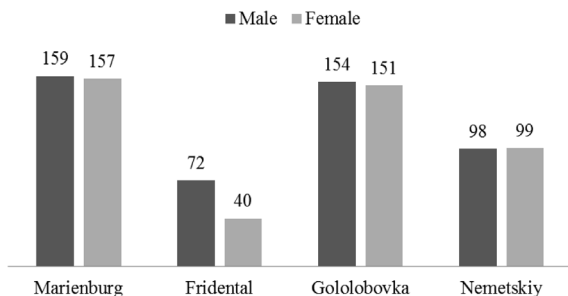

Diagram 1. Source: GAAK 2: 102–105, 117–118, 121–124, 131–133. Author's calculations.

Gender imbalance in Fridental can be explained by the fact that there lived German settlers who arrived in the Altai district later than others and still had the status of tenants not of official resettlers. It also explains the smallness of this village.

The number of family members is illustrated by Diagram 2.

**Number of Family Members in a German Family,
1900**

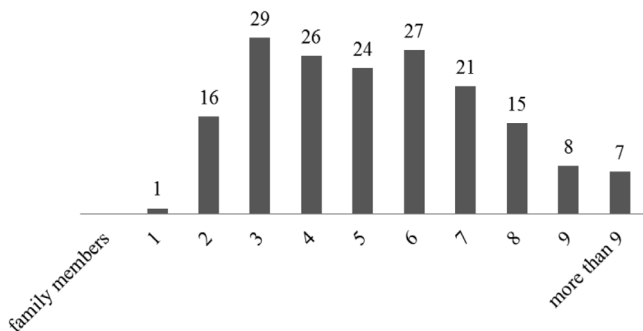

Diagram 2. Source: GAAK 2: 102–105, 117–118, 121–124, 131–133. Author's calculations.

An average family of resettlers consisted of 5.3 members. Families of 3–6 members were the most frequent (60 % of all families). It shows that young pairs with 1–3 children dominated among resettlers as they were mostly subject to migration. Large families of 9 and more members constituted less than 9 %.

Geography of the previous place of residence is rather interesting. Comparative analysis of data across settlements allows to conclude that immigrants from the Volga region dominated in the flow of resettlers. They constituted 89.4 %; at the same time the number of colonists from Saratov and Samara was almost equal (45.7 % and 43.7 %, respectively) (GAAK 2: 102–105, 117–118, 121–124, 131–133). Immigrants from the Visla provinces and Novorossiia were not numerous.

Church registers give additional information regarding the previous place of residence: Rashtat volost of Anapovsk uезд of Kherson province (parents of baptized Matvey Tome) (CGIA 1: 3), Semenovsk volost of Saratovsk province (parents of Ekaterina Schmidt) (CGIA 1: 4). It is possible that migration to Zmeinogorsk uезд was secondary in its nature as in most cases in the box “information about parents” one can see the place of registration: “a peasant of Uspensk volost of Tomsk province” (the village of Marienburg according to its administrative status and geographic position belonged to Uspensk volost of Zmeinogorsk uезд of Tomsk province).

Several words should be said regarding the system of land ownership and agricultural activities in German Catholic settlements in the Altai district. The first unauthorized resettlers were tenants of the land belonging to the Cabinet of His Majesty. Temporary nature of land-based relationship could be stopped at any time by the Cabinet. It made Germans seek their own land. When in 1900 the land was given to them by the administration it changed their legal status, they became collective owners of the granted land but could not sell or mortgage it. But the majority of Germans stayed as tenants in 1900 living in the villages of Fridental, Gololobovka, Nemetskiy (GAAK 2: 102–105, 117–118, 121–124, 131–133).

By 1917 the institution of private ownership of land had not been formed in the Altai district. Land belonged to the state, which structured special relations with village community, which came into possession of the land and distributed it among its members. Peasants had to pay taxes and carry out civil duties for land ownership. It all showed that traditional land relations characteristic for pre-capitalist type of society were maintained.

Formation of a village belonging to resettlers made Germans resolve the matter of land utilization. General analysis of the life lead

by Germans in Siberia at the beginning of the 20th century proves that institutions were borrowed from the previous place of living. Thus, the Volga Germans living in the Altai district retained characteristics of land community with shifting ownership which had been widely spread in German colonies of Saratov and Samara provinces since the end of the 18th century.

Mass land development which began in 1907 was carried out in the Altai district within the framework of the Stolypin agrarian reforms. In German settlements founded by Catholics and Lutherans from the Volga region one could find households in the form of otrubs. The size of the granted land depended on the number of men in the family. By law the size per person was 15 dess., but in reality it depended upon the actual situation. There often were landless peasants in resettlement villages.

By 1913 the German Catholic community consisted of lawful owners and resettlers who had not gained this status yet. For example, 103 households of 161 could vote at the village community assembly in Marienburg in December 1913 (GATO 1: 8). Such differentiation has mostly fiscal basis. This right was granted only to the family which paid state and local taxes in full (GAAK 1: 21). One should bear in mind that from 1896 till 1906 authorized resettlers were tax exempt for the first three years of living in Siberia and had to pay just 50 % of them for the next three years. P.A. Stolypin increased each of these periods to 5 years.

Surviving documents give us an opportunity to reconstruct separate sides of economic life led by German Catholic population. Ploughing was a traditional occupation for Germans. The main workforce utilized in field work was a horse. Livestock breeding was secondary in nature and primarily aimed at food production. In the middle of the 1900s they started to produce butter which was sold to dealers of a Danish "Siberian Company". Nonagricultural trades gave peasants additional income.

Taking into consideration "Vedomosti ob Ekonomicheskoy Polozhenii Pereselentsev" (Register of Resettlers' Economic State) as of 1900 we can find out the size of the plough-land granted to a family, livestock belonging to a family and the level of economic discrimination of peasant households if we take two economic indices as the basis: size of the plough-land and livestock belonging to one household.

Let's study availability of plough-land to resettlers in their first years in the Altai district (see Diagram 3).

Availability of Crops to German Resettlers' Households in 1900

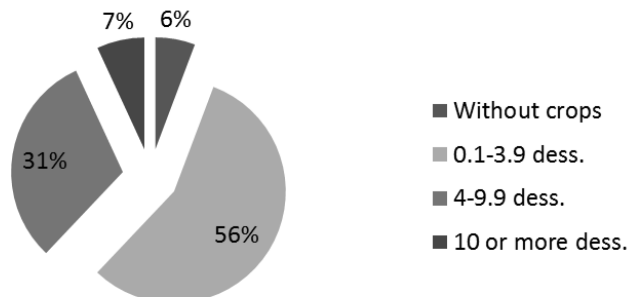

Diagram 3. Source: GAAK 2: 102–105, 117–118, 121–124, 131–133. Author's calculations.

As can be seen in the diagram 6 % of all families did not have their own crops and 56 % had 0.1–3.9 dess. of plough-land. Mean size of the plough-land in this group was within the range 2–3 dess. This situation can be explained by a relatively high rent, which the resettlers had to pay to the Cabinet, low level of their financial well-being after moving to the Altai, and limited amount of land suitable for agricultural activities. At the same time almost 40 % of the households had more than 4 dess. in their possession.

Distribution of resettlers' households according to crops and number of horses presents the following picture (see Table 1).

Table 1
Economic Discrimination of German Resettlers in the Villages of Uspensk Volost, 1900

	No horse	1 horse	2 horses	3–4 horses	5 or more horses
No crops	2	4	1	0	0
0.1–3.9 dess.	20	40	15	0	0
4–9.9 dess.	1	15	21	7	0
10 or more dess.	0	0	2	9	1

Source: GAAK 2: 102–105, 117–118, 121–124, 131–133.

Surviving statistic data let find out availability of horses to resettlers' households which amounted to 83.3 %. At the same time the ratio of families having neither plough-land nor horses was only 1.4 %. The group

of families having 0.1–3.9 dess, but no horse is dominant (14.5 % of all households). This category included families which resettled within the last year and did not have time to acquire livestock or did not have enough money to buy a horse having spent the money on the way or while settling in the new location (building a house etc.). The main solution of the problem of using livestock for field work was renting horses from fellow workers belonging to the same community. Cases of using cattle for these purposes are very seldom among the Volga Germans.

Almost 3/4 of resettlers' households were provided with plough-land and horses during their first years in the Altai district. But the level of it was poor. Financial losses suffered by Germans while resettling were the reason. They did not know the local agricultural practices and it made them careful and prompted to use small plots of land. Remoteness of settlements from the main markets for agricultural products hampered the development of commercial farming and promoted its self-sufficiency. At the same time this group was the platform for further economic development of German households on microeconomic level.

From the social point of view the resettlers' society was not uniform which can be explained by various level of financial well-being (see Diagram 4).

**Economic Differentiation of Households according to Crops
and Number of Horses in 1900, % of Households**

■ Proletariat ■ Poor ■ Middle-class ■ Prosperous

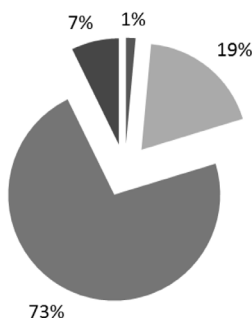

Diagram 4. Source: GAAK 2: 102–105, 117–118, 121–124, 131–133. Author's calculations.

As we can see, the share of rural middle class among German Catholics was relatively small and amounted to 7 % in 1900. 20 % of poor families formed the opposite pole. The remaining majority of the reset-

tlers' families should go bankrupt and become poor or improve their financial situation and move towards the middle class in the conditions of economic adaptation.

We can notice evolution of economic and social differentiation of the analyzed societies in the materials of the agricultural census carried out in 1917 (see Table 2).

Table 2

**Economic Differentiation of German Catholic Households in Orlovsky Vill.
of Uspensk Volost of Zmeinogorsk Uezd of the Altai Province, 1917**

	No horse	1–2 horses	3–4 horses	5 or more horses
No crops	0	0	0	0
0.1–3.9	8.1 %	8.1 %	0	0
4.0–9.9	0	24.3 %	21.6 %	0
10 or more dess.	0	2.7 %	21.6 %	13.6 %

Source: GAAK 2: 102–105, 117–118, 121–124, 131–133.

As we can see there were some changes in economic and social structures of the analyzed society in comparison with 1900. Thus by 1917 all the families had their own or rented plot of plough-land. The number of households without plough cattle halved (from 16.6 to 8.1 %). Integration into the local market promoted financial welfare in a German village and growth of prosperous households, the share of which now amounted to 35.2 % (7 % in 1900). This growth was primarily caused by multiple well-to-do households, the share of which reduced from 73 to almost 57 %.

It should be noted that data on German Catholic settlements in different regions of Siberia are comparable with the above data. Thus, there were no families without plough-land among German Catholic population living in the Kulunda steppe. The share of families without plough animals was 12 % and the share of prosperous households having 4 and more horses and more than 10 dess. of plough-land – more than 20 % (Shaidurov 2003: 127).

At the same time we should compare not only German Catholic households in different regions. It is necessary to compare the level of financial well-being of Germans belonging to different confessions. Comparison of data on availability of plough-land and horses to German Catholic, Lutheran and Mennonite households in the South of Western Siberia allows us to come to the following conclusion. The

highest level of availability was typical for Mennonites (the share of prosperous families having 4 and more horses and more than 10 dess. of plough-land amounted almost to 70%) (Shaيدurov 2003: 126). In a German Lutheran village this index was considerably lower – about 35 % (Shaيدurov 2003: 127).

In the new place of living Germans faced the necessity to adapt not only economically but also culturally. In the Volga region they lived in a world limited by colonies which emerged as early as in the 1760s. During 150 years German Catholic colonies in Saratov and Samara provinces became sustainable societies coopted into the Catholic world of the Russian Empire. In Siberia German resettlers had to face numerous difficulties in creating religious community life in a new place surrounded by dominant Orthodox population.

Social and cultural adaptation of German Catholics in the South of Western Siberia took place in more difficult conditions than economic. Firstly, it was connected with living in a place surrounded by dominant Orthodox population. In this part of Siberia in settlements founded by resettlers, towns of Semipalatinsk, Ust Kamenogorsk and Zaisan there were about 4 thousand Catholics and 3 thousand of them were Germans (RGIA 1: 1). According to the data provided by the elder of Marienburg village society, by 1912 within the settlement there lived about 1300 persons of both sexes and temporarily lived about 400 persons (RGIA 1: 8).

Remoteness of Marienburg and other German settlements from the nearest Catholic church (the distance was 300 versts, the nearest Roman Catholic priest lived in Barnaul) caused isolation of the community. Germans addressed church authorities in Tomsk and Omsk to ask for support in different matters more than once. But up to 1912 they had not had any constant preacher.

The curate of the Tomsk parish had been in charge of the Catholic community of Marienburg up to 1903. But since 1903 actually and since 1910 legally the curate of the Omsk parish was in charge of it. It should be noted that it had its sense. The main transport routes were along Siberian rivers. Navigating along the Irtysh the Omsk dean could visit not only the communities of the Akmola and Semipalatinsk regions, but also the south of the Tomsk province. From 1909 to 1912 from time to time the community was visited by chaplains (P. Silovich, S. Tirozenskiy, B. Kozakovskiy) (Nedzeluck 2006).

Absence of a constant priest did not prevent Germans from having religious life as far as it was possible. Thus, in 1912 in Marienburg there was a temporary chapel built of clay, where community meetings were lead. According to the testimony of a contemporary it could not hold all who wished to come. Some of the necessary article were absent: cha-

suble, cups, surplice (RGIA 1: 14). But there was a Catholic cemetery in the village. 21 persons died and were buried “in the Catholic cemetery of Marienburg, in the Tomsk province of Zmeinogorsk uezd” (RGIA1: 36–38).

The numerousness of the religious community is proved by the data on baptizing, burial and wedding services found in the remaining parish registers (see Table 3).

Table 3

Processes in the Catholic Parish of Marienburg, 1913–1917

Year	Baptized, persons	Married, pairs	Buried, persons
1913	102	31	54
1914	131	20	38
1915	136	11	25
1916	72	9	71
1917	85	13	25

Source: CGIA 2–5.

Birth rate on the verge of the war was relatively high. In combination with low mortality it caused sustainable growth. Falling birth rate (after 1915) and number of marriages (after 1914) is connected with the First World War. The rate of mortality among German Catholics taking into consideration those who were off at the front was the same. 1916 was an exception when pox ravaged the settlements.

A large religious community, a temporary chapel made of clay, a chaplain, a cemetery – all of these prove that a confessional society was formed within a local village space. But it was not enough to lead a full-fledged religious life established in the Volga region or other former places of living. Germans addressed the Catholic Archbishop of Mogilev more than once asking him to appoint a preacher for them. In the petitions they pointed out their “desperate religious situation” (RGIA 1: 5). Thus, in the petition dated October 11, 1910 it was noted that “more than 200 persons died without Holy Communion and many children die without Holy Baptism” (RGIA 1: 8). “Our children die without being baptized, we have to wait for a year to be married, people die without confession and Communion, because the priest from Omsk visits our district only once a year” (RGIA 1: 2), they wrote in another document.

The Omsk Dean, Roman Catholic priest Alexandr Bilyakevich explained the unwillingness of clergymen to go to Siberia in his report submitted to Bishop Ioanne Tseplyak: “Priests are accustomed to well-organized parishes in Russia, they live like kings and will soon be tired of the poor life conditions and position of their flock as well as of their own monotonous village life” (RGIA 1: 14).

The Omsk Dean, Roman Catholic priest Alexandr Bilyakevich took an active part in the religious life of Marienburg community. Thus, he managed to find a compromise with the leaders of the community regarding the annual fee of 500 rubles paid to the priest-to-be. At the same time the resettlers asked to take into consideration the fact that “the community consists of poor people” (RGIA 1: 9). The best house in the settlement which included two rooms was provided to the priest. 100 dess. was provided to support the priest from the land-fund of the community. It should have created comfortable conditions for the spiritual guide.

The first rector of the Marienburg parish was Bronislav Kozakovskiy who baptized a child on March 18, 1912, and it was noted in the register (CGIA 1: 1). But he could not find the way to the hearts of his people. Germans were not ready to accept just any priest. The reason was the language barrier between mainly Polish or Lithuanian priests and native Germans. They pointed out that two thirds of the members of the community did not speak Russian (RGIA 1: 8). In 1912 Germans asked to send a Prussian priest – Jakob Wilhelm “coming from Prussia and living in Sukhaya Varina, a post station of Rovinki in the Voronezh province” (RGIA 1: 8), but this request was not fulfilled. Later the abbots of the Catholic church were A. Bilyakevich, V. Chaplinskiy.

At the beginning of the 20th century Marienburg was the center of religious life not only for German Catholics living in the nearest settlements. Germans, Poles, Lithuanians from other settlements of Akmola and Semipalatinsk regions came here for different sacraments (CGIA 2: 6, 11, 13). From time to time the chaplain visited Catholic resettlers living in different settlements where there was no priest. Thus, on February 11, 1914 priest Chaplinskiy baptized 7 babies on the farm Chudak in Semipalatinsk region (CGIA 3: 5–6), 5 babies on the farm Donskoy (CGIA 3: 6–7). These cases were not single.

Marienburg differed from other German Catholic settlements not only by the number of its population. Studying the life of this community one can accept the opinion of T.G. Nedzeluck, who pointed out the independence of opinion characteristic for its members and conscious desire to keep their traditional culture and identity (Nedzeluck 2006).

Conclusion. A few mono-confessional Catholic settlements appeared in Western Siberia at the turn of the 19th–20th centuries. Ethnically their population consisted of Germans. Before migrating to Siberia the majority of the families lived in Samara and Saratov provinces and belonged to the Volga Germans. Germans showed high level of resilience in their new location. In a comparatively short period they could adapt to nature and climate new for them, establish strong households and

take part in regional trade. Growing number of prosperous households allowed to prevent social contradictions in the local society. Growth of financial well-being gave an opportunity to develop religious life. As a result by the middle of the 1910s there was a full-fledged German Catholic Marienburg community which became the center of economic and religious life for Catholic population of the South of Western Siberia.

The First World War, the Great Russian Revolution of 1917 and the Civil War of 1918–1920 became a challenge for Germans. Called into the Imperial Army they took part in military actions against Turkey in the Caucasus. Anti-German campaign beginning in European Russia in September 1914 affected Siberia in 1915–1916. Rental agreements with Germans were cancelled, German names of numerous settlements were replaced with Russian. Marienburg has been called Mariinsk since 1915.

Destruction of the community life began as early as in 1918 when some of the members asked to confiscate the land allotted to the parish. 1, f. 1825, p. 43). The Civil War damaged German Catholic communities of Siberia. Along with other population of the region Germans were called to the active duty. Some of them were in the subdivisions of Admiral Kolchak's army, some of them were in the Red Army. Peasant economy was damaged by confiscation of food and horses for the army. Only in 1922–1927 German communities could restore the pre-war level of economic and spiritual life. But collectivization and repressions of the 1930s were disastrous for Germans in Siberia and they managed to recover after this blow only by the end of the 1980s - the beginning of the 1990s.

NOTES

1. Cabinet of His Imperial Majesty, a special administrative agency, managed the property of the sovereign in power. Revenue was spent on the Emperor's private needs.

2. Old inhabitants were peasants who had lived for more than two generations in Siberia by the end of the 19th century. They enjoyed special rights in the matters of land ownership.

REFERENCES

- Afanasiev, V.G. (2015) Fraybergskaya gornaya akademiya i Rossiya: dva s polovinoi veka delovogo sotrudnichestva [Freiberg Mining Academy and Russia: 250 years of business cooperation]. *Zapiski Gornogo instituta*. 216. pp. 131–137.
- Fleischhauer, I. (1986) *Deutschen in Zarenreich* [Germans in the Tsar Empire.]. Stuttgart: [s.n.].

Morozov, I.M. (1908) *Altayskiy okrug v kolonizatsionnom otnoshenii* [The Altai district in the context of its colonisation]. Poltava: [s.n.].

Nedzeluck, T.G. (2006) *Rimsko-katolicheskaya obshchina Marienburga: osobennosti lokal'nogo mentaliteta* [The Roman Catholic Community of Marienburg: Peculiarities of the local way of thinking]. [Online] Available from: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2006/nedzelyuk-t.g.-rimsko-katolicheskaya-obshchina> (Accessed: 20th July 2017).

Nedzeluck, T.G. (2009) *Rimsko-katolicheskaya tserkov' v polietnichnom prostranstve Zapadnoi Sibiri 1881–1918* [Roman Catholic Church in the cosmopolitan environment of Western Siberia in 1881–1918]. Novosibirsk: Prometey.

Nedzeluck, T.G. (2011) *Metricheskiye knigi sibirskikh katolicheskikh prikhodov kak representativnyi istoricheskii istochnik* [Registers of Siberian Catholic Parishes as a representative historical source]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(15). pp. 129–135.

Nedzeluck, T.G. (2016) *Konfessional'noye soobshchestvo katolikov v Sibiri: vliyaniye mirovozzreniya na povsednevnyuyu zhizn (1830–1917)*. [The Confessional Community of Siberian Catholics: The Influence of the World Outlook on Everyday Life (1830–1917)]. Novosibirsk: Siberian Academy of Civil Service Press.

Pohl, O. (2009) *Catherine's grandchildren: a short history of the Russian-Germans under the Soviet rule*. Lincoln, Nebraska: American Historical Society of Germans from Russia.

Shaidurov, V.N. (1996) *Samovol'nye poseleniya nemetskikh krest'yan na Altaye (konets XIX – nachalo XX v.)* [Unauthorized German settlements in the Altai (the late 19th – early 20th centuries)]. In: *Istoriya i kultura rossiyskikh nemtsev* [History and Culture of Russian Germans]. Issue 3(1). Saratov: [s.n.].

Shaidurov, V.N. (2003) *Formirovaniye i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye nemetskoy diaspory na Altaye. Konets XIX - nachalo XX v.* [The formation and socio-economic development of the German diaspora in the Altai. The late 19th – early 20th centuries]. Barnaul: OOO Polygraph-Servis.

Shaidurov, V.N. (2013) *Evrei, nemtsy, polyaki v Zapadnoy Sibiri 19 – nachala 20 v.* [Jews, Germans, Poles in Western Siberia in the 19th – 20th centuries]. St. Petersburg: Nevskiy institut yazyka i kul'tury.

Shaidurov, V.N. (2016) *Ethnic Entrepreneurship in the Russian Empire in the era of economic modernisation in the second half of the 19th – early 20th century (as illustrated in the example of Siberia)*. *Bylye gody*. 41(3). pp. 666–674.

Smirnova, T.B. (2008) *Etnicheskaya istoriya nemetskoy diaspory v trudakh sibirskikh uchenykh* [Ethnic history of the German diaspora in the works by Siberian scientists]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 63–68.

Stricker, G. et al. (1997) *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland* [German history in the East of Europe. Russia]. Berlin: Siedler Verlag.

The Central State Historical Archive of St. Petersburg (CGIA). Fund 2292. List 1. File 333.

The Central State Historical Archive of St. Petersburg (CGIA). Fund 2292. List 1. File 352.

- The Central State Historical Archive of St. Petersburg (CGIA). Fund 2292. List 1. File 395.
- The Central State Historical Archive of St. Petersburg (CGIA). Fund 2292. List 1. File 415.
- The Central State Historical Archive of St. Petersburg (CGIA). Fund 2292. List 1. File 435.
- The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 826. List 1. File 1825.
- The State Archives of the Altai Krai (GAAK). Fund 3. List 1. File 3702.
- The State Archives of the Altai Krai (GAAK). Fund 4. List 1. File 2561.
- The State Archives of the Altai Krai (GAAK). Fund 4. List 1. File 2821.
- The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 3. List 77. File 195.
- Vibe P.P. (2007) *Nemetskiye kolonii v Sibiri: sotsialno-ekonomicheskii aspekt* [German Colonies in Siberia: Socio-Economic Aspect]. Omsk: OmGPU.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев 2015 - *Афанасьев В.Г.* Фрайбергская горная академия и Россия: два с половиной века делового сотрудничества // Записки Горного института. 2015. Т. 216. С. 131–137.
- Вибе 2007 - *Вибе П.П.* Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. 368 с.
- ГAAK 1 - Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. 3. Оп. 1. Д. 3702.
- ГAAK 2 - ГAAK. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2821.
- ГAAK 3 - ГAAK. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2561.
- ГATO - Государственный архив Томской области (ГATO). Ф. 3. Оп. 77. Д. 195.
- Морозов 1908 - *Морозов И.М.* Алтайский округ в колонизационном отношении. Полтава, 1908.
- Недзелюк 2006 - *Недзелюк Т.Г.* Римско-католическая община Мариенбурга: особенности локального менталитета. URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2006/nedzelyuk-t.g-rimsko-katolicheskaya-obschina> (дата обращения: 20.07.2017).
- Недзелюк 2009 - *Недзелюк Т.Г.* Римско-католическая церковь в полиэтническом пространстве Западной Сибири 1881–1918 гг. Новосибирск: Прометей, 2009. 214 с.
- Недзелюк 2011 - *Недзелюк Т.Г.* Метрические книги сибирских католических приходов как репрезентативный исторический источник // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3. С. 129–135.
- Недзелюк 2016 - *Недзелюк Т.Г.* Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830–1917). Новосибирск: Изд-во Сибирской академии государственной службы, 2016. 345 с.
- РГИА - Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 826. Оп. 1. Д. 1825.
- Смирнова 2008 - *Смирнова Т.Б.* Этническая история немецкой диаспоры

в трудах сибирских ученых // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 63–68.

ЦГИАСПб 1 - Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИАСПб). Ф. 2292. Оп. 1. Д. 333.

ЦГИАСПб 2 - ЦГИАСПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 352.

ЦГИАСПб 3 - ЦГИАСПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 395.

ЦГИАСПб 4 - ЦГИАСПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 415.

ЦГИАСПб 5 - ЦГИАСПб. Ф. 2292. Оп. 1. Д. 435.

Шайдуров 1996 - *Шайдуров В.Н.* Самовольные поселения немецких крестьян на Алтае (конец XIX – начало XX в.). История и культура российских немцев. Вып. 3, ч. 1. Саратов, 1996. С. 66–75.

Шайдуров 2003 - *Шайдуров В.Н.* Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае. Конец XIX – начало XX в. Барнаул: Полиграф-Сервис, 2003. 142 с.

Шайдуров 2013 - *Шайдуров В.Н.* Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири 19 – начала 20 в. СПб.: Изд-во Невского института языка и культуры, 2013.

Fleischhauer 1986 - *Fleischhauer I.* Deutschen in Zarenreich. Stuttgart, 1986.

Pohl 2009 - *Pohl O.* Catherine's grandchildren: a short history of the Russian-Germans under the Soviet rule. Lincoln, Nebraska: American Historical Society of Germans from Russia, 2009.

Shaidurov 2016 - *Shaidurov V.N.* Ethnic Entrepreneurship in the Russian Empire in the era of economic modernization in the second half of the 19th – early 20th century (As illustrated in the example of Siberia) // *Bylye gody*. 2016. Vol. 41, is. 3. P. 666–674.

Stricker u.a. 1997 - *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Russland.* Herausgegeben von Gerd Stricker. Siedler Verlag, Berlin, 1997.

Шайдуров Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета (Россия), член Восточно-Европейского исторического общества (Россия).

Vladimir N. Shaidurov – St. Petersburg Mining University, East European Historical Society (Russia).

E-mail: s-w-n@mail.ru

УДК 94(100)«1938/1939»

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/21

ПИТАННЯ ПІДКАРПАТСЬКОЇ РУСІ У ЗОВНІШНЬОПОЛІТИЧНИХ РОЗРАХУНКАХ ПОЛЬЩІ (ЖОВТЕНЬ 1938 – БЕРЕЗЕНЬ 1939 р.)

В.В. Трофимович¹, Л.В. Трофимович²

¹Національний університет «Острозька академія»

Україна, 35800, Рівненська обл., м. Острог, вул. Семінарська, 2

E-mail: v.trofymovych@rambler.ru

²Національна академія сухопутних військ ім. гетьмана
П. Сагайдачного

Україна, 79012, м. Львів, вул. Героїв Майдану, 32

E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

Авторське резюме

У ході чехословацької кризи, висунувши територіальні претензії до Чехословаччини і поділяючи позицію нацистського керівництва про те, що ця країна має зникнути з карти Європи, Польща фактично солідаризувалася з Німеччиною. Зайнявши Тешинську Сілезію, вона опинилась у міжнародній ізоляції, не помічала насуваючої на неї небезпеки. Після проголошення автономії Підкарпатської Русі у жовтні 1938 р. польська дипломатія здійснювала кроки, спрямовані на приєднання краю до Угорщини з метою встановити з останньою спільний кордон, який би ліквідував у зародку небезпеку появи «українського П'ємонт», відрізав Чехословаччину від її союзника по Малій Антанті – Румунії, створив бар'єр у вигляді «нейтрального блоку» на шляху ймовірної німецької агресії. Активна підготовка й участь Польщі у ліквідації державності Карпатської України, розрекламоване в пресі задоволення з приводу встановлення спільного кордону з угорцями, інформація про жорстокі розправи її військовиків і поліцейських над захисниками краю – усе це сприяло наростанню ворожнечі до цієї держави з боку української спільноти, особливо на фоні різкого загострення німецько-польських і, навпаки, поліпшення німецько-радянських відносин.

Ключові слова: Підкарпатська Русь, Чехословаччина, Польща, Угорщина, Німеччина, «український П'ємонт», автономія, спільний кордон.

ВОПРОС ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РАСЧЕТАХ ПОЛЬШИ (ОКТАБРЬ 1938 г. – МАРТ 1939 г.)

В.В. Трофимович¹, Л.В. Трофимович²

¹ Национальный университет «Острожская академия»
Украина, 35800, Ровненская обл., г. Острог, ул. Семинарская, 2
E-mail: v.trofymovych@rambler.ru

² Национальная академия сухопутных войск им. гетмана
П. Сагайдачного
Украина, 79012, г. Львов, ул. Героев Майдана, 32
E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

Авторское резюме

В ходе чехословацкого кризиса, выдвинув территориальные претензии к Чехословакии и разделяя позицию нацистского руководства о том, что эта страна должна исчезнуть с карты Европы, Польша фактически солидаризировалась с Германией. Заняв Тешинскую Силезию, она оказалась в международной изоляции, не замечала надвигающейся на нее опасности. После провозглашения автономии Подкарпатской Руси в октябре 1938 г. польская дипломатия осуществляла шаги, направленные на присоединение края к Венгрии, с целью установить с последней общую границу, которая ликвидировала бы в зародыше опасность появления «украинского Пьемонта», отрезала Чехословакию от ее союзника по Малой Антанте – Румынии, создала барьер в виде «нейтрального блока» на пути вероятной германской агрессии. Активная подготовка и участие Польши в ликвидации государственности Карпатской Украины, разрекламированное в печати удовлетворение по поводу установления общей границы с венграми, информация о жестокой расправе ее военных и полицейских над защитниками края – все это способствовало нарастанию враждебности к этому государству со стороны украинского общества, особенно на фоне резкого обострения германо-польских и, наоборот, улучшения германо-советских отношений.

Ключевые слова: Подкарпатская Русь, Чехословакия, Польша, Венгрия, Германия, «украинский Пьемонт», автономия, общая граница.

QUESTIONS ABOUT SUBCARPATHIAN RUS' IN FOREIGN POLICY CALCULATIONS OF POLAND (OCTOBER 1938 – MARCH 1939)

V.V. Trofymovych¹, L.V. Trofymovych²

¹The National University of Ostroh Academy

2 Seminarska Street, Ostroh, Rivne region, 35800, Ukraine

E-mail: v.trofymovych@rambler.ru

²Hetman Petro Sahaidachnyi National Army Academy

32 Heroiv Maidanu Street, Lviv, 79012, Ukraine

E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

Abstract

Poland practically allied with Germany during the Czechoslovak crisis, having put forward territorial claims to Czechoslovakia and sharing the position of the Nazi leadership that this country should disappear from the European map. After occupying Teshinskaya Silesia, Poland was in international isolation, without noticing the coming danger. When the autonomy of Subcarpathian Rus' was proclaimed in October 1938, Polish diplomacy took steps aimed at annexing the region to Hungary in order to establish the last common border, which would nip in the bud the danger of the "Ukrainian Piedmont", cut off Czechoslovakia from Romania, which was its ally in the Little Entente, and create a "neutral bloc" on the way of probable German aggression. The factors that contributed to the growing hostility to Poland in the Ukrainian society, especially in the context of a dramatically deteriorated German-Polish and, conversely, improved German-Soviet relations included the active preparation and participation of Poland in the liquidation of the Carpathian Ukraine statehood, the approved establishment of the common border with Hungary, and the information about the brutal massacre of its military and police over the region's defenders.

Keywords: Subcarpathian Rus', Czechoslovakia, Poland, Hungary, Germany, "Ukrainian Piedmont", autonomy, common border.

Вітчизняна та зарубіжна історіографії мають певний науковий доробок, присвячений Підкарпатській Русі міжвоєнного періоду. Серед авторів, які вивчали окремі аспекти теми, слід насамперед виділити українських істориків О. Богіва і В. Задорожного (Богів, Задорожний 1999), М. Вереша (Вереш 2004), М. Швагуляка (Швагуляк 2000), російських – В. Мар'їну (Мар'їна 2003), А. Пушкаша (Пушкаш 2006),

польських – Д. Домбровського (Домбровський 2012), Є. Куплінського (Kupliński 1996). Проте залишається недостатньо дослідженою позиція Польщі стосовно цього краю у період міжнародної політичної кризи, що переросла у світову війну.

Автори поставили за мету охарактеризувати ставлення Польщі до державотворчих процесів у Підкарпатській Русі після Мюнхенської конференції, дипломатичні зусилля офіційної Варшави, спрямовані на встановлення спільного польсько-угорського кордону і ліквідації «українського П'ємонту».

Після Мюнхенської конференції в чехословацькій кризі наступив новий етап: в епіцентр внутрішньополітичних колізій та складного міжнародного протиборства, як зауважив М. Швагуляк, у цей час висунулась справа Закарпатської України (Швагуляк 2000: 300). Польща й Угорщина з посиленою енергією стали добиватись територіального переділу в зоні Підкарпатської Русі, яка входила до складу Чехословаччини, з тим, аби одержати спільний кордон, що «відрізає» би останню від Румунії, її союзника по Малій Антанті (Системная история 2006: 295).

Як відомо, 8 жовтня на спільному засіданні представники Руської й Української Центральних народних рад одностайно вирішили «домогатися для Підкарпатської Русі тих самих прав, які одержала і одержить Словаччина на основі прилог, долучених до цього протоколу. Постановлено вимагати від чехословацького правительства безвідкладного сповнення цих домагань» (Нова Свобода 1938).

Увечері 10 жовтня 1938 р. радіо Праги повідомило, що Чехословаччина стала федерацією трьох народів: чехів, словаків й українців, а наступного дня була надана автономія Підкарпатській Русі, визнано її уряд. Після ухвалення парламентом «Конституційного закону у формі поправки до Конституції ЧСР від 22 листопада 1938 р. про автономію Підкарпатської Русі» № 328 Чехословаччина перетворилась у федеративну державу з трьох частин: Чехії, Словаччини і Підкарпатської Русі. Цей закон регламентував склад уряду Підкарпатської Русі і його повноваження, вибори і діяльність сойму, розмежування функцій між урядом у Празі та автономним урядом (Тернистий шлях 2007: 21). Назва «Карпатська Україна» була запроваджена розпорядженням уряду А. Волошина 30 грудня і вживалася паралельно з назвою «Підкарпатська Русь» (Марьина 2003: 7).

«Народ вірив, що надходить новий період його історії, – згадував Д. Куп'як про реакцію українців на події в краї. – ...Зморені цілоденною тяжкою працею, селяни вечорами квапилися до читальні чи кооперативи, аби почути найновіших вісток про наше Закарпаття» (Куп'як 1991: 68).

Як зазначають О. Богів і В. Задорожний, від середини жовтня 1938 р. у середовищі українофільської течії на Підкарпатті формується прони́мецька зовнішньополітична орієнтація. Причини цього вони вбачають у наступному: відносній прони́мецькій орієнтації як Чехословацької держави взагалі, так і її федеральних органів у післямюнхенський період, особливо за часів президентства Е. Гахи; потребі зовнішньої міцної протидії домаганням Будапешта та Варшави стосовно території краю; наявності з боку Берліна хоч і не широкі кроків на підтримку українських визвольних змагань; існуванням прони́мецьких традицій серед частини організацій української діаспори, які налагодили контакти з українським рухом на Закарпатті (Богів, Задорожний 1999: 20).

Проголошення автономії, на думку В. Косика, відбулося у період, коли західні дипломати займалися здогадами про найближчі плани нацистів і засоби захисту своїх країн від можливого конфлікту з Німеччиною. Оскільки переважало твердження, що остання піде на захоплення України, то вищезгадана подія розцінювалась як німецька ідея, перший етап на шляху завоювання Радянської України (Косик 1993: 59–60).

Окреслену ситуацію певною мірою підтверджує короткий звіт повпреда СРСР у Німеччині про тутешнє політичне життя в жовтні 1938 р. Зокрема, зазначалося, що стала проявлятися особлива позиція Берліна «в питанні Карпатської Русі (перейменованої за наполяганням німців в Україну)», який, не потребуючи вже підтримки Польщі та Угорщини, став опиратися розподілу краю між ними. Своєю чергою, вказувалося далі у звіті, така позиція дала підстави серії чуток про нові агресивні плани нацистів на Сході. Йшлося про очікуваний тиск на Румунію, подальшу фашизацію Угорщини, «плани створення “незалежної” України з карпатської частини з приєднанням частин Польщі і Румунії і подальшою експансією в бік СРСР» (Год кризиса 1990: 265).

Як впливало з одержаного 1 грудня 1938 р. 5-м відділом Головного управління держбезпеки НКВС агентурного повідомлення, «Гітлер і Ріббентроп рішуче готуються до нападу на Радянську Україну навесні майбутнього року, для чого в якості плацдарму буде використана Прикарпатська Україна» (Рассекреченные документы 2009: 427).

З особливим занепокоєнням автономію краю, а також ідею створення «Великої України» зустріла Польща, котра боялась їхнього впливу на західноукраїнські землі і яка й раніше уважно відстежувала український рух на Закарпатті. Наприклад, згідно інформації її Міністерства закордонних справ від 3 лютого 1938 р., у Празі став виходити новий український журнал «Українська Родина», що видавався «крайніми націоналістами», які згуртувалися навколо журналу «Пробоєм» і представляли молодь Східної Малопольщі і

Підкарпатської Русі. «Цей журнал має завдання відновити вартість українського народу, пропагувати українську державу від Кавказу до Попраду, поборювати нинішніх окупантів українських земель і усувати соціалістичні впливи на українське суспільство. Журнал є виразно антипольським» (AANA 1938: 6).

Стурбованість офіційної Варшави відобразила і замітка «Провокації прибулих українських елементів», яку надрукувала «Gazeta Polska» 19 жовтня, і де, зокрема, повідомлялось, що на території Закарпаття «помітний наплив чужого українського елементу, завданням якого, здається, є поширення неспокою серед руського населення» (CAW 1938: 38; Prowokacje przybyłych 1938).

Своєю чергою, МЗС Польщі інформувало своє посольство у Празі, що 29 вересня звідти до Східної Малопольщі виїхало «20 українських агітаторів, які мають кошти, а також таємні інструкції на зразок німецько-судетських таємних організацій» (AANA 1938: 6).

Як випливало з листа редактора львівської газети «Нова зоря» О. Назарука до ректора духовної семінарії в Станіславові о. А. Бойчука від 13 жовтня 1938 р., «тутешні поляки надзвичайно занепокоєні враженням, яке на нашій народі викликають події за Карпатами... Є вісті про оживлення наших в цілій країні. Тут у Львові навіть малі діти цікавляться українською державою за Карпатами, а трохи старші хлопці втікають з дому, щоб пристати до тамошнього легіону» (Цит. за: Швагуляк 2000: 302).

Серед повідомлень, що надходили в 2-й відділ Головного штабу збройних сил Польщі, все частіше звучали тривожні нотки: «Повстанський рух на Підкарпатській Русі набирає щораз загрозливіших розмірів»; «Повстання на Підкарпатській Русі розширюється на кордоні з Румунією» (CAW 1938: 10) тощо.

Для польського політикуму, зокрема ендеків, не було сумнівів у тому, що ініціатором гасла «Велика Україна» є Берлін, оскільки, мовляв, «немає українського народу й української території», а, отже, висування українського питання є «німецькою інтригою» (Nowak 2000: 14).

22 жовтня посол Польщі у Берліні Ю. Ліпський повідомив міністра закордонних справ Німеччини Й. Ріббентропа: його уряд вважає, що Підкарпатська Русь має відійти до Угорщини. Так Варшава розпочала відому політику за встановлення спільного кордону з «історичним другом» Угорщиною (Косик 1993: 60).

Надто красномовне, на наш погляд, польське бачення карпато-українського питання було викладене 11 жовтня 1938 р. на сторінках львівського видання «Wiek Nowy». «В угорських претензіях до Чехословаччини, – читаємо тут, – є одна річ великої політичної ваги –

це Підкарпатська Русь. Цей край має ключову позицію в Середній та Східній Європі. Польську Сілезію навіть не порівняти з нею. Цей край означав для чехів з'єднання з СРСР. На випадок його розвалу і створення української держави чехи зробили б негайний розворот у своїй національній політиці, здійснивши українізацію Русі. Замість Москви чеські шляхи вели б до Києва. Наша Галичина опинилася б тоді між двох вогнів!.. Коли сьогодні українці висувають вимоги до самовизначення Русі, коли вони говорять про незалежність, або хоча би про автономію, хоча ці вимоги з позиції українців є логічними, то польський інтерес повинен тут поставити тверде “ні”» (Wiek Nowy 1938).

Значний інтерес становить віднайдене в архівних фондах звернення 17 послів і сенаторів південно-східних земель Другої Речі Посполитої до міністра військових справ Т. Каспжицького 24 лютого 1939 р. у справі Карпатської України. «З частини Закарпатської Русі, – вказувалося тут, – створена майже незалежна держава – “Закарпатська Україна” – і надано їй виразно характер П'ємонту для створення Великої України під німецьким протекторатом» (AANc 1939: 99).

На десяти сторінках цього, по суті, програмного документу обґрунтовувалися політичні, геополітичні, економічні, стратегічні, військові аргументи на користь приєднання краю до Польщі, оскільки, мовляв, Закарпатська Україна є «запальним вогнищем неспокою, котре загрожувє державі збройною, небезпечною агресією». До того ж її уряд «очолив запеклий ворог польського народу о. Волошин і йому подібні (AANc 1939: 98).

Звернення закінчувалося закликом захопити край: «Треба міцно стати ногами за Карпатами. Польща мусить це вчинити, якщо не хоче, аби завтра з-поза Карпат насунулася загроза не лише її кордонам, але і її незалежності» (AANc 1939: 107).

В історіографії залишається дискусійним питання, яка зі сторін – польська чи угорська – першою виступила з ідеєю спільного кордону. На думку Є. Куплінського, усе промовляє за те, що авторство проекту належало польській дипломатії; його основою було прагнення до вигідної для Варшави зміни укладу сил у Центральній і Південно-Східній Європі (Kupliński 1996: 67). Це частково підтвердив і міністр закордонних справ Другої Речі Посполитої Ю. Бек, який дещо пізніше, у 1939 р., згадував: «Угорці не могли наважитись на здійснення дуже енергійних кроків. Наші розмови з ними були незмірно складними, оскільки їхній уряд кидався в крайнощі: від програмних настроїв до плекання найбільш фантастичних планів, вимагаючи від нас, аби ми збройним шляхом окупували Закарпатську Русь і Словаччину, щоби потім віддати їх Угорщині» (Sprawa Polska 1958: 48).

Своєю чергою, 7 жовтня 1938 р. посол Угорщини у Варшаві А. Хорі повідомляв своєму міністру закордонних справ К. Кані, що поляки рекомендують негайно розпочати «широкий саботаж» на Закарпатті і обіцяють активно підключитися до цієї акції (Тернистий шлях 2007: 142–143). Наступного дня польський посол у Лондоні Е. Рачинський відвідав Форін-офіс з проханням підтримати зазіхання Угорщини на все Закарпаття (Пушкаш 2006: 169).

10 жовтня, тобто через тиждень після вступу польських військ на Заолззя, начальник Головного штабу збройних сил країни віддав наказ про підготовку диверсійних дій на території Підкарпатської Русі. Того ж дня угорський воєнний аташе в Польщі Б. Лендьєл доповідав своєму начальнику Генштабу про те, що, згідно отриманої інформації, в Мукачеві і Ужгород будуть направлені польські військовики у цивільному одязі, а також спецгрупи, які складатимуться з добровольців, з метою здійснення вибухів та інших підривних дій. Причому польська сторона обіцяла активізувати свою діяльність, як тільки угорські підривні загони розпочнуть бойові операції (Венгрия 1962: 113; Тернистий шлях 2007: 144; Домбровський 2012: 156–157).

Отже, диверсійно-терористична діяльність поляків та угорців була складовою частиною вищезазначеного плану встановлення спільного кордону.

Прагнення безпосереднього сусідства з угорцями не впливало лише з бажання ліквідації небезпеки утворення «українського П'ємонту» і запобігання обходження Польщі з флангу ворожими силами. Частково воно пояснювалось побоюванням використання української проблеми нацистським керівництвом. Вирішальною, проте, мірою це впливало з концепції Ю. Бека стосовно створення бар'єру для гітлерівської агресії з допомогою «нейтрального блоку», названої пізніше концепцією «Третьої Європи» або «Міжмор'я». Спільний же кордон з Угорщиною мав скласти істотний чинник впровадження її в життя (Злепко 1994: 253; Марьина 2003: 7; Batowski 1977: 84–99; Kupliński 1996: 66). У ній керівник МЗС вбачав «оборонний мур від німців» (Noël 1966: 163).

Ідея спільного польсько-угорського кордону наштовхувалась, проте, на спротив не лише Чехословаччини, але й Румунії, яка на південному сході межувала з Україною. Будучи сусідом і союзником першої, вона могла звідти безперерійно постачати зброю, вироблену її воєнною промисловістю. У разі анексії Закарпаття цей шлях був би перекритий. Крім того, румуни побоювались, що територіальні апетити Угорщини можуть поширитись і на їхню країну (Diariusz 1972: 386; Batowski 1977: 88; Kupliński 1996: 66). Навіть Ю. Бек під час осіннього візиту до Бухареста не міг змінити негативного ставлення тутешніх лідерів до

вищезгаданої ідеї. Останні бажали, аби цей край краще б окупувала Польща (Tomaszewski 1979: 62).

26 листопада 1938 р. польський посол у Бухаресті Р. Рачинський обговорював «українське питання» з міністром закордонних справ Румунії П. Комненом. Посилаючись на думку короля, керівник МЗС висловив міркування про доцільність зменшення території СРСР і утворення окремої «української держави», яке цілком підтримав Р. Рачинський. «Безперечно, – заявив поляк, – далекосяжні перетворення на території нинішніх Рад можливі, і чим швидше Польща та Румунія узгодять свої точки зору і тактику в цьому питанні, тим більше вони зможуть зробити...» (Год кризиса 1990: 17).

Дещо пізніше, 14 грудня, Р. Рачинський інформував своє керівництво про останню аудієнцію у короля Кароля II: «Стосовно проблеми польсько-угорського кордону, то аргументи Румунії такі серйозні, що іноді важко відшукати потрібні контраргументи. Румуни побоюються, що наслідком зміцнення Угорщини, яке б дало досягнення кордону з Польщею, було б зростання угорських ревізіоністських тенденцій, також небезпечне з точки зору внутрішньополітичного впливу Угорщини на певні політичні напрямки в Румунії» (Diariusz 1972: 386). Характеризуючи політичні настрої в останній, посол зазначив, що «основним лейтмотивом усіх бухарестських розмов є українська проблема, яка збуджує загальне занепокоєння» (Diariusz 1972: 386).

Незважаючи на негативне ставлення Бухареста до ідеї спільного польсько-угорського кордону, Ю. Бек продовжував курс на ліквідацію автономної Карпатської України. Свою позицію польському послу в Будапешті він мотивував наступним чином: «Польсько-румунський союз тривкий, але зобов'язує нас лише стосовно СРСР» (AANb 1938: 4).

Однак головною перешкодою на шляху загарбницьких планів Польщі й Угорщини була Німеччина. Один з радників її МЗС Е. Верман на початку жовтня склав доповідну записку уряду про долю Закарпаття. В ній останнє пропонувалось включити до складу «незалежної Словаччини», щоб не допустити встановлення спільного польсько-угорського кордону, який, мовляв, суперечив інтересам райху. Не виключалась можливість приєднання краю і до складу Угорщини, але лише після поглиблення німецько-угорських відносин (Гранчак 1995: 268).

Непідтримку Берліном угорських претензій на всю Словаччину і Закарпаття А. Пушкаш пояснював тим, що Третій райх вважав за необхідне зберегти автономну Карпатську Україну під своїм необмеженим контролем, створивши таким чином бар'єр між Польщею та Угорщиною і змусивши останню бути більш поступливою стосовно нього (Пушкаш 2006:183).

Негативна оцінка позиції польського уряду під час чехословацької кризи була дана радянською стороною. Про це свідчить, наприклад, об'ємна інформація шефа II відділу Головного штабу полковника Т. Пелчинського на ім'я генерального інспектора збройних сил і міністра військових справ Другої Речі Посполитої про внутрішню ситуацію в СРСР за жовтень-грудень 1938 р. У ній, зокрема, вказується: «Під час і після польсько-чехословацького конфлікту Польща була піддана нищівній критиці радянською пресою. Ця критика здійснювалася за трьома напрямками:

1. Польщу зараховано до відвертих агресорів і порушників миру, що захоплює чужі землі для вирішення своїх внутрішніх проблем.

2. Рішуче вороже сприйнято концепцію спільного польсько-угорського кордону, чиняться інсинуації про прагнення Варшави до польсько-угорсько-румунського блоку під протекторатом Італії і скерованого, насамперед, у своїх намірах проти СРСР.

3. Думка про агресивність Польщі, її таємні угоди з Берліном, вироблена на прикладі розчленування Чехословаччини, використовується на кожному кроці для формування недовіри серед балканських країн». В інформації зазначається також, що «проблему Закарпатської Русі, яку радянська преса постійно називає Закарпатською Україною, потрактовано було на разі тільки в площині ворожого совітам концепції вісі Рим-Будапешт-Варшава» (САР 1938: 41).

Незважаючи на це, польська дипломатія продовжувала відстоювати інтереси Будапешта перед Берліном. Як інформував посол Ю. Ліпський з німецької столиці до Варшави, стосовно угорських вимог він у розмові з А. Гітлером виділив питання про Закарпатську Русь, зробив акцент на стратегічному моменті по відношенню до СРСР, на комуністичну пропаганду, яка здійснювалась на цій території. У нього склалося враження, що канцлер дуже зацікавився цією проблемою (Документи и материалы 1981: 211).

20 жовтня 1938 р. «Gazeta Polska» опублікувала замітку «Підкарпатська Русь – база Радянського Союзу в Європі!» з підзаголовком «Сенсаційна інструкція Комінтерну для чеських комуністів». Розкриваючи зміст останньої, редакція акцентувала увагу на завданні, яке нібито Виконком Комінтерну поставив перед комуністами: намагатися втримати єдність краю з Чехословаччиною при збереженні автономії, гарантуючи повну свободу політичним партіям. «Якщо не вдасться реалізувати цього плану, то компартія повинна прагнути до встановлення самостійної Підкарпатської Русі» (Ruś Podkarpacka 1938).

2 листопада міністри закордонних справ Німеччини та Італії Й. Ріббентроп і Г. Чіано у присутності делегацій чехословацького та угорського урядів (до складу першої входив А. Волошин) оголосили

своє арбітражне рішення про передачу частини Закарпаття, а також Південної Словаччини Угорщині.

Підкарпатська Русь втратила міста Ужгород, Мукачево і Берегово з прилеглими до них районами, однак продовжувала залишатись у складі Чехословаччини, що перешкоджало утворенню спільного польсько-угорського кордону, а, отже, змусило Варшаву і Будапешт активізувати свої дипломатичні зусилля, а також терористичні акції в краї. Причому, якщо Угорщина відверто зазіхала на все Закарпаття, то Польща і Румунія прагнули оволодіти окремими територіями в Словаччині і Закарпатській Україні (Венгрия 1962: 143; Баран 1995: 121; Вегеш 2004: 139–141; Швагуляк 2000: 303).

На підготовку нових польсько-угорських акцій проти Закарпатської України проливає світло кодована телефонограма угорського посла у Варшаві А. Хорі своєму міністру закордонних справ К. Кані від 9 листопада 1938 р. У ній посол повідомляв, що разом з керівництвом польського МЗС він розглядав різні варіанти розв'язання питання про подальшу долю краю: «Однією з формул може бути заява про те, що русинське населення попросило ввести в Русинську область одночасно угорські та польські війська. Таку акцію можна було би швидко підготувати або організувати. Можна обрати і таке рішення: увійшовши в Русинську область, угорські війська звернуться за підтримкою до польської армії. Про це, зрозуміло, потрібно буде заздалегідь домовитись» (Тернистий шлях 2007: 164–165).

18 листопада за розпорядженням Ю. Бека були підготовлені інструкції для послів у Парижі, Лондоні, Москві, Римі і Берліні, де було чітко зазначено, що першочерговим завданням уряду є спільний кордон з Угорщиною саме в Підкарпатській Русі, оскільки зайняття нею останньої зменшить небезпеку виникнення осередку подальших ускладнень і політичних непорозумінь, перешкодить зовнішнім чинникам використовувати край для антипольських акцій (Schimitzek 1976: 315).

Про те, наскільки важливе значення Польща надавала приєднанню усього Закарпаття до Угорщини, а, отже, створенню з нею спільного кордону, свідчив запис бесіди радника посольства Німеччини у Варшаві Р. Шелії з віце-директором політичного департаменту МЗС Другої Речі Посполитої Т. Кобилянським 18 листопада 1938 р. Останній сказав: «Міністр не може говорити так відверто, як може говорити я. Питання про Карпатську Русь має для нас вирішальне значення. Ви бачите, який неспокій викликає це питання в наших українських областях. Ми придушуємо і будемо придушувати цей неспокій. Не робіть для нас неможливим проведення нашої політики. Якщо Карпатська Русь увійде до Угорщини, то Польща буде згідна пізніше

виступити на боці Німеччини в поході на Радянську Україну. Якщо ж Карпатська Русь залишається осередком неспокою, то такий виступ ви зробите для нас неможливим. Пам'ятайте, про що йде мова» (Год кризиса 1990: 105; СССР в борьбе 1971: 82).

Приблизно у такому ж дусі висловлювався і польський посланник в Ірані Я. Каршо-Седлевський. У розмові з радником німецького посольства у Варшаві 28 грудня він висловив припущення, що через декілька років Німеччина воюватиме з Радянським Союзом, а Польща підтримає її добровільно чи вимушено у війні. А тому, мовляв, для його країни краще до конфлікту цілком визначено стати на бік Третього райху, оскільки її територіальні інтереси на заході і політичні прагнення на сході, насамперед в Україні, можуть бути забезпечені лише шляхом заздалегідь досягнутої польсько-німецької угоди (Год кризиса 1990: 162).

Стурбованість Польщі політикою А. Гітлера зміцнювали і висловлювання західних діячів. Як впливає з інформації її посла у Вашингтоні Є. Потоцького про тривалу бесіду з прибулим на батьківщину на відпочинок американським послом у Франції В. Буллітом 19 листопада, останній говорив про українську проблему і про німецькі посягання на Україну. Він стверджував, що Берлін нібито має цілком сформований «український штаб», який повинен у майбутньому взяти в свої руки владу в Україні і створити там незалежну державу під егідою Третього райху. Така Україна, продовжував В. Булліт, становитиме для Польщі велику небезпеку, оскільки справлятиме безпосередній вплив на українців у Східній Малопольщі. Він також додав, що нацистська пропаганда цілком здійснюється в українсько-націоналістичному напрямку, а базою для цих дій в майбутньому повинна послужити «карпаторуська Україна», в існуванні якої гітлерівці безперечно зацікавлені, головним чином, зі стратегічних міркувань (Год кризиса 1990: 112).

Польські дипломати звернули увагу і на коротке повідомлення під назвою «Основна сила Карпатської України не порушена», що було надруковане в часописі «Свобода. Український щоденник» 3 грудня 1938 р., який виходив у США. У ньому зазначалось, що після Віденського арбітражу Карпатська Україна втратила лише 12 відсотків території, тоді як чехи і словаки відповідно 31 і 21 відсотки. А тому «неповажно виглядає, коли хто говорить про нежиттєздатність Карпатської України» (Основна сила 1938).

Тривожна інформація про сепаратистські настрої українського населення в Польщі надходила від її спецслужб. Зокрема, у їхньому повідомленні від 19 січня 1939 р. вказувалося на посилення «агітації українців за відокремлення східних земель від Польщі, за створення України» (Украинские 2012: 33).

Відстежуючи реакцію західних українців на події в Закарпатті, польські спецслужби дійшли наступного висновку: «Поява Закарпатської Русі стала іскрою, яка спонукала до дій усі організації і товариства, пробудила надії на швидке виникнення “Великої України”, початок якої вони вбачали саме в Закарпатській Русі. Під впливом даного повідомлення відбулася консолідація українського суспільства, яке раніше було розколотим і піддавалося впливу різноманітних партій» (Украинские 2012: 59).

Як відомо, 14 березня 1939 р. Вермахт вступив на територію Чехії, а угорські війська за згодою Берліна перейшли кордон в районі Мукачеве, зламавши опір чехословацької армії, незважаючи на те, що новообраний сойм Карпатської України проголосив її самостійність.

А. Волошин від імені уряду Карпатської України звернувся з проханням до Берліна «взяти до відома проголошення нашої самостійності під патронатом німецької імперії» (Цит. за: Пушкаш 2006: 272).

У польське зовнішньополітичне відомство надходила інформація, що угорські агресори наштотхнулися на запеклий опір Карпатської Січі та вояків-українців чеської армії. «Волошинці розпускають чутки, – зазначалося в ній, – про те, що під вечір мають прибути два німецькі транспорти для надання допомоги українцям» (ААНс 1939: 162).

15 березня німецький консул Г. Гофман передав А. Волошину заяву свого МЗС, в якій пропонувалося «наступаючим військовим частинам Мадярщини на широкому фронті проти Карпатської України... не ставити опір» (Шандор 1996: 338–339).

Як відомо, в ході кровопролитних боїв з угорськими агресорами захисники Карпатської України зазнали поразки і протягом 15–18 березня Закарпаття було окуповане. Слід зауважити, що на допомогу угорцям з півночі прийшли направлені урядом польські добровольці, які заатакували Карпатську Січ (Детальніше про це: Вегеш 2004: 331–337; Вони боронили 2002: 328–354; Пушкаш 2006: 267–287). Поляки брали також участь у розправі над захисниками краю, котрі під натиском угорців відходили на територію Речі Посполитої. На це, зокрема, проливає світло лист і рапорт співробітника польського посольства у Берні Є. Стемповського на ім'я віце-прем'єра еміграційного уряду С. Кота від 29 жовтня 1940 р., де характеризуються причини наростання ворожнечі в українсько-польських відносинах. «Для оцінки цього явища, – зазначалося тут, – варто зважити, що власне в цій прикордонній місцевості у 1938–1939 рр. мали місце незаконні страти польською поліцією і КОП українців. Небажаних осіб офіційні особи з поліції та КОП підводили до угорського кордону і там без жодних формальностей убивали. Восени 1939 р., після опадання листя з дерев, у кількох місцях були знайдені трупи українців,

жертв цих страт. Один з урядників станіславівської політичної поліції, котрий брав участь у цих операціях і перейшов після початку війни на службу до угорців, зізнався щодо походження знайдених решток. Очевидно, що такого роду насильства і безправ'я завше викликають різку реакцію» (Stępowski 1993: 260).

Німецький дозвіл угорцям на агресію проти Карпатської України, ліквідація «українського П'ємонту» викликали значне задоволення в польських урядовців. Частина з них сподівалася, що Берлін вже не буде жонглювати жупелом «Великої України». Інші, зокрема дипломати, були обережнішими в таких прогнозах. «Принаймні зовні українське питання втратило значення й актуальність», – повідомляв у своє МЗС 25 квітня 1939 р. польський консул у Відні. Водночас він звертав увагу на наступне: його численні німецькі співрозмовники з військового і дипломатичного середовища були впевнені, що українська проблема незабаром вибухне в самій Речі Посполитій (AAND 1939: 137; Свідерська 2000: 450–451).

Таким чином, Польща різко негативно відреагувала на державотворчі процеси в Карпатській Україні, побоюючись їхнього впливу на підпорядковані їй українські землі і розглядаючи край як «український П'ємонт», з якого могло початися створення «Великої України» під німецьким патронатом.

Польське прагнення безпосереднього сусідства з угорцями випливало з бажання ліквідації небезпеки утворення карпатоукраїнської держави і запобігання обходження Польщі з флангу ворожими силами, побоювання використання української проблеми Третім райхом, а також створення бар'єру для гітлерівської агресії з допомогою «нейтрального блоку».

ЛІТЕРАТУРА

Баран 1995 - *Баран О.* Мадярська окупація Закарпаття в 1939 р. // Український історик. 1995. № 14. С. 119–136.

Богів, Задорожний 1999 - *Богів О., Задорожний В.* Карпатська Україна (Підкарпатська Русь) у міжнародних відносинах (травень 1938 – березень 1939). Ужгород: Патент, 1999. 91 с.

Вегеш 2004 - *Вегеш М.* Августин Волошин і Карпатська Україна. Львів: ЗУКЦ, 2004. 414 с.

Венгрия 1962 - Венгрия и Вторая мировая война: секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны / сост. М. Адам и др. М.: Иностранная литература, 1962. 367 с.

Вони боронили 2002 - *Вони боронили Карпатську Україну: Нариси історії визвольної боротьби закарпатських українців* / Ред. М.М. Вегеш. Ужгород: Карпати, 2002. 709 с.

Год кризиса 1990 - Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы: в 2 т. Т. 1 (29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г.) / Под ред. Л.Ф. Ильичева. М.: Политиздат, 1990. 555 с.

Гранчак 1995 - *Гранчак І. Закарпаття в міжнародних відносинах напередодні та в період Мюнхена* // Нариси історії Закарпаття. Т. 2 (1918–1945). Ужгород: Закарпаття, 1995. С. 264–273.

Документы и материалы 1981 - Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939: в 2 т. Т. 1 (ноябрь 1937–декабрь 1938 гг.) / Под ред. А. Бондаренко, И. Земскова и др. М.: Политиздат, 1981. 302 с.

Домбровский 2012 - *Домбровский Д. Польша і Закарпаття: 1938–1939*. Київ: Темпора, 2012. 392 с.

Злепко 1994 - *Злепко Д. Українське питання у 1938–1939 роках і Третій райх* // Записки НТШ: Праці історико-філософської секції. Львів, 1994. Т. ССХХVIII. С. 249–308.

Косик 1993 - *Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні*. Париж; Нью-Йорк; Львів: Атлас, 1993. 659 с.

Куп'як 1991 - *Куп'як Д. Спогади не розстріляного*. Торонто; Нью-Йорк, 1991. 431 с.

Марьина 2003 - *Марьина В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина*. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.

Нова Свобода 1938 - Нова Свобода. 1938. 11 жовтня.

Основна сила 1938 - Основна сила Карпатської України ненарушена // Свобода. Український щоденник. 1938. 3 грудня.

Пушкаш 2006 - *Пушкаш А. Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945*. М.: Европа, 2006. 564 с.

Рассекреченные документы 2009 - Рассекреченные документы Второй мировой войны // Завтра может быть уже поздно... Вестник МГИМО-Университета. М., 2009. С. 405–598. Спецвыпуск.

Свідерська 2000 - *Свідерська Н. Українське питання в європейській політиці навесні 1939 року* // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 2000. № 7. С. 445–458.

Системная история 2006 - Системная история международных отношений: в 2 т. / Ред. А. Богатуров. М.: Культурная революция, 2006. Т. 1. 406 с.

СССР в борьбе 1971 - СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 гг.): Документы и материалы / редкол.: А.А. Громыко и др. М.: Политиздат, 1971. 671 с.

Тернистый шлях 2007 - Тернистый шлях до України: Збірник архівних документів і матеріалів «Закарпаття в європейській політиці 1918–1919, 1938–1939, 1944–1946 рр.» / упоряд. О.Д. Довганич та О.М. Корсун. Ужгород: Вид-во «Закарпаття», 2007. 749 с.

Украинские 2012 - Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939–1943 / Под ред. Н. Артизова. М.: РОССПЭН, 2012. 878 с.

Шандор 1996 - *Шандор В. Спомини. Карпатська Україна. 1938–1939*. Ужгород: ММП «Гражда», 1996. Т. 1. 388 с.

Швагуляк 2000 - *Швагуляк М.* Українське питання в міжнародних політичних кризах передодня Другої світової війни (1938–1939) // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів, 2000. Вип. 35–36. С. 296–320.

AANa 1938 - Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). Zespół 322. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Departament Polityczno-Ekonomiczny. Wydział Wschodni 1918–1939. Sygnatura akt 5319. Ukraińcy w Czechosłowacji i Rumunii – działalność polityczna. Raporty, korespondencja. 1938 r. 35 k.

AANb 1938 - Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Zespół 322. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Departament Polityczno-Ekonomiczny. Wydział Wschodni. 1918–1939. Sygnatura akt 6593. Instrukcja MSZ dla posła RP w Budapeszcie. 1938 r. 5 k.

AANc 1939 - Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Zespół 322. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Departament Polityczno-Ekonomiczny. Wydział Wschodni. 1918–1939. Sygnatura akt 5463. Czechosłowacja. Ruch narodowościowy i separatystyczny na Rusi Zakarpackiej i popieranie go przez Polskę. Korespondencja, raporty, prasa. Tom VII. 1939 r. 301 k.

AANd 1939 - Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Zespół 474. Ambasada Rzeczypospolitej w Berlinie. 1920–1939. Sygnatura akt 388. Prasa niemiecka. 156 k.

Batowski 1977 - Batowski H. Europa zmierza ku przepaści. Poznań: Wyd-wo poznańskie, 1977. 526 s.

CAW 1938 - Centralne Archiwum Wojskowe w Rembertowie. Zespół Oddział II Sztab Główny. 1938–1939. Sygnatura akt 1.303.4.5470. Korespondencja, prasa o Rusi Zakarpackiej, 45 k.

Diariusz 1972 - Diariusz i teki Jana Szembeka (1935–1945). T. IV. (1938–1939) / Oprac. Zarański J. London: Orbis Limited, 1972. 804 s.

Kupliński 1996 - *Kupliński J.* Polskie działania dywersyjne na Ukrainie Zakarpackiej w 1938 roku // Wojskowy Przegląd Historyczny. 1996. № 4. S. 65–83.

Noël 1966 - *Noël L.* Agresja niemiecka na Polskę / Oprac. Zabięto S. Warszawa: Instytut wydawniczy PAX, 1966. 418 s.

Nowak 2000 - *Nowak M.* Narodowa demokracja wobec mniejszości ukraińskiej w przededniu II wojny światowej // Polacy i Ukraińcy podczas II wojny światowej. Materiały z konferencji naukowej pod red. W. Bonusiaka. Rzeszów, 2000. S. 9–19.

Prowokacje przybyłych 1938 - Prowokacje przybyłych elementów ukraińskich // Gazeta Polska. 1938. 19 października.

Ruś Podkarpacka 1938 - Ruś Podkarpacka bazą Związku Sowieckiego w Europie (sensacyjna instrukcja Kominternu dla czeskich komunistów) // Gazeta Polska. 1938. 20 października.

Schimitzek 1976 - *Schimitzek S.* Drogi i bezdroża minionej epoki. Wspomnienia z lat pracy w MSZ (1920–1939). Warszawa: Interpress, 1976. 480 s.

Sprawa Polska 1958 - Sprawa Polska pod czas II wojny światowej. Warszawa: Prasa, 1958. 595 s.

Stępowski 1993 - *Stępowski J.* W dolinie Dniestru. Listy o Ukrainie. Warszawa: LNB, 1993. 349 s.

Tomaszewski 1979 - *Tomaszewski J.* Dokumenty o stosunkach rumuńsko-polskich po konferencji monachijskiej // Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej.

1979. Nr. XV. S. 49–62.

Wiek Nowy 1938 - Wiek Nowy. 1938. 11 października.

REFERENCES

Baran, O. (1995) Madyars'ka okupatsiya Zakarpattya v 1939 r. [Hungarian occupation of the Transcarpathia]. *Ukrains'kiy istorik*. 14. pp. 119–136.

Bogiv, O. & Zadorozhnyi, V. (1999) *Karpats'ka Ukraïna (Pidkarpats'ka Rus') u mizhnarodnikh vidnosinakh (traven' 1938 – berezen' 1939)* [Carpathian Ukraine (Subcarpathian Rus) in the international relations (May 1938 – March 1939)]. Uzhhorod: Patent.

Vegesh, M. (2004) *Avgustin Voloshin i Karpats'ka Ukraïna* [Augustyn Voloshyn and Carpathian Ukraine]. Lviv: ZUKTs.

Sikachev, N.N. (1962) *Vengriya i Vtoraya mirovaya voyna: sekretnye diplomaticheskie dokumenty iz istorii kanuna i perioda voyny* [Hungary and Second World War: secret diplomatic documents of the eve and the course of war]. Moscow: Inostrannaya literatura.

Vegesh, M.M. (2002) *Voni boronili Karpats'ku Ukraïnu: Narisi istorii vizvol'noi borot'bi zakarpats'kikh ukraïntsi* [They defended of Carpathian Ukraine: essays of histories of the liberation struggle of transcarpathian Ukrainians]. Uzhhorod: Karpati.

Ilichev, L.F. (1900) *God krizisa, 1938–1939: Dokumenty i materialy: v 2 t.* [The year of crisis, 1938–1939. Documents and materials in two vols]. Vol. 1. Moscow: Politizdat.

Granchak, I. (1995) Zakarpattya v mizhnarodnikh vidnosinakh naperedodni ta v period Myunkhena [Transcarpathia in the international relations of the eve of the Munich]. In: Granchak, I. (ed.) *Narisi istorii Zakarpattya* [Essays of the History of Transcarpathia]. Vol. 2. Uzhhorod: Zakarpattya. pp. 264–273.

Bondarenko, A., Zemskova, I. et al. (1981) *Dokumenty i materialy kanuna Vtoroy mirovoy voyny: v 2 t.* [Documents and materials of the eve of Second World War: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Politizdat.

Dombrovskiy, D. (2012) *Pol'shcha i Zakarpattya: 1938–1939* [Poland and Transcarpathia: 1938–1939]. Kyiv: Tempora.

Zlepko, D. (1994) Ukraïns'ke pitannya u 1938–1939 rokakh i Tretiy raykh [Ukrainian question in period 1938–1939 and the Third Reich]. *Zapiski NTSh: Pratsi istoriko-filosofs'koï sektiï*. 232. pp. 249–308.

Kosik, V. (1993) *Ukraïna i Nimechchina u Drugiy svitoviy viyni* [Ukraine and Germany WW2]. Paris; New York; Lviv: Atlas.

Kupyak, D. (1991) *Spogadi ne rozstrilyanogo* [The memories of a non-shot]. Toronto; New-York: [s.n.].

Maryina, V. (2003) *Zakarpatskaya Ukraina (Podkarpatskaya Rus') v politike Benesha i Stalina* [Transcarpathian Ukraine (Subcarpathian Rus') in the politics of Stalin and Benes]. Moscow: Novyy khronograf.

Nova Svoboda. (1938) 11th October.

Anon. (1938) Osnovna sila Karpats'koï Ukraïni nenarushena [The main power

of Carpathian Ukraine is not destroyed]. *Svoboda. Ukraïns'kiy shchodennik*. 3rd December.

Pushkash, A. (2006) *Tsivilizatsiya ili varvarstvo: Zakarpat'e 1918–1945* [Civilization or Barbarism: Transcarpathia 1918–1945]. Moscow: Evropa.

Chechevishniokov, A.L. (ed.) (2009) *Zavtra mozhet byt' uzhe pozdno...* [Tomorrow maybe too late ...]. Moscow: Moscow State Institute of International Relations. pp. 405–598.

Sviderska, N. (2000) Ukraïns'ke pitannya v evropeys'kiy polititsi navesni 1939 roku [The Ukrainian question in European policy in the spring of 1939]. In: Isaevich, Ya. (ed.) *Ukraïna: kul'turna spadshchina, natsional'na svidomist', derzhavnist'* [Ukraine: cultural heritage, national consciousness and statehood]. Vol. 7. Lviv: National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 445–458.

Bogaturov, A. (2006) *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy: v 2 t.* [The Systemic History of International Relations: In two vols]. Vol. 1. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.

Gromyko, A.A. et al. (eds) (1971) *SSSR v bor'be za mir nakanune Vtoroy mirovoy voyny (sentyabr' 1938 – avgust 1939 gg.)* [The USSR in the fight for peace of the eve of WW2 (September of 1938 – August of 1939)]. Moscow: Politizdat.

Dovganich, O.D. & Korsun, O.M. (eds) (2007) *Ternistiy shlyakh do Ukraïni: Zbirnik arkhivnykh dokumentiv i materialiv "Zakarpat'tya v evropeys'kiy polititsi 1918–1919, 1938–1939, 1944–1946 rr."* [A difficult way to Ukraine: The collection of archival documents and materials "The Transcarpathia in European policy in 1918–1919, 1938–1939, 1944–1946"]. Uzhhorod: Zakarpat'tya.

Artizov, N. (ed.) (2012) *Ukrainskie natsionalisticheskie organizatsii v gody Vtoroy mirovoy voyny. Dokumenty: v 2 t.* [Ukrainian Nationalist Organisations WWI. Documents in two vols]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.

Shandor, V. (1996) *Spomini. Karpats'ka Ukraïna. 1938–1939* [The Memoires. Carpathian Ukraine. 1938–1939]. Vol. 1. Uzhhorod: Grazhda.

Shvagulyak, M. (2000) Ukraïns'ke pitannya v mizhnarodnykh politichnykh krizakh peredodnya Drugoi svitovoi viyni (1938–1939) [The Ukrainian Question in International Political Crisis's of the eve of Second World War (1938–1939)]. *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya istorichna*. 35–36. pp. 296–320.

The Archive of New Records in Warsaw (AAN) (1938a). *Ukraińcy w Czechosłowacji i Rumunii – działalność polityczna. Raporty, korespondencja* [Ukrainians in Czechoslovakia and Romania – political activities. Reports, correspondence]. Ministries of Foreign Affairs. Political and Economic Department. Eastern Division 1918-1939. Reference number 5319. 322 (In Polish).

The Archive of New Records in Warsaw (1938b) *Instrukcja MSZ dla posła RP w Budapeszcie* [The Instruction for the Polish Ambassador in Budapest]. Ministry of Foreign Affairs. Political-Economy Department. Eastern Office 1918–1939. 6593 (In Polish).

The Archive of New Records in Warsaw (1939a) *Czechosłowacja. Ruch narodowościowy i separatystyczny na Rusi Zakarpackiej i popieranie go przez Polskę. Korespondencja, raporty, prasa* [Czechoslovakia. The national and separatist movement in Transcarpathian Rus and its support by Poland. Correspondence,

reports, press]. Vol. 7. Ministry of Foreign Affair. Political-Economy Departament. Eastern Office 1918–1939. 5463 (In Polish).

The Archive of New Records in Warsaw (1939b) *Ambasada Rzeczypospolitej w Berlinie* [Polish Embassy in Berlin]. 388.

Batowski, H. (1977) *Europa zmierza ku przepaści* [The Europe goes to the abyss]. Poznań: Wyd-wo poznańskie.

The Central Military Archive in Rembertow (CAW) (1938). *Korespondencja, prasa o Rusi Zakarpackiej* [Correspondence and press about Transcarpathian Rus]. Departament II of the Main headquarters. 1938–1939. Sygn. 1.303.4.5470 (In Polish).

Szembek, J. (1972) *Diariusz i teki Jana Szembeka (1935–1945)* [Jan Szembek's Diary and Folders. 1935–1945]. Vol. 4. London: Orbis Limited.

Kupliński, J. (1996) Polskie działania dywersyjne na Ukrainie Zakarpackiej w 1938 roku [The Polish sabotages activity in Transcarpathian Rus' in 1938]. *Wojskowy Przegląd Historyczny*. 4. pp. 65–83.

Noël, L. (1996) *Agresja niemiecka na Polskę* [The Germany Invasion to Poland]. Warsaw: Instytut wydawniczy PAX.

Nowak, M. (2000) [The Polish national democracy toward the Ukrainian minority in the eve of WWII]. *Polacy i Ukraińcy podczas II wojny światowej* [Poles and Ukrainians in WWII]. Proc. of the Conference. Rzeszów. pp. 9–19 (In Polish).

Anon. (1938a) Prowokacje przybyłych elementów ukraińskich [The provocation of the Ukrainians elements]. *Gazeta Polska*. 19th October.

Anon. (1938b) Ruś Podkarpacka bazą Związku Sowieckiego w Europie (sensacyjna instrukcja Kominternu dla czeskich komunistów) [Carpathian Rus as the base of the Soviet Union in Europe (The sensational instruction by Cominterne for Czech Communists)]. *Gazeta Polska*. 20th October.

Schimitzek, S. (1976) *Drogi i bezdroża minionej epoki. Wspomnienia z lat pracy w MSZ (1920–1939)* [The roads and impassability of the past epoch. The memoirs from the years of work in Ministry of Foreign Affair (1920–1939)]. Warsaw: Interpress.

Anon. (1958) *Sprawa Polska pod czas II wojny światowej* [The Polish Affair in WWII]. Warsaw: Prasa.

Stępowski, J. (1993) *W dolinie Dniestru. Listy o Ukrainie* [In the Dniester Valley. The Letters about Ukraine]. Warsaw: LNB.

Tomaszewski, J. (1979) Dokumenty o stosunkach rumuńsko-polskich po konferencji monachijskiej [Documents about Romanian-Polish Relations after the Munich Conference]. *Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej*. 15. pp. 49–62.

Wiek Nowy. (1938). 11th October.

Трофимович Володимир Васильович – доктор історичних наук, завідувач кафедри історії Національного університету «Острозька академія» (Україна).

Трофимович Владимир Васильевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Национального университета «Острожская академия» (Украина).

Volodymyr V. Trofymovych – The National University of Ostroh Academy (Ukraine).

E-mail: v.trofymovych@rambler.ru

Трофимович Лілія Володимирівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри гуманітарних наук Національної Академії сухопутних військ ім. гетьмана П. Сагайдачного (Україна).

Трофимович Лилия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Национальной академии сухопутных войск им. гетмана П. Сагайдачного (Украина).

Liliya V. Trofymovych – Hetman Petro Sahaidachnyi National Army Academy (Ukraine).

E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

УДК 81'272

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/22

ІМПЛЕМЕНТАЦІЯ ЕВРОПСКОЙ ХАРТЫ РЕГІОНАЛЬНИХ АБО МІНОРИТНИХ ЯЗЫКІВ У ШКОЛЬСЬКІЙ СІСТЕМІ РУСИНІВ НА СЛОВАКІЇ (2003–2014)

А. Плїшкова

Пряшівська універзіта у Пряшові – Інштітут русиньского языка і
культуры

ул. 17. новембра, 15, Пряшів, 08005, Словенско

E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

Абстракт

Европска харта регіональних або міноритних языків про Словацьку Републіку платить од 1. януара 2002. Харта є контрольным механізмом на оцінёваня дотримованя ей установлїнь у сіґнатарьській державі з цілём дати подля потреби рекомендації на зліпшіня легіслативы, політики і практикы. Основным іштрументом того поступу є Выбор експертів Рады Европы (РЕ), котрого главнов задачов є перевірити реалну сітуацію в регіональних або міноритних языках у даній державі, дати Выбору міністрів РЕ оцініня дотримованя приятих повинностей сіґнатарьсков країнов, а кідь треба, то вызывати членьску країну к высшій мірі заанґажованости. З цілём злегшыти тоту задачу Выбор міністрів РЕ прияв основу імплементачных справ, котры членьска держава має повинность предкладати Раді Европы в трирічних ціклах. Дотеперь Словацька Републіка предложыла 4 імплементачны справы а Выбор експертів РЕ выставив оцініня ку каждій з них. Штудія аналізує сітуацію в русиньскім народностнім школстві Русинів на Словакії по штирѣх ціклах моніторованя Рады Европы і вказує на проблемы повязаны з імплементаций харты у статі 8 – Освіта, выходячі з оцініня Выбору експертів РЕ знаня реалой сітуації.

Ключовы слова: Русиньскый язык, Европска харта регіональних або міноритних языків, русиньске школство, русиньскый язык в Словакії.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ХАРТИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ ИЛИ ЯЗЫКОВ МЕНЬШИНСТВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУСИНОВ В СЛОВАКИИ (2003–2014)

А. Плишкова

Пряшевский университет в Пряшеве – Институт русинского языка и культуры

Словакия, 08005, г. Пряшев, ул. 17 ноября, 15

E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

Авторское резюме

Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, действующая в Словакии с января 2002 г., представляет собой механизм контроля для оценки применения ее положений в каждой договорной стране с целью дать рекомендации по законодательному, политическому и практическому улучшению, если это необходимо. Этот механизм представлен в виде Комитета экспертов Совета Европы (СЕ), основной задачей которого является исследование фактического положения региональных языков или языков меньшинств в данной стране. Комитет экспертов СЕ должен предоставить Комиссии министров СЕ оценку того, как договорная страна выполняет свои обязательства, в случае необходимости настаивать на том, чтобы это государство-член поднялось на более высокий уровень взаимодействия. Чтобы облегчить эту задачу, Комитет министров Совета Европы принял структуру отчетов об осуществлении положений хартии, которые договорная страна предоставляет секретарю СЕ в трехлетних циклах. Словацкая Республика подготовила за это время четыре доклада о реализации хартии, Комитет экспертов Совета Европы – четыре оценочных доклада. В статье анализируются состояние образования на родном языке русинов в Словакии после четырех циклов мониторинга и проблемы, связанные с выполнением обязательств Словакии по хартии в статье 8: «Образование и оценка выполнения обязательств Словакии Комитетом экспертов СЕ».

Ключевые слова: русинский язык, Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, русинскоязычное образование, русинский язык в Словакии.

THE IMPLEMENTATION OF THE EUROPEAN CHARTER FOR REGIONAL OR MINORITY LANGUAGES IN THE EDUCATIONAL SYSTEM OF RUSINS IN SLOVAKIA (2003–2014)

A. Plishkova

University of Prešov – Institute of Rusin Language and Culture
15 17 November Street, 08005, Prešov, Slovakia
E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

Abstract

The European Charter for Regional or Minority Languages, operative in Slovakia from January 2002, provides a control mechanism for evaluating the application of its provisions in each contractual country with the goal of giving recommendations for legislative, political, and practical improvement, if needed. This mechanism consists in a panel of experts, whose major task is to investigate the actual situation of the regional or minority languages in a given country. The panel is also to provide the Commission of Ministers of the Council of Europe with an assessment of how the contractual country holds to the obligations in case there should be a need to insist that the member state should rise to a higher level of engagement. To facilitate this task, the Commission of Ministers of the Council of Europe adopted a structure for the implementation reports submitted by the contractual country to the secretary of the Council of Europe in three-year cycles. Up to now, the Slovak Republic has produced four implementation reports, and the panel of experts has prepared its four assessment reports. The present article analyses the condition of and issues connected with the full implementation of the obligations of the Charter by the Slovak Republic in Article 8: Education and evaluation by the panel of experts of the Council of Europe.

Keywords: Rusin Language, European Charter for Regional or Minority Languages, Rusin Language Education, Rusin Language in Slovakia.

Вступ. На території многих європейських держав живуть регіональні автохтонні групи жителів, котрі комунікують мовою інакшею від переважної частини жителів. Є то природний наслідок історичного розвитку, в котрім формовання держав не проходило лем подля правил чисто дефінованих мовою, і в котрім малі групи були абсорбовані більшими.

В рамках Европской унії (ЕУ) ся говорить многыма языками, причім 23 з них суть офіціално узнаныма і зарівно суть робочіма языками ЕУ. Окрем них екзістує понад 60 первістных регіональных і мінорітних языків, з котрых 5 ся класіфікують як напівурядны (каталанський, ґаліційський, баскіцький, шкотсько-ґальський, вельський). Іншы языки не мають в Европской унії статус офіціального языка. Хоць ЕУ має лімітований вплив на політики у сфері освіти і языків окремых членських країн, бо тоты суть у компетенції влад даных країн, але має механізмы забудованы в европських договорах, таких, як *Европска харта регіональных або мінорітних языків* і *Рамковий договор на охрану народностных меншын*, через котры припоминають членським країнам ЕУ повинність ґарантовати языкову різnorodость на їх території і підпоровати навчання і знання мінорітних і регіональных языків.

Єдным з мінорітних языків, к яким ся односять уведжены европскы договори заміряны на підпору захованя і розвоя тзв. малых языків, є язык карпатських Русинів, жыючіх на території дакількох членських країн ЕУ. В нашій статі ся заміряєме на став і проблемы імплементації Европской харты регіональных або мінорітних языків у сфері освіти автохтонного жытельства Русинів на Словакії, яке компактно заселять територію северовыходной части країны – Пряшівського самосправного края, респ. пряшівску область.

Русинський язык в контексті філософії харты языків. Акцептованыма термінами вжываныма на класіфікацію языків, котры суть в Европі первістныма, але не суть штатныма языками в конкретнім штаті, суть терміны *регіональны* або *мінорітны* языки. Прияла їх Рада Европы до своєї Харты регіональных або мінорітних языків. Тоты языки належать до 4 категорій: 1) домашні языки, котры суть первістныма, але не суть штатныма языками; 2) домашні і черезгранічны языки, котры суть первістныма і вжывають ся у веце як єднім штаті, але не суть штатныма языками; 3) черезгранічны языки, котры екзістують як штатный язык в єднім штаті і як мінорітный у другім штаті; 4) языки без території (напр. ромський) (Jones 2013: 5).

В 90. рр. XX. ст. выдала орґанізація УНЕСКО публікацію «*Червена книга огроженных языків*» із списком вшыткых огроженных языків світа. Тоту книгу пізніше замінив «*Атлас світовых языків в огрожіню*» (Atlas 2012). В роках 2002 – 2003 пожадала орґанізація УНЕСКО групу експертів *ad hoc* створити крітерії на становлїня животаспособности языка. Експерты вышпеціфіковали 7 ступнів животаспособности языка, причім 5 з них належить огроженным языкам: 1) безпечный, 2) стабільный – але огроженный, 3) крегкий, 4) ясно огроженный, 5) важно огроженный, 6) крітїчно огроженный, 7) зникнутий.

Русинський язык на Словакії і в цілій карпатській области подля споминаного Атласу ся класіфікує атрібутом «крегкий», што значить же «языком говорить векшына дітей, але ёго вживаня може быти ограничєне на даяку область», напр. на домашнє окружїня, причім войводинський русинський язык ся класіфікує як «ясно огроженный», т. є. діти ся дома уж не учать тот язык як свій материнський (Atlas 2012). Выходячі з уведжєных дефініцій класіфікації языків і познания соціолінгвістичной сітуації, думаєме собі, же і карпатський русинський язык належить до категорії «ясно огроженных» языків у Словакії і в Европі. Документують то штатістики із списованя людей, але і можности розвоя того языка в окремых сферах функціонованя і в окремых країнах, в котрых Русины жыють як автохтонна міноріта.

Демографічна сітуація регіональних і мінорітних языків осцілує од дакілько тісяч аж по дакілько міліонів ужывателів. Кідь говоримє о Русинах на Словакії, то подля фахового одгаду тотя народностна меншына має коло 130 тис. особ, но подля офіціальной штатістики з посліднього списованя людей (2011) к русинській народности ся приголосило нецілых 33,5 тис. особ, а скоро 55,5 тис. з них собі увело материнський язык русинський. Кідь говоримє в общім о карпатських Русинах, то одгадує ся, же у світі їх жыє приближно 1,7 міл. жытелів (Magocsi 2016: 22), але думаєме собі, же ани третина з них – з розлічных обективних і субективних причін – у каждоденній комунікації не говорить по русинськы. То значить, же переважна часть дітей карпатських Русинів ся ани дома, але ани в школі уж не учить русинський язык як свій материнський, котрый якраз зато мы го класіфікуєме як язык «ясно огроженный».

В залежности од уж споминаной демографічной сітуації одлишують ся закони і практика каждой державы односно регіональних або мінорітних языків. Про вшыткы зістає сполочным знаком бівша або менша міра неістоты. Під впливом модерной цивілізації, і в першім ряді масмедій, внаслідку неприязной політичной сітуації або асімілачной політики влад окремых країн, регіональні або мінорітны языки стоять в сучасности перед вызначныма грозбами, на котры уже довшыи час указовали різны орґаны Рады Европы. Фактом є, же Договор на охрону людських прав і основных слобод у статі 14 установлює прінцип недіскримінації, главно заказує діскримінацію заложєну на языку або приналежности к народностній меншині. Хоць то было важне діло, дотыкало ся лем індивідуального права – не быти выставлений діскримінації – але хыбила ту сістема позітивной охрани мінорітних языків і ґруп бісідуючих тыма языками. В році 1961 Парламентне зґромаждїня Рады Европы вызвало к охранныму кроку на доповнїня Европского договору створєного на ґарантованя

права міноритних ґруп на властну культуру, властний язык, на основаня школ і т. д. Напосліды в році 1981 Парламентне згромаждіння Рады Европы прияло Рекомендацію ч. 928 о проблемах освіти і культуры в европейских міноритных языках і діалектах, і в тім самім році Европський парламент видав резолюцію, котра ся тыкать того вопросу. Обидва документи принесли заключіння, же треба сформуловати харту регіональных або міноритных языків і культур. На основі того тогдышня Стала конференція містных і регіональных орґанів Европы прияла ся приправити Европску харту регіональных або міноритных языків з оглядом на задачу, котра чекать регіональны і містны орґаны в одношіню к языкам і культурам на містній і регіональній уровни.

Вступна робота перед выготовлїнем харты взяла до увагы справу о актуалнім ставі регіональных і міноритных языків в Европі, а в році 1984 і шыроку діскузію, на котрій взяло участь 250 людей, репрезентуючих понад 40 языків. Концепт харты створила ґрупа експертів на регіональны і міноритны языки. Наконєць Стала конференція у своїй Резолюції ч. 192 з року 1988 запропоновала текст харты, о котрім ся вирішило, же буде мати штатут договору. Наслїдно Выбор міністрів РЕ зложыв *ad hoc* міджівладну Комісію експертів на регіональны і міноритны языки, одповідну за выпрацованя харты, котра зачала свою роботу кінцем рока 1989. Перед предложїнем дефінітивной подобы харты Выбору міністрів РЕ в році 1992 Комісія експертів на регіональны і міноритны языки конзултовала і взяла до увагы погляды многих шпеціалізованих выборів Рады Европы. Харта была схвалена як договор Выбором міністрів РЕ на 478. засіданю делегацій міністрів 25. юна 1992, а отворена на підпис была 5. новембра 1992 у Штрасбурґу.

Першорядов основов харты, яка є задекларована такой в Преамбулі, є єй кулурный розмір. Взникла на охрану і підпору регіональных і міноритных языків, котры суть огроженым аспектом европейской культурной дідовизны. З той причіны не обягує лем антідіскриміначны прінципы односно хоснованя тых языків, але тыж дефінує інштрументы на активну підпору регіональных і міноритных языків з цілєм забезпечити їх хоснованя в освітній системі, масмедіях, юстіції, урядній сфері, в соціалнім і економічнім жывоті і в културных активітах (Ладіжінський 2001: 1–3). Вдяка ним бы ся дало досягнути захованя і розвой тых языків як живой части европейской культурной ідентіты.

Харта ся складать з Преамбулы, 5 частей і 23 статей:

Часть I – Общі установлїня;

Часть II – Цілі і прінципы дефінованы на основі статі 2 абз. 1 («Каждый член договору повинен дотримувати установлїня уведжены в части II в одношіню ку вшыткым регіональным або міноритным языкам,

котрыма ся бісїдуе на ёго тєрїторїї і котры корешпондують з абсягом понятия в статї 1») (OMZVSR 2001: 6056);

Часть III – Крокы на підпору вжываня реґіональных або мїнорїтных языків у цївільнім жывоті подля повинностей уведжєных в ст. 2 абз. 2 («В одношію ку каждому языку, котрый ся уведе при ратїфікації, прїятю або одобрїню подля ст. 3, каждый член договору повинен акцептовати мїнімально 35 абзаців або букв выбранных з установлїнь части III той харты, причїм мїнімально три мусять быти выбранны із статей 8 і 12 а єден із статей 9, 10, 11 і 13») (OMZVSR 2001: 6056);

Часть IV – Дотримованя харты (обсягує установлїня процесу реалїзації, главно заложїня Выбору експертів РЕ на монїторованя дотримованя харты);

Часть V – Заклучны установлїня.

Харта на єднім боці становлює просты прїнципы в части II, котры ся односять на вшыткы реґіональны і мїнорїтны языки, на боці другім, часть III харты обсягує комплекс шпєціфічных кроків, тыкаючіх ся позїції реґіональных і мїнорїтных языків у рїзных сферах общественноґо жывота: окремы державы можуть слободно в рамках своїх можностей выбрати собі установлїня, котры будуть аплїковати на каждый язык, хоснований на їх тєрїторїї. Цїлєм такой флєксїбілности є рєшпектовати великы роздїлы в реалній сїтуації реґіональных і мїнорїтных языків (кількость вжывателїв, ступїнь роздробєности, і т. д.), але тыж мїру фїнанчных можностей європських країн, бо імплєментація многых установлїнь харты є повязана з немалыма штатныма інвєстіціями. В процесї імплєментації харты є тыж важный прїнцип прогрєсу, т. є. жебы к уж выбранным і імплєментованным повинностям штаты могли пізнїше прибрати новы, кїдь ся їх правна і фїнанчна сїтуація злїпшїть.

Європска харта реґіональных або мїнорїтных языків (далє лем *харта*) была в Штрасбургї отворєна на підпис члєньскыма штатами Рады Европы 5. новємбра 1992. В менї Словацькой Рєпублїкы (далє *СР*) была харта підписана в Штрасбургї 20. фєбруара 2001. Народна рада СР схвалила прїятя харты 19. юна 2001 а прєзїдєнт Словацькой Рєпублїкы єї ратїфіковав 20. юла 2001. Ратїфікачна листина была зарєґїстрована в Радї Европы 5. сєптємбра 2001. Про СР харта зачала платити од 1. януара 2002. Текст харты быв опублїкований у Збїрці законів під чїслом 588/2001 (OMZVSR 2001).

Європска харта реґіональных або мїнорїтных языків створює контрольный механїзм на оцїнєваня дотримованя харты в члєньській державі з цїлєм подля потребы адресовати данїй країні рекомєндації на злїпшіня лєґїслатївы, політїкы і практїкы. Основным інштументом того поступу є Выбор експертів РЕ, створєный подля статї 17 харты.

Їго головним цілём є становити реалну ситуацію регіональних або мінорітних языків у даній державі, дати Выбору міністрів РЕ оцінювання дотримованя повинностей конкретным членським штатом і, кідь треба, вызывати членський штат на поступне досягаваня бівшой міри заангажованости.

На злегшіня той задачі Выбор міністрів РЕ, в навязности на статю 15 абз. 1, прияв основу імплементацных справ, котры каждый членський штат має повинность предкладати генералному таємникови РЕ в трирічних ціклах. Влада даной країны тоту справу опублікує. Спомянута основа выжадує од держав інформації о конкретнім дотримованю харты, о общій політиці про языки хранены подля части II харты і деталніший опис вшыткых кроків, котры были прияты на реалізацію установлїнь выбратых про каждый язык, храненый подля части III харты. Першорядов задачов Выбору міністрів РЕ є перевірити інформації уведжены в періодічній справі членської країны про вшыткы релевантны регіональны і мінорітны языки на теріторії даной державы. Далшов задачов є оцінити єствуючі правны акты, предписы і реалну практику імплементаваня регіональних або мінорітних языків у кождім штаті.

З тым цілём Выбор міністрів прияв властны методы работы: зберать інформації од компетентных орґанів і з незалежных здроїв у рамках державы з цілём дістати правдивый і обективный образ о реалній языковій ситуації; по первістнім перевірїню періодічної справи, кідь треба, Выбор міністрів предложить даному штату дакілько вопросів к неясным або в справі недостаточно поясненым проблемам; по тім писомнім поступі делеґація Выбору експертів РЕ звычайно іде до даной державы з цілём перевірити ситуацію на місті, де ся стрітить зо субектами і орґанізаціями, котрых работа є тісно звязана з вживанєм релевантних языків, і конзултує з орґанами проблемы акцентованы почас моніторованя. По завершіню даного поступу Выбор експертів створить свою властну оцінюючу справу, котру предкладать Выбору міністрів ведно з пропозиціями на рекомендації, котры може Выбор міністрів адресовати даному членському штату.

Дотеперь Словацька Републіка передложила Раді Европы 4 справи о імплементації харты в СР – в роках 2003, 2008, 2012, 2014, а Выбор експертів РЕ выпрацовав ку кождій свої оцінюючі справи – в роках 2006, 2009, 2012 (Зозуляк 2012: 2; Плїшкова 2012: 2), 2015 (Медвідь 2015), а таксамо предложив конкретны рекомендації владі СР.

Приятя харты Словацьков Републік выхидить з *Проґрамового выголошіня влады Словацькой Републіки* (часть IV. 4. Д Загранічна політіка) з року 1998 (PVVSR 1998), в котрім є декларований ціль влады – підписати харту. В септембрі 2000 влада СР повірила

Міністерство заграничних діл, жебы як координатор доїднованя міжнародных договорів – продіскутовало з конкретныма заінтересованыма резортами вопросы выплываючі з підписаня харты.

При уложіню ратифікачной листины зробила СР выголошіня:

«1. СР выголошує, же пріяту харту буде імплементовати в згоді з Уставов СР і пріятыма міжнародныма договорами, котры гарантують рівноправность жителів перед законом без огляду на їх походжіня, расу, віру або народность, з цілём підпоровати европску языкову дїдовизну без пошкоджіня вживаня штатного языка.

2. СР выголошує подля статі 1 буквы б) харты, же понятя „теритотія, на котрій ся вживать регіональний або мінорітний язык“, ся тыкать сел/міст подля наряджіня влады СР ч. 221/1999 З.з., котрым ся выдає список сел/міст, в котрых жителі СР, яки належать к народностній меншынї, творять мінімално 20% жителів, з 25. авґуста 1999, а то враховано імплементациі ей статі 10.

3. Подля статі 3 абз. 1 харты „регіональными або мінорітными языками“ в СР суть языки: булгарьскый, чеськый, хорватьскый, мадярьскый, німецькый, польскый, ромскый, русиньскый і україньскый”» (OMZVSR 2001).

Імплементациа харты (подля статі 2 абз. 2¹) про русиньскый язык (Плішкова 2001: 3, Bandurič 2012: 1–2, 2) ся тыкать слїдуючіх статей:

Статья 8 – Освіта: абз. 1 буква а) пункт ii, буква б) пункт ii, буква ц)² пункт ii, буква д) пункт ii, буква е) пункт ii, буква ф) пункт ii, буквы г), г), i);

Статья 9 – Юстіція: абз. 1 буква а) пункты ii, iii, буква б) пункты ii, iii, буква ц) пункты ii, iii, буква д), абз. 3;

Статья 10 – Справны орґаны і верейны службы: абз. 1 буква а) пункты iii, iv, абз. 2 буквы б), ц), д), ф), г), абз. 3 буква ц) абз. 4 буквы а), ц), абз. 5;

Статья 11 – Масмедії: абз. 1 буква а) пункт iii, буква б) пункт ii, буква ц) пункт ii, буква д), буква е) пункт i, буква ф) пункт ii, абз. 2 і 3;

Статья 12 – Культурна работа і культурны інштїтуції: абз. 1 буквы а), б), ц), д), е), ф), г), абз. 2 і 3;

Статья 13 – Економічний і соціалный живот: абз. 1 буквы а), б), ц), абз. 2 буква ц);

Статья 14 – Черезгранична сполупраца: буква а).

Охрана регіональных і мінорітных языків у Словакії. В СР не є створений шпеціалный штатный орґан заміряный лем на імплементациу харты враховано вопросу охраны регіональных або мінорітных языків. Охрана мінорітных языків є інтеґралнов частёв шыршой охраны народностных меншын імплементованой на різних уровнях охраны основных людських прав і слобод. На уровни

влади проблеми народностных меншын і етнічных ґруп враховано охрани языків меншын спочатку были в компетенції підпредседы влады СР про европску інтеграцію, людьскы права і меншыны, од року 2012 суть в компетенції Уряду уповномоченого влады СР про народностны меншыны Уряду влады СР. Порадным орґаном влады в уведжених вопросах спочатку была Рада влады СР про народностны меншыны і етнічны ґрупы, в котрій были заступлены представителі народностных меншын (резолуція влады ч. 27 з 1. януара 2001), од року 2011 є то Выбор про народностны меншыны і етнічны ґрупы, котрый є сталым фаховым орґаном Рады влады СР про людьскы права, народностны меншыны і родову рівноправность у вопросах народностных меншын і етнічных ґруп і їх членів, і в области імплементації харты подля статі 7 абз. 4 харты і Рамкового договору на охрану народностных меншын подля ст. 15 договору. Має функцію конзултативного орґану в ділах участи членів народностных меншын і етнічных ґруп у рішаню проблемів народностных меншын і етнічных ґруп подля статі 34 абз. 2 буквы ц) Уставы СР. Окремы міністерства акцептують у россягу своїх компетенцій уведжени вопросы при повнію правных норм. Уставный суд СР вирішує о поданнях тыкаючіх ся охрани уставных прав жителів враховано права на вживаня языка народностных меншын.

Европска харта регіональных або мінорітных языків має подля Статі 7 абз. 5 Уставы СР **предность** перед законами. Сучасно іде о міджінародный договор, на імплементацію котрого треба подробишу внутроштатну правну регулацію. Бівша часть релевантных внутроштатных предписів, регулюючіх вопросы зафіксованы в харті, была прията іщі перед підписанєм харты. Многы з них были пізніше змінены або доповнены (LRJMSR 2017).

В слідуючіх рядках курто згорнеме головны прінципы і цілі харты (статья 7 харты), котры СР в тій части ся завязала дотримувати, і представиме оцініня їх імплементації Выбором експертів РЕ:

«1. В одношіню к регіональным або мінорітным языкам, в областях, де ся вживають, і подля ставу даных языків, сіґнатарьскы країны выбудують свою політику, легіслатіву і практику на слідуючіх цілях і прінципах:

а) акцептованя регіональных або мінорітных языків як прояву културного богатства,

б) решпектованя географічної области каждого регіонального або мінорітного языка так, жебы єствуюче або приправлєване адміністратівне роздіління не нарушило підпору даного мінорітного або регіонального языка,

ц) потреба єднозначного поступу при підпорі регіональних або мінорітних языків з цілєм їх захованя,

д) злегшіня і/або підпора словного або письмового прояву в регіоналім або мінорітнім языку в общественнім і в приватнім животі,

е) утримованя і розвой контактів в областях становлених у харті міжгі групами вживаючіма регіональний або мінорітний язык і другыма групами жыючіма в штаті, котры вживають язык в іденітічній або близкій формі, як і надвязаня културных контактів з іншыма групами в штаті, котры вживають інакшы языки,

ф) заведжіня адекватных форм і інструментів про навчаня і штудії регіональных або мінорітных языків на вшыткых вгодных ступнях,

г) заведжіня выгод, котры бы помогли особам, котры не знають регіональний або мінорітний язык і жыють в області, де ся тот язык вживать, жебы мали можность навчіти ся го, кідь мають інтерес,

з) підпора штудій і баданя регіональных або мінорітных языків на універзітах або еквівалентных інштитуціях,

й) підпора вгодных форм міджінародных вымін в рамках областей становлених у харті про регіональні і мінорітні языки, кідь ся вживають в іденітічній або близкій формі в двох або вєце державах.

2. Штаты ся завязують еліміновати, кідь так іщі не зробили, вшыткы непідложены розділы, вынятки, окліціня або выгоды при вживаню регіонального або мінорітного языка, котрых заміром є одсунути або огрозити єго утримованя або розвой. Приятя шпецiалных кроків на хосен регіональных або мінорітных языків, котры мають підпорити рівноправность міджі вживателями тых языків і остатнім жытельством, або кроків, котры акцептують їх шпецiфічны условия, не мож поважовати за дискриміначны к вживателям вєце росшырених языків.

3. Штаты ся завязують підтримувати взаємне порозуміня міджі вшыткыма языковыма групами в країні вгодныма інструментами, і головно загорнути решпектованя, порозуміня і толеранцію к регіональным або мінорітным языкам до выховы і освіти в штаті, і к уведженому приступу вести і масмедії.

4. При формованю політіки к регіональным або мінорітным языкам сігнатарьскы країны возьмуть до увагы потреби і желаня сформулованы групами, котры уведжены языки вживають. В припадї потреби можуть створити порады органы, котры бы помагали органам у вшыткых вопросах тыкаючіх ся регіональных або мінорітных языків.

5. Штаты ся завязують імплементувати, *mutatis mutandis* (лат. по потрібных корекціях), прінціпы уведжены в абзацах 1 – 4 про языки без теріторії. Про тоты языки але платить, же форму і россяг приятых кроків на релізацію харты треба становити адекватно, з оглядом на

потребы і желаня, але тыж на традиції і характерістичны знакы груп, котры тоты языкы вживають» (SIECHRMJ 2013: 10).

Оцінїня імплементації установлїнь з части II харты в Словакії. Оцінюючи імплементацію выбраних повиностей СР, Выбор експертів РЕ не реаґовав на тоты параґрафы, ку котрым не были в ёго першій справі зазначены ниякы прінціпіалны вопросы, і при котрых не дістав ниякы новы імпульзы на ревідованя оцінїня, але резервовав собі право сітуацію в будучности знова переоцінити. В части II в статї 7 ся то тыкать абз. 1 букв а), д), е), і). К далшым абзацам і буквам статї 7 (Цілі і прінціпы) харты Выбор експертів в окремых ціклах моніторинґа предложив слїдуючі коментарї, оцінїня і рекомендації, котры ся тыкають русиньского языка:

Абзац 1

Буква г): *Створити выгоды, котры бы помогли особам, якы не знають регіональний або мінорітний язык і жыють в области, де ся тот язык вживає, жебы ся го могли навчіти, кідь мають інтерес.*

По першім моніторинґу (2006) Выбор експертів вызвав словацькы орґаны, жебы уможнили особам, котры не овладають регіональний або мінорітний язык, навчіти ся го, кідь мають такий інтерес.

У другій періодічній справі (2008) СР не уводить ниякы інформації о кроках, цілём котрых є створїня таких можностей, з чого виходить, же ниякы ініціативы орґанів СР в імплементації того пункту харты в Словакії зреалізованы не были. В третій оцінюючій справі (2012) Выбор експертів різко пожадав словацькы орґаны, жебы розвивали інституції, в котрых бы особы, якы не знають мінорітний язык, могли ся го навчіти, кідь будуть мати інтерес. В 4. імплементачній справі (2014) СР повторила, же мінорітны языкы ся можуть учіти в кожій школі з навчалным языком словацьким і школярї, якы бісїдують майорітним языком, мають можність навчіти ся го. В контексті русиньского языка, як доказ, справа СР уводить курзы русиньского языка, якы реалізує мімовладна орґанізація *Колысочка* в дакількох селах од року 2015 з підпоров Уряду влады СР.

Буква ґ): *Підпора штудій і баданя регіональных або меншыновых языків на універзітах або еквівалентных інституціях.*

В часі першого моніторинґа нияка універзіта в СР не мала спеціалну катедру заміряну на русиньський язык і културу, але на Пряшівській універзіті ся од академічного рока 1999/2000 реалізовала росшырена форма навчаня русиньского языка і културы. Выбор експертів жадав словацькы орґаны, жебы додали далшы інформації о тім програмі а таксамо їх вызвав, жебы прияли потрібны крокы на скоріше основаня високошкольских інституцій про штудії русиньского языка і културы (SVE1 2006: 86).

Другу періодичну справу (2008) СР предложила в часі еstownаня Інштиту реґіональных і народностных штудій на Пряшівській універзіті, в котрій конштатовала, же в рамках того інштиту фунгує Одділіня русиньского языка і культуры і універзіта дає можности штудовати учительський програм заміряный на русиньский язык (SVE2 2009: 8). На фунґованя того одділіня надвязав пізніше окремый Інштиту русиньского языка і культуры (Plišková 2014: 442–449) заснований в році 2008 зо своїма педагоґічними і научными задачами. Выбор експертів оцінив прогрес, котрый словацькы орґаны досягли в імплементації того пункту харты (SVE2 2009: 10).

Абзац 3

Країны ся завязують підпоровати вгодными інштрументами взаємне порозуміння міджі вшыткыма языковыма ґрупами в країні, і головно загорнути решпектованя, порозуміння і толеранцію к реґіональным або мінорітным языкам до выховы і освіти реалізованой в країні, і к уведженому приступу вести і масмедії.

В часі першого моніторинґа Выбор експертів вызвав словацькы орґаны, жебы «зміцнили снажіня в сфері освіти і масмедій, заміряны на підвишованя інформованости майорітного жытельства, бісідуючого по словацькы, о вшыткых реґіональных або мінорітних языках вжываных на Словакії; а окреме жебы підпорили шпецфічність русиньского языка» (SVE2 2009: 19). Тоту рекомендацію адресовав СР і по 2. ціклі моніторинґа. В 3. ціклі Выбор міністрів РЕ рекомендовав, жебы словацькы орґаны «підвышыли інформованость і пропаґовали толеранцію в майорітнім народі к реґіональным і мінорітним языкам і культурам» (SVE4 2015: 14). Выбор експертів різко пожадав словацькы орґаны, жебы прияли інтензівнішы крокы у сфері освіти і масмедій на підвишіня інформованости словацькой майоріты о позітивных приносах реґіональных і мінорітних языків про словацьку громаду. У своїй 4. періодічній справі СР декларовала, же єднов з пріорітних областей ґрантового програму Уряду владу СР *Култура народностных меншын* є пропаґація інтеретнічного і интеркултурного діалоґу і порозуміння міджі майорітов і мінорітами, на котру в році 2014 было выділеных 230 000 ЕУРО. Окрем того штатны орґаны в році 2014 ініціювали приправу учебника о народностных меншынах «Спознайме ся – народностны меншыны», котру бы словацькы школы мали мати к діспозиції в році 2018.

Выслідкы оцініня імплементації русиньского языка в Словакії подля части III, Статі 8 харты языків. З оглядом на предмет статі, в далшій части представиме конкретны пункты статі 8 харты – Освіта, котры ся СР завязала імплементовати, дале на оцініня їх повніня в штирех ціклах моніторинґа Выбору експертів РЕ і на рекомендації Выбору міністрів РЕ словацькым орґанам.

Подля статї 8 харты штатны орґаны СР прияли повинность *уможнити* навчання в регіональных або мінорітних языках на різних уровнях освіти. Імплементация той повинности ся розумить так, же понука мусить передбїговати інтерес і же освіту орґаны повинны планувати і орґанізувати перед тым, як ся на них обернуть зо жадостями родічі або штуденты. Таксамо ся пожадує, жебы понука была континуална міджі окремыма ступнями освіти в даных географічных областях і жебы штатны орґаны активно інформовали родічів, респ. штудентів о доступности освіти в регіональных або мінорітних языках і вызывали їх у бівшій мірі дожадовати ся такой освіти.

Выбор міністрів РЕ по 1. моніторингу рекомендовав словацькым орґанам, жебы прияли кроки на розвой навчання русиньского языка на вшыткых ступнях освіти. По 2. моніторингу Выбор міністрів РЕ адресовав СР рекомендацію забезпечити навчання вшыткых мінорітних языків на вшыткых уровнях і о ёго доступности інформувати родічів. По 3. моніторингу Выбор міністрів рекомендовав словацькым орґанам продовжувати в снажіню забезпечити навчання языків вшыткых міноріт на вшыткых ступнях освіти і інформувати родічів о ёго доступности.

На основі абзацу 1 статї 8 – Освіта – сіґнатарьскы країны ся завязали в областях, де ся регіональны або мінорітны языки вживають, подля сітуації каждого з тых языків і без пошкоджіння навчання офіціального/-ых языка/-ів штату, імплементувати слїдуючі пункты на розлічных ступнях освіти і в розлічных формах освіти:

Передшкільске навчання

Буква а) ... пункт ii: Уможнити, жебы переважна часть передшкільского навчання была забезпечена в даных регіональных або мінорітних языках.

В обцім треба конштатовати, же сітуація в розвою школства на базї русиньского языка од пріяня харты Словацьков Републік аж до сучасности ся в многім не змінила і мож і єдным словом оцінити як стаґнуюча. Видно то на уровни так передшкільской, основної, але головно середньої освіти. Вынятком є лем високошкольска освіта, де СР свій обовязок сповнила уж у другім моніторингу РЕ (2009).

Школьска сістема Русинів в СР ся зачала на Словакїї будувати почінаючи взником основных школ з навчанєм русиньского языка в році 1997, де русиньскый язык ся учів переважно як неповинный предмет у 4 основных школах в Міджілабірцях і в Свіднику. Аж пізніше, по взнику основных школ з навчалным языком русиньскым (2008), на Словакїї зачінають сучасно взникати і матерьскы школы з виховным языком русиньскым: Чабины (2008), Баєрівці (2011–2013), Кална Розтока (2014), Кленова (2017). Нїт але доступных інформацій о тім,

жебы в селах, де жыє мінімално 20 % жытелїв русиньской народности, в котрых суть основны школы в общім, або докінця ОШ з навчанєм русиньского языка, ся реалізовала з боку зряджователїв матерьских школ, т. є. сільских урядів, активна понука, респ. пропаґація можности выховы в передшкільских інституціях в материньскім русиньскім языку. Дакілько проб поінформовати родічів было зареґістрованых з боку поєднх членів русиньских орґанізацій – но не мали належный ефект з наслідуючих причін: не мали сістематічний характер, бо їм хыбила фінанчна підпора таких активіт; не мали підпору зряджователїв; не было достаточных праґматічных доводів, котры бы пересвідчили родічів давати діти до таких школ; не было ексекутівного штатного орґану, котрый бы тоты інформації і пропозиції увів до практичного жывота; не было нияких стимулачных механізмів, напр. фінанчных выгод на основаня матерьских школ з выховным языком русиньським, што в реґіоні економічно слабім є дость важный момент.

Выбор експертів поважовав у першім і другім моніторованю тоту повинність СР за **несповнену** і вызвав словацькы орґаны, жебы приняли крокы на забезпечіння визначной части предшкільской освіти в русиньскім языку і жебы ся постарали о то, жебы понука на різних ступнях освіти была контінуална.

Третья періодічна справа СР (2012) уже конштатовала, же передшкільска освіта в русиньскім языку є доступна в реґіоні, де ся тым языком бісідує, і в селах, де суть школы з навчалным языком русиньським – Чабины, Баєрівці, Кална Розтока. Малу кількість тых школ орґаны аргументовали неінтересом родічів о навчаня в русиньскім языку. По третім моніторованю Выбор експертів РЕ оцінив тоту повинність СР за **счасти сповнену** (SVE3 2012: 41). В році 2014, коли СР предкладала свою 4. імплементачну справу, заникла основна школа з матерьсков школов з навчалным языком словацькым і русиньським у Баєрівцях, але vznikла ОШ з МШ зо словацькым і русиньським навчалным языком у Калній Розтоці. Выбор експертів по 4. моніторованю (2015) конштатовав, же сучасна понука школ з навчалным языком русиньським на Словакії є барз мала в порівнаню з кількостєм людей, якы ся приголосили к русиньській народности і к русиньському материньському языку. І по 4. моніторованю тот обовязок Выбор експертів РЕ поважує лем за **счасти сповнений**.

Основна освіта

Буква б)... пункт ii: Забезпечіти, жебы переважна часть навчаня на основнім ступню была забезпечена в даных реґіональных або мінорітних языках.

В СР по 3. моніторованю были лем 2 основны школы з навчалным языком русиньським (Чабины, Кална Розтока), в котрых окрем пред-

мету русинський язык і култура ся школярї в русиньскім языку на I. ступню ОШ учать і другы предметы (музична, вытварна, тілесна і регіонална выхова), і 4 ОШ з навчанєм русиньского языка (Міджілабірці, Свідник, Радвань над Лабірцєм, Пчолине), де ся учить предмет русинський язык і култура як не повинный предмет або формов кружка. Кількість школ, де ся учить русинський язык в СР, є доста стабільна, хоць барз низка, і хоць на Словакії наросла кількість сел, в яких жыє мінімально 20 % Русинів – з 68 в році 1991, на 91 в році 2001, аж на 124 в році 2011. В дакількох ОШ ся русинський язык перестав учіти про неінтерес родічів (Колбівці, Шарішський Щавник, Стащін, ОШ Духновичова в Міджілабірцях, II. ОШ у Свіднику, ОШ 1. мая в Снинї), в інших ся зась зачало навчання зато, бо родічі мали інтерес заховати школу в селі (Кална Розтока, Чабины, Баєрівці, пізніше Кленова). Тым але не хочеме повісти, же з кількостєв ОШ, в котрых ся учить русинський язык, Русины на Словакії можуть быти спокійны, наспак, видиме ту барз великы резервы, котры суть выслідком як пасівіты зряджователїв тых школ, так абсенції штатного орґану, котрый бы дозерав на повніня харты в области освіты в русиньскім языку, але тыж орґанів і інституцій, котры бы розвивали підпорны активіты в тім контексті (Bandurič 2012a: 1–2). Тов проблематиков ся лем счаси занимають русиньскы орґанізації в рамках своїх културных проєктів, но не мають професіональных робітників, котры бы могли быти помічны в тій области, зато же свою роботу роблять лем на базі добровольности, также без будь-яких компетенцій і фінанцій не можуть на себе взяти ани нияку одповідность в области розвою освіты в русиньскім языку. Є то задача про штат, котрый бы мав стимуловати основаня, і підпоровати єствованя таких школ шпеціалныма механізмами.

То значить, же Выбор експертів РЕ поважовав тоту повинность в рамках першого моніторинґа (2006) за **неповнєну** і вызвав словацькы орґаны, жебы прияли крокы на забезпечіння визначной части основнои освіты в русиньскім языку, як і на забезпечіння континуальной освіты на різних ступнях.

У свойй другій періодічній справі (2008) СР увела, же од року 2008 буде навчання в русиньскім языку реалізовати лем єдна ОШ. В далшых трьох ОШ русинський язык ся буде учіти як выберовый предмет, т. є. на добровольній базі (4 класы, 34 школярїв).

На основі 2. моніторинґа Выбор експертів опоновав, же тота повинность собі выжадує, жебы ся основна часть навчання на основнім ступню реалізовала в русиньскім языку, што значить, же окрема навчання даного языка ся мусять і далшы предметы учіти в русиньскім языку. Навыше, того установлєня мусить быти зафіксоване в учебных основах.

Выбор експертів поважовав тоту повинність за **неповнєну** і зато,

же кількість шкіл, де ся учить русинський язык і література на Словакії, ся значно зменшыла (в 1. моніторингованю їх было вісем).

Третя періодична справа СР (2012) уводить, же в школьскім році 2010/2011 русинський язык був навчалным языком лем у єдній школі на Словакі, а як предмет ся учів у трёх школах.

По 3. моніторингованю Выбор експертів РЕ оцінює тоту повинність СР лем за **счасти сповнену**.

В році 2014 в 4. імплементаційній справі СР было конштатоване, же в СР є лем єдна ОШ з русинським навчалным языком – в Чабинах, де ся учіло 17 школярів у вшиткых штирёх класах, і двоязычна словацько-русинська школа в Баєрівцях, де ся учіло 8 школярів у вшиткых штирёх класах, причім до 1. класы наступив лем єден школяр. Окрем того од школьського року 2014/2015 vznikла двоязычна словацько-русинська школа в Калній Ростоці, до якої ходило 22 школярів. В далшых штирёх ОШ на северовыході Словакії (Міджілабірці, Свідник, Радвань над Лабірцём, Пчолине) ся учів русинський язык як неповинный предмет або формов кружку. Штатистику шкіл, клас і школярів, які ся в СР учать русинський язык, выліпшує проєкт мімовладной організації *Колысочка* під назвов *Вечурні школы русинського літературного языка про діти і дорослых*, в рамках якого з підпоров Уряду влади СР од року 2015 русинський язык ся учить в середнім коло 350 особ річно, што свідчить о інтересі о навчання русинського языка в СР.

По 4. моніторингованю Выбор експертів РЕ оцінює тоту повинність СР лем за **счасти сповнену**.

Середні школы

Буква ц)... пункт ii: Дати возможность, жебы переважна часть навчания на середніх школах была забезпечена в регіональных або мінорітних языках.

Треба конштатовати, же русинський язык ся в сучасности не учить ані в єдній середній школі. За цілий моніторингований період (2003–2014) ся навчання русинського языка реалізовало куртый час лем в єдиній гімназії в Міджілабірцях в школьскім році 2002/2003, і то як неповинного предмету. По році того навчання зникло, а в тій гімназії ся дале якийсь час вів уж лем кружок русинського языка і културы. Тот факт але не значить, же на северовыході Словакії не суть предпосылки на основанія середніх шкіл з навчанєм русинського языка. Суть, а негатівный выслідок у тім вопросі є знову резултатом недостаточной активіты ці скоріше нечінности компетентных штатных інституцій і зряджователя середніх шкіл, котрым є Пряшівський самосправный край, а в непослїднім ряді тыж директорів середніх шкіл, про котрых навчання того мінорітного языка не належить к

пріорітним темам. Знаме з минулости, же внаслідку пропагачных акцій Інштитуту русиньского языка і културы Пряшівской універзیتی были заевідованы пробы створити класы або ґрупы в рамках класы з навчанём русиньского языка в Середній педаґогічний і соціалній академії в Пряшові, котра бы мала выховлєвати учітелїв матерьских школ і про народностно змішаны реґіоны або про села/міста з мінорітним русиньским жытельством. Веджіня школы наконець навчання не отворило, аргументуючі недостаточнов кількостєв приголошєных школярїв і абсенціов кваліфікованых учітелїв, а інтересуючіх ся школярїв переключіло на навчання других языків.

То значіть, же Выбор експертів РЕ оцінив тоту повинность СР в рамках першого моніторования за **неповнєну**.

Друга, третя і четверта періодічна справа СР конштатовала, же русиньский язык ся не учіть ани на єдній середній школї на Словакії, т. є. як по 2. і 3., так і по 4. моніторованю Выбор експертів РЕ поважує тоту повинность СР за **неповнєну** і знова різко вызвав словацкы орґаны, жебы прияли крокы на забезпечіня визначной части середній освіти в русиньскім языку і жебы ся постарали о контінуалну понуку на різних ступнях освіти.

Аж по 4. моніторованю РЕ (2015) у звязи з приправов новой *Концепції розвою навчання русиньского языка і културы в матерьских школах, основных школах і середніх школах в СР*, приправу котрой ініціовало Міністерство школства СР (2016–2017), Одбор школства Уряду Пряшівского самосправного края (ПСК) реалізовав далше сондованя у тій самій середній школї, яке принесло знову позітивны выслідкы о інтересі штудентів учіти ся русиньский язык, докінця штуденты в анкеті проявили інтерес матуровати з русиньского языка, а по закінчіню школы учіти в матерьских школах з навчалным языком русиньским. Як з тыма выслідками наложить дирекція школы і Одбор школства Уряду ПСК, правдоподобно укаже аж наступный цікл моніторования РЕ за три рокры.

Односно орґанізования середнєшкольської освіти в русиньскім языку на Словакії, думає собі, же вгодным рішінєм проблему бы было зачати розвивати активіты і на основаня штатной білінгвалной славянської ґімназії (напр. в Пряшові або в Міджілабірцях) на базі російского і русиньского языка, в котрій бы могли штудентів учіти абсолвенты Пряшівской універзیتی, комбінації учітельских програмів російский язык і література – русиньский язык і література. Таксамо за продуктівне поважуєме і створіня сістемізованых робочіх міст про професіональных робітників в рамках Пряшівского самосправного края, котры бы мали на старости імплементацію штатной легіслативы тыкающей ся навчання русиньского языка, літературы і културы на

середніх школах, як і приятих установлїнь харты.

Одборны школы і учіліща

Буква д)... пункт ii: Дати можность, жебы переважна часть навчания на одборных школах была забезпечена в данных регіональных або мінорітных языках.

Думаєме собі, же на данім ступню розвоя русиньского языка ся дасть забезпечіти на одборных школах лем навчания предмету русиньский язык, русиньска література, русиньска култура, регіонална вихова і історія в русиньскім языку. На Словакії хыблять підпорны і стимулюючі механізми з боку штату, респ. зряджователїв таких школ, котры бы в тім контексті были ініціаторами освіти в русиньскім языку, як і контрольного орґану, котрый бы оцінёвав уровень повніня приятих повинностей в контексті харты.

То значіть, же Выбор експертів поважовав тоту повинность в рамках 1., 2., 3. і 4. моніторованя за **неповнєну** і вызвав словацькы орґаны, жебы «прияли крокы на реалізацію вызначной части предшкольскый виховы і навчания на основных, середніх, одборных школах і учіліщах у русиньскім языку і жебы забезпечіли контінуалну понуку на выштыкых ступнях освіти» (SVE3 2012: 30).

Універзітна і високошкольска освіта

Буква е)... пункт ii: Забезпечіти фінанції на штудії данных языків як одборных предметів універзітного і іншого високошкольського навчания.

Од академічного рока 1999/2000 з ініціативы влады СР на Пряшівскый універзіті був заложенный Інштїтут народностных штудій і чуждїх языків з одділінєм русиньского языка і културы, котрый реалізовав до кінця академічного рока 2005/2006 лем росшырену форму навчания русиньского языка про штудентів учительства про І. ступінь ОШ. З обективных причін аж в році 2005 Акредітачна комісія СР схвалила проєкт учительского штудійного програму (ШП) русиньский язык і література, а в році 2008 і магістерьского. Обидва ШП од року 2008 реалізує уж самостатный Інштїтут русиньского языка і културы Пряшівской універзіты.

Выбор експертів поважовав повинность СР в области універзітної освіти в рамках 1. моніторованя за **неповнєну** і вызвав словацькы орґаны, жебы прияли крокы на ускорїня основаня інштїтуцій заміряных на навчания русиньского языка і културы.

Друга періодічна справа СР (2008) уж конштатовала, же високошкольску освіту в русиньскім языку реалізує Інштїтут регіональных і народностных штудій – Одділіня русиньского языка і културы Пряшівской універзіты в Пряшові (од року 2008 самостатный Інштїтут русиньского языка і културы). Выбор експертів привітав досягнутый

прогрес і поважав тату повинність СР за **сповнену** уж по 2. моніторингу (2009). Мы мусиме конштатовати, же є то єдина сповнена повинність СР у сфері освіти в русиньскім языку в контексті Статі 8 харты языків.

Контінуална освіта і освітні (едукачны) курсы про дорослых
Буква ф)... пункт і: Забезпечіти контінуалну освіту або едукачны
курсы про дорослых переважно або цалком в регіональных або міноріт-
ных языках, або пункт іі: Дати можливість, жебы ся тоты языки
стали предметами освіти дорослых або частёв контінуальной освіти.

Высвітліня того пункту є назначене в попередній часті *Універзитна і високошкольска освіта.*

Поки иде о оцініня сповніня той повинности, Выбор експертів не міг в рамках 1. моніторингу зробити заключіня і пожадав словацькы органы, жебы к тому вопросу ся вернули в далшій періодічній справі.

В 2. моніторингу Выбор експертів поважав тату повинність лем за **счасти сповнену**. Подля ёго погляду, было треба забезпечіти децентралізованішу понуку русиньского языка як предмету освіти дорослых і далшой освіти на сповніня той повинности, т. є. не ограничовати ся лем на роботу Інштитуту русиньского языка і културы на Пряшівській універзиті в Пряшові.

Третья періодічна справа СР (2012) не принесла ниякы додаточны інформації в тім пункті і Выбор експертів поважав тату повинність і дале лем за **счасти сповнену**.

Додаваме, же Методічно-педагогічний центр у Пряшові в сполупраці з Інштитутом русиньского языка і културы ПУ приправили на акредітацію 9 актуалізачных освітніх програмів про учітелів русиньского языка, про три з них в році 2013 і 2015 МПЦ здобув акредітацію і їх зреалізовав. Їх реалізація помогла підвишыти кваліфікованость учітелів русиньского языка в СР а тыж стімуловати інтерес учітелів ОШ і СШ о навчання русиньского языка.

4. періодічна справа СР (2014) ся одкликує на штатну підпору едукачного проєкту мімовладной організації *«Колысочка»* під назвов *Вечерны школы русиньского літературного языка про діти і дорослых.*

Выбор експертів по 4. моніторингу поважує тату повинність СР і дале лем за **счасти сповнену** і адресовав рекомендацію словацькым органам, жебы інтензівніше підпоровали проєкты на заведжіня русиньского языка до освіти дорослых і до контінуальной освіти.

Буква г): Прияти крокы на забезпечіня навчання історії і културы, якы позначіли регіональний або мінорітний язык.

На Словакії дотеперь не были выданы учебники русиньской історії про окремы ступні школ, з вынятком єдного доповнюючого учебного тексту (Маґочій П.Р. Русины на Словенську. Пряшов: Русинська оброда,

1994), правдоподобно зато, же ани в єдній школі, т. є. ани в регіоні компактно заселенім Русинами, зряджователі (сільскы / містьскы уряды) і директоры школ, респ. учітелі історії, жадости такого характеру не настали. Хоць треба повісти, же домашня легіслатива не кладе ниякы барьєры навчаню регіональной або русиньской історії, бо каждая школа, а спеціално ся то чекать од школ на народностно змішаній теріторії, тот предмет може школярям понукнути в рамках свого Школьного освітнього програму. Проблем є може десь інде, а то в тім, же на Словакії з обективних причін дотеперь є абсенція учітелів кваліфікованых на історію Русинів, а то значить, же є ту абсенція ініціативных субектів. Дотеперь у практиці в СР є лем єден абсолвент високошкольскых штудій ШП русиньскый язык і література в комбінації з історієв. Но в рамках виховы к мултікултурности і народностній толеранції бы было вітаным кроком, як бы ся о історії і традиціях Русинів учіли і особы, котры не бісідують регіональними або мінорітними языками, і жыють на народностно змішаній теріторії в сусідстві з Русинами. Предпоклады к тому суть, реалізація але залежить од веджіня окремых школ, од їх зряджователів, але і од родічів, якы бы могли быти ініціаторами. Офіціална позиція компетентного штатного орґану ту хыбить, бо такого дозорного орґану в СР доднесь нїт (Bandurič 2012b: 1–2).

Кідь маєме говорити о оцінїню сповнїня той повинности, то Выбор експертів не міг в рамках 1. моніторованя зробити заключіння і пожадав словацькы орґаны, жебы ся к тому конкретніше высловили в наслідній періодічній справі.

В 2. періодічній справі (2008) СР конштатує, же основны школы з навчанєм русиньского языка вживають в процесі навчаня русиньской історії лем єден доповнюючий учебный текст, котрый сьме уж спомянули. Тота повинність – учіти ся о історії і традиціях споєных з мінорітними языками – ся але тыкать і освіти особ не бісідуючих регіональними або мінорітними языками. То звичайно значить включіння елементів історії і культури, котры мали вплив на регіональний або мінорітний язык, до цілоштатных учебных основ або холем до учебных основ про вшыткых школярїв у даных регіонах.

В 3. і 4. моніторованю словацькы орґаны інформовали Выбор експертів о тім, же вшыткы школярї ся учать о народностных меншынах, їх минулости і сучасности в рамках предметів історія, географія, обчаньска наука, умелецтво, словацькый язык і література. Мултікултурна освіта як переглядовый предмет є предписаний Штатным освітнім програмом.

Сумарізуючі ся дасть конштатовати, же в СР іщі все не є достаток учебників русиньской історії, лем єден доповнюючий учебный текст

з року 1994. Навчання історії і культури Русинів залежить од ініціативи шкіл. Што ся тыкать навчання історії Русинів тыма школярями, котры не бісідують по русиньскы, то словацькы освітні програмы ани учебники не обсягають ниякы інформації о містній історії. Ситуація бы ся могла змінити вдяка виданю учебника о народностных меншынах «Спознайме ся – народностны меншыны», приправу котрого в році 2014 ініціювало Міністерство школства СР.

Выбор експертів поважовав тоту повинність СР по 3. і по 4. моніторингованю лем за **счасти сповнену** і рекомендовав словацькым орґанам росшырити навчання історії і культури Русинів у словацькых школах.

Буква г): Забезпечити основну і далшу освіту учітелів потребных на реалізацію тых букв од а) по г), котры сіґнатарьска країна прияла.

Є правда, же і в сучасности на Словакії є великий недостаток кваліфікованых учітелів русиньского языка і літературы, бо в практиці є дотеперь лем 25 абсолвентів учітельского магістерьского штудійного програму русиньский язык і література. То значить, же навчання предмета русиньский язык і култура, там де сі то жадать ситуація, забезпечують і дале учітелі, котры або абсолвовали росшырену форму навчання русиньского языка і културы на педагогічній факулті ПУ (в рамках штудійного програму учітельство про 1. ступінь ОШ, котрый ПУ реалізовала в роках 1999–2006), або учітелі з дакількорічнов практиков на 1. і 2. ступню ОШ, котры абсолвовали далшу освіту формов курзів русиньского языка і културы, орґанізованых МПЦ в Пряшові, а в сучасности (2017) і учітелі, котры абсолвовали акредітованы актуалізачны програмы МПЦ.

Выбор експертів поважовав тоту повинність в рамках 1. моніторингованя за **несповнену** і вызвав словацькы орґаны, жебы такой прияли прінципалны крокы на выпрацованя сістематічного і комплексного приступу к вихові учітелів русиньского языка. І Выбор міністрів РЕ рекомендовав словацькым орґанам, жебы зліпшыли ситуацію в школованю учітелів русиньского языка.

Друга періодічна справа СР (2008) уводить лем то, же МПЦ в Пряшові реалізує далшу освіту учітелів у регіонах, де жыє русиньска міноріта, а Пряшівска універзіта понукать окрем того освітні курзы про учітелів основных шкіл (1–4 класа).

У 2. моніторингованю Выбор експертів поважовав тоту повинність лем за **счасти сповнену**, бо не мав достаток інформацій на заключіня – ці іщі все є великий недостаток кваліфікованых учітелів, подобно як то было в попереднім моніторингованю.

Третя періодічна справа СР (2012) ся одкликує в обцім плані на роботу МПЦ у Пряшові, но не приносить конкретны інформації о

далшій освіті учителів у русиньскім языку. Четверта періодічна справа СР (2014) ся одкликує на Інститут русиньского языка і культуры ПУ, заміряный на приправу кваліфікованых учителів русиньского языка, і на програмы контінуалной освіти МПЦ у Пряшові.

По 3. і по 4. моніторованю Выбор експертів РЕ поважує тоту повинность СР лем за **счасти сповнену** і вызвав словацькы орґаны, жебы інтензивніше приступали к реалізованю основной і далшой освіти про учителів русиньского языка вшыткых ступнів школ – од передшкольскої по середнѣшкольску освіту.

Буква і): Створити єден або веце контрольных орґанів одповідных за контролю приятых кроків і за прогрес досягнутый при уведжованю або розвою навчання реґіональных або мінорітных языків і предлаганя реґулярных справ із тых контроль, котры будуть опублікованы.

Як сьме уж увели выше, такого контрольного орґану в СР доднесь нїт, бо робота Рады про народностну освіту, на яку ся одкликовала періодічна справа СР, мала од самого зачатку лем формальный характер і нїгда повноцінно не фунґовала. В сучасности не фунґує нияк. Мы пересвідчены, же ситуації бы найвече помогло, кїбы штат створив шпеціальный штатный орґан, напр. уповномоченого про русиньске школство, респ. сістемовы робочі міста або шпеціальне одділіня, котре бы мало на старости русиньске школство в рамках Крайского школьского уряду в Пряшові, т. є. в краю, де компактно жыє русиньске жытельство, або в рамках Міністерства школства СР. Таксамо є важне, жебы в рамках Методічно-педаґогічного центра в Пряшові было створене повноцінне сістемове робоче місто про професіонального методіка/учителя контінуалной освіти русиньского языка, літературы і культуры.

Выбор експертів поважовав тоту повинность в рамках 1. моніторования за **несповнену** і вызвав словацькы орґаны, жебы створили дозорный орґан одповідный за слїдованя приятых кроків і досягнутого прогресу в уведжованю або розвою навчання реґіональных або мінорітных языків, котрыма ся говорить в СР, навчання в русиньскім языку, як і за выпрацованя публічных періодічных справ.

Хоць 2. періодічна справа СР (2008) вводить як компетентный порадаый орґан міністра школства Раду про народностне школство, Выбору експертів РЕ хыбили конкретны інформації о тім, як тота рада слїдує прияты крокы і досягнутый прогрес в уведжованю або розвою навчання русиньского языка і навчання в русиньскім языку, і як приправлює публічны періодічны sprawy. Выбор експертів РЕ знова підкреслив, же тоту повинность собі выжадує орґан заміряный на контролю навчання реґіональных або мінорітных языків. В практиці

є можна, жебы уж єствуючий орґан дозерав над приятыма кроками і досягнутым прогресом в области освіти в мінорітних языках і выпрацовав і опубліковав періодічны sprawy. Выбор експертів зато поважовав тоту повинність СР за **неповнєну**.

Третьа і четверта періодічна справа СР конштатовала, же в СР не був створений ниякий шпецiалный дозорный орґан і одкликує ся лем на Штатну школьску інспекцію, котра оцінює освіту в мінорітних языках і вклучать тоту тему до своєї річної sprawy. Проблемом є, же ей річны sprawy мають лем інтерный характер.

Выбор експертів опоновав, же тота повинність пересягує компетенцію інспекції і подаваня справ о освіті майоріты, наспак, выжадує собі орґан заміряный на слідованя навчаня регіональных або мінорітних языків. Практичным рішінєм проблему бы могло быти, жебы уж єствуючий орґан дозерав над реалізаціов приятых повинностей і жебы приправлєвав періодічны sprawy. Слідованя собі выжадує оцінїня і аналізу приятых кроків і досягнутого прогресу в навчаню регіонального або мінорітного языка. Справа бы окрем іншого мала обяговати інформації о россягу і доступности освіти в русиньскім языку ведно з поступом в областях овладаня языка, достатку учітелїв і учебных матеріалів. Основне є і то, жебы тоты періодічны sprawy были опублікованы, т. є. жебы были приступны шырокій громадї.

Выбор експертів і по 3. моніторингу поважовав тоту повинність СР за **неповнєну** і вызвав словацькы орґаны, жебы створили або повірили уж єствуючий орґан задачов слідовати реалізацію приятых кроків і досягнутый прогрес у розвою навчаня в мінорітних языках, респ. мінорітних языків, і приправлєвати публічны періодічны sprawy о выслідках єго моніторингу.

Четверта періодічна справа СР (2014) знова ся одкликує на Раду міністра про народностне школство і про імплементацію харты, створєну в році 2013. Выбор експертів РЕ привітав тот крок, але не было му яснє, до какой міры тот штрүктура реалізує повинности впливаючі з харты, і пожадав словацькы орґаны обяснити задачі і функцію Рады міністра в процесі моніторингу освіти в мінорітних языках.

Заключіня. У заклүчіню можеме представити біланцію повнїня Словацьков републіков приятых девятєх повинностей про русиньскый язык в статї 8 – Освіта – Харты регіональных або мінорітних языків за роки 2003–2014:

- СПОВНЕНА повинність (1): абз. 1 буква е) пункт ii;
- СЧАСТИ СПОВНЕНА повинність (5): абз. 1 буква а) пункт ii; буква б) пункт ii; буква ф) пункт ii; буква г); буква г);
- НЕСПОВНЕНА повинність (3): абз. 1 буква ц) пункт ii; буква д) пункт ii; буква і).

Зарівно бы сьме хотіли додати, же за слідований період видно в СР мірний прогрес в розвою навчання мінорітного русиньского языка. Найвыразніший притім є у сфері високошкольської освіти, а найслабший, респ. ниякий, у сфері середнєшкольської освіти. Основна освіта і передшкольська освіта в русиньскім языку зазначують мірно ступаючий тренд, але без виразніших стимулачных механізмів штату і тот слабо позитівный тренд ся скоро може заставити. Ініціатівны крокы в данім процесі бы ся жадали і од самой русиньской громады, жебы од декларованя пріорітної позиції освіти в русиньскім языку у возроднім процесі Русинів по році 1989 перешла ку skutкам, што значить, жебы своє діятельство прімарно і практично заміряла на стимулацію інтересу Русинів о навчання свого материньского языка на вшыткых ступнях освіти.

ПОЗНАЧКЫ

1. В одношіню ку каждому языку, котрый ся уведе при ратіфікації, пріяту або одобріню подля ст. 3, ся каждый член договору завязує повнити мінімално 35 абзаців або букв выбранных з установлїнь части III харты языків, причім мінімално три мусять быти выбраны із статей 8 і 12 а єден із статей 9, 10, 11 і 13.

2. В тексті сьме ся в поєднх пунктах означеных малыма графемами притримовали порядку графем подля словацькой абецеды, жебы не доходило к хыбам при інтерпретації окремых пунктівв офіціального документу харты опублікованого в словацькім языку.

ЛІТЕРАТУРА

Atlas 2012 - *Atlas of the World's Languages in Danger. New edition of the Atlas of endangered languages.* UNESCO. 2012. Retrieved 30 April 2012.

Bandurič 2012 - *Bandurič I.* Európska Charta a jej plnenie v podmienkach Rusínov SR // Народны новинкы. Пряшів, 2012. Ч. 7–9.

Bandurič 2012a - *Bandurič I.* Niektoré nedostatky v podpore národnostných menšín // Народны новинкы. Пряшів, 2012. Ч. 9.

Bandurič 2012b - *Bandurič I.* Námety na riešenie situácie v rusínskom hnutí na Slovensku // Народны новинкы. Пряшів, 2012. Ч. 10.

Зозуляк 2012 - *Зозуляк А.* Дакотры проблемы русиньской культуры // Народны новинкы. Пряшів, 2012. Ч. 6.

Jones 2013 - *Jones M.P.* Ohrozené jazyky a jazyková rozmanitosť v Európskej únii. Brusel. 2013. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/495851/IPOL-CULT_NT\(2013\)495851\(SUM01\)_SK.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/495851/IPOL-CULT_NT(2013)495851(SUM01)_SK.pdf); <http://www.europarl.europa.eu/studies> (датум прочітання: 02.07.2016).

Ладіжінський 2001 - *Ладіжінський Ш.* Словенсько і Европска харта меншинових або регіональних мов // Народні новинки. Пряшів, 2001. Ч. 5–8.

LRJMSR 2017 - *Legislatívny rámec pre jazyky menšín v Slovenskej republike.* URL: <https://www.scribd.com/doc/114141409/Legislativny-ramec-pre-jazyky-menšin-v-Slovenskej-republike> (дату прочитання: 22.11.2017).

Медвідь 2015 - *Медвідь П.* Русини Словаччини на сторінці з експертами Ради Європи. URL: <http://www.lem.fm/rusinyi-slovakii-na-strichi-z-ekspertami-radyi-evropy/> (дату прочитання: 22.11.2017).

OMZVSR 2001 - *Oznámenie Ministerstva zahraničných vecí Slovenskej republiky // Zbierka zákonov č. 588/2001. Ч. 229. С. 6056.* URL: [https://www.mzv.sk/App/wcm/media.nsf/vw_ByID/ID_6F7787469128F42CC125764800442B7A_SK/\\$File/text_charty_z_Zz.pdf](https://www.mzv.sk/App/wcm/media.nsf/vw_ByID/ID_6F7787469128F42CC125764800442B7A_SK/$File/text_charty_z_Zz.pdf) (дату прочитання: 22.11.2017).

Плішкова 2001 - *Плішкова А.* Харта характеризує диференційований доступ до меншини СР // Народні новинки. Пряшів, 2001. Ч. 5–8.

Плішкова 2012 - *Плішкова, А.* Пріоритети Русинів у навчально-виховній сфері // Народні новинки. Пряшів, 2012. Ч. 6.

Magocsi 2016 - *Magocsi P.R.* *Chrťom k horám: Dejiny Karpatskej Rusi a karpatských Rusínov.* Prešov: Universum, 2016.

Plíšková 2014 - *Plíšková A.* *Karpatorusínistika v kontexte dejín Prešovskej univerzity // Univerzita v kontexte zmien.* Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2014. С. 442–449.

PVVSR 1998 - *Programové vyhlásenie vlády Slovenskej republiky od 30.10.1998 do 15.10.2002.* URL: http://www.vlada.gov.sk/data/files/981_programove-vyhlaseenie-vlady-slovenskej-republiky-od-30-10-1998-do-15-10-2002.pdf (дату прочитання: 22.11.2017).

SIECHRMJ 2013 - *Správa o implementácii Európskej charty regionálnych alebo menšinových jazykov.* Bratislava, 2003. С. 10–11. URL: <http://archiv.vlada.gov.sk/ludskeprava/data/files/4108.pdf> (дату прочитання: 22.11.2017).

SVE1 2006 - *Správa výboru expertov predložená Výboru ministrov Rady Európy v súlade s článkom 16 charty.* Štrasburg, 2006.

SVE2 2009 - *Uplatnenie charty v Slovenskej republike: Druhý monitorovací cyklus.* Štrasburg, 2009.

SVE3 2012 - *Správa Výboru expertov predložená Výboru ministrov Rady Európy v súlade s článkom 16 charty: Tretia správa.* Štrasburg, 2012.

SVE4 2015 - *4. Správa Výboru expertov Európskej charty regionálnych alebo menšinových jazykov o implementácii charty jazykov v Slovenskej republike.* Štrasburg, 2015.

REFERENCES

UNESCO. (2012) *Atlas of the World's Languages in Danger.* Retrieved 30th April 2012.

Bandurič, I. (2012a) *Európska Charta a jej plnenie v podmienkach Rusínov SR [The European Charter and its Implementation for Rusins in the Slovak Republic].* *Narodny novinky.* 7–9.

Bandurič, I. (2012b) Niektoré nedostatky v podpore národnostných menšín [Some shortcomings in the support of national minorities]. *Narodny novinky*. 9.

Bandurič, I. (2012c) Námety na riešenie situácie v rusínskom hnutí na Slovensku [Proposals toward resolving the situation of the Rusin movement in Slovakia]. *Narodny novinky*. 10.

Zozulyak, A. (2012) Dakotry problemy rusin'skoy kultury [Some issues of Rusin culture]. *Narodny novinky*. 6.

Jones, M.P. (2013) *Ohrozené jazyky a jazyková rozmanitosť v Európskej únii* [Endangered languages and linguistic diversity in the European Union]. [Online] Available from: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/495851/IPOL-CULT_NT\(2013\)_495851\(SUM01\)_SK.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2013/495851/IPOL-CULT_NT(2013)_495851(SUM01)_SK.pdf) (Accessed: 2nd July 2016).

Ladzhinsky, Sh. (2001) Sloven'sko i Evropska kharta menshinovykh abo rerialnykh yazykiv [Slovakia and the European Charter for Minority or Regional Languages]. *Narodny novinky*. 5–8.

Slovak Republic. (2017) *Legislatívny rámec pre jazyky menšín v Slovenskej republike* [Legislative framework for minority languages in the Slovak Republic]. [Online] Available from: <https://www.scribd.com/doc/114141409/Legislativny-ramec-pre-jazyky-menšin-v-Slovenskej-republike> (Accessed: 22nd November 2017).

Medvid, P. (n.d.) *Rusiny Slovakii na strichi z ekspertami Rady Evropy* [Rusins of Slovakia meet with experts of the Council of Europe]. [Online] Available from: <http://www.lem.fm/rusinyi-slovakiyi-na-strichi-z-ekspertami-radyi-evropyi> (Accessed: 22nd November 2017).

Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic. (2001) Oznámenie Ministerstva zahraničných vecí Slovenskej republiky [An Announcement by the Ministry of Foreign Affairs of the Slovak Republic]. *Zbierka zákonov*. 588/2001. Part 229. pp. 6056. [Online] Available from: [https://www.mzv.sk/App/wcm/media.nsf/vw_ByID/ID_6F7787469128F42CC125764800442B7A_SK/\\$File/text_charty_z_Zz.pdf](https://www.mzv.sk/App/wcm/media.nsf/vw_ByID/ID_6F7787469128F42CC125764800442B7A_SK/$File/text_charty_z_Zz.pdf) (Accessed: 22nd November 2017).

Plishkova, A. (2001) Khartu kharakterizue diferentsovanyy pristup k menshynam SR [The Charter characterizes a differentiated approach to minorities]. *Narodny novinky*. 5–8.

Plishkova, A. (2012) Priority Rusiniv u navchalno-vykhovniy sferi [Priorities of the Rusins in the Educational Sphere]. *Narodny novinky*. 6.

Magocsi, P.R. (2016) *Chrbtom k horám: Dejiny Karpatskej Rusi a karpatských Rusínov* [With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusins]. Prešov: Universum.

Plišková, A. (2014) Karpatorusinistika v kontexte dejín Prešovskej univerzity [Carpatho-Rusin studies in the context of the history of Prešov University]. In: Konya, P. (ed.) *Univerzita v kontexte zmien* [The university in the context of changes]. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej university. pp. 442–449.

The Government of the Slovak Republic. (1998) *Programové vyhlásenie vlády Slovenskej republiky od 30.10.1998 do 15.10.2002* [Announcement of the Agenda of the Government of the Slovak Republic from October 30, 1998, to October 15, 2002]. [Online] Available from: <http://www.vlada.gov.sk/data/>

files/981_programove-vyhlasenie-vlady-slovenskej-republiky-od-30-10-1998-do-15-10-2002.pdf (Accessed: 22nd November 2017).

The Slovak Republic. (2013) *Správa o implementácii Európskej charty regionálnych alebo menšinových jazykov* [Report on the implementation of the European Charter for Regional or Minority Languages]. [Online] Available from: <http://archiv.vlada.gov.sk/ludskeprava/data/files/4108.pdf> (Accessed: 22nd November 2017).

The Slovak Republic. (2006) *Správa výboru expertov predložená Výboru ministrov Rady Európy v súlade s článkom 16 charty* [Report of the Committee of Experts to the Committee of Ministers of the Council of Europe in accordance with Article 16 of the Charter]. Strasbourg: [s.n.].

The Slovak Republic. (2009) *Uplatnenie charty v Slovenskej republike: Druhý monitorovací cyklus* [The Application of the Charter in the Slovak Republic: Second Monitoring Cycle]. Strasbourg: [s.n.].

The Slovak Republic. (2012) *Správa Výboru expertov predložená Výboru ministrov Rady Európy v súlade s článkom 16 charty: Tretia správa* [Report of the Committee of Experts to the Committee of Ministers of the Council of Europe in accordance with Article 16 of the Charter: Third Report]. Strasbourg: [s.n.].

The Slovak Republic. (2015) *Správa Výboru expertov Európskej charty regionálnych alebo menšinových jazykov o implementácii charty jazykov v Slovenskej republike* [Fourth Report of the Committee of Experts of the European Charter of Regional or Minority Languages on the Implementation of the Charter of Languages in the Slovak Republic]. Strasbourg: [s.n.].

Плішкова Анна – доцентка, соціолінгвістка, директорка Інституту русинського мови і культури Пряшівської університету в Пряшові (Словенко).

Плишкова Анна – доцент, социалингвист, директор Института русинского языка и культуры Пряшевского университета в Пряшеве (Словакия).

Anna Plishkova – Institute of Rusin Language and Culture – Prešov University (Slovakia).

E-mail: anna.pliskova@unipo.sk

УДК 94(470.56)»1941/1945

UDC

DOI: 10.17223/18572685/52/23

УЧАСТИЕ ГАГАУЗОВ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг. И ПРОБЛЕМА ИХ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

С.С. Булгар

Научно-исследовательский центр Гагаузии им. М. В. Маруневич
Молдова, Гагаузия, 3805, г. Комрат, ул. Победы, 58
E-mail: bulg2004@mail.ru

Авторское резюме

После начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. гагаузы проявили патриотизм и готовность воевать против румынских и немецких агрессоров. С июля 1941 г. по январь 1945 г. в Красную армию были мобилизованы около 3 000 гагаузов, одни из которых служили в рабочих батальонах, другие воевали в боевых частях. Тема участия гагаузов в Великой Отечественной войне до настоящего времени не изучена. Гагаузы Бессарабии в результате оккупации Румынией в 1918–1940 гг. оказались оторванными от СССР и не были учтены во Всесоюзной переписи СССР в 1937 г. Поэтому большинство гагаузов – участников Великой Отечественной войны записаны «болгарами», «молдаванами», «украинцами» или «русскими». С XIX в. в России гагаузов записывали «болгарами», т. к. они вместе с болгарами переселились из Болгарии в Бессарабию в XVIII–XIX вв. После освобождения Молдавской ССР и Одесской области в 1944 г. от румынских и немецких оккупантов в «Похозяйственных книгах основных производственных показателей хозяйств в сельских советах» и других официальных документах в графе «национальность» стали писать «гагауз». 20 000 гагаузов были мобилизованы в трудовую армию СССР. Более сотни были награждены боевыми орденами и медалями. Гагаузы, мобилизованные в трудовую армию СССР, работали на шахтах и металлургических заводах, восстанавливали разрушенные войной предприятия во имя победы над румынскими и немецкими захватчиками.

Ключевые слова: гагаузы, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Бессарабия, майор Бозбей, А.Е. Буюклы.

THE GAGAUZES IN THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945 AND THEIR ETHNIC IDENTITY

S.S. Bulgar

Gagauzia M.V. Marunovich Research Centre
58 Pobedy Street, Comrat, Gagauzia, 3805, Moldova
E-mail: bulg2004@mail.ru

Abstract

After the outbreak of the Great Patriotic War on June 22, 1941, the Gagauzes showed patriotism and readiness to fight against the Romanian and German aggressors. From July 1941 to January 1945, about 3,000 Gagauzes were mobilised into the Red Army. Some of them served in working battalions, others fought in combat units. The participation of the Gagauzes in the Great Patriotic War has never become the topic for scholarly research before. Due to the Romanian occupation of 1918–1940, the Bessarabia Gagauzes were separated from the USSR and were not taken into account in the All-Union Census in 1937. Therefore, most Gagauzes who participated in the Great Patriotic War were recorded as “Bulgarians”, “Moldovans”, “Ukrainians”, or “Russians.” After the liberation of the Moldavian SSR and Odessa region from the Romanian and German invaders in 1944, rural household registers and other official documents began to record them as Gagauzes. 20,000 Gagauzes were mobilised into the USSR labour army and worked in mines and metallurgical plants, restoring war-ravaged enterprises. Many of them were awarded military orders and medals.

Keywords: Gagauzes, Great Patriotic War of 1941–1945, Bessarabia, Major Bozbey, A.E. Buyukly.

Участие гагаузов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и проблемы этнической идентификации этого малочисленного этноса – сложная и многогранная тема. Подтверждением этому служит факт, что сам термин «гагаузы» появляется в источниках военных и государственных структур, за некоторым исключением, лишь с августа 1944 г., после освобождения Бессарабии от немецко-румынских захватчиков.

При написании данной статьи автор поставил перед собой две цели. Первая – поднять тему участия гагаузов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и осветить неизвестные страницы истории гагаузского народа. Вторая – раскрыть проблему этнической идентификации гагаузов в годы ВОВ.

Гагаузов – участников Великой Отечественной войны условно можно разделить на четыре группы. Первая – это мобилизованные в Красную армию в июне-июле 1941 г. с юга Молдавской ССР и Одесской области Украины. Вторая – гагаузы, жившие на территориях Российской Федерации, Украины, Казахстана и Узбекистана, призванные на фронт военкоматами по месту проживания. Третья – мобилизованные полевым военкоматом 3-го Украинского фронта на территории МССР и Одесской области УССР и добровольцы, попавшие на фронт из различных регионов Советского Союза. Четвертая группа – гагаузы призывного возраста, мобилизованные в трудовую армию в 1944–1945 гг., численностью около 20 тыс. чел. (Булгар 2017b: 20).

В июле 1941 г. в Красную армию было призвано несколько тысяч гагаузов. Мобилизацию проводили Тараклийский, Конгазский, Чадыр-Лунгский, Комратский и другие райвоенкоматы. В основном их направляли в состав фортификационных батальонов (Фаньян 1989: 40). После форсирования румынскими войсками реки Прут и начавшегося отхода войск левого фланга Южного фронта Красной армии (Юновидов 2011: 23) гагаузы и болгары мобилизовались со своими подводами для перевозки грузов военного назначения. Часть мобилизованных оказалась в окружении, а другая часть вместе с войсками отступила в Одессу и в составе Приморской армии стала оборонять город. Большинство мобилизованных гагаузов (июнь-июль 1941 г.) попали в состав рабочих батальонов: в 1-й отдельный саперный батальон Одесского укрепрайона, 824-й отдельный строительный батальон, 2-й, 4-й, 6-й, 24-й, 27-й, 63-й, 129-й, 418-й, 829-й, 835-й рабочие батальоны (Булгар 2016b: 31). Для строительства одесских оборонительных рубежей были развернуты три управления военно-полевого строительства (УВПС). Четвертое управление было создано из 2-го УВПС Южного фронта, отошедшего из Молдавии в Одессу. Оно было самым многочисленным и состояло из 14 батальонов (Юновидов 2011: 9). Как отмечал российский историк П.М. Полян, «рабочие батальоны были заняты на различных инженерных работах как на передовой, так и в тылу наступающей Красной армии» (Полян 2002: 531). Документы свидетельствуют о том, что среди солдат рабочих батальонов были погибшие на передовой. Так, «при укреплении линии обороны под Одессой 29 сентября 1941 г. рядовой саперного батальона Казанжи Федор Георгиевич был убит осколком снаряда» (ЦАМО 5: 667). Похоронили его сослуживцы-солдаты Д.И. Сарсаман, Г.И. Трондофил, С.И. Ажииван – уроженцы с. Копчак Тараклийского района МССР.

О количестве гагаузов, мобилизованных в Красную армию в 1941 г., свидетельствуют данные о численности мужского и женского

населения, зафиксированные румынскими властями после оккупации Бессарабии. Так, в начале 1943 г. в Комрате на 3 782 мужчины приходилось 5 944 женщины и 4 492 ребенка обоего пола (Шорников 2014: 99). Согласно Всерумынской переписи населения от 29.12.1930 г., численность жителей Комрата составляла 12 331 чел.: из них мужчин – 6 120, женщин – 6 211 (Bercu 2009: 133). Таким образом, количество мужчин в начале 1943 г. составляло 3 782 чел., отсутствовало 2 338, т. е. более 2 тыс. мужчин во время войны не находилось по месту жительства.

Делопроизводственные источники начального периода войны отразили факты пленения гагаузов в составе Приморской армии на других участках южного театра военных действий. Так, попали в плен под Керчью: 3 мая 1942 г. – из 4-го рабочего батальона Терзинов Василий Ионович (правильно – Иванович) (1923 г.р., с. Казаклия, МССР) (ЦАМО 4: 50); 8 мая 1942 г. – из 2-го рабочего батальона Стамате Федор Николаевич (1902 г.р., с. Казаклия, МССР) (ЦАМО 2: 179); 13 мая 1942 г. – из 2-го рабочего батальона Колесников Иван Иванович (1916 г.р., с. Татар-Копчак, МССР) (ЦАМО 2: 161), уроженцы с. Дезгинжа (МССР) Казмала (Казмалы) Степан Степанович (1921 г.р.) (ЦАМО 4: 163), Неагу (Нягу) Константин Степанович (1921 г.р.) (ЦАМО 4: 163) и др. Попали в плен во время боев за Севастополь: 29 мая 1942 г. – из 824-го рабочего батальона Янак Ефим Иванович (1922 г.р., с. Томай, МССР) (ЦАМО 2: 188); 1 июня 1942 г. – из 4-го рабочего батальона Бобоч Захар (Захарий) Георгиевич (1906 г.р., с. Казаклия, МССР) (ЦАМО 4: 46); 3 июня 1942 г. – из 4-го рабочего батальона Паргалык (Гаргалык) Георгий Николаевич (1910 г.р., с. Томай, МССР) (ЦАМО 4: 44); 11 июня 1942 г. Мотыль Петр Владимирович (1913 г.р., г. Комрат, МССР) (ЦАМО 2: 170); 18 июня 1942 г. – из 827-го рабочего батальона Томев Илья Трифонович (1910 г.р., с. Томай, МССР) (ЦАМО 4: 46); 29 июня 1942 г. – из 27-го рабочего батальона Куцар Кирилл Георгиевич (1923 г.р., с. Конгаз, МССР) (ЦАМО 3: 164), из 24-го рабочего батальона – Карбник (Кэрбуик) Дмитрий Георгиевич (1921 г.р., с. Конгаз, МССР) (ЦАМО 3: 164) и др.; 30 июня 1942 г. – из 4-го рабочего батальона Недов Петр Петрович (1922 г.р., г. Вулканешты, МССР) (ЦАМО 4: 46); из 827-го рабочего батальона Дан Николай Дмитриевич (1913 г.р., г. Чадыр-Лунга, МССР) (ЦАМО 2: 167) и др. Большинство из них были направлены в румынский лагерь военнопленных № 5, располагавшийся в Тирасполе.

В делопроизводственных источниках, в числе которых похозяйственные книги за 1945–1946 гг., отражены данные о том, что призыв в Красную армию производился еще до начала Великой Отечественной войны. Так, были мобилизованы: из с. Авдарма 15.10.1940 г. Маринов

Дмитрий Иорданович (1896 г.р.) (АСКРРМ 2: 8) и Трандафилов Ерофей Дмитриевич (1897 г.р.) (АСКРРМ 2: 13); из с. Кирсово в 1940 г. Топал Иван Ставрович (1896 г.р.) (АСКРРМ 3: 50), Топал Иван Иванович (1923 г.р.) (АСКРРМ 3: 50); из с. Копчак Иванчогло Антон Трифонович (1915 г.р.) – «12.08.1940 г. РККА» (ТРГА МССР 5: 319), Бабогло Николай Дмитриевич (1920 г.р.), согласно похозяйственной книге, «1940/1941 РККА проп. б/ вести» (ТРГА МССР 5: 400), он же «1919 г.р., рядовой, погиб в 1942 г., Россия, Махачкала»; Табунщик Иван Васильевич (1920 г.р.) из с. Копчак – «15.08.1940 г. РККА» (ТРГА МССР 2: 1235) и др.

Среди гагаузов-участников ВОВ были настоящие храбрецы. Это Герой Советского Союза Антон Ефимович Буюклы (1915 г.р.), «закрывший собой амбразуру вражеского дзота, совершил бессмертный подвиг, равный подвигу легендарного Александра Матросова» (Булгар 2015: 105 – 133). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1965 г. он был удостоен звания Героя Советского Союза (посмертно), ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (ГСС 1987: 228).

Михаил Афанасьевич Гаризан (1919 г.р.), лейтенант, командир стр. взвода 374-го стр. полка 128-й стр. дивизии, был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени и представлен 08.02.1945 г. к присвоению звания Героя Советского Союза (Подвиг народа).

Владимир Афанасьевич Бозбей (1922 г.р.), гв. майор, дивизионный инженер 27-й мотострелковой бригады был удостоен ордена Красного Знамени, представлен к ордену Отечественной войны I и II степеней (Подвиг народа). Почетный гражданин г. Вулканешты (протокол № 8 от 30.09.2014 г.) (посмертно). Убит в бою 1.05.1945 г.

Участник Сталинградской битвы Федор Петрович Кыльчик (1921 г.р.), гв. мл. лейтенант, ком. стр. взвода 109-го стр. полка 37-й гв. стр. дивизии, дважды был ранен. Убит 26.08.1944 г. (ЦАМО 1: 9).

Михаил Матвеевич Касымов (1905 г.р.), мл. лейтенант, ком. огневого взвода 553-го мином. полка, награжден орденом Красной Звезды (Подвиг народа).

Василий Иванович Маргарит (1921 г.р.), гв. ст. сержант, ком. орудия 138-го гв. арт. полка 67-й гв. стр. дивизии, ратным подвигом заслужил медаль «За оборону Сталинграда», медаль «За боевые заслуги», орден Красной Звезды, орден Славы III степени, орден Славы II степени, орден Отечественной войны II степени (Подвиг народа).

Константин Савельевич Кол (1918 г.р.), гв. ефрейтор, ком. отделения полковой авт. роты 140-го гв. стр. полка, награжден орденом Красной Звезды (Подвиг народа).

Алексей Иванович Чумак (1921 г.р.), гв. ст. сержант, наводчик 532-го истребительного противотанкового артполка 10 оипаб РГК, был

удостоен трех медалей «За отвагу», ордена Красной Звезды, ордена Славы III степени, ордена Отечественной войны I степени (Подвиг народа). 25 февраля 1945 г. в газете «Советская Молдавия» был опубликован очерк «На Берлин!», где рассказывалось о боевом пути Алексея Чумака: «Армия идет на запад. Победная дорога ее овеяна славой. Путь ей прокладывают герои. Такие, как Чумак...» (Советская Молдавия 1945).

Мария Николаевна Славюгло (Сорина) (1921 г.р.) была награждена орденом Отечественной войны II степени и медалями (Булгар 2016а: 33–37).

Варвара Николаевна Славюгло (Дудакова) (1923 г.р.) награждена орденом Отечественной войны II степени и медалями (Булгар 2016а: 38–41).

Екатерина Васильевна Миху (Конюшенко) (1914 г.р.), фельдшер дивизиона 24-го гв. артполка, награждена орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени (Булгар 2016а: 5–32).

Особая сложность при работе с историческими источниками заключается в определении национальной идентификации гагаузов. Довольно часто в документах участников войны гагаузского происхождения указана иная этническая принадлежность. Румынская оккупация Бессарабии в 1918–1940 гг. привела к тому, что в переписи населения СССР, проходившей в 1937 г., гагаузы не были учтены (ВПН: 86–87).

Примером того, как в советской армии в период Великой Отечественной войны определяли национальность гагаузов, служат документы красноармейца, стрелка 1368-го стр. полка 416-й стр. дивизии Николая Петровича Карабаджака (1923 г.р., с. Томай, ныне Гагаузия, Республика Молдова, призван в 1944 г.): в наградном листе записан по национальности как «татар» (Подвиг народа), в красноармейской книжке – как «молдаван» (ЛАА 3), а в военном билете – как «гагауз» (ЛАА 2). Красноармеец Петр Николаевич Терзи (1921 г.р., с. Томай, в Красной армии с 1941 г., с 8.06.1944 г. – рядовой в составе 273-го отд. рем.-восст. батальона 49-й армии 2-го Белорусского фронта) в наградном листе (Пр. № 045 от 18.06.1944 г. о награждении медалью «За боевые заслуги») записан как «молдаван» (Подвиг народа), в паспорте – как «гагауз».

История вопроса, связанная с определенными ограничениями призыва в Красную армию представителей некоторых национальностей, нашла отражение в секретных документах Генерального штаба РККА. Вот что пишет А.Ю. Безугольный: «Ограничения в призыве ряда национальностей в конце 1930 – начале 1940-х гг. следует толковать как отзвук репрессий НКВД по национальному признаку» (Без-

угольный 2016: 97). Еще в 1937 г. НКВД проводило «национальные операции», направленные против немцев, поляков, латышей, греков, турок, иранцев, японцев, народов Прибалтики, болгар, румын и т. д. (Безугольный 2016: 98).

1.09.1939 г. был принят закон о всеобщем призыве на военную службу: «Все мужчины – граждане СССР, без различия расы, национальности, вероисповедания, образовательного ценза, социального происхождения и положения, обязаны отбывать воинскую службу в составе Вооруженных сил СССР» (Безугольный 2016: 87). Несмотря на этот закон, в течение 1941–1942 гг. был издан ряд секретных постановлений ГКО и директив НКО, который ограничивал призыв в армию некоторым национальностям Советского Союза, «среди которых были представители народов, воюющих с СССР» (Безугольный 2016: 159). Призыву в армию не подлежали «немцы, финны (кроме уроженцев СССР, не вызывающих сомнений), итальянцы, румыны, венгры, болгары, греки, турки, японцы, корейцы, а также уроженцы западных областей Белоруссии, Украины, Бессарабии и Северной Буковины» (Безугольный 2016: 159). 19.09.1941 г. начальником Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии арм. комиссаром 1-го ранга И.А. Щаденко было предписано в целях «очищения западных частей от негодных, вражеских и неустойчивых элементов» в переменном составе оставить «только русских, украинцев, белорусов (кроме западных)» (Безугольный и др. 2012: 175). Несмотря на эти постановления и директивы, в период Великой Отечественной войны в различных регионах СССР болгар и гагаузов мобилизовали в армию.

О «западниках» пишет российский историк В.Я. Гросул (Гросул 2015: 48). А вот документ от 28.10.1942 г. за № 1/2810: «Начальнику пересыльного пункта г. Саратова на основании телеграфного распоряжения Саратовского облвоенкомата от 25.10.42 г. № 1/П/2510. При этом следует Ваше распоряжение из Красноармейского райвоенкомата команда военнообязанных в числе... человек из числа западников согласно прилагаемого списка» (Казмалы 2015: 202–203). В этом списке в числе военнотружущих указана графа «национальная принадлежность»: молдаване, евреи, украинцы, русские, болгары и гагаузы. По словам П.М. Шорникова, отзыв бессарабцев из боевых частей Красной армии в 1941 г. представлял собой политическую ошибку руководства СССР (Шорников 2014: 416).

Массовая мобилизация гагаузов в трудовую армию (по другим документам – в РККА, на трудовой фронт) началась осенью 1944 г. на территориях компактного проживания гагаузов в Молдавской ССР и Украинской ССР, где органы советской власти причисляли их

к болгарам или к народу, родственному болгарам. Поэтому гагаузов, как и болгар, ожидала та же судьба, что и «неблагонадежные» народы. Причисление гагаузов к болгарам подтверждается формулировкой в «Справке Председателя Верховного Совета Украинской ССР М. Гречухи в Президиум Верховного Совета СССР»: «33,3 % болгар и гагаузов, живущих в уезде, как славянские племена...» (Пакт Молотова-Риббентропа: 86). На наш взгляд, для того чтобы понять, почему болгары и гагаузы Бессарабии были зачислены в разряд «неблагонадежных», необходимо учитывать, что еще до освобождения МССР и Измаильской области Украины от немецко-румынских захватчиков, в мае 1944 г. было произведено «выселение из Крыма спецпереселенцев – татар, болгар, греков, армян» (Парзулова 2007: 57). Исследователь этой темы П.М. Полян пишет, что среди попавших в немилость были и крымские болгары, проживавшие между Симферополем и Феодосией и виноватые уже в том, что жили и работали при немцах («активно участвовали в проводимых немцами мероприятиях по заготовке хлеба и продуктов питания для германской армии») (Полян 2001: 128). Среди высланных болгар Крыма было и несколько сотен гагаузов, проживавших в селах Бакал, Болгарский Сарабуз, Болград (ЛАА 1) Симферопольского района. В данном контексте молдавский историк И.Ф. Грек отмечает: «Мы знаем о репрессиях по отношению к крымским болгарам, было требование Москвы к послевоенной власти Болгарии репатриировать приазовских болгар, переселившихся на историческую родину летом 1943 года» (Грек 2014: 80).

Мобилизацией в трудовую армию занимались военкоматы и органы внутренних дел, лично составу присваивался статус военнообязанных (Гончаров 2001: 154–162). Де-факто была сформирована особая группа людей, которая должна была работать до конца войны в составе трудовой армии.

С сентября 1944 г. гагаузов и болгар Молдавии стали мобилизовать в трудовую армию, о чем есть запись в похозяйственных книгах (далее – похоз. кн.) исполнительного комитета Татар-Копчакского сельсовета Тараклийского р-на МССР (Гагаузия, РМ) за 1945–1946 гг.; за 1947–1950 гг. с записью в графе «отметка об отсутствии» мобилизованы: «20.09.44 РККА» (ТРГА МССР 3: 19, 26–27), «10.44 в армии» (ТРГА МССР 5: 409, 410), «02.11.44 РККА» (ТРГА МССР 3: 1) и др. В архивной службе Комратского района РМ с записью в графе «отметка об отсутствии» мобилизованы: в похоз. кн. за 1945–1947 гг. по Дезгинжинскому с/с М.К. Байрактар (1914 г.р., гагауз) – «труд. арм.» (АСКРРМ 5: 986) и др.; в похоз. кн. за 1947–1949 гг. Ново-Комратского с/с Н.П. Кеоса (1902 г.р., гагауз) – «1944 труд. армия» (АСКРРМ 1: 36) и др.; в похоз. кн. за 1947–1949 гг. Старо-Комратского с/с Г.А. Терзи

(1904 г.р., гагауз) – «1944 труд. армия, г. Черемхово, Иркутская обл.» (АСКРРМ 4: 18) и др.; в похоз. кн. за 1945–1946 гг. по Авдарминскому с/с Г.П. Саранди (1901 г.р., гагауз) – «10.12.44 труд. арм.» (АСКРРМ 2: 1), В.П. Язаджи (1915 г.р., гагауз) – «10.12.44 труд. арм.» (АСКРРМ 2: 5) и др.; в похоз. кн. за 1945–1946 гг. по Кирсовскому с/с С.С. Сапунжи (1898 г.р., гагауз) – «02.12.1944 труд. арм.» (АСКРРМ 3: 5); в похоз. кн. за 1944–1946 гг. по Конгазскому с/с И. Карасени (1904 г.р., гагауз) – «1944 г. РККА» (АСКРРМ 7: 105); в похоз. кн. за 1945 г. по Чок-Майданскому с/с И.И. Слав (1922 г.р., гагауз) – «труд. арм.» (АСКРРМ 6: 9); в похоз. кн. по Бешалминскому с/с за 1947–1949 гг. Г.Д. Бодур (1923 г.р., гагауз) – «1944 труд. армия» (АСКРРМ 8: 35) и др. По похоз. кн. вышеперечисленных сел составлена таблица с указанием количества гагаузов, мобилизованных в трудовую армию СССР (Булгар 2017а: 41).

Обратим внимание на разночтения в записях о мобилизации в трудовую армию в цитируемых книгах. Так, У.Д. Брага (1926 г.р., гагауз) в графе «отметка об отсутствии» в похоз. кн. за 1945–1946 гг. мобилизован в «РККА 20.11.44.» (ТРГА МССР 4: 109), и он же, У.Д. Брага (1926 г.р., гагауз), в похоз. кн. за 1947–1949 гг. мобилизован «20.11.44 г. трудармию» (ТРГА МССР 1: 79) и др. Это позволяет говорить о том, что мобилизация в РККА в 1944 г. шла как мобилизация в трудовую армию.

Таким образом, можно сделать вывод: гагаузы, проживавшие на тот момент на территории Молдавской ССР, Украинской ССР, РСФСР, Казахской ССР, защищали на фронтах Великой Отечественной войны свою Родину – Советский Союз, а в трудовой армии добросовестно трудились на металлургических заводах Донецка, шахтах Караганды, железных дорогах, восстанавливали из руин разрушенные войной города Донбасса, Одессу, Керчь, ковали победу на фронте и в тылу.

ЛИТЕРАТУРА

АСКРРМ 1 - Архивная служба Комратского района Республики Молдова (далее АСКРРМ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 16. Похозяйственные книги (далее – похоз. кн.) основных производственных показателей хозяйств в сельских советах. Ново-Комратский с/совет Комратского района Молдавской ССР за 1947–1949 гг.

АСКРРМ 2 - АСКРРМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. Похоз. кн. № 3 за 1945–46 гг. по Авдарминскому с/с на 86 листах, №№ хозяйств 203–285.

АСКРРМ 3 - АСКРРМ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 7. Похоз. кн. № 5 за 1945–46 гг. по Кирсовскому с/с на 91 листе.

АСКРРМ 4 - АСКРРМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 36. Похоз. кн. за 1947–1949 гг. Старо-Комратского с/с.

АСКРРМ 5 - АСКРРМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 8. Похоз. кн. № 19 за 1945–47 гг. по Дезгинжинскому с/совету на 46 листах, №№ хозяйств 994–1040.

АСКРРМ 6 - АСКРРМ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 4. Похоз. кн. за 1945 г. по Чок-Майданскому с/совету, №№ хозяйств 506–605 на 99 листах.

АСКРРМ 7 - АСКРРМ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Похоз. кн. № 1 за 1944–46 гг. по Конгазскому с/совету на 184 листах, №№ хозяйств 283–454.

АСКРРМ 8 - АСКРРМ. Ф. 127. Оп. 1. Д. 12. Похоз. кн. № 2 по Бешалминскому с/совету за 1947–1949 гг. на 166 листах, №№ хозяйств 158–302.

Безугольный и др. 2012 - *Безугольный А.Ю. и др.* Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945. Проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: Центрполиграф, 2012. 479 с.

Безугольный 2016 - *Безугольный А.Ю.* «Источник дополнительной мощи Красной армии...». Национальный вопрос в военном строительстве в СССР. 1922–1945. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 271 с.

Булгар 2015 - *Булгар С.С.* Гагаузский народ в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Кишинев: типогр. «Balacron», 2015. 672 с.

Булгар 2016a - *Булгар С.С.* Гагаузские женщины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Кишинев: типогр. «Foxtrot», 2016. 100 с.

Булгар 2016b - *Булгар С.С.* Участие гагаузов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1. С. 28–36.

Булгар 2017a - *Булгар С.С.* Мобилизация гагаузов в «трудовую армию» в годы Великой Отечественной войны // Грамота. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Сер. «Исторические науки и археология». 2017. № 5, ч. 1. С. 35–44.

Булгар 2017b - *Булгар С.С.* Участие гагаузов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2017. 27 с.

ВПН - Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги: Сб. док. и материалов. М.: РОССПЭН, 2007. 320 с.

ГСС 1987 - Герои Советского Союза: краткий биографический словарь: в 2 т. / Пред. ред. кол. И.Н. Шкадов. М.: Воениздат, 1987. Т. 1. 911 с.

Гончаров 2001 - *Гончаров Г.А.* «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: российская историография // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. М., 2001. Вып. 7. С. 154–162.

Грек 2014 - *Грек И.Ф.* Бессарабские болгары в годы Великой Отечественной войны. Историографический анализ // Politica de stat față de minoritățile naționale și securitatea în bazinul Mării Negre (Государственная политика в отношении наименьшинств и безопасность Черноморского региона). Confer. șt. intern. 12–13 mai 2014, Chișinău-Comrat, 2014. Chișinău: Pro-Moldova, 2014. С. 68–83.

Гросул 2015 - *Гросул В.Я.* Молдавская ССР в Великой Отечественной войне // Великой победе – 70 лет: Сб. ст. М.: АИРО-XXI, 2015. С. 44–61.

Казмалы 2015 - *Казмалы И.М.* Авдарма: 450 лет истории, 1563–2013: Прошлое. Настоящее. Будущее. Кишинев: типогр. «Balacron», 2015. 464 с.

ЛАА 1 - Личный архив автора (далее ЛАА). Архивная справка, выданная МВД Украины, Управление внутренних дел Совета Министров Республики

Крым 17.09.96 г. № 14/13 – б/ю на имя Буюклы Валентины Никитичны, 1941 г.р., проживающей: г. Мелитополь, ул. Декабристов, 78.

ЛАА 2 - ЛАА. Военный билет: серия НО № 1410966, выдан Карабаджак Н.П., 1923 г.р. Чадыр-Лунгским РВК МССР 28.02.1964 г.

ЛАА 3 - ЛАА. Красноармейская книжка: Карабаджак Н.П., 1923 г.р., выдана 30.11.1944 г. Год призыва 04.01.44 г. (нормальный). С 10.01.42 г. по 04.01.44 г. рабочий батальон. Призван Кагульским РВК Кишиневской обл., с. Томай.

Пакт Молотова-Риббентропа - Пакт Молотова-Риббентропа и его последствия для Бессарабии: Сб. док. / сост. В. Вэратек, И. Шишкану. Кишинев: Университас, 1991. 124 с.

Парзулова 2007 - *Парзулова М.* Кримските българи. Етнос. Език. Етнонимия. Ономастика. Просопографии. Одеса: Друж, 2007. 274 с.

Подвиг народа - Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». URL: http://podvignaroda.ru/?#tab=navPeople_search (дата обращения: 22.10.2017).

Полян 2001 - *Полян П.М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ-Мемориал, 2001. 328 с.

Полян 2002 - *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002. 896 с.

Советская Молдавия 1945 - Советская Молдавия. 1945, 25 февраля.

ТРГА МССР 1 - Тараклийский районный госархив МССР (далее ТРГА МССР). Ф. 43. Оп. 1. Д. 3 Похоз. кн. № 30 Исполкома Татар-Копчакского с/с за 1947–50 гг. на 53 листах, лл. 54–107.

ТРГА МССР 2 - ТРГА МССР. Ф. 60. Оп. 1. Д. 21. Похоз. кн. за 1945–46 гг. на 100 листах, лл. 1152–1252. Л. (не указ., № хоз. 1235).

ТРГА МССР 3 - ТРГА МССР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 3. Похоз. кн. за 1945–46 гг. на 100 листах, лл. 1–101.

ТРГА МССР 4 - ТРГА МССР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 4. Похоз. кн. за 1945–46 гг. на 52 листах, лл. 102–152.

ТРГА МССР 5 - ТРГА МССР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Похоз. кн. за 1945–46 гг. на 99 листах, лл. 307–404.

Фаньян 1989 - *Фаньян Д.С.* Гражданская оборона Молдавской ССР. Кишинев: Штиинца, 1989. 172 с.

ЦАМО 1 - Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее ЦАМО). Ф. 33. Оп. 563784. Д. 40. Приказ Главного управления кадров Вооруженных Сил СССР № 02521 от 24.11.1947 г., г. Москва, об исключении из списков Вооруженных Сил СССР офицерского состава.

ЦАМО 2 - ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977528. Д. 122. Донес. о в/пл.: румынский лагерь № 5 Тирасполь.

ЦАМО 3 - ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977528. Д. 147.

ЦАМО 4 - ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977528. Д. 148.

ЦАМО 5 - ЦАМО. Ф. 58. Оп. 977529. Д. 71. Донес. послевоен. периода. Управл. по учету персон. потерь.

Шорников 2014 - *Шорников П.М.* Молдавия в годы Второй мировой войны. Кишинев: Tipografia Centrală, 2014. 464 с.

Юновидов 2011 - Юновидов А.С. Оборона Одессы. 1941. Первая битва за Черное море. М.: Вече, 2011. 432 с. + 16 с. илл.

Bercu 2009 - Bercu Oleg. Populația găgăuză din spațiul Românesc (de la mijlocul al XIX-lea și până la sfârșitul secolului al XX-lea). Universitatea «Alexandru Ion Cuza»-Iași, facultatea de Istorie. Iași. 2009. 162 p.

REFERENCES

The Republic of Moldova. (1947–1949a) Rural household registers, Novo-Comrat with Council of Comrat District, Moldavian SSR for 1947–1949 *The Archival Service of Comrat District, the Republic of Moldova (ASKRRM)*. Fund 6. List 1. File 16.

The Republic of Moldova. (1945–1946a) Rural household register Nr. 3 for 1945–46, on Avdarinsky rural council, household numbers 203–285. *The Archival Service of Comrat District, the Republic of Moldova (ASKRRM)*. Fund 7. List 1. File 1.

The Republic of Moldova. (1945–1946b) Rural household register Nr. 5 for 1945–46 on Kirsovsky rural council. *The Archival Service of Comrat District, the Republic of Moldova (ASKRRM)*. Fund 13. List 1. File 7.

The Republic of Moldova. (1947–1949b) Rural household register for 1947–1949. Old Comrat rural council. *The Archival Service of Comrat District, the Republic of Moldova (ASKRRM)*. Fund 14. List 1. File 36.

The Republic of Moldova. (1945–1947) Rural household register for Nr. 19 for 1945–47 on Dezginzhinsky rural council, household numbers 994–1040. *The Archival Service of Comrat District, the Republic of Moldova (ASKRRM)*. Fund 17. List 1. File 8.

The Republic of Moldova. (1945a) Rural household register for 1945 on Chok-Maydansky rural council, household numbers 506–605. *The Archival Service of Comrat District, the Republic of Moldova (ASKRRM)*. Fund 20. List 1. File 4.

The Republic of Moldova. (1945b) Rural household register Nr. 1 for 1944–46 on Kongazsky rural council, household numbers 283–454. *The Archival Service of Comrat District, the Republic of Moldova (ASKRRM)*. Fund 23. List 1. File 2.

The Republic of Moldova. (1947–1949c) Rural household register Nr. 2 for 1947–49 on Beshalminsky rural council, household numbers 158–302. *The Archival Service of Comrat District, the Republic of Moldova (ASKRRM)*. Fund 127. List 1. File 12.

Bezugolnyy, A.Yu. et al. (2012) *Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945. Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya* [Highlanders of the North Caucasus in the Great Patriotic War 1941–1945. Problems of history, historiography and source study]. Moscow: Tsentrpoligraf.

Bezugolnyy, A.Yu. (2016) “*Istochnik dopolnitel'noy moshchi Krasnoy armii...*”. *Natsional'nyy vopros v voennom stroitel'stve v SSSR. 1922–1945* [“A source of the Red Army's additional power ...”. The national question in military construction in the USSR. 1922–1945]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.

Bulgar, S.S. (2015) *Gagauzskiy narod v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–*

1945 gg. [The Gagauzes in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Chişinău: Balacron.

Bulgar, S.S. (2016a) *Gagauzskie zhenshchiny v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [Gagauz women during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Chişinău: Foxtrot.

Bulgar, S.S. (2016b) Participation of Gagauzes in the Great Patriotic War of 1941–1945. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta – Bryansk State University Herald*. 2. pp. 28–36 (In Russian).

Bulgar, S.S. (2017a) Mobilizatsiya gagauzov v “trudovuyu armiyu” v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Mobilisation of Gagauzes into the labour army during the Great Patriotic War]. *Gramota. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Ser. Istoricheskie nauki i arkheologiya*. 5(1). pp. 35–44.

Bulgar, S.S. (2017b) *Uchastie gagauzov v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [Participation of Gagauzes in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Abstract of History Cand. Diss. Bryansk.

Zhiromskaya, V. & Polyakov, Yu. (eds) (2007) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda: Obshchie itogi* [All-Union population census of 1937: General results]. Moscow: ROSSPEN.

Shkadov, I.N. (ed.) (1987) *Geroi Sovetskogo Soyuza: kratkiy biograficheskiy slovar': v 2 t.* [Heroes of the Soviet Union: A Brief Biographical Dictionary: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Voenizdat.

Goncharov, G.A. (2001) “Trudovaya armiya” perioda Velikoy Otechestvennoy voyny: rossiyskaya istoriografiya [The “Labour Army” of the Great Patriotic War: Russian Historiography]. In: Borodkin, L.I. (ed.) *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie* [Economic History. Review]. Moscow: [s.n.]. pp. 154–162.

Grek, I.F. (2014) [Bessarabian Bulgarians during the Great Patriotic War. Historiography analysis]. *Politica de stat față de minoritățile naționale și securitatea în bazinul Mării Negre* [State policy on national minorities and security of the Black Sea region]. Proc. of the Conference. Chişinău-Comrat, May 12–13, 2014. Chişinău: Pro-Moldova. pp. 68–83.

Grosul, V.Ya. (2015) Moldavskaya SSR v Velikoy Otechestvennoy voyne [Moldavian SSR in the Great Patriotic War]. In: Iminov, V.T. Et al. *Velikoy pobede – 70 let* [70 years of the Great victory]. Moscow: AIRO-XXI. pp. 44–61.

Kazmaly, I.M. (2015) *Avdarma: 450 let istorii, 1563–2013: Proshloe. Nastoyashchee. Budushchee* [Avdarma: 450 years of history, 1563–2013]. Chişinău: Balacron.

Author's Personal Archive. (1941) *The archival certificate issued by the Ministry of Internal Affairs of Ukraine, the Department of Internal Affairs of the Council of Ministers of the Republic of Crimea on September 17, 1996 Nr. 14/13 in the name Buiukla Valentina Nikitichna, born 1941, residing: Melitopol, Ulitsa Dekabristov, 78.*

Author's Personal Archive. (1964) *Military registration card: series Nr. 1410966, issued to Karabaghak N.P., born in 1923. Chahole-Lungsky RVC MSSR on February 28, 1964.*

Author's Personal Archive. (n.d.) *Red Army registration card: Karabaghak N.P., born 1923, issued on November 30, 1944. Year of conscription January 4, 1944.*

(Normal). From January 10, 1942 to January 4, 1944, the working battalion. Called by the Cahul RVK of the Chişinău region, Tomai.

Veratek, V. & Shishkanu, I. (1991) *Pakt Molotova-Ribbentropa i ego posledstviya dlya Bessarabii* [The Molotov-Ribbentrop Pact and its consequences for Bessarabia]. Chişinău: Universitas.

Parzulova, M. (2007) *Krimskite b'lgari. Etnos. Ezik. Etnonimiya. Onomastika. Prosopografii* [The Crimean Bulgarians. Ethnos. Language. Ethnicity. Onomastics. Prosopographies]. Odesa: Druk.

Podvig naroda.ru. (n.d.) *Podvig naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [The feat of the people in the Great Patriotic War of 1941–1945]. [Online] Available from: http://podvignaroda.ru/?#tab=navPeople_search (Accessed: 22nd October 2017).

Polyan, P.M. (2001) *Ne po svoey vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR* [Under pressure ... History and geography of forced migrations in the USSR]. Moscow: OGI-Memorial.

Polyan, P.M. (2002) *Zhertvy dvukh diktatur: Zhizn', trud, unizhenie i smert' sovetsskikh voennoplennyykh i ostarbayterov na chuzhbine i na rodine* [Victims of two dictatorships: Life, work, humiliation and death of Soviet prisoners of war and Ostarbeiters in a foreign and their homeland]. Moscow: ROSSPEN.

Sovetskaya Moldaviya. (1945) 25th February.

Taraclia District State Archive of the MSSR (TRGA MSSR). (n.d.) Fund 43. List 1. File 3.

Taraclia District State Archive of the MSSR (TRGA MSSR). (n.d.) Fund 60. List 1. File 21.

Taraclia District State Archive of the MSSR (TRGA MSSR). (n.d.) Fund 62. List 1. File 3.

Taraclia District State Archive of the MSSR (TRGA MSSR). (n.d.) Fund 62. List 1. File 4.

Taraclia District State Archive of the MSSR (TRGA MSSR). (n.d.) Fund 62. List 1. File 8.

Fanyan, D.S. (1989) *Grazhdanskaya oborona Moldavskoy SSR* [Civil defense of the Moldavian SSR]. Chişinău: Shtiintsa.

Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMO). (n.d.) Fund 33. List 563784. File 40.

Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMO). (n.d.) Fund 58. List 977528. File 122.

Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMO). (n.d.) Fund 58. List 977528. File 147.

Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMO). (n.d.) Fund 58. List 977528. File 148.

Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMO). (n.d.) Fund 58. List 977529. File 71.

Shornikov, P.M. (2014) *Moldaviya v gody Vtoroy mirovoy voyny* [Moldova during the Second World War]. Chişinău: Centrală.

Yunovidov, A.S. (2011) *Oborona Odessy. 1941. Pervaya bitva za Chernoe more* [The Odessa Defense of 1941. The first battle for the Black Sea]. Moscow: Veche.

Bercu, O. (2009) *Populația găgăuză din spațiul Românesc (de la mijlocul al XIX-lea și până la sfârșitul secolului al XX-lea)* [The Gagauz population in the Romanian land (from the middle of the 19th century until the end of the 20th century)]. Iași: Universitatea Alexandru Ion Cuza.

Булгар Степан Степанович – историк, заведующий отделом истории и этнологии Научно-исследовательского центра Гагаузии им. М.В. Маруневич (Молдова).

Stepan S. Bulgar – Department of History and Ethnology of the of Gagauzia M.V. Marunovich Scientific Research Centre (Moldova).

E-mail: bulg2004@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

Основан в 2005 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2018. Том 52. Выпуск 2

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 372 стр.

Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028, а/я 1041
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>
Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 29.06.2018. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Бумага офсет 1N^o 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 250 экз.
Заказ 78.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

**В 2018 году международный исторический журнал
«Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».**

РОССИИ

В.Я. БРЮСОВ

В стозарном зареве пожара,
Под ярый вопль вражды всемирной,
В дыму неукротенных бурь, –
Твой облик реет властной чарой:
Венец рубинный и сапфирный
Превыше туч пронзил лазурь.

Россия! в злые дни Батыя,
Кто, кто монгольскому потопу
Возвел плотину, как не ты?
Чья, в напряженной воле, выя,
За плату рабств, спасла Европу
От Чингис-хановой пяты?

Но из глухих глубин позора,
Из тьмы бессменных унижений,
Вдруг, ярким выкриком костра, –
Не ты ль, с палящей сталью взора,
Взнеслась к державности велений
В дни революции Петра?

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь, –
Всех впереди, страна вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Что ж нам пред этой страшной силой?
Где ты, кто смеет прекословить?
Где ты, кто может ведать страх?
Нам – лишь вершить, что ты решила,
Нам – быть с тобой, нам – славословить
Твое величие в веках!

1920

Источник: Брюсов В.Я. Стихотворения,
лирические поэмы. М.: Московский рабочий, 1979.